

Администрация муниципального образования город Краснодар
Кубанский государственный университет
Кубанский государственный технологический университет
Краснодарская краевая общественная организация
«Центр национальных культур»

ЭТНОС И ОБЩЕСТВО В КОНТЕКСТЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

**МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

**В рамках реализации подпрограммы «Гармонизация
межнациональных отношений и профилактика терроризма и
экстремизма» муниципальной программы муниципального
образования город Краснодар «Развитие гражданского общества»**

Краснодар, 29 ноября 2018 года

Краснодар – 2018

УДК 323.1
ББК 66.094
Э 913

Редакционная коллегия

Т.А. Хагуров, В.Н. Ракачев, Я.В. Ракачева, Н.С. Позднякова

Э 913 Этнос и общество в контексте межнациональных отношений: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Краснодар: Издательство «Ок пресс», 2018. – 486 с. Тираж 500 экз.

В настоящий сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Этнос и общество в контексте межнациональных отношений» вошли статьи, посвященные проблемам социальных, политических и конфессиональных отношений в полиэтничном обществе как в исторической ретроспективе, так и на современном этапе. Рассматривается практический опыт регулирования этих процессов в регионах России и зарубежных странах. Адресуется социологам, политологам, историкам, специалистам в области регионоведения и этнологии, а также всем интересующимся вопросами межнациональных и межконфессиональных отношений в современном мире.

УДК 323.1
ББК 66.094

ISBN 978-5-6042104-0-6

© 2018 ФГБОУ ВО «КубГУ»
© 2018 ФГБОУ ВО «КубГТУ»
© 2018 Издательство «Ок пресс»

СОДЕРЖАНИЕ

Аполлонов И.А., Тучина О.Р. Глобализация и особенности самопонимания этнокультурной идентичности молодежи.....	6
Багова З.В. Этнокультурные условия спортивной деятельности (на материалах биографий спортсменов-адыгов).....	20
Баранов А.В., Донцова М.В. Межэтнические и межконфессиональные восприятия молодежи Краснодарского края (по данным анкетных опросов).....	30
Белопольская Т.Н. Проблемы информационной безопасности полиэтничного социума.....	36
Богунова Е.С. Проблемы межэтнического взаимодействия периода «перестройки» в воспоминаниях современников.....	42
Верстова М.В., Верстов В.В. Формирование этнической толерантности у студентов образовательных организаций.....	55
Гаевская И.И., Лаврентьева М.А. Исторический опыт создания и деятельности греческих национально-культурных общественных объединений в конце XX – начале XXI вв. (на примере Краснодарского края).....	68
Джопуа Т.В. Политическая культура абхазской молодежи.....	77
Доган Бериван Ч., Ракачев В.Н. Турецкая миграция в Германию: причины, масштабы и формы	92
Жаде З.Д. Государственная политика в сфере обеспечения межконфессионального согласия в Республике Адыгея ...	101
Камара Ишака, Ракачева Я.В. Стратегии социальной адаптации студентов из стран Африки, обучающихся в вузах России	114
Каратаева К.А. Курдская этническая общность на Юге России: особенности формирования и развития	133
Кольба А.И. Формирование и измерение социальной напряженности в городском обществе	141
Куква Е.С. Доминирующие тенденции идентификаций студентов вузов Абхазии, Аджарии и Адыгеи	158

Кумпан Е.Н. Мусульмане Северо-Западного Кавказа: опыт имперской политической интеграции	172
Ланская Д.В., Яковленко А.Е. Опыт реализации политики индустриального развития на Кубани и особенности создания умной экономики в условиях этнополитических конфликтов и поликультурного капитала	193
Любин С.Ю. Патриотическое воспитание молодежи как одна из форм противодействия распространению идеологии деструктивных организаций (опыт ГУ МВД России по Краснодарскому краю)	202
Ляу М.М. Понятие экстремизма, терроризма и ксенофобии в молодежной среде в Карачаево – Черкесской Республики (опыт практического изучения) ...	209
Муха В.Н. К вопросу о современном состоянии самосознания русского этноса	220
Петров В.Н. Населенческие общности и группы социально-территориального пространства: этносоциальные различия и статусы	227
Ракачев В.Н. Государственные переселенческие программы: организация и реализация на Юге России	248
Ракачев Д.Н. Историческая динамика в определении «местных» и «пришлых» социальных общностей на Северо-Западном Кавказе	259
Ракачева А.В. Международная учебная миграция в современной России: состояние и перспективы	272
Ракачева Я.В. Этнодемографические процессы в Краснодарском крае в конце XX – начале XXI вв.	283
Рогочая Г.П. Этномедиация и кросс-культурный диалог ...	292
Савва Е.В. Этнически ориентированные объединения граждан в системе местных сообществ: концептуальные подходы.....	298
Скорик А.П., Гадицкая М.А. Этнокультурный контекст конфликтогенной обыденности казачьих районов Юга России 1930-х гг.....	319
Супряга С.В. Отражение межнациональных отношений в традиционной культуре русского народа.....	335

Тамбиянц Ю.Г., Асланов Ш.С. Национальный и классовый мифы, аспекты противоборства в общественном сознании россиян (на примере динамики сознания футбольных болельщиков).....	355
Тлевцерукова Д.К. Отношение современной российской молодежи к межэтническим бракам.....	370
Тужба Э.Н. Международные отношения: теория и практика исследования	379
Хагуров Т.А. Роль школьных курсов истории и литературы в профилактике молодежного экстремизма ...	395
Хагурова Н.Е. Методические рекомендации по организации работы по профилактике экстремизма и национальных конфликтов в образовательных учреждениях	408
Харитоновна Е.В., Харитонов А.А. Этнические стереотипы русских предпринимателей	422
Шадже А.Ю. Кавказская идентичность: миф vs реальность?	435
Шапошникова Т.Л., Тучина О.Р., Гордиенко О.А. Актуализация базовых общечеловеческих ценностей в обучении в целях гармонизации межнациональных отношений	442
Щербина Е.А. Молодежь Карачаево-Черкесской Республики как субъект межэтнических отношений	452
Юрченко В.М., Юрченко И.В. Профилактика межнациональных конфликтов на Юге России в контексте обеспечения национальной и региональной безопасности	464
Сведения об участниках конференции	475

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ОСОБЕННОСТИ САМОПОНИМАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ МОЛОДЕЖИ¹

GLOBALIZATION AND PECULIARITIES OF SELF-UNDERSTANDING ETHNO-CULTURAL IDENTITY OF THE YOUTH

И.А. Аполлонов, О.Р. Тучина

Кубанский государственный технологический университет,
г. Краснодар

I.A. Apollonov, O.R. Tuchina

Kuban state technological University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье представлены результаты исследования влияния глобализации на самопонимание этнокультурной идентичности русской, адыгской и абхазской молодежи. Восприятие глобализации и ее влияния на собственную жизнь респондентами неоднозначное. С одной стороны, глобализация воспринимается молодежью как пространство возможностей: свободы перемещения, коммуникации, обмена информацией, общения, а также доступности товаров и услуг. С другой стороны, глобализация рассматривается как угроза национально-культурной идентичности этноса, причем культурная ассимиляция воспринимается адыгской и абхазской молодежью как угроза потери себя.

Abstract. The article presents the results of the study of the impact of globalization on self-understanding of ethno-cultural identity of Russian, Adyghe and Abkhazian youth. The perception of globalization and its impact on their own lives is mixed. On the one hand, globalization is perceived by young people as a space of opportunities: freedom of movement, communication, information exchange, and access to goods and services. On the other hand,

---

¹ Статья подготовлена при поддержке РФНФ, грант № 16-13-23020 а(р) «Этническая культура как пространство становления личности в контексте глобализации (на примере исследования самопонимания этнокультурной идентичности молодежью Кубани, Адыгеи и Абхазии)»

globalization is seen as a threat to the national and cultural identity of the ethnic group, and cultural assimilation is perceived by the Adyghe and Abkhazian youth as a threat of losing themselves.

Ключевые слова: глобализация; самопонимание; этнокультурная идентичность; этнокультурные нормы и ценности.

Keywords: globalization; self-understanding; ethno-cultural identity; ethno-cultural norms and values.

Теоретические подходы к проблеме трансформации этнической культуры как социального кода этнической общности в контексте глобализации связаны с осмыслением «этнического парадокса современности», суть которого состоит в сочетании интеграционных процессов, ведущих к унификации жизненного пространства человека по лекалам западного мира, с возрастанием значимости этнического фактора в различных областях социальной жизни [1].

Такой антагонистический дуализм традиционализма локальных культур и глобального космополитического общества ведет к рассмотрению этнического парадокса в контексте конфликта экзистенциальных ценностей человеческой жизни. Подобный конфликт указывает на то, что линия онтологического разлома «этнического парадокса современности» проходит между традиционным (связанным как с традицией Просвещения, так и этнокультурной традицией) и посттрадиционным взглядом на сущность и ценностные основания как общества, так и человека как «общественного животного».

Доминирующей социокультурной тенденцией формирования глобального общества является вестернизация, которая связана не столько с экспансией наличных форм западной культуры, сколько с проектом посттрадиционной культуры, выступающей в качестве социального кода данного общества. Постмодернистская парадигма глобального общества не сводится лишь к стратегиям всеобщей унификации, но, напротив, предполагает культурное многообразие мира, воплощающее постмодернистскую

гетерологию плюральности в концепции мультикультурного общества. Соответственно, глобальный вестернализм, вырастающий из социального кода постмодернизма, сочетает в себе антитрадиционный космополитизм, основанный на конструируемых массовой культурой Запада аттракторах консюмеризма и стандартах потребления, и мультикультурализм, воплощающий общественный идеал самоценности разнообразия и различий.

Однако справедливая борьба идеологов мультикультурализма против диктата претендующей на универсальность нормативно-ценностной системы западной культуры, основанной на традиции европейского Просвещения, оборачивается отрицанием культурного универсализма как такового. В результате утверждается гетерология различия в социокультурном пространстве, ведущая к признанию несоизмеримости ценностных оснований культуры и равноценности каждой из них. Однако такая несоизмеримость разрушает бытийные основы общекультурного пространства, а вместе с ним и собственно культурность мультикультурализма, поскольку отдельные локусы мультикультурного пространства, «архипелаг сообществ» [3], теряют свою сопричастность к единому ценностно-смысловому горизонту, который при потере задачи на высший смысл человеческого бытия распадается на простую сумму информационных единиц. Поэтому мультикультурализм является культурой в превращенной форме, поскольку на место производства идеалов приходит конструирование брендов.

Формирование глобального космополитического мультикультурного общества определяет вектор трансформации этнических форм культуры, в контексте которого они перестают быть орудием самоутверждения человека, лоном его «второго рождения» и превращаются в «институт-пустышку» [2], определенный бренд на рынке идентичностей. Этнокультурная традиция рассматривается ее носителями не столько в качестве собственной сущности, а как средство самовыражения в гиперреальном пространстве симулякров культурных форм, орудие борьбы за социально-экономические и политические предпочтения в глобальном

обществе массового потребления, в котором она перерождается в квазитрадиционные формы: от «мультикультурного бутика» до агрессивных форм фундаментализма.

Противоположный вектор этнического парадокса современности, напротив, связан с обращением к своим национальным корням, с желанием экзистенциального противостояния тенденциям глобального космополитического общества тотального потребления. Экзистенциальный запрос на подлинность собственного существования обращает человека к Слову традиции, прислушиваясь к которому, он может раскрыть подлинные основания человечности в метафизическом горизонте духовности и тем самым обрести бытийную точку опоры в поисках собственной аутентичности и самоидентичности. Однако подобное основание нельзя сводить лишь к идеологии этнического консерватизма, направленной на культивирование религиозно-этических корней, из которых вырастает национальная самобытность и формируются традиционные ценности. Ведь аутентичность этнической культуры не тождественна «тому, что было раньше». Попытки возрождения традиционной культуры могут привести к ее музеификации, поскольку в современных реалиях ее элементы уже теряют свое прежнее значение. Сохранение подлинности культуры, ее действительной аутентичности возможно лишь с помощью творческого развития ее традиционных форм в стратегии апофатического холизма, раскрывающего наличную данность традиционных форм культуры к горизонтам общечеловеческих ценностей, утверждение которых определяет духовную целостность народа в современном мире.

Описанные векторы трансформации этничности в контексте глобализации не изолированы друг от друга, но так или иначе присутствуют в современных формах этнокультурной традиции, которая является денотатом этнического предиката личностной самоидентичности, в котором, соответственно, переплетаются традиционный и квазитрадиционный модусы этничности. Традиционный модус этнокультурной идентичности связан с присутствием человека в мире, его укорененностью в национальной культуре

посредством принадлежности к определенной семье, государству; кругу друзей и коллег. Все это определяет участие человека в различных интерсубъективных практиках, в контексте которых протекает его жизнь. При этом самосознание индивида, его идентичность можно рассматривать как нечто вторичное и производное от истории данных практик. Посттрадиционный модус идентичности представляет собой субъективные Я-образы человека, появляющиеся в результате искусственного конструирования и самоконструирования. Квазитрадиционная ее разновидность связана с подобным конструированием образа собственной принадлежности к этносу.

Для изучения отношения к глобализации было проведено эмпирическое исследование. В первой его части использован авторский опросник, который включает в себя две основные части. В первую часть опросника вошли 7 открытых вопросов для качественного анализа, ответы на которые должны были позволить лучше понять особенности восприятия респондентами глобализации и ее влияния на их жизнь. Вопросы были следующие:

Какие ассоциации, образы у вас возникают в связи с понятием «глобализация»?

Как вы считаете, что положительного в процессе глобализации: а) для вас лично; б) для страны; в) для мира в целом?

Как вы считаете, что отрицательного в процессе глобализации: а) для вас лично; б) для страны; в) для мира в целом?

Вторую часть опросника составили 45 закрытых вопросов, представляющих собой утверждения, с которым респонденты выражали свое согласие по пятибальной шкале и отражающие следующие аспекты: использование в повседневной жизни возможностей глобализации (поведенческий аспект), представление о культурно-информационных возможностях глобализации, представление о материально-технических возможностях глобализации, представление об угрозах глобализации.

Исследование личностно-смысловых аспектов этничности в самосознании респондентов проводилось при помощи модифицированной авторами методики «граф-схем» Б.В. Кайгородова: респонденты отвечали на вопрос: «Что для меня значит быть представителем своей национальности?». Ответы респондентов были обработаны методом контент-анализа.

Ценностные ориентиры молодежи были исследованы при помощи модифицированной методики М.К. Горшкова «Мечта». Респондентам была дана инструкция: «Подумайте и ответьте, насколько для вас характерно мечтать об этом». Респонденты оценивали предложенные утверждения по пятибальной шкале от 1 – «Никогда не мечтал об этом» – до 5 – «Постоянно мечтаю об этом». Были выявлены наиболее значимые для респондентов жизненные сферы, а также проведено сравнение результатов юношей и девушек в каждой этнической группе при помощи t-критерия.

В эмпирическом исследовании приняли участие 162 русских респондента (79 девушек и 83 молодых человека), 131 представитель абхазского этноса (85 девушек и 47 юношей), 152 представителя адыгского этноса (97 девушек и 55 юношей).

Ответы респондентов на вопрос: «Какие ассоциации, образы у вас возникают в связи с понятием «глобализация»?» были обработаны методом контент-анализа, в качестве единиц анализа были использованы категории «Свойство глобализации», «Процесс глобализации», «Следствия глобализации», «Конкретные проявления глобализации».

Контент-анализ ответов на данный вопрос показал, что в рамках этих категорий нет значимых различий результатов исследуемых групп. Основным свойством глобализации респонденты считают ее планетарный масштаб, основным процессом – объединение (стран, капиталов, информационных сетей и т.п.) в крупные интегративные образования. Основными следствиями глобализации респонденты считают унификацию (культурную, социальную, языковую). К конкретным проявлениям глобализации в ассоциативном эксперименте относятся в основном Интернет, информация; доллар и евро; английский язык.

Результаты представлений респондентов о положительных и отрицательных аспектах глобализации были обработаны методом контент-анализа, выделены основные типы ответов (в %). Основными преимуществами глобализации для каждого человека, по мнению респондентов, являются информационно-коммуникативные возможности, а отрицательными – утрата этнокультурной идентичности.

Положительными аспектами глобализации для страны респонденты считают развитие экономики, укрепление международного сотрудничества и технический прогресс, а отрицательными – утрату национальной идентичности и повышение террористической угрозы.

Положительными возможностями глобализации для мира в целом респонденты считают возможность совместно решать глобальные мировые проблемы, возможность мирного урегулирования международных конфликтов и образование единого экономического пространства, а отрицательными – потерю культурной уникальности и повышение террористической угрозы, распространение ее во всех уголках мира.

Ценностные ориентиры молодежи были исследованы при помощи модифицированной методики М.К. Горшкова «Мечта». Как показали результаты исследования, русские респонденты мечтают о профессиональной самореализации (4,2 балла в среднем у юношей и 4,17 у девушек), интересной, богатой впечатлениями жизни (4,21 – юноши, 4,45 – девушки), крепком здоровье (4,08 и 4,39), материальном достатке (4,04 и 4,21). При этом девушки значительно выше оценивают возможность иметь хорошую семью, хороших детей, получить хорошее образование, иметь собственную квартиру ($p < 0,05$).

Мечты адыгских респондентов связаны с реализацией в профессии (4,23 балла в среднем у юношей и 4,32 у девушек), возможностью получить образование (4,12 и 4,48), крепким здоровьем (4,25 и 4,51) и хорошими детьми (4,3 и 4,4). Значимые различия между выборками юношей и девушек обнаружены только в мечтах о собственном жилье ($p \leq 0,05$).

Абхазские респонденты также мечтают о хорошем образовании (4,29) и работе (4,09), профессиональной

самореализации (4,16) и интересной жизни (4,28), хорошем здоровье (4,24) и детях (4,15). Однако в данной группе отчетливо выражены мечты о жизни в более справедливом и разумно устроенном обществе (4,24) и возможности быть полезным обществу, внести свою лепту в развитие страны (4,11).

Анализируя полученные результаты, можно сказать, что основными ценностными ориентирами молодежи являются стабильное и финансово обеспеченное будущее, реализация в профессии, здоровье, семья и дети, активный досуг. При этом можно отметить выраженную общественно-политическую ответственность абхазских респондентов. Подобный акцент, по-видимому, можно связать с тем, что в небольшой Абхазии студенты ощущают более тесную связь с социально-экономической и политической жизнью своей страны, нежели их русские и адыгские ровесники, жизненный мир которых не имеет непосредственной связи с жизнью страны.

Важным аспектом исследования ценностных ориентаций молодежи является изучение того, как связаны между собой мечты, касающиеся разных жизненных сфер. Для изучения этого аспекта была проведена процедура факторного анализа результатов женской и мужской выборок, были выявлены разные факторные конфигурации оценок мужчин и женщин.

При сходстве ценностных ориентиров русских юношей и девушек наблюдаются существенные различия в том, как респонденты ориентированы достичь желаемого. У мужчин как основа жизненного успеха рассматривается освоение профессии, высокая должность и материальный достаток, а у женщин – возможность влиять на окружающих, быть известным и привлекательным. В представлении о будущем русских юношей и девушек имеется больше сходства, чем различия: они мечтают о стабильном и финансово обеспеченном будущем, крепком здоровье, семье, реализации в профессии и интересном досуге. Однако существенные различия в том, как респонденты собираются достичь желаемого: юноши ориентированы на профессионализм и карьерный успех, а девушки – на возможности общения и межличностного взаимодействия.

В группе адыгских и абхазских респондентов также было выявлено три фактора, охватывающие более 50% общей дисперсии, при этом факторная структура заметно различается у юношей и девушек. Наиболее весомый фактор можно охарактеризовать как «Жизненный успех», который включает утверждения: «Иметь хорошую семью», «Встретить настоящую любовь», «Иметь хорошее здоровье», «Иметь свою отдельную квартиру, дом», «Получить хорошее образование». Таким образом, у адыгских юношей представление о жизненном успехе более сложное и комплексное, включающее статус, влияние, материальное положение и семейное счастье. Для девушек успех связан с возможностью влиять на окружающих, быть известным и привлекательным, а также с материальным достатком. При этом девушки считают, что это возможно в более справедливом обществе.

Второй фактор различен в мужской и женской выборках. У мужчин это «Профессиональная самореализация», он включает утверждения: «Устроиться на хорошую работу», «Занимать высокую должность», «Жить в достатке, иметь возможность тратить деньги, “не считая копейки”», «Интересно прожить свою жизнь, получать как можно больше впечатлений», «Открыть собственное дело», «Реализовать себя в выбранной профессии, любимом деле». У девушек это фактор «Обеспеченная личная жизнь», включающий ценностные позиции: «Иметь возможность влиять на окружающих», «Быть известным и популярным», «Занимать высокую должность», «Жить в достатке, иметь возможность тратить деньги, “не считая копейки”», «Быть уважаемым человеком, с мнением которого считаются», «Быть привлекательным, иметь успех у противоположного пола».

Третий фактор в адыгской выборке можно охарактеризовать как «Самостоятельность». У юношей самостоятельность связана с активной, интересной, социально значимой деятельностью, включающей здоровый образ жизни и воспитание детей, а у девушек – с социальным статусом и наличием своего жилья.

Сравнивая результаты исследования русских, адыгов, абхазов, можно увидеть, что русские респонденты склонны

разделять мечты о реализации в профессиональной сфере и мечты о личном счастье. В мечтах адыгских и абхазских респондентов жизненный успех сочетает профессиональную реализацию, материальный достаток и семейное счастье.

На следующем этапе был проведен кластерный анализ методом К-среднего, в результате которого были выделены две группы респондентов: с высокой и низкой степенью вовлеченности в процессы глобализации ($p \leq 0,05$). В данных группах было проведено сравнение результатов с использованием критерия Стьюдента следующих переменных:

- представление о культурно-информационных возможностях глобализации;
- представление о материально-технических возможностях глобализации;
- представление о возможностях глобализации в сфере потребления;
- угрозы глобализации;
- мечты респондентов;
- личностный смысл этнической идентичности.

В группе русских респондентов нет значимых различий в оценке глобализации студентами с высокой и низкой вовлеченностью в процессы глобализации, но есть ценностные различия. В группе респондентов с высокой вовлеченностью в процессы глобализации значимо выше выраженность ценности «Интересно прожить свою жизнь, получать как можно больше впечатлений», а в группе респондентов с низкой вовлеченностью в процессы глобализации – ценностей «Иметь хороших детей» и «Иметь хорошее здоровье» ($p \leq 0,05$). Сравнение особенностей личностного смысла этничности в исследуемых группах русских студентов показало, что у респондентов с высокой вовлеченностью в процессы глобализации значимо чаще присутствует «Отрицание значимости национальной принадлежности» и значимо реже – «этническая солидарность» ($p \leq 0,05$).

В группе адыгов респонденты с высокой вовлеченностью в процессы глобализации значимо выше оценивают материально-технические возможности глобализации, а респонденты с низкой вовлеченностью значимо выше

оценивают угрозы глобализации. В группе респондентов с высокой вовлеченностью в процессы глобализации значимо выше выраженность ценностей: «Реализовать себя в выбранной профессии, любимом деле», «Быть известным и популярным», «Иметь возможность влиять на окружающих» ($p \leq 0,05$). Сравнение особенностей личностного смысла этничности в исследуемых группах показало, что у респондентов с высокой вовлеченностью в процессы глобализации значимо чаще присутствует «положительная этническая самопрезентация» и значимо реже – «кровная связь» ($p \leq 0,05$).

В группе абхазов респонденты с высокой вовлеченностью в процессы глобализации значимо выше оценивают возможности глобализации в сфере потребления и материально-технические возможности глобализации. В группе респондентов с низкой вовлеченностью в процессы глобализации значимо выше выраженность ценности «Занимать высокую должность». Сравнение особенностей личностного смысла этничности в исследуемых группах показало, что у респондентов с высокой вовлеченностью в процессы глобализации значимо чаще присутствует «абхазский язык» и значимо реже – «кровная связь», «гордость за нацию» ($p \leq 0,05$).

Результаты исследования репрезентации категории «глобализация» в массовом сознании молодежи показали, что данное явление характеризуется нечеткостью, аморфностью и не является объектом рефлексии респондентов. Связанные с этим ассоциации отражают масштаб и всеобщность данного явления, но слабо связаны с повседневной жизнью и личным опытом респондентов.

Восприятие глобализации и ее влияния на собственную жизнь респондентами неоднозначное. С одной стороны, глобализация воспринимается молодежью как пространство возможностей: свободы перемещения, коммуникации, обмена информацией, общения, а также доступности товаров и услуг. С другой стороны, глобализация рассматривается как угроза национально-культурной идентичности этноса, причем культурная ассимиляция воспринимается адыгской и абхазской молодежью как угроза потери себя.

Последствия глобализации для страны и мира респонденты оценивают скорее положительно: как возможность экономического роста, повышения уровня жизни, культурного и социального взаимодействия.

Все исследуемые группы респондентов считают себя одинаково активно вовлеченными в процессы глобализации, при этом русские респонденты значимо выше оценивают угрозы глобализации, прежде всего связанные с мировым терроризмом.

Подводя итоги эмпирического исследования, можно утверждать, что глобализирующийся мир молодежь воспринимает скорее как пространство возможностей и самореализации. Однако ценностные ориентации собственных жизненных проектов и, соответственно, основания понимания респондентами своей этнокультурной идентичности у групп респондентов с высокой и низкой степенью вовлеченности в процессы глобализации различны.

У русских респондентов вовлеченность в глобализацию проявляется в гедонистической направленности жизненных интересов, связанных именно с разнообразием и насыщенностью впечатлений. У адыгской и абхазской молодежи подобная вовлеченность сложнее. Глобализация связывается с расширением материально-технических возможностей, личностной самореализацией в профессии. Но вместе с тем овладение техническими новинками связано с гедонистическими мотивами и достижением виртуального превосходства: значимостью самопрезентации и влияния на других людей.

Показательно и осмысление респондентами своей этнической принадлежности. У русских респондентов, вовлеченных в глобализацию, значимость этничности закономерно уменьшается, уступая место космополитическим взглядам. У представителей малочисленных народов значимость этничности, напротив, возрастает, но на уровне символической самопрезентации. Тем самым она переносится в виртуальную плоскость ментальных конструктов. Реальные формы бытования этнической культуры, такие, как значимость кровных уз и семьи, того, что составляет жизненный мир

человека, напротив, уменьшаются у всех групп респондентов, вовлеченных в глобализацию. Но именно эти ценности значимы для респондентов с низкой вовлеченностью в процессы глобализации.

Проведенное исследование указывает на то, что линию онтологического разлома в «этническом парадоксе современности» нужно искать между традиционным (связанным как с традицией Просвещения, так и с этнокультурной традицией) и посттрадиционным взглядом на сущность и ценностные основания как общества, так и человека как «общественного животного». Поэтому рассматривать место этнокультурной традиции в глобальном обществе нужно сквозь аксиологические основания этого проекта, его идейные конструкты, связанные с концептуализацией грядущей эры постсовременности в философии постмодернизма. Прежде всего, это деконструкция метафизической вертикали культуuroобразования (адыг – истинный адыг; мужчина – настоящий мужчина; человек – Человек с большой буквы), в которой идеологи постмодернизма усматривают репрессивную суть традиционной культуры. Деконструкция трансформирует социокультурный геном традиционности и тем самым перерождает бытийное основание личностной идентичности человека, присутствующее в автопредикативной связке: «Я есть P(1); P(2) ... P(n)», например, «Я есть человек, мужчина, русский», каждый из которых фундирует соответствующую гендерную, этническую и иную другую идентичность. В результате деконструкции подобные предикаты теряют собственную реальность. Они связывают человека не с нормативно-ценностной структурой, определяющей подлинность моего присутствия в определенном социокультурном пространстве, а с симулякральной гиперреальностью текста, где они пребывают в превращенной форме иллюзорного многообразия представлений о нормах и ценностях человеческого бытия. В данном контексте этнокультурная традиция рассматривается ее носителями не столько в качестве собственной сущности, определяющей подлинность «Я», а как особый имидж, самопрезентацию,

сконструированную из фрагментов прошлого, которая превращается в экспонат «культурного музея», объект манипуляции и маркетинга.

Вместе с тем можно выделить и противоположный вектор этнического парадокса современности, в контексте которого человек обращается к своим национальным корням в попытке экзистенциального противостояния тенденциям глобального консюмеризма и космополитизма. На этом фоне у человека происходит осознание того, что нигилистический заряд деконструкции способен взорвать основания социальной нормативности, составляющие его «вторую природу». Такое осознание, в свою очередь, фундирует своего рода экологию культуры, поскольку ресурсы «второй природы» оказываются вполне исчерпываемыми и их необходимо защищать и поддерживать ради сохранения социальных основ человечности. Такая экология возвращает человека к Слову, раскрывающему подлинные основания человечности в метафизическом горизонте духовности. Этнокультурная идентичность рассматривается как один из источников такой духовности, и ее значимость связывается с экзистенциальной потребностью обрести утраченное пространство подлинного существования. Подобный вектор этнического парадокса связан с желанием выйти из постмодернистской матрицы «глобального супермаркета» и гиперреальности форм массовой культуры, обрести бытийную основу самостояния в реальном мире. Но вместе с этим возникает проблема пути к такой духовности, восхождения к метафизическим горизонтам подлинности: как быть настоящим представителем своей национальности, а не казаться им.

Библиографические ссылки

1. Аполлонов И.А., Тучина О.Р. Проблема патриотизма и толерантности в контексте самопонимания этнокультурной идентичности // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2012. № 12. С. 35.
2. Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004.
3. Кукатас Ч. Либеральный архипелаг. Теория разнообразия и свободы. М.: Мысль, 2011. 482 с.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ УСЛОВИЯ СПОРТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛАХ БИОГРАФИЙ СПОРТСМЕНОВ-АДЫГОВ)

ETHNOCULTURAL FEATURES OF SPORTS ACTIVITY (ON THE MATERIALS OF THE BIOGRAPHIES OF ADYG SPORTSMEN)

З.В. Багова

Краснодарский педагогический колледж, г. Краснодар

Z.V. Bagova

Krasnodarskiy pedagogicheskiy kolledzh, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье представлены результаты исследования этнокультурных условий спортивной деятельности на материалах спортсменов-адыгов. Показано, как этнокультурные особенности адыгского общества влияют на процессы социализации и профессионального становления спортсменов. Особое внимание уделено нормам «адыгэ щэнхабзэ», которые сохраняют свое значение и в современных условиях, выступают значимыми факторами, которые проявляют себя в таком виде деятельности, как спорт.

Abstract. The article presents the results of the study of the ethnocultural features of sports activity on the materials of the Adyg athletes. It is shown how the ethnocultural features of the Adyg society influence the processes of socialization and professional development of athletes. Particular attention is paid to the norms of adyghe shankhabze, which retain their significance in modern conditions and are significant factors that manifest themselves in such an activity as sports.

Ключевые слова: духовно-нравственная культура адыгского общества, адыгская этика, национальные традиции, честь, совесть, стыд, уважение.

Keywords: spiritual and moral culture of the Adyg society, Adyg ethic, national traditions, honor, consciousness, shame, respect.

На сегодняшний день спорт – это сложное социальное явление, которое, несомненно, претендует на особое место в условиях современного общества, поскольку его роль в качестве инструмента воспитания воли, характера, мировоззрения заметно усилилась [3; 7]. В процессе занятия спортом индивид усваивает определенные установки, смысложизненные ориентации и ценности, из которых складывается его мировоззрение [2; 8; 9].

Кроме того, сегодня, когда подчеркивается важность и необходимость спортивных достижений для страны, значимость и престижность спортивных побед, необходимо больше внимания уделять этнокультурной составляющей спорта, и в частности традиционной культуре и процессу социализации спортсмена, которые в значительной степени влияют на обеспечение и достижение высоких спортивных результатов.

В основе духовно-нравственной культуры адыгов лежит система моральных ценностей под общим названием «адыгагъэ» – буквально «адыгство», «адыгская этика». Это квинтэссенция нравственного опыта народа, выработанный веками механизм его культурной самоорганизации.

По мнению одного из видных специалистов в области культуры адыгов Б.Х. Бгажнокова, принципы и установки адыгства (человечность, почтительность, мудрость, мужество, честь и др.) формировались и оттачивались в тесном взаимодействии с другими народами Кавказа и, в свою очередь, оказывали на них обратное, неизменно прогрессивное влияние. Адыгская этика является эталоном общекавказской нравственной философии, ее наиболее полным и детально разработанным выражением. То же касается и адыгского этикета – «адыгэ щэнхабзэ», который сравнивают иногда с китайским, японским, французским. Традиционный адыгский этикет служит важным подспорьем адыгства, институтом, через который этика проводит в жизнь свою «политику», свои принципы и идеалы [1, с. 2].

В работе Р. Мамхеговой отмечается, что самым главным препятствием познания адыгского этикета является сложность самого понятия «адыгагъэ». По ее мнению, «адыгагъэ» – это

тонкая материя, которая не поддается описанию, определению или же анализу. При упоминании слова «адыгагъэ» в той или иной работе оно понимается наряду с такими понятиями, как почтительность, гостеприимство, человечность, а подчас как синоним адыгского этикета [4, с. 7].

Еще в 1957 году Ю.К. Намитоков отметил, что «адыгагъэ» – совокупность лучших нравственных качеств, которые должны быть присущи и присущи на самом деле истинному черкесу: человечность, почтительность, гостеприимство, верность данному обязательству и т.д. [6, с. 46]. С.Х. Мафедзев в своей работе отмечал, что адыгство иногда относят к числу структурных единиц «адыгэ хабзэ», однако это не соответствует действительности [5, с. 47].

Подробный анализ этических принципов адыгства дает в своих работах Б.Х. Бгажноков. Он рассматривает такие категории и установки, как человечность – «цыхугъэ», почтительность – «нэмыс», разум – «акъыл», мужество – «лгыгъэ», честь – «напэ», нравственное внимание – «гульытэ», нравственная память – «гукъэкI», благодеяние – «псапэ», благодарность – «фыщIэ», стыд – «укытэ» и др. Для него важно было показать, что эти и многие другие моральные ценности и ориентиры организованы в иерархические структуры, что их значение зависит во многом от функций, выполняемых в составе целого – в системе адыгства. Поэтому для наиболее полного и всестороннего анализа основных категорий адыгской этики активно привлекались социально признанные предикаты данных категорий: связанные с ними типичные высказывания, оценки, разъяснения [1, с. 25-30].

В первую очередь это различные типы моральных суждений: нормативные, оценивающие, описывающие, побудительные. Часть из них закрепились в виде клише, афоризмов, пословиц и т.д.: «Псэр ети напэр къащтэ» – «Отдай жизнь и возьми честь»; «Нэмысыншэр насыпыншэц» – «Лишенный почтительности лишен счастья»; «Зэманым декIур лыфIщ» – «Идущий в ногу со временем – благородный муж»; «Адыгагъэр цыхугъэщ» – «Адыгство суть человечность».

Необходимо разобрать такие понятия, которые влияют на формирование личных качеств адыгов:

Человечность – «цыхугьэ». Ее считают и повсеместно выделяют как самую первую заповедь и характерную черту адыгства.

Почтительность – «нэмыс». Прежде всего данное понятие ассоциируется с воспитанностью, скромностью, деликатностью, хорошими манерами, и в этом качестве оно постоянно фигурирует в оценках и определениях адыгства. «Адыгагьэр нэмысщ», «лыгьэщ», «цыхугьэщ», что означает «Адыгство – это почтительность, мужество, человечность», между человечностью и почтительностью нет принципиальной разницы.

Разум – «акьыл». Существует убеждение, что адыгство невозможно представить без большого и непременно нравственно ориентированного ума – «акьыл», «акьылыфлагьэ». Например, Ибрагим Ервас говорит: «Адыгагьэр акьылщ, акьыл зимыэм адыгагьэр хузехьэнукъым» – буквально «Адыгство – суть разум, неразумный не способен нести в себе адыгство».

Разумность соотносят с трезвым социальным умом, с так называемым «искусством находиться среди людей» – «цыху хэтыкIэ», с успехом решая в контактах с ними насущные жизненные вопросы. Прежде всего, хотя, конечно, не исключительно, это вопросы, связанные с обеспечением благополучной жизни, с такими ценностями, как любовь и уважение близких, здоровье, долголетие, богатство.

Специально выделяют «способность понимания» – «зэхэщыкI», то есть умение дать точный нравственный диагноз жизненной ситуации, проникаясь уважением и сочувствием к ближним. Отсюда образ человека с пониманием – «зэхэщыкI зиIэ цыху» – умного, проницательного и доброго одновременно.

Мужество – «лыгьэ». Характеризуя мужество, часто ссылаются на толерантность и способность стойко переносить физические и душевные страдания, неудачи, удары судьбы. Специально выделяется сдержанность в проявлении негативных эмоций – «тэмакъ кыхьагьэ».

Честь – «напэ». Понятие «напэ» – буквально «лицо» – постоянно фигурирует в определениях адыгства со значением

«честь», «совесть», «стыд», ср.: «Адыгагъэр цыхугъэщ, напэщ, нэмыщ» – «Адыгство суть человечность, честь, почтительность»; «Адыгагъ зыфагорэр напэ, щыпкъагъ, лыгъэ» – «Под адыгством подразумевают честь, верность, мужество».

Таким образом, честь, совесть и стыд вовлекают человека в должное, нравственно полноценное поведение, формируют личность адыга и адыгского общества, закладывая устои с самого рождения, тем самым определяя процесс становления личности. «Адыгагъэр зэтезылыгъэр лыгъэщ, напэщ, укытэщ» – «Адыгство держится на мужестве, чести, стыде»; «Нэхащи укыти зимылэрэм адыгагъи илэрэп» – «Если в человеке нет скромности и стыда, то, следовательно, нет в нем и адыгства».

Изучению традиционной культуры и ее влияния на формирования личных качеств адыгов, как отмечено выше, посвящены работы таких исследователей, как Б.Х. Бгажноков, Р. Мамхегова, С.Х. Мафедзев и др. Однако отдельных работ, посвященных данной тематике и раскрывающих этнокультурные особенности личности в спортивной деятельности, и в частности спортсменов-адыгов, практически нет. С этой целью нами было проведено социологическое исследование, позволяющее получить более подробную информацию об этнокультурных особенностях спортивной деятельности, опираясь на материалы биографических интервью.

В исследовании использован метод биографического интервью. Выборочная совокупность составила 15 человек – спортсмены и тренеры в таком виде спорта, как борьба. По национальной принадлежности все наши респонденты – адыги, проживающие на территории Теучежского района Республики Адыгея. Отбор респондентов происходил по методу «снежного кома».

В ходе исследования был выделен блок вопросов, ориентированный на изучение этнокультурных особенностей адыгского общества и их влияния на выбор респондентами вида спорта, отношение к спорту и прочее.

Согласно национальным обычаям, борьба в адыгском обществе была традиционным видом спорта, и спортсмены,

выбирая для себя вид спорта, прежде всего хотели стать борцами. Альтернативой выступали силовые виды спорта. В некоторых случаях родители желали, чтобы дети занимались другим видом спорта, выбирали для них другие секции, но под влиянием окружения: старших братьев, друзей – выбор склонился в сторону борьбы. Занятия другого рода не одобрялись и часто высмеивались как недостойные адыгского мужчины.

«Ну, детство, как у всех, – бурное. Был шалуном, заводилой в школе. Я учился в музыкальной школе. Потом, уже с возрастом, когда я учился в 8 классе, мои одноклассники ходили на секцию борьбы, а я ходил в музыкальную школу. И надо мной все насмеялись: мол, такой парень, и ходишь в музыкальную школу в аул Понежукай. Потом я «перебрался» на борьбу и стал посещать секцию самбо в ауле Понежукай. Все мои одноклассники ходили на борьбу, а я, единственный пацанчик в классе, ходил в музыкальную школу, с девочками дружил» (муж., 48 лет).

Авторитет старшего в адыгском обществе, наставника также сыграли важную роль в формировании личности спортсменов. Респондентами было отмечено активное участие тренера не только в развитии их как профессионалов, но и влияние на личностное становление, постоянная помощь и поддержка тренера. Респонденты отмечали, что фактически тренер оказывал не менее важное влияние на их становление и развитие как профессионалов, а часто даже и более заметное, чем родители. В большинстве своем респонденты отметили, что тренер являлся для них в буквальном смысле вторым отцом, что относятся к нему с уважением и благодарностью.

Традиционные нормы адыгской культуры обусловили формирование таких качеств спортсменов, как сила (физическая и духовная), смелость и отсутствие страха перед трудностями, стремление преодолевать их. В соответствии с «адыгэ хабзэ», формировалось чувство благодарности за оказанную помощь – «фЫщІэ» (тренеру, родителям, старшим братьям и проч.). Стремление быть похожими на своих учителей впоследствии многих из них привело на тренерскую и руководящую работу.

«Первым тренером у меня был Шартан Алий. Он был родоначальником борьбы самбо в нашем ауле. Я его очень любил, действительно, он был очень интересным человеком. У него не было специальности, он не был учителем по образованию. Он занимался общественной работой, вовлекал детишек в спорт и занимался с ними дополнительно» (муж., 62 года).

Респондентами также была отмечена роль старших братьев, их влияние и стремление подражать им, что также сыграло свою роль в процессе их личностного и профессионального становления. Здесь проявляли себя национальные традиции, согласно которым младшие должны уважать и чтить старших, придерживаться их мнения. В «адыгэ хабзэ» это принцип «нэмыс» – почтительность, который прежде всего ассоциируется с воспитанностью, скромностью, хорошими манерами и в этом качестве постоянно фигурирует в оценках и определениях адыгства.

«С детства я любил спорт, так как мой старший брат Мугдин занимался борьбой самбо у Ахмеда Юнусовича Чича. И постоянно его друзья к нам приходили, говорили о спорте, радовались тому, что в ауле Понежукай открылась секция самбо. Она была открыта с 1977 года. Постоянно у нас занимались со штангами, на турнике висели, и сколько я себя помню, я любил именно этот вид спорта – борьбу самбо. И вот когда мне уже стало лет семь, я пошел к Ахмеду Юнусовичу заниматься борьбой» (муж., 41 год).

Особое влияние на становление личности спортсменов-адыгов, на их профессиональную реализацию оказали родители. Как отметили все респонденты, изначально родители пытались оградить своих детей от опасностей и проблем, связанных с травматизмом в связи с занятиями спортом, поэтому выбор вида спорта и в целом посещение спортивных секций и тренировок происходили против воли родителей, иногда даже тайно. В этой ситуации также ярко проявляют себя этнокультурные факторы. Молодой человек оказывается в сложной ситуации морального выбора: с одной стороны, он должен уважать старших, почитать родителей, но с другой стороны, он должен проявлять себя как самостоятельный

мужчина, должен приобрести мужские качества, а с ними и уважение окружающих. В этом внутреннем конфликте спортсменам необходимо было выстроить иерархию этих установок.

«Мать с отцом хотели, чтобы я был гармонистом, музыкантом. Я тайком ушел в секцию, и дня два-три я брал портфель и уходил. Они думали, что я посещал школу. А потом отцу сказали, что я посещаю не музыкальную школу, а секцию борьбы. Он мне тогда сказал: «Это твой выбор, решай сам» (муж., 48 лет).

Родители с уважением отнеслись к выбору своих детей и впоследствии поддерживали их на пути к достижениям, испытывали гордость за победы. А дети, в свою очередь, стремились к победам и достижениям, тем самым отдавая долг и благодарность своим родителям.

«Даже мой отец, который всю жизнь был шофером, сказал: «Сынок, неужели можно семью содержать, занимаясь спортом?» Он не представлял тоже. Ну, они знали, что я из-за этого спорта и не курю, и не пью. Это все хорошо, но почему-то они в то время (мать не училась вообще, но от этого я не скажу, что они глупые) думали, что руку могу сломать или еще что-то. А потом они привыкли. Как я говорил, природа меня наградила огромной мощью, не знаю, откуда она появилась. Я никому не завидовал. Даже Коблев мне говорил: «Адам, не качайся, ты все суставы закачаешь. Иногда тебе мешает излишняя сила». Единственное, чего у меня не было, – это гибкости» (муж., 68 лет).

Гордость – «щытхъу» – и радость – «гуш1о» – за своих детей также вписаны в систему адыгства, являются категориями «адыгэ хабзэ», а значит, выступают установками в поведении и деятельности. В то же время, согласно нормам «адыгэ хабзэ», родители не должны показывать свое восхищение и гордость своим детям, так как выражение этих чувств при посторонних носит неприличный характер и одновременно может подавлять нацеленность ребенка на работу. Сын или дочь, услышав восхищение от своих родителей, могут «расслабиться» и не прилагать особых усилий для дальнейшей реализации, прежде всего самого себя.

Таким образом, можно отметить, что в качестве ведущей этнокультурной составляющей, оказавшей значительное влияние на становление и самореализацию спортсменов-адыгов, помимо норм «адыгэ хабзэ», выступает также ближайшее окружение: семья, круг родственников и знакомых, чье мнение и оценки чрезвычайно важны.

Этнокультурные традиции играли и продолжают играть важную роль в адыгском обществе, они проявляются в различных сферах жизнедеятельности: начиная с рождения ребенка, выбора имени для него и заканчивая сферой профессиональной самореализации. Соблюдение этих норм обеспечивает членам адыгского общества уважение и высокий авторитет среди окружающих.

На примере наших респондентов мы можем утверждать, что этнонациональная и культурная среда оказывают огромное влияние на формирование личности. Такие личностные качества как целеустремленность, желание развиваться, невзирая на преграды, уважение к старшим, гордость, честь, верность, мужество, почтительность формируются под влиянием «адыгэ хабзэ». Важную роль играют мнение окружающих и прежде всего старших братьев, стремление им подражать, уважительное отношение к своему наставнику. Роль семьи спортсмена имеет немаловажное значение. Семья, в которой он родился и воспитывался, имеет особое влияние на формирование будущего спортсмена.

Таким образом, учет этнокультурных условий важен при подготовке спортсменов, как и специалистов во всех других сферах деятельности. Поскольку среда, в которой происходит социализация, так или иначе транслирует сложившиеся правила.

Библиографические ссылки

1. Бгажноков Б.Х. Адыгская этика. Нальчик, 1999. 97 с.
2. Лубышева Л.И. Концепция физкультурного образования: Методология развития и технология реализации // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 1996. № 1. С. 124.
3. Лубышева Л.И. Концепция формирования физической культуры человека. М.: Наука, 1992. 460 с.
4. Мамхегова Р. Очерки об адыгском этикете. Нальчик, 1993. 257

с.

5. Мафедзев С.Х. Обряды и обрядовые игры адыгов. Нальчик, 1979. 250 с.

6. Намитоков Ю.К. Адыгейская народная педагогика о воспитании детей // Сб. статей кафедры педагогики и психологии. Вып. 1. Майкоп, 1957.

7. Пономарев Н.А. Основы социологии физической культуры. Л.: ЛГУ, 1976. 345 с.

8. Пономарев И.И. Возникновение и первоначальное развитие физического воспитания. М.: Наука, 2004. 480 с.

9. Сараф М.Я. Спорт в культуре XX в. Становление и тенденции развития // Теория и практика физической культуры. 1997. № 7. С. 25–30.

**МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ
ВОСПРИЯТИЯ МОЛОДЕЖИ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ
(ПО ДАННЫМ АНКЕТНЫХ ОПРОСОВ)²**

**INTERETHNIC AND INTERCONFESSIONAL
PERCEPTIONS OF YOUTH IN KRASNODAR REGION
(ACCORDING TO QUESTIONNAIRE DETAILS)**

А.В. Баранов

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

A.V. Baranov

Kuban State University, Krasnodar, Russia

М.В. Донцова

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

M.V. Dontsova

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования, проведенного в Краснодарском крае в июне 2018 г. с целью выявления характера межэтнических и межконфессиональных восприятий. В процессе исследования определяется уровень доверия молодежи Кубани к основным политическим институтам, субъективное восприятие уровня своей безопасности. По отдельным показателям представлены сравнения с результатами исследования 2017 г.

Abstract. The article presents the results of the empirical study conducted in the Krasnodar Territory in June 2018 in order to identify the nature of interethnic and interconfessional perceptions. In the process of research the level of confidence of young people of Kuban to the main political institutions, the subjective perception of their security level is determined. For individual indicators, comparisons with the results of a 2017 study are presented.

---

² Статья подготовлена при поддержке РФФИ, грант № № 17-03-00802 «Конфликтогенные и интеграционные факторы развития человеческого потенциала Юга России в условиях новых геополитических вызовов».

Ключевые слова: межэтнические и межконфессиональные восприятия, молодежь, Краснодарский край, анкетные опросы, 2017–2018 гг.

Keywords: interethnic and interconfessional perceptions, youth, Krasnodar Region, questionnaires, 2017–2018.

Краснодарский край как полиэтничный регион испытывает множество угроз и рисков, связанных с этнонационализмом и религиозным экстремизмом, нелегальной миграцией. Интенсивные миграционные потоки делают Краснодарский край, с одной стороны, уникальным социокультурным сообществом, где в добрососедских отношениях живут представители многих этнических групп, а с другой стороны, фактор полиэтничности и интенсивной миграции создает значительный конфликтогенный потенциал, который при определенных условиях может подтолкнуть этнические общности к противостоянию. Выявление направленности межэтнических отношений в Краснодарском крае, измерение их консенсусного и конфликтного потенциала, прогнозирование возможных конфликтов является актуальной научной задачей.

Исследование носит прикладной характер. Эмпирической базой являются результаты пилотажного исследования, проведенного в Краснодарском крае в июне 2017 г. (n=110) и массового опроса, проведенного в данном регионе в сентябре 2018 г. (n=430). Исследование проведено методом анкетного опроса по единой программе, разработанной коллективом под руководством д-ра полит. наук, проф. И.В. Юрченко при поддержке РФФИ. В исследовании 2018 г. приняли участие молодые люди от 16 до 39 лет, основная часть которых является учащимися вузов. Выборка гендерно сбалансирована и по национальному признаку репрезентативна данным переписи 2010 г. по Краснодарскому краю: среди участников опроса русские составили 81,7%, украинцы – 3%, армяне – 5,4%, иные национальные группы – 9,9%. В аспекте религиозной принадлежности по самооценке в выборке Краснодарского края присутствовали христиане – 80,8%, мусульмане – 5,8%, атеисты – 7,5%, не указали свою

конфессиональную принадлежность 5,8% опрошенных. Территориально 57% респондентов представляют г. Краснодар, 13,5% – города и крупные сельские поселения Черноморского побережья, 18,4% – города средних размеров степной и предгорной частей края, 11,1% – сельские поселения. Распределение респондентов по типам поселений вызвано размещением студенческой молодежи, в основном в крупных городах.

Степень разработанности темы неравномерна. Исследования межэтнических отношений проводились на Кубани изолированно. На материалах Краснодарского края выполнены работы В.Н. Муха [1], Т.А. Хагурова [2], коллектива под редакцией В.М. Юрченко [3]. Вместе с тем мониторинг новейших тенденций общественного мнения по вопросам межэтнических отношений проводится редко и по фрагментарным аспектам.

Цель статьи – определить основные параметры восприятия межэтнических и межконфессиональных отношений молодежью Краснодарского края на основе анализа результатов анкетных опросов. Одной из задач исследования стало получение актуальных эмпирических данных об уровне социального доверия и конфликтности, установках в межэтнических отношениях.

Важным показателем уровня конфликтности является готовность участия в акциях протеста. Согласно результатам опроса 2017 г., протестный потенциал респондентов Краснодарского края составляет 21%, что статистически соответствует наблюдению 2016 г. (уровень протестной активности тогда составил 20%) [4] и указывает на отсутствие значительного колебания уровня протестной активности в ходе текущего электорального цикла. Среди жителей края, испытывающих готовность к участию в акциях протеста, гораздо больше сочувствующих оппозиции по сравнению с теми, кто не желает протестовать. Массовый опрос 2018 г. показал повышение протестного потенциала на 8,4% по сравнению с 2017 г., что может объясняться волнениями, связанными с принятием закона о пенсионной реформе в 2018 г. В процессе исследования было установлено, что отношение к

протестам оказывает существенное влияние на межэтнические установки жителей края. Те, кто готов выйти на улицы, оценивают вероятность межэтнических конфликтов гораздо более негативно, чем те, кто к протестам не готов. Восприятие межэтнических отношений у тех, кто готов принять участие в акциях протеста, также имеет более негативную окраску: среди тех, кто оценил характер межэтнических отношений в регионе как напряженные, 48,6% составляют именно люди, в той или иной степени готовые принять участие в акциях протеста. Граждане, не готовые к протестной активности, оценивают отношения между национальными общностями в крае более оптимистично. По результатам опроса обнаружена закономерность: для граждан, испытывающих готовность принять участие в акциях протеста, этническая принадлежность человека в повседневном общении (особенно в ситуациях, требующих доверия) имеет большее значение, чем для тех, кто не желает протестовать.

Иерархия общественных институтов, которым доверяют респонденты массового опроса 2018 г., предсказуема, и она соответствует распределениям во всероссийских опросах. Вверху рейтинга доверия – Вооруженные Силы РФ – 63%, Президент России – 57%, органы государственной безопасности – 53%, губернатор края – 43%, Правительство РФ, Совет Федерации РФ – 40%. Отмечен относительно низкий уровень доверия молодежи политическим партиям, российским банкам, общественным объединениям, администрации края, религиозным объединениям, СМИ, судебной системе – менее 40%.

В полиэтничном регионе крайне важным показателем является межнациональная приемлемость, которая указывает на степень доверия между этническими группами, населяющими Краснодарский край. Показателем приемлемости можно считать шкалу социальной дистанции. Уровень межэтнической дистанции по шкале Э. Богардуса (2018 г.) составил в отношении русских 1,77; адыгейцев – 3,20; украинцев – 3,40; армян – 3,76; уроженцев Средней Азии – 4,84. Характерно, что дистанция повышалась в подвыборках г. Краснодара, где межэтническое общение более интенсивно.

Уровень межконфессиональных дистанций составил в отношении христиан всех конфессий 2,87 балла, а мусульман – 3,50.

Частота встречаемости установки абсолютной близости («Готов принять как члена моей семьи») по убывающей составила: 58% в отношении русских, 23,8% – украинцев, 16,8% – адыгейцев, 14,5% – армян, 8,8% – уроженцев Северного Кавказа, 6,7% – уроженцев Средней Азии. В отношении христиан установка абсолютной близости на уровне 27,7%, а мусульман – 12,7%.

Частота встречаемости установки абсолютной неприемлемости («Я не хотел бы видеть их в моей стране») составила в отношении русских 0,3%, адыгейцев – 1,8%, украинцев – 6,5%, армян – 4,1%, уроженцев Северного Кавказа – 6,5%, уроженцев Средней Азии – 10,1%. В отношении основных конфессий установка абсолютной неприемлемости составила 2,3% для христиан и 3,9% для мусульман.

Согласно полученным данным, большая часть опрошенных (42%) считает, что в межнациональных отношениях внутри региона царит доброжелательность и мирное сосуществование, однако в то же время более половины респондентов опрошенных молодых жителей Краснодарского края (53%) считает, что необходимо ограничить приток мигрантов, и 46,3% выступает за ужесточение миграционного законодательства. Зависимость между субъективным восприятием безопасности и миграции такова: кубанцы, ощущающие себя незащищенными, чаще других выступают за стратегию ограничения притока мигрантов, особенно за ужесточение миграционного законодательства.

Таким образом, приведенные данные показывают асимметричность межэтнических и межконфессиональных дистанций, их зависимость от краткосрочных политико-информационных воздействий. В частности, негативный образ «украинца» явно во многом сформировался вследствие негативного восприятия переворота 2014 г. на Украине и последовавшей войны в Донбассе. В то же время достаточно высокий уровень приемлемости адыгейцев и армян в межэтнических дистанциях подтверждает интегрированность

данных этнических групп в кубанское региональное сообщество.

Установки поведения этнических групп по преимуществу демонстрируют стратегию избегания открытого конфликта, добрососедских межэтнических отношений. Вместе с тем налицо латентная конфликтность, связанная с восприятием социального неравенства этнических групп, их повседневного бытового поведения, возможных притязаний на повышенный коллективный статус.

Приоритетны ценности мира, межэтнического и конфессионального согласия, взаимного уважения и равноправия. На поддержание таких ценностей, противодействие нетерпимости должна быть направлена как государственная политика, так и деятельность научных и педагогических сообществ, национально-культурных объединений, этнических элит. В этнополитическом аспекте целесообразно позиционировать строительство российской гражданской нации как надэтнический проект, предполагающий не изолированное развитие народов, а их добровольную интеграцию в русле цивилизационного и государственного единства. В конфессиональном отношении строительство российской нации – это секулярный проект, основанный на веротерпимости и равенстве верующих.

Библиографические ссылки

1. Муха В.Н. Русский этнос в полиэтничной среде: особенности самосознания и структура социальной идентичности. Краснодар: Кубан. гос. технол. ун-т, 2014. 172 с.
2. Экстремизм и этносоциальные конфликты в молодежной среде полиэтничного региона. Опыт эмпирического исследования / под науч. ред. Т.А. Хагурова. Краснодар: Парабеллум, 2015. 232 с.
3. Проблемы устойчивого развития региона: информационная безопасность полиэтничного социума (на материалах Юга России) / под ред. В.М. Юрченко. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2011. 244 с.
4. Dontsova M. The protest potential of Black Sea region area under the conditions of the new electoral cycle (on the example of Krasnodar region) // Network edition "Science almanac of Black Sea region countries". 2016, no 3, pp. 1-5. URL: <http://science-almanac.ru/documents/103/2016-03-10-Dontsova.pdf> (дата обращения: 21.09.2017).

ПРОБЛЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПОЛИЭТНИЧНОГО СОЦИУМА

PROBLEMS OF INFORMATION SECURITY OF POLYETHNIC SOCIETY

Т.Н. Белопольская

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

T.N. Belopolskaya

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье рассматриваются основные проблемы информационной безопасности, возникающие на региональном уровне. Представлена роль и возможности СМИ как эффективного тактического средства предупреждения нежелательного развития событий и нейтрализации действия негативных факторов. Информационная безопасность рассматривается как важнейший компонент национальной безопасности.

Abstract. The article discusses the main problems of information security that arise at the regional level. The role and capabilities of the media as an effective tactical means of preventing undesirable developments and neutralizing the action of negative factors are presented. Information security is considered as an essential component of national security.

Ключевые слова: информационная безопасность, информационно-психологическая безопасность, этническая идентичность, этнос, конфессия.

Keywords: information security, information and psychological security, ethnic identity, ethnos, denomination.

В последние годы в Российской Федерации проблемы информационной безопасности становятся все более актуальными, что обусловлено увеличением значения глобальной информационной инфраструктуры в решении стратегических задач развития современного общества.

В определении понятия информационной безопасности как нового понятия политологии используется два основных подхода.

Представители первого подхода определяют это понятие через обеспечение безопасности информации как формы данных в процессе их создания, обработки, использования, передачи и обеспечения доступа к ним заинтересованных пользователей. Таким образом, информационный компонент входит в комплекс составляющих социальной безопасности как право на получение и использование необходимой информации.

Второй подход определяет понятие информационной безопасности как обеспечение свободного движения информации в обществе. Представители этого подхода полагают, что критическая оценка такой информации индивидом и обществом в целом создают условия появления нового информационного общества. Свободное движение информации в полиэтничном обществе дает возможность в том числе осуществлять мониторинг общественных настроений, что способствует восстановлению связи общество-личность и государство-личность, разрыв которой может привести к потере информированности властных структур о реальном положении дел. Таким образом, возникает необходимость наличия любых видов средств массовой информации: телевидения, радио, печатных и интернет-изданий, которые должны принадлежать разным собственникам, с тем чтобы отображать возможно более широкий спектр мнений.

Известно о существовании интернет-сайтов, ведущих информационную войну против региональных лидеров, разжигающих межнациональную рознь, порождающих агрессивные настроения внутри отдельных групп населения. На региональном уровне важно обеспечить безопасность граждан от деятельности криминальных, экстремистских и террористических групп. Размещение информации о межэтнических отношениях, террористических актах и угрозах терроризма – важнейшая задача региональных органов власти и СМИ. Важно, чтобы различные источники отображали также позитивную информацию о деятельности граждан, чиновников

и социальных институтов, нацеленной на улучшение благополучия и единения людей.

Современные информационные технологии резко повысили эффективность средств воздействия на психику людей и на общественное сознание в целом. Центральным объектом информационного воздействия является человек. Информационно-психологическую безопасность личности можно рассматривать как состояние защищенности ее психики от действия многообразных информационных факторов, препятствующих или затрудняющих формирование и функционирование адекватной информационно-ориентировочной основы социального поведения человека, а также адекватной системы его субъективных отношений к окружающему миру и самому себе.

В более общем виде информационно-психологическая безопасность личности рассматривается как состояние защищенности личности, обеспечивающее целостность личности в качестве активного социального субъекта, а также возможность развития личности в условиях информационного взаимодействия с окружающей средой.

Информационно-психологическая безопасность должна также обеспечивать состояние защищенности групповой и общественной психологии от воздействия информационных факторов, вызывающих дисфункциональные социальные процессы.

Для решения проблем информационной, в том числе информационно-психологической безопасности необходимо способствовать предотвращению противоречивых, зачастую негативных процессов политической, социально-экономической и духовной жизни общества, которые опасны тем, что они ослабляют устойчивость общества к неблагоприятным информационным воздействиям.

Понятие информационной безопасности тесно связано с выявлением и нейтрализацией трех основных угроз: военно-политического, криминального и террористического характера. На региональном уровне наиболее актуальным является такой аспект информационной безопасности, как потенциальная опасность экстремизма, и такой его формы, как религиозный

экстремизм, обостряющихся при неконструктивном разрешении межэтнических и культурно-этнических противоречий.

Этническая и конфессиональная идентичность схожи как по механизму своего функционирования, так и по способам их использования в политической борьбе, в том числе в экстремистских целях. Религиозный экстремизм рассматривается как исключительно политический феномен, который выражается в том, что экстремистские политические лидеры используют в своей радикалистской деятельности наличие политических соратников определенной конфессиональной идентичности.

Этническая идентичность, как и конфессиональная, представляет собой естественный личностный комплекс, обладающий значительной, а во многих случаях и первостепенной силой социальной мотивации. Экстремизм и конфликтность не являются сущностью самой этничности и даже такого объективно существующего психологического феномена, как этноцентризм.

Любая политическая сила, в том числе и экстремистская, всегда в первую очередь озабочена созданием собственной социальной базы, привлечением на свою сторону возможно большего числа сторонников, которых вербуют по признаку определенной конфессиональной идентичности.

Этнос и конфессия являют собой примеры явного, объективно исторически обусловленного разделения на «своих» и «чужих», что порождает соблазн для разного рода экстремистски настроенных политиков использовать этническую и конфессиональную идентичность своих сограждан для привлечения их на свою сторону.

Необходимо учитывать, что современная этнографическая мозаика уже не имеет ничего общего с прежним понятием «полиэтничность», и для описания структуры современных обществ следует использовать термин «мультикультурализм».

Различные виды СМИ активно формируют и зачастую навязывают различные идеологические воззрения, таким образом они могут стать детонатором социального взрыва или выступать в качестве силы, стабилизирующей обстановку в

обществе. Нужно учитывать, что вся прикладная коммуникативная сфера базируется на точном учете интересов разных сегментов аудитории, поэтому для стабилизации общественных настроений средствами СМИ необходимо опираться на этнопсихологические характеристики целевой аудитории, задающими специфические модели поведения.

Таким образом, тематика сообщений СМИ при освещении вопросов информационной безопасности должна оставаться достаточно корректной, продуманной, взвешенной, не противоречащей российскому законодательству и учитывающей специфику региона и ситуацию в стране. В настоящее время потенциал СМИ не используется в полном объеме, и в настоящих условиях необходимо привлечь внимание руководителей разных уровней: партийных, государственных и региональных – для активизации позитивной направленности сообщений, размещаемых в СМИ.

Специфика ЮФО по сравнению с другими регионами страны заключается в том, что население этого региона полиэтнично, поликонфессионально и обладает особым менталитетом. В силу этого информационные сообщения, которые спокойно воспринимаются в других регионах, на Юге России могут представлять более высокий уровень угрозы. Очень часто информация, исходящая от СМИ, особенно связанная с терактами, авариями, гибелью людей, насилием, негативно воздействует на эмоциональное состояние части российских граждан, порождает у них состояние неуверенности, подавленности. Другая часть граждан привыкла к негативной информации и не проявляет эмоциональной реакции. Часто информация, сообщаемая через СМИ, способствует формированию этнофобии, кавказофобии. Эксперты уверены, что СМИ приводят все меньше примеров для оптимизма, создается впечатление, что СМИ проявляют больше изобретательности, подавая негативную информацию, чем представляя информацию оптимистическую. Нужны позитивные примеры, современные герои, приносящие пользу себе, своей семье, людям, государству. Нужны книги, фильмы, публикации, утверждающие нравственность, социальную справедливость, творческое начало человека. Роль печатных

СМИ за последние два десятилетия снизилась в связи с повышением роли электронных источников информации. Произошла некая дифференциация аудитории: старшее поколение использует печатные СМИ как привычный источник информации, молодежь предпочитает Интернет.

Интернет-ресурсы способны сформировать у молодежи различные установки общественного сознания, мобилизовать молодых людей (например, футбольных фанатов, скинхедов) на определенные действия с проявлением агрессии против общества и власти. Интернет-ресурсы имеют мощный потенциал, который используется для политической дестабилизации и даже для совершения различного рода «цветных революций».

Возможности СМИ необходимо использовать в качестве эффективного тактического средства противодействия террористическим угрозам, предупреждения нежелательного развития событий, нейтрализации действия негативных факторов и минимизации последствий состоявшихся террористических проявлений. Информационная безопасность должна рассматриваться как важнейший компонент национальной безопасности.

**ПРОБЛЕМЫ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ПЕРИОДА «ПЕРЕСТРОЙКИ»
В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ**

**PROBLEMS OF INTERETHNIC INTERACTION
OF «PERESTROIKA» PERIOD
IN THE MEMOIRS OF CONTEMPORARIES**

Е.С. Богунова

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

E.S. Bogunova

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье рассматриваются события 1985–1990 гг., так называемого времени перестройки, связанные с нарастающими проблемами межэтнического взаимодействия. Анализируются результаты проведенных полустандартизированных интервью. Показано влияние конфликтов, возникающих на национальной почве, на все сферы общественной жизни и на отдельного человека в частности.

Abstract. The article deals with the events of the period of the 1985-1990s, the so-called “perestroika” time, associated with the growing problems of interethnic interaction. The results of the conducted semi-standardized interviews are analyzed. The influence of conflicts arising on national grounds on all spheres of public life and on the individual in particular is shown.

Ключевые слова: многонациональная страна, этнонациональная политика, перестройка, национальные движения, конфликты, миграция.

Keywords: multinational country, ethnonational politics, restructuring, national movements, conflicts, migration.

Исторически так сложилось, что Россия обрела свое определение как многонациональная страна. Этот же подход был использован при образовании и развитии СССР, где не только идеологическим основанием, но и объективным

процессом было образование государства как союза народов [1, с. 71].

Данная стратегия этнонациональной политики успешно поддерживалась все время существования СССР. Главные идеи большевиков нашли отражение в утвержденной в ноябре 1917 г. «Декларации прав народов России», где говорилось о принципах равенства и суверенности народов России, устанавливалось право свободного самоопределения, а также отмена национальных привилегий и ограничений, свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России» [5].

К середине 1950-х гг. в состав СССР входило 15 союзных республик, политико-правовое обеспечение в которых обеспечивал Совет Национальностей. К 1972 г. советское государство объявило о роли советского народа в строительстве социализма как новой общности людей. «В совместном труде, в борьбе за социализм, в боях за его защиту родились новые, гармоничные отношения между классами и социальными группами, нациями и национальностями – отношения дружбы и сотрудничества» [11, с. 101].

Однако мирное сосуществование различных этносов пошатнулось в тот период, когда был взят курс на демократизацию СССР, получившую в отечественной и зарубежной истории название «перестройка» (1985–1991 гг.), что, в свою очередь, стало причиной кардинальных изменений во всех сферах жизни общества и распада привычных советских структур. Перемены, затронувшие политику, экономику, культуру, социальные отношения, не оставили без внимания и этнический вопрос.

Провозглашение политики гласности, движение в сторону рыночной экономики и другие факторы выявили и обострили противоречия, возникающие на межнациональной почве, которые в ряде случаев приобрели формы открытой конфликтности.

Одним из первых межнациональных столкновений стало выступление студентов казахской национальности в Алма-Ате в 1986 г., протестующих против смещения с поста первого секретаря Казахской ССР Д.А. Кунаева и назначения на этот

пост Г.В. Колбина. В феврале 1988 г. происходят выступления части армянского населения Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР с требованиями о включении ее в состав Армянской ССР. В марте страну потрясла информация о кровавых событиях в Сумгаите [13, с. 113] и череде других происшествий, случившихся в связи с этими осложнениями.

Национальные движения оказали негативное влияние на государственный строй и стали фактором дестабилизации общества, а как следствие – межэтническим противостоянием и вынужденной миграцией части населения. Оказывают воздействие на этот процесс и заявления о самостоятельности и независимости союзных и ряда автономных республик, разделение на коренное и пришлое население, что заметно ухудшило положение русских в регионах с национальным преимуществом.

Как справедливо отмечает М. Геллер: «Национальные движения, нарастающие с конца 1986 г., приобрели в конце десятилетия центробежную силу, которая создает угрозу Союзу. В марте 1990 г. Литва провозгласила свою самостоятельность, за ней последовали Эстония и Латвия» [4, с. 352]. Таким образом по СССР прошел так называемый «парад суверенитетов», и республики поочередно объявляли о принятии деклараций о государственном суверенитете.

Таким образом, эпоха застоя для советских людей закончилась внезапно, волей исторических обстоятельств они оказались вовлечены в круговорот политических событий, отразившихся на всех сторонах жизни. В межнациональном советском обществе все эти процессы быстро приобрели этническую окраску, актуализировав изучение повседневного опыта современников периода перестройки.

Проблема перестройки все чаще стала появляться в научных работах в историческом и социологическом аспекте рассматриваемой проблематики, сюда можно отнести М.М. Крома [12], М. Геллера [4], И.Б. Орлова [15], Г. Дерлугьяна [6] и др. В том числе предприняли шаги в исследовании проблем национального притеснения, появления зон конфликтности на советском пространстве, а также выделения в общественной среде групп беженцев из зон межэтнических контактов. Такие

работы стали появляться еще в период перестройки и остаются актуальны по сей день. Примером являются исследования О.М. Здравомысловой [10], Е.Ю. Рождественской и В.В. Семеновой [17], А.Г. Здравомыслова и С.Я. Матвеева [9], Л.М. Дробижевой [7], В.А. Авксентьева [2] и др.

Сегодня эта тема является по-прежнему актуальной и интересной, однако остаются пробелы в ее изученности, в том числе нет обобщающих работ по периоду перестройки. Поэтому на запрос читателя появляется научно-популярная литература, содержащая большое количество источников, но вместе с тем и слабый научный анализ.

Работы, посвященные исследованиям этносоциальных процессов на региональном уровне в изучаемый период, рассмотрены на примере монографии В.Н. Ракачева, Я.В. Ракачевой [16], а также работ Л.Л. Хоперской [18] и др.

В целом можно сказать, что если проблеме межнациональных отношений и миграционным процессам в период перестройки уделено в научной литературе достаточно много внимания, то изучение повседневного опыта современников данной эпохи остается темой слабо изученной и актуальной.

Это и обусловило проведение прикладного социологического исследования, цель которого состояла в изучении структур и социальных практик повседневности в условиях трансформации советского общества. Исследование охватывало большой блок проблем, связанных с повседневной жизнью в данный исторический период, одной из которых были межнациональные. Респонденты разделились на две категории: первая группа – участники и свидетели межнациональных конфликтов и противоречий, и вторая – те, кто не обратил внимания или не придавал значения возникновению каких-либо национальных вопросов.

Исследование проводилось в 2015–2017 гг. методом полустандартизированного интервью на территории Краснодарского края. Часть респондентов, принявших участие в исследовании, проживали в период перестройки в национальных республиках Юга России и впоследствии переехали в Краснодарский край.

Объектом анализа стала возрастная группа от 40 до 80 лет, выборочная совокупность составила 25 человек, из них 15 женщин и 10 мужчин. Меньше половины опрошенных высказались по вопросу межнациональных отношений в период перестройки.

Краснодарский край – территория проведения исследования – не относился к регионам открытой конфликтности, таким как Нагорный Карабах, Абхазия, Чеченская Республика, но также не избежал межэтнических конфликтов и противоречий. Спецификой региона был другой фактор – миграционный. Каждый новый межнациональный конфликт на постсоветском пространстве приводил к волне беженцев и вынужденных переселенцев в относительно стабильные регионы, к которым относилась и Кубань. В условиях экономического кризиса приток новых групп населения усиливал межнациональное напряжение.

«В Краснодаре жили очень многие нации: армяне, грузины и Адыгея. Понятное дело, здесь и человек, незнакомый тебе, был абсолютно безразличен, а с кем ты дружил разных национальностей, ты не чувствовал разницы» (жен., 50 л.).

«В начале перестройки мы ничего не замечали. Проблемы пошли потом, когда армяне с Карабаха поехали, грузины из Абхазии, из северокавказских республик...» (муж., 55 л.).

Первые годы перестройки система межнациональных взаимодействий сохраняет позитивный характер. Проведенные интервью подтверждают официальную линию советской власти о поддержании идеи могущественного многонационального государства, основанного на принципах равенства, суверенности и дружбы народов.

«85 год – это 3-4-й класс. Что я запомнил – это проведение фестиваля в Москве. Пропагандировалась дружба народов, даже помню логотип этого фестиваля – ромашка с разноцветными лепестками и голубь какой-то нарисован» (муж., 42 г.).

«Я национальности не понимала, что у нас есть разные национальности, класса до 5-го, до 6-го. То есть воспринимала: ну русская и русская, мама как бы говорила, что ты русская...» (жен., 44 г.).

Принцип дружбы, который пропагандировался по всей стране, далеко не всегда был лишь декларацией. «Об установлении между советскими людьми отношений дружбы и взаимопомощи свидетельствовала широкая распространенность в их социальном окружении таких норм, как отзывчивость, чуткость к другим людям, на которых строятся все цивилизованные социальные да и экономические отношения» [14, с. 39].

«...в тот момент Карачаево-Черкесская Республика была таким удивительным местом. Может быть, это как раз и ностальгия, куда хочется вернуться, потому что национальный вопрос как таковой не стоял. Жили в таком доме, во дворе, который состоял из пятиэтажек, девятиэтажек, и моими друзьями были представители всех национальностей» (муж, 49 л.).

«Во-первых, была дружная у нас вся семья, вот вся наша страна была дружная. Межнациональные вопросы не стояли никогда, всех уважали, всех любили, среди любых наций были и идиоты, и отличные люди, а в основном все было прекрасно, терактов не было. Может, нам сильно не оповещали, а может, и правильно делали, ну, естественно, жизнь есть жизнь, и везде все происходило» (муж, 79 л.).

Постепенно изменения в национальной политике стали происходить в разных уголках СССР: разгораются межнациональные конфликты, не касаясь большей части населения страны. Они происходят сначала локально, а затем достигают масштабов всего Советского Союза. Повсеместно происходит рост национального самосознания.

«В 86 году, перед тем как начался кризис, началось осложнение в Сухуми, там начались какие-то волнения. А в общем, все так же друг к другу ездили: и в Грузию, и в Армению – везде ездили друг к другу, все было открыто, свободно, пока не началась перестройка...» (жен, 73 г.).

Первыми жертвами межнациональных отношений становятся представители некоренной национальности: меняется их социальный статус, появляется разграничение населения на своих и чужих, что не характерно для предыдущего этапа жизни страны.

«Русские стали уезжать настолько быстро, исчезать русские стали. Организовали еще один банк – только черкесы работали. Кавказ-Гилеос – это черкесский банк был. Наши девочки только все черкешенки перешли туда. И получилось так, что в девяностых годах стали организовываться карачаевские сходки и тому подобное, все они считали себя притесненными. В конце концов к власти пришел карачаевец» (жен, 70 л.).

Но стоит заметить, что все это происходит на уровне власти и руководящих структур. Отношения людей остаются неизменными: на уровне межличностных взаимодействий респонденты отмечают дружеские контакты, в которых вопрос национальности не поднимается.

Прослеживается разница в высказываниях респондентов, которые в ходе интервью четко заявили о своей национальной принадлежности, и для них становятся примечательны некоторые особенности советской государственности и отношение к их этническим группам.

Спецификой советского государства являлось четкое распределение по национальной принадлежности. В паспорте была выделена 5 графа – национальность. Задумывалось это нововведение в 1930-е гг. с целью подчеркнуть многонациональный состав населения большой страны. На деле же все получилось совсем наоборот. В СССР сформировался целый список «официальных» национальностей, по которому человек, получающий паспорт, мог определиться с выбором. Наряду с этим в правовых государственных структурах, таких как милиция, КГБ, существовали целые таблицы с этническими типами лиц. Также 5 графа предоставила возможность дискредитировать представителей некоторых национальных меньшинств, ущемлять их права, например, при приеме на работу. Перестройка принесла существенные изменения в этом вопросе, что, в свою очередь, отражается и в воспоминаниях современников.

«Мы писали в паспорте национальность всегда, а после развала отменили, а всегда во всех анкетах, в паспорте. 5 графу отменили уже позже, хотя в Советском Союзе это так

не афишировалось (прим. – межнациональные отношения), или я была маленькая (прим. – национальность еврейка)» (жен, 44 г.).

В период перестройки в условиях экономического кризиса и большого наплыва этнических мигрантов обостряются отношения между местными жителями и традиционно проживающими национальными группами.

«...межнациональные отношения всегда носили обоюднo нетерпимый характер, сколько себя помню, начиная с детского сада и заканчивая современным периодом, это такое не совсем адекватное отношение со стороны коренного населения к представителям другой национальности (прим. – национальность армянин)» (муж, 42 г.).

«...стали возникать, да, допустим, в той же Абхазии противоречия. Позже они стали озвучиваться, в начале девяностых они только-только начали возникать. Опять же, когда вот это жесткое давление было снято и стало можно говорить о политике больше. Об этом узнавали и по телевидению, и от своих сокурсников, у нас тоже учились ребята из Абхазии и других регионов. Эти разговоры возникали. Я помню, что тогда они начали обостряться (прим. – национальность абхаз)» (муж, 49 л.).

Политика гласности, экономический кризис, повсеместно разжигающаяся национальная неприязнь, ослабление государственной власти в центре и на местах – все эти факторы оказали воздействие на ухудшение ситуации в СССР и осложнились к концу 1980 – началу 1990-х гг.

«Отношение к национальностям я очень хорошо, вообще замечательно запомнила. Я очень хорошо помню, когда Кондратенко возглавлял край (прим. – Краснодарский край), его антисемитские высказывания, возвышение казачества, русской идеи. Тогда национализм, то, за что сейчас, по идее, наказывают, тогда он пер со всех сторон... Тогда армяне, азербайджанцы, таджики все стали плохими» (жен, 44 г.).

В условиях неэффективной правовой системы начали работать механизмы этнической самоорганизации, в том числе и у русского населения. Активизируется казачье движение, помимо искренних людей, способствующих возрождению

казачества, появляется часть казачьих объединений, которые занимались неправовыми, противозаконными действиями, что частично дискредитировало казачье движение.

«...беженцы поприехали... начали строиться тут, покупать дома. В основном было направлено против армян, турки-месхетинцы приехали и курды – вот против них всплески и были такие. Казаки там и порки публичные. Не знаю, как курды, а турки неуживчивые тоже. Не помню, то ли курды, то ли турки в район Мирного, где-то за Горячим Ключом, приехали и сказали: мы вас здесь резать будем. Ах, резать – там стычка и т.д. С адыгейцами не было, хотя и на мосту кордоны стояли, и гоняли, драки всегда были» (муж, 55 л.).

В апреле 1991 г. Верховный Совет РСФСР принимает закон «О реабилитации репрессированных народов». Согласно Статье 2, «репрессированными признаются народы (нации, народности или этнические группы и иные исторически сложившиеся культурно-этнические общности людей, например казачество), в отношении которых по признакам национальной или иной принадлежности проводилась на государственном уровне политика клеветы и геноцида, сопровождавшаяся их насильственным переселением, упразднением национально-государственных образований, перекраиванием национально-территориальных границ, установлением режима террора и насилия в местах спецпоселения» [8]. Также закон восстановил в правах казачество как исторически сложившуюся культурно-этническую общность.

В рутине повседневных проблем советское общество не следило за политической жизнью страны, и о межнациональных конфликтах люди знали либо благодаря своему социальному окружению, знакомым, которые столкнулись с этими проблемами, либо респонденты сами проживали в местах поселения тех или иных национальностей.

«...у нас очень много было в классе крымских татар, и начался такой крик на историчку, на учительницу, как их депортировали, как их в вагонах вывозили, как они в вагонах этих умирали по дороге куда-то в Среднюю Азию, когда они из

Средней Азии уехали, им не разрешили вернуться в Крым. И поэтому они остались на нашей территории Краснодарского края, не доехав до Крыма, их не впустили в Крым. И только в перестройку им разрешили вернуться в Крым, и тогда они пересекли пролив. Они улицами уезжали... были протестные митинги на площади у нас в Абинске. Следом за крымскими татарами появились турки-месхетинцы, которые у нас обнесли Крымский район, Абинский район, Новороссийскую прибрежную зону. Слава богу, им потом Америка дала разрешение на въезд, они тоже эмигрировали, и они уехали, слава богу. Потому что они вели себя просто отвратительно. То есть если крымские татары – это были работающие, нормальные, адекватные, да вспыльчивые, это потом я уже поняла, это присуще их национальной черте. А месхетинцы были боровитые, ну и такие наглые, хамские» (жен., 44 г.).

Для многих советских людей было открытие и откровение информация о депортации народов СССР, отсутствии правовых механизмов, способствующих возвращению части из них на свою историческую родину, таких как крымские татары или турки-месхетинцы.

То есть средства массовой информации в данном случае играли не первостепенную роль, а многие проблемы в государстве умалчивались и не придавались огласке, это и подтверждают интервью.

«Я бы этого и не видела, и не знала бы. Это умалчивалось, это замалчивалось. Ведь нигде это не освещалось ни в прессе, ни по телевидению. Нигде. Если бы я не видела этого собственными глазами, если бы не жило их у нас огромное количество именно в этом населенном пункте и рядом в населенных пунктах» (жен., 44 г.).

В воспоминаниях респондентов отражено негативное отношение к политике СССР в период 1985–1991 гг., из-за чего произошло ухудшение экономического положения страны и появление деструктивных групп людей, которые выступали факторами опасности и страха, обостряя и так непростые события в общественной жизни.

«Гласность особенно стала ощутима в кавказской республике. Впервые стали говорить, что кто-то завоеватели,

стали обозначать проблемы межнационального взаимодействия» (муж., 49 л.).

«...Они с деньгами приехали и сразу вот это вот всплеск негатива: пошел раздел, и народ начал мигрировать сюда, переезжать... У меня знакомый жил в Таджикистане, и он говорит: мне сказали, ты б уезжал отсюда, 17-го начнется заварушка, и ты уедь до этого времени, нормально все было, никаких посылов нет. Собрался 15-го числа, погрузился и поехал, и в дороге узнает, что действительно случился переворот, там объяснял он, что кулябская мафия – это партийная мафия, криминальная, ну естественно, народ куда, в Армению, и сюда...» (муж., 55 л.).

Таким образом, жизнь СССР стремительно поменялась: государственные структуры, экономические вопросы, межнациональное взаимодействие – это лишь верхушка всего айсберга. Изменился советский человек.

Получается, что в то время, когда протекает наша повседневная жизнь, мы становимся свидетелями и порой участниками событий, анализируемых на уровне государственной власти.

Часть респондентов обратили внимание на миграционную ситуацию в изучаемый период, отметили то, что ситуация в Советском Союзе изменялась: у людей рушились сложившиеся привычные модели поведения и структуры повседневности, на смену приходили новые, иногда отклоняющиеся от принятых до этого в обществе.

Однако устоявшиеся социальные связи сохраняются, несмотря на возросшую конфликтность и выдавливание некоренных народов со своей территории. Так, видно, что ни в одном интервью не прозвучали упоминания о конфликтах со своими соседями, предательстве бывших друзей другой национальности, распаде межэтнических браков. Характерной чертой стала социальная поддержка людей, посильная помощь в решении сложившихся межэтнических проблем. Именно по этой причине необходимо уделять внимание не только событиям, происходящим на уровне государства, но и тщательно изучать роль человека в истории и его обыденной жизни.

Можно предположить, что подобный тип исследования позволит ученым глубже проанализировать этот непростой этап в жизни страны и рассмотреть проблемы с разных граней общественной жизни, в том числе и его повседневную рутинную жизнь, протекающую параллельно с событиями в государстве.

Библиографические ссылки

1. Абдулатипов Р.Г. Этнополитология. СПб.: Питер, 2004. 313 с.
2. Авксентьев В.А., Бабкин И.О., Медведев Н.П., Хоц А.Ю., Шнюков В.В. Ставрополье: этноконфликтологический портрет. Коллективная монография. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. 138 с.
3. Арутюнян Ю.В. Русский этнос: демографические изменения и востребованность межэтнической интеграции // Социологические исследования. 2010. № 12. С. 42–48.
4. Геллер М. Седьмой секретарь. Блеск и нищета Михаила Горбачева. London: Overseas Publications Interchange, 1991. 457 с.
5. Декларация прав народов России [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5307/> (дата обращения 10.11.2018).
6. Дерлугьян, Г. Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы. М.: Изд.-во Института Гайдара, 2013. 384 с.
7. Дробижева Л.М. Этнополитические конфликты. Причина и типология (конец 80-х начало 90-х годов) // Россия сегодня. Трудные поиски свободы. М., 1993. С. 227–236.
8. Закон РСФСР от 26.04.1991 № 1107-1 (ред. от 01.07.1993) «О реабилитации репрессированных народов» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://legalacts.ru/doc/zakon-rsfsr-ot-26041991-n-1107-1-o/> (дата обращения 13.11.2018).
9. Здравомыслов А.Г., Матвеев С.Я. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве // Вестник российской академии наук. 1995. Том 65. № 7. С. 579–594.
10. Здравомыслова О.М. Перестройка и фактор Горбачева в общественном мнении 1985-1991 гг.: Западная Европа, США, СССР. Журнал «Фонд общественного мнения». М., 2005. С. 342–361.
11. КПСС. Съезд, 24. Стенографический отчет. 30 марта - 9 апр. 1971 г. в 2-х т. Т. I. М.: Политиздат, 1971. 598 с.
12. Кром М.М. Повседневность как предмет исторического исследования (вместо предисловия) Статья в сборнике: История повседневности: Сборник научных работ. СПб., 2003. С. 7–14.

13. Национальная политика России: история и современность. М.: Русский мир, 1997. 680 с.
14. Образ жизни в советской и постсоветской России / Под общ. ред. А.А. Возьмителя и Г.И. Осадчей. М.: Изд-во РГСУ, 2009. 164 с.
15. Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: Изд. дом гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 317 с.
16. Ракачев В.Н., Ракачева Я.В. Краснодарский край: этносоциальные и этнодемографические процессы (вторая половина 1980-х-начало 2000-х гг.). Краснодар: Кубанский государственный университет, 2003. 240 с.
17. Рождественская Е.Ю., Семенова В.В. Социальная память как объект социологического изучения // ИНТЕР. 2011. Том. 1. № 6. С. 27–48.
18. Хоперская, Л.Л. Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе: Концепция этн. субъектности. Ростов н/Д.: Сев.-Кавк. акад. гос. службы, 1997. 143 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ У СТУДЕНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

FORMATION STUDENTS' ETHNIC TOLERANCE IN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS

М.В. Верстова

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

M.V. Verstova

Kuban State University, Krasnodar, Russia

В.В. Верстов

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

V.V. Verstov

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье представлены результаты исследования формирования этнической толерантности у студентов образовательных организаций. Были выявлены определенные различия в показателях толерантности студентов национальностей Северного Кавказа по некоторым субшкалам по сравнению с показателями студентов иных этнических групп, в том числе это касается показателей этнической толерантности, толерантности как черты личности, общей толерантности.

Abstract. The article presents the results of the study of the formation of ethnic tolerance among students of educational organizations. Certain differences in indicators of tolerance of students of nationalities of the North Caucasus on some subscales in comparison with indicators of students of other ethnic groups were revealed, including it concerns indicators of ethnic tolerance, tolerance as lines of the personality, the general tolerance.

Ключевые слова: этнос, этническая толерантность, социальная толерантность, ценности, ценностные ориентации.

Keywords: ethnos, ethnic tolerance, social tolerance, values, value orientations.

При работе с представителями этнических общностей приходится учитывать не только определенные традиции, обычаи, языковые особенности, но и свойственные им ценности. Одни и те же качества у представителей разных национальностей имеют свои особенности, по-своему проявляются в сознании, поведении, эмоциональных реакциях и определяют специфику взаимоотношений в процессе учебной и профессиональной деятельности. В учебных коллективах наблюдается большое разнообразие форм межличностных отношений. Знание специфики проявления этнической толерантности студентов в процессе взаимодействия может повысить эффективность учебной деятельности преподавательского состава вуза.

Проблема толерантного поведения в процессе межнационального взаимодействия актуальна для таких областей науки, как психология, социология, конфликтология, философия, религиоведение. Толерантность (или интолерантность) как черта личности формируется в процессе социализации человека. С раннего детства человек сразу «вливается» в разные социальные группы, которые играют немаловажную роль в формировании его национальной принадлежности, его отношения к представителям другой культуры и, в конце концов, в формировании у него толерантности по отношению к людям другой национальности или другой религии. Влияние исходит с разных сторон. Это семья, сверстники, тот национальный регион, в котором проживает человек, дошкольные образовательные учреждения, школа, вуз, под влиянием культуры, традиций, нравов, религии, присущих различным народам, нациям. Значительное влияние на увеличение степени агрессивности и интолерантности оказывают СМИ, художественные фильмы и компьютерные игры чрезмерно агрессивного характера.

Исторически Российская Федерация сложилось как многонациональное государство. Согласно данным последней переписи населения, в России проживают представители более 180 национальностей (этнических групп). Исходя из этого, в стране существует многообразие культур, языков, этнического самосознания, ценностей, установок и т.д. Например, только на

территории Краснодарского края проживает более 100 национальностей (этнических групп) [13]. Поэтому изучение ценностных ориентаций и этнической толерантности особенно актуально на примере нашего региона.

Понятие этнической толерантности можно трактовать по-разному. Так, например, Е.И. Шлягина, С.Н. Ениколопов отмечают, что этническая толерантность является частным случаем общей толерантности личности. Поэтому толерантность, проявляемая субъектом в новом для него социокультурном окружении, можно назвать этнической толерантностью [9].

В литературе этническая толерантность представляется как личностное образование, входящее в структуру социальных установок. Она выражается в терпимости к иному образу жизни, инокультурным обычаям, традициям, нравам, чувствам, мнениям и идеям, выражаемым представителями других этносов и культур. Этническая толерантность личности проявляется в различных критических ситуациях межличностного и внутриличностного выбора тогда, когда выработанные в ином социально-культурном образе жизни этнические стереотипы и нормы решения встающих перед личностью проблем не срабатывают, а новые нормы или стереотипы находятся в процессе своего формирования. Этническая толерантность личности обнаруживается и в проблемно-конфликтных ситуациях взаимодействия с представителями других этнических групп [9].

Характеристики этнической толерантности были описаны Г.У. Солдатовой. Исследователь выделяет характеристики: знание самого себя, своих достоинств, недостатков; умение брать ответственность на себя (толерантный человек не склонен в своих бедах обвинять окружающих); ощущение безопасности и убежденность, что с угрозой можно справиться; меньшая потребность в определенности (толерантный человек не делит мир на черное и белое, а признает его многообразие, готов выслушать любую точку зрения и чувствует меньший дискомфорт в состоянии неопределенности); ориентация на себя и личностную независимость; меньшая приверженность к порядку (в том числе и социальному); способность к эмпатии;

чувство юмора (способность посмеяться не только над другими, но и над собой, своими недостатками и ошибками); предпочтение не авторитаризма, а свободы и демократии (для толерантного человека общественная иерархия не имеет большого значения) [9].

Кубанский педагог А.А. Остапенко отмечает, что межэтническая толерантность – слово иностранное. «Толерантность» отождествляют с русским словом «терпимость» и толкуют как терпимое отношение к иному. К изначальному смыслу мы вернемся ниже, а пока зададим простой вопрос: что человеку приходится терпеть? Приятное и комфортное или плохое и раздражающее? Ответ очевиден. Приятное и хорошее терпеть не надо. Оно не вызывает отрицательного отношения. Терпеть приходится отрицательное, плохое. Терпеть приходится боль и неудобства. Терпеть приходится унижения и обиды [5].

Сами словосочетания «межэтническая толерантность», «межконфессиональная толерантность» предполагают необходимость терпимого отношения к иным народам, к иным конфессиям, которые в отличие от моего народа и моей веры плохи, отрицательны. Иначе, если они хороши и положительны, то терпимость к ним не нужна.

Стало быть, для *того чтобы формировать толерантное отношение к иной вере или народу, надо сначала сформировать отрицательное отношение к ним* (курсив автора), чтобы было что терпеть [5].

Таким образом, можно заключить, что этническая толерантность – это разносторонний феномен. В его основе находится положительное отношение к своему и к другим народам, где существенной характеристикой толерантности является ее ведущий характер: в толерантность входит как принятие мнения представителей других этносов, привычек, поведения, так и обмен ценностями.

В психологических работах можно встретить определение понятия «ценность» как «то, что человек особенно ценит в жизни, чему он придает особый, положительный жизненный смысл» [8]. В отечественной психологии сложился целый ряд школ и направлений, в которых аналогичные подходы к

пониманию ценностей рассматриваются в различных аспектах изучения свойств личности. В одних школах личность рассматривается в связи с анализом ее деятельности (А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн) [4, 7], в других центральное место занимает изучение психологических отношений личности (В.Н. Мясищев), в-третьих личность исследуется в связи с общением (К.А. Абульханова, А.А. Бодалев, Б.Ф. Ломов). С.Л. Рубинштейн также писал, что «ценности ...производны от соотношения мира и человека, выражая то, что в мире, включая и то, что создает человек в процессе истории, значимо для человека» [7]. По мнению А.Г. Здравомыслова, ценности выступают важным связующим звеном между обществом, социальной средой и личностью, ее внутренним миром [3]. В концепции субъект-объектных взаимодействий, представленной теорией деятельности А.Н. Леонтьева, понятие субъективных ценностей в какой-то степени ассоциируется с понятием значимости, предполагающим связь индивидуальной представленности значений с эмоционально-мотивационной сферой [4].

М. Рокич выделяет два класса ценностей: терминальные ценности-убеждения в том, что какая-либо конечная цель индивидуального существования с личной или общественной точек зрения стоит того, чтобы к ней стремиться; инструментальные ценности-убеждения в том, что какой-либо образ действий является с личной и общественной точек зрения предпочтительным в любых ситуациях. Терминальные ценности носят более устойчивый характер, чем инструментальные, причем для них характерна меньшая межиндивидуальная вариативность [4].

Понятие «ценность» отличается от понятия «ценностные ориентации», тем, что подразумевает «важный компонент» мировоззрения личности или групповой идеологии, выражающий (представляющий) предпочтения и стремления личности или группы в отношении тех или иных обобщенных человеческих ценностей (благополучие, здоровье, комфорт, познание, свобода, творчество, труд)». В психологической литературе разделение этих понятий сводится к рассмотрению

ценностных ориентаций как индивидуальных форм репрезентации на индивидуальных ценностях.

М.С. Яницким была предложена модель типологии личности, основанная на экспериментальном выделении типов, исходя из целостной иерархии ценностных ориентаций исследуемых. В качестве основания для группировки использовались выставленные исследуемыми ранги значимости терминальных ценностей (т. е. ценностей-целей) теста М. Рокича [11].

«Ценностные ориентации – это относительно устойчивое, избирательное отношение человека к совокупности материальных и духовных благ и идеалов, которые рассматриваются как предметы, цели или средства для удовлетворения потребностей жизнедеятельности личности. В ценностных ориентациях как бы аккумулируется весь жизненный опыт, накопленный в индивидуальном развитии человека» [11], определяющий его взаимоотношения с другими людьми, преобразования личности, в том числе и по отношению к самой себе, являющийся существом образа жизни индивида.

Ценностные ориентации, по В.А. Ядову, – это высший компонент регулятивной системы. Он характеризуется большей осознанностью, тем самым полностью зависит от ценностей социальной общности, с которой себя идентифицирует личность. Ценностные ориентации определяются как система личностных установок по отношению к существующим в данном обществе материальным и духовным ценностям. Это совокупность убеждений, принимаемых индивидом в качестве своих внутренних ориентаций [12]. В современной социальной ситуации человек стремится выработать принять такие ценности, жизненные ориентиры, которые позволили бы ему найти свое место в различных системах социального и этнического взаимодействия и помочь человеку самоопределиться.

Таким образом, в психологическом исследовании ценность с одной стороны выступает как положительная (или отрицательная) значимость для определения общности или

отдельной личности любых социальных явлений, в том числе и этнических. С субъективной стороны ценностями являются взгляды, убеждения, идеи и идеалы, нормативы и образы, интересы и жизненные планы, в соответствии с которыми и на основе которых эти объекты признаются ценными или вредными или безразлично-нейтральными. Роль ценностей определяется тем, что они служат мотивообразующими факторами, участвуют в определении целей и средств, отвечающим тем или иным ценностям; являются основой принятия решений и критерием того, к чему следует стремиться и чего следует избегать; вносят устойчивость в поведение личности [11].

Система образования не должна оставаться в стороне от укрепления этнической толерантности, а также создания отношения к ней как к ценности общества. Так, например, сегодня в образовательных учреждениях преобладает информативная форма передачи знаний об этносах среди студентов. И поэтому, характеризуя психологические особенности личности студентов, можно заметить, что процесс обучения в образовательных учреждениях имеет ряд характерных особенностей. Особенности этого процесса оказывают непосредственное воздействие на развитие и проявление психологических особенностей студента, этнической толерантности, а также ценностных ориентаций личности.

В связи с этим, нами было проведено исследование этнической толерантности и ценностных ориентаций личности на примере студентов. В исследовании приняли участие студенты (возрастной состав испытуемых 19–22 года, юноши). Испытуемые были разделены на группы. Первая группа: представители славянского этноса (30 студентов); вторая группа: студенты – представители национальностей Северного Кавказа (30 студентов).

Гипотезой исследования выступило предположение, что наблюдаются различия в этнической толерантности, ценностных ориентациях и в культурно-ценностных ориентациях личности студентов среди представителей славянского этноса и национальностей Северного Кавказа.

В качестве вспомогательных гипотез, нами были выдвинуты предположения: особенности личности студентов проявляются в этнической толерантности, социальной толерантности, толерантности как черте личности, жизненных конструктах, выраженных в общей культурно-ценностной ориентации; различия ценностных ориентаций детерминированы этнической принадлежностью будущих специалистов.

Изучая уровень этнической толерантности испытуемых с помощью методики «Индекс толерантности» Г.У. Солдатовой, О.А. Кравцовой [9] было выявлено, что индекс толерантности курсантов национальностей Северного Кавказа по субшкалам выражены в несколько в большей степени по сравнению с группой славянского этноса. Чтобы увидеть, насколько отличаются выделенные нами группы друг от друга, вычислялись значения t-критерия Стьюдента.

Показатель общей толерантности студентов был равен 82,58 балла по всей выборке. В группе представителей национальностей Северного Кавказа индекс толерантности равен 90,66 – это высокий показатель, т.е. испытуемые обладают определенными выраженными чертами толерантной личности (ведущие к размыванию «границ толерантности», которые в свою очередь могут быть связаны с психологическим инфантилизмом, тенденциям к попустительству, безразличием в обществе и так далее). Важно учитывать, что респонденты, попавшие в этот диапазон, могут демонстрировать высокую степень социальной желательности.

В группе славянского этноса средний индекс равен 77,2 балла. Такие результаты демонстрируют респонденты, для которых характерно сочетание как толерантных, так и интолерантных черт. В одних социальных ситуациях они ведут себя толерантно, в других могут проявлять интолерантность.

В группе представителей национальностей Северного Кавказа 46% продемонстрировали высокий уровень этнической толерантности, то есть почти половина выделенной нами группы полностью принимает представителей другого этноса. В целом студенты из группы Северного Кавказа продемонстрировали доброжелательность, вежливость и

терпение, высокий уровень сопереживания, при этом почти каждый третий респондент в качестве эталонных воспринимает черты национального характера представителей своего этноса. Показатель этнической толерантности у них статистически выше, чем у студентов славянского этноса.

Показатель по субшкале «социальной толерантности» составил 28,81 балла для всей выборки, что является средним уровнем толерантности. В группе студентов «славянского этноса» индекс оказался средним ($x = 27,25$), а у студентов с Северного Кавказа показатели выше ($x = 31,66$).

По показателю субшкалы «толерантность как черта личности» группа представителей национальностей Северного Кавказа показала значения ($x = 30,33$), которые выше, чем у представителей славянской группы ($x = 26,0$) ($p < 0,05$).

Таким образом, по шкалам «Этническая толерантность» и «Толерантность как черта личности» и «Общая толерантность» были выявлены статистически значимые различия между группами студентов славянского этноса и студентов Северного Кавказа.

Для определения основных тенденций формирования и становления культуры испытуемых мы применили Тест культурно-ценностных ориентаций [10]. В основание теста легло представление о трех типах культуры.

На основе теории ценностных ориентаций Ф. Клакхона и Ф. Стродбека, в основе которой лежат различия между культурами, американским психологом Дж. Таусендом был предложен тест культурно-ценностных ориентаций, основанный на представлении о различных ценностных ориентациях и общей направленности культур (адаптация теста для русскоязычной выборки Л.Г. Почебут).

Тест культурно-ценностных ориентаций – это не личностный тест, он назначен для определения основных тенденций становления психологического склада наций, принадлежащих к разным культурам. Процедура теста культурно-ценностных ориентаций заключается в том, что испытуемые отмечают в каждом разделе то утверждение, которое наилучшим образом описывает ценностную ориентацию его народа. Им предлагают вспомнить, чему их

учили семья, школа, религия, при ответе просят не руководствоваться современными взглядами в том случае, если они отличаются от того, чему их учили. В основу теста заложено представление о трех типах национальной культуры [6].

Первый тип – традиционная национальная культура – характеризуется ориентацией людей на прошлое, приверженностью традициям, интересом к истории.

Второй тип – современная национальная культура – характеризуется ориентацией людей на настоящее, на современные им события.

Третий тип – динамически развивающаяся национальная культура – характеризуется ориентацией людей на будущее, на достижение быстрых значительных результатов.

Ориентация на будущее выражена у студентов Северного Кавказа (38 %), по-видимому, они рассматривают свою культуру как динамически развивающуюся и этим отличаются от славянского этноса.

Ценности общения с природой несколько сильнее выражены у студентов-представителей национальностей Северного Кавказа. Это характерно для наций, в менталитете которых центральное положение занимают ценности традиционной культуры, стремящихся не противопоставлять природу и человека, рассматривая их как единое целое (но в группе студентов «Северного Кавказа» единство природы и человека выражено сильнее).

Согласно результатам третьего раздела, в группах студентов славянского этноса и студентов Северного Кавказа преобладают ценности традиционной культуры, характерен уклон в сторону признания необходимости контроля и ограничения свободы. Свыше половины принявших участие в исследовании представителей кавказских и славянских этнических групп считают, что если людьми не руководить, то они склонны совершать плохие и хорошие поступки.

В ответе на четвертый вопрос обнаружилось наибольшее различие в отношении к тому, что является основным для взаимоотношений.

Первое место принадлежит ответу «*большая семья*», большой вклад в это внесла группа студентов Северного Кавказа – 69%. В группе студентов славянского этноса этой позиции придерживаются только 34%, столько же отдают предпочтение позиции «*индивидуальность, самобытность личности*».

В ответе на последний вопрос студентов славянского этноса и студентов Северного Кавказа проявили единство во взглядах, однако, в качестве ответов выбрали не характерные для традиционных коллективистских культур («*существование само по себе достаточно для жизни*» по 0% в двух группах), а для современной и динамически развивающейся: «*рост и развитие личности является самой важной целью в жизни*».

В целом этнические менталитеты студентов славянского этноса и студентов Северного Кавказа имеют отличия, но обе культуры преимущественно относятся к традиционным по классификации Ф. Клакхона и Ф. Строббека, где человек рассматривается как существо, зависимое от ближайшего социального окружения. В такой культуре не допускается внутренняя свобода человека. За его действиями, поступками и даже мыслями осуществляется постоянный строгий контроль со стороны сообщества. Люди этой культуры воспринимают природу как вечную тайну бытия, как неразрешимую загадку, отгадать которую они не стремятся. Деятельность человека строго регламентирована. За успехи в работе и творческое отношение к делу человека, как правило, вознаграждают не сразу, а через какое-то время, наверняка на выбор испытуемых оказывает влияние в условия профессионализации в учебном заведении.

Исследование терминальных и инструментальных ценностей по методике М. Рокича показало неоднозначные результаты в рассматриваемых группах.

Среди наиболее предпочитаемых терминальных ценностей в обеих группах присутствуют счастливая семейная жизнь (1 место – у студентов Северного Кавказа, 3 место – у студентов славянского этноса), здоровье (2 место в обеих группах), наличие хороших и верных друзей (1 место – у студентов славянского этноса и 3 место – у студентов Северного Кавказа).

Корреляционный анализ показал, что ценностные профили групп оказались достаточно близкими ($r = 0,810956$, при $p < 0,05$).

Максимальные различия прослеживаются между группами в инструментальных ценностях. Здесь выявлена отрицательная значимая корреляция между ценностными профилями групп ($r = -0,1063$, при $p < 0,05$).

Групповая иерархия инструментальных ценностей (т.е. ценностей-средств) представителей Северного Кавказа характеризуется предпочтительной ориентацией на воспитанность, аккуратность, образованность, ответственность, самоконтроль, при низкой значимости таких ценностей, как рационализм, эффективность в делах непримиримость к недостаткам, высокие запросы. А в группе славян групповая иерархия инструментальных ценностей характеризуется преобладанием независимости, твердой воли, рационализма, жизнерадостности, честности.

Анализ полученных данных позволяет сделать вывод о том, что студенты, имея одинаковые жизненные ценности, предпочитают противоположные ценности-средства для достижения своих целей. Данные результаты актуализируют проблему формирования и укрепления этнической толерантности личности студентов славянского этноса и представителей национальностей Северного Кавказа в условиях профессионализации в учебном заведении.

Таким образом, сформулированная гипотеза о различной этнической толерантности, ценностных и культурно-ценностных ориентациях личности студентов среди представителей славянского этноса и национальностей Северного Кавказа нашла свое подтверждение. Результаты исследования показали, что существуют различия между студентами славянского этноса и студентами Северного Кавказа в инструментальных ценностях, в показателях толерантности и в отдельных культурно-ценностных ориентациях. Знание этих отличий может повысить эффективность учебной деятельности преподавательского состава вуза.

Библиографический список

1. Баронин А.С. Этнопсихология. Киев: МАУП, 2000. 264 с.
2. Верстова М.В., Верстов В.В. Экстремизм и конфликтность в межэтнической среде // Социальная педагогика: научно-практический журнал. № 3, Научно-исследовательский институт школьных технологий, Москва, Россия, 2016. С. 101–110.
3. Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. Актуальные проблемы исторического материализма. М.: «Издательство политической литературы», 1986. 224 с.
4. Леонтьев Д.А. Методика изучения ценностных ориентаций. М.: Смысл, 1992. 17 с.
5. Остапенко А.А., Хагуров Т.А. Национальное воспитание: от межэтнической толерантности к интернациональной дружбе // Народное образование: научный журнал. № 9. Народное образование, М., 2015. С. 149–156.
6. Почебут Л.Г. Кросс-культурная и этническая психология. Учебное пособие. СПб.: Питер, 2012. 336 с.
7. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2000. С. 641–645.
8. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология человека: Введение в психологию субъективности. Учебное пособие для вузов. М.: Школа-Пресс, 1995. С. 191–195.
9. Солдатова Г.У. и др. Психодиагностика толерантности личности / Г.У. Солдатова, Л.А. Шайгерова, Т.Ю. Прокофьева, О.А. Кравцова. Москва: Смысл. 2008.
10. Шкала экспресс-оценки чувств, связанных с этнической принадлежностью (Н.М. Лебедева) / Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Методы этнической и кросс-культурной психологии. М., 2011.
11. Яницкий М.С. К проблеме аксиологической типологии личности // Теоретические и прикладные вопросы психологии. Вып. 3. Ч. 1. СПб. 1997. С. 391–398.
12. Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал № 1. 1994. С. 35–52.
13. <http://www.statdata.ru/nacionalnyj-sostav-rossii>

**ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ СОЗДАНИЯ
И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГРЕЧЕСКИХ НАЦИОНАЛЬНО-
КУЛЬТУРНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ
В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.
(НА ПРИМЕРЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ)**

**THE HISTORICAL EXPERIENCE OF CREATION
AND ACTIVITY OF THE GREEK NATIONAL-CULTURAL
PUBLIC ASSOCIATIONS
AT THE END OF XX – BEGINNING OF XXI CENTURY
(ON THE EXAMPLE OF KRASNODAR REGION)**

И.И. Гаевская, М.А. Лаврентьева

Кубанский государственный технологический университет,
г. Краснодар

I.I. Gajewski, M.A. Lavrent'eva

Kuban State technological University, Krasnodar, Russia

Аннотация. Грецию и Кубань связывает многовековая история. Издавна в регионе существует одна из крупнейших в России греческих диаспор. В статье рассмотрена история становления греческих национально-культурных объединений на территории Краснодарского края. Они начали организационно оформляться на рубеже 1980-1990-х годов. Греки Кубани своей активной поддержкой, энергичной деятельностью, несомненно, способствовали образованию общесоюзного и впоследствии общероссийского объединения греков. На примере устава Краснодарской городской общественной организации греков «Понтос» авторы статьи показывают организационные основы деятельности подобных национально-культурных объединений, их цели и задачи. Сделан вывод о том, что эффективной является деятельность греческих объединений в популяризации греческого языка, танцевальной культуры, развитии спорта. Свой важный вклад в сохранение национального самосознания вносят и праздники, посвященные религиозным и национальным памятным датам

греческого народа.

Abstract. Greece and Kuban are connected by long history. In the region it has long been one of the largest Greek diasporas in Russia. The article describes the history of the formation of the Greek national-cultural associations in the Krasnodar Territory. They began to take shape at the turn of the 1980-1990th. The Kuban Greeks with their active support and energetic activity, undoubtedly contributed to the formation of the all Union and subsequently the all Russian Association of Greeks. On the example of the charter of the Krasnodar city public organization of the Greeks "Pontos", the authors of the article show the organizational bases for the activities of such national-cultural associations, their goals and objectives. It is concluded that the activity of Greek associations in the popularization of the Greek language, dance culture, and the development of sport is effective. Holidays dedicated to religious and national commemorative dates of the Greek people also make an important contribution to the preservation of national self-consciousness.

Ключевые слова: Краснодарский край, Кубань, Греция, греческая диаспора, национально-культурные общественные объединения, история, «Понтос».

Keywords: Krasnodar region, Kuban, Greece, Greek diaspora, national-cultural public associations, history, "Pontos".

Исторические и географические связи Кубани с Грецией имеют многовековую историю. Начиная со второй половины VII в. до н.э. на северных берегах Черного моря появляются греческие поселения. Одним из активно осваивавшихся районов становится Боспор Киммерийский (Керченский пролив). По его обеим сторонам вырастают античные поселения. С этого времени, судьба Кубани тесно связана с античным миром. Возникшее в V в. до н.э. Боспорское царство вовлекло в орбиту своей экономической, политической, культурной жизни местное варварское население и способствовало его приобщению к достижениям античного мира.

Современные греки начали переселение на Кубань во

второй половине XIX в. с разрешения русского правительства. Здесь складывается крупнейшая греческая диаспора, существующая и по сей день. Большинство переселенцев XIX в. были турецкими подданными и бежали из-за притеснений, которым подвергались, исповедуя православие. После окончания Крымской войны многие добровольцы из греков, воевавшие на стороне России, просили разрешения поселиться на территории империи. В 1856 и 1864 гг. им разрешили расселяться в колониях их соплеменников в Новороссийском крае. Поселенцы говорили на греческом и турецком языках. Они стали первыми на Кубани табаководами: разводили в основном высшие сорта табака. Очень быстро Кубань стала одной из ведущих российских губерний в этой сфере.

Согласно переписи населения 1897 г. в Кубанской области проживало 20173 грека (это четвертый показатель после русских, черкесов и немцев), что составляло примерно 1,05% от общего количества населения Кубани [1, с. 105]. В последующие годы, динамику греческого населения на Кубани можно проследить по данным Всесоюзных переписей 1939, 1959, 1979, 1989 гг., а также по данным Всероссийских переписей 2002 и 2010 гг. Статистические данные показывают существенное изменение численности греческого населения в регионе в период с 1939 по 1959 гг. (следствие депортаций 1942, 1944 и 1949 гг.). В последующий период, до конца 1980-х годов, мы можем наблюдать постепенное увеличение численности греческого населения Кубани. Незначительное уменьшение численности, вызванное выездом греков на историческую родину в 1991-1993 гг., к середине 1990-х годов было преодолено, и численность греческой диаспоры стабилизировалась, достигнув, порядка 30 тыс. чел. Относительная доля греков в составе всего проживающего на Кубани населения составила 0,43% в 2010 г.

Местами преимущественного расселения этой этнической группы являются города Геленджик, Крымск, Анапа, Абинск, Новороссийск, Сочи. Среди менее крупных населенных пунктов можно отметить: п. Кабардинка и Прасковеевка, с. Мерчанское и Витязево, и др.

Сегодня в России зафиксировано 49 греческих обществ, 13

из которых существуют на территории Краснодарского края. Начало процессу организационного оформления греческого движения на Кубани было положено на рубеже 1980-1990-х гг.

В 1989 г. были созданы Городская общественная организация «Геленджикское общество греков» и Анапская местная общественная организация греков «Горгиппия».

20 декабря 1989 г. состоялось собрание греческой общественности г. Новороссийска, в котором приняли участие около 200 чел. Собрание избрало инициативную группу с целью подготовки и проведения учредительного собрания по созданию греческой общественной организации Новороссийска, которое состоялось уже 18 января 1990 г. (присутствовали 286 чел.). Было принято решение о создании Новороссийского отделения Всесоюзного общества советских греков, утвержден устав организации. Первым председателем общества был избран В.Ф. Томбулов. В 1992 г. отделение было перерегистрировано в «Новороссийское общество греков». Сегодня носит название Общественная организация «Новороссийское городское греческое общество».

20 апреля 1990 г. в Крымске было основано греческое общество «Филия». Первым председателем, руководившим обществом четыре года, стал Ю. Кочериди, известный как автор, опубликовавший более 120 статей в местной печати по истории и культуре греческой диаспоры Северного Кавказа. В вышедшей в 2003 г. книге «История села Мерчанского» он рассказывал о становлении греческого движения в России и в Краснодарском крае в частности [2]. Жители этого села неоднократно принимали активное участие в самых различных мероприятиях, в том числе имевших цель выработать документы, связанные с общей деятельностью потомков Древней Эллады, независимо от места их пребывания. Так, например, в 1994 г. жители с. Мерчанского И.Н. Аманатов, В.Ф. Томбулов в составе делегации Российского общества греков побывали на работе Всемирного общества греков в г. Салоники (этот греческий город принял большинство греков-эмигрантов из СССР), где присутствовали греческие диаспоры из Австралии, Германии, США, Франции и др.

В 1991 г. объединение российских греков «Эноси» было

образовано в Сочи. Город Сочи имеет 4 административных района, и в каждом из них имеется центр греческой культуры с председателем, которые подчиняются председателю общества «Эноси». В городе проживает около 7 тыс. греков.

Крупнейшим событием начального этапа деятельности греческих культурных обществ не только Краснодарского края, но и всего СССР стало проведение I Учредительного съезда греков СССР 29-31 марта 1991 г. в Геленджике, которому предшествовали две подготовительные конференции, организованные на территории Краснодарского края: в Сочи (декабрь 1990 г.), в Геленджике (февраль 1991 г.). М.К. Саввиди (житель с. Мерчанского), был инициатором и активным участником создания в Краснодарском крае греческих обществ, внес наибольший вклад в организацию и проведение съезда 1991 г. в Геленджике, где он был избран первым заместителем председателя Всесоюзного объединения греков «Понтос» и председателем Национального совета. Также им был организован прием в Геленджике в 1991 г. в честь премьер-министра Греции К. Мицотакиса. В этом же году он присутствовал на Всемирном фестивале греческой культуры в Германии. В 2011 г. в Крымске была учреждена ОО «МНКА греков МО Крымский район», преемник и продолжатель «Филии».

В столице Кубани работает Краснодарская городская общественная организация греков «Понтос», ранее именовавшаяся «Краснодарское городское общество греков» (создана 6 июня 1992 г.). На примере ее устава можно получить представление об организационных основах деятельности подобных организаций, их целях, задачах.

«Понтос» является некоммерческой общественной организацией, объединяющей на добровольных началах граждан РФ, иностранных граждан и лиц без гражданства. Организация является юридическим лицом. Ее деятельность преследует следующие цели: объединение граждан для осуществления межнационального, интеллектуального и культурного общения в духе гуманизма и приоритета общечеловеческих ценностей; осуществление полноты национального бытия в формах национального самосознания,

традиционной культуры и религии народа; изучение и развитие традиционного греческого народного искусства; изучение и сохранение традиций и языка.

Исходя из целей поставлены следующие задачи: благотворительная деятельность, направленная на развитие национальной культуры, содействие взаимообогащению национальных культур и развитию межнациональных связей; всемерное содействие развитию национального творчества отдельных исполнителей, художников, фольклорных и других творческих коллективов, организация и обеспечение их деятельности; сбор, систематизация, хранение, развитие и популяризация произведений традиционной национальной культуры, расширение непосредственного участия различных групп населения в этой работе; оказание материальной, моральной и правовой помощи инициативам, направленным на сохранение и использование достижений национальной культуры; оказание помощи одаренной молодежи в творческом росте и реализации художественных замыслов, связанных с направлениями деятельности Организации; участие в работе по развитию международных культурных связей и обменов, реализация совместных проектов и мероприятий с международными гуманитарными фондами и организациями; организация изучения греческого языка, истории греческого народа, культуры, религии; участие в выставках-продажах, конкурсах, спектаклях, концертах, фестивалях, обмен опытом с зарубежными странами в области традиционных культур и народного творчества; активное участие в работе СМИ; сохранение гражданского и межнационального мира в городе.

Членом Организации может стать любой гражданин России, иностранный гражданин, лицо без гражданства, достигшее 18 лет. Важным представляется факт, что в уставе «Понтос» нет пункта о том, что руководящим членом Организации может быть избран только грек (например, такие требования прописывались у немецких национально-культурных объединений («Возрождение»)) [3].

Следует отметить тот факт, что в 1990-е годы, сотрудничество Краснодарского края с Грецией вообще носило весьма динамический характер. Так, в 1993 г. на

международной конференции «Юг России: перспективы развития и сотрудничества в Черноморско-Средиземноморском регионе» состоялась беседа председателя Краснодарского краевого Совета народных депутатов А. Ждановского с заместителем министра иностранных дел Греции В. Цудеру. Председатель предложил греческой стороне высказать свое мнение относительно возможности установления регионального сотрудничества между Грецией и Краснодарским краем. Греческая сторона ответила положительно, предложив включить в соглашение и другие южно-российские регионы. Переговоры привели к заключению Соглашения между правительствами РФ и Греции о развитии регионального сотрудничества в тот момент только между Краснодарским краем РФ и Грецией (подписано 1 июля 1993 г. в Афинах и вступило в силу 19 апреля 1995 г.). Таким образом, была законодательно оформлена база для развития межрегиональных связей Краснодарского края с Грецией.

Кроме вышеназванных, на территории Краснодарского края зарегистрированы: Армавирская городская ОО греков «Эллада» (1993 г.); Северская районная ОО «Общество греков» (2004 г., в результате перерегистрации в 2011 г. – Северская районная автономия греков); Греческое общество пос. Красная Поляна «Патрида» (2008 г.); МНКА греков г. Белореченска (2009 г.); ОО МНКА греков г. Тимашевска (2010 г.); ОО МНКА греков Ейского городского поселения (2010 г.); ОО МНКА греков МО Абинского района (2010 г.). Число членов этих организаций варьируется от 16 человек, до нескольких тысяч [4, с. 3].

На протяжении 1990-2000-х годов в России продолжался процесс выбора оптимальной организационной формы, объединявшей греческие национально-культурные общества страны: Всесоюзное объединение греков «Понтос», Федерация греческих общин России (так и не была юридически зарегистрирована), Объединение греческих обществ России, Ассоциация греческих общественных объединений России, Федеральная национально-культурная автономия греков России (ФНКА греков России, 2011 г.).

С начала 2010-х годов установилась относительно

стабильная организационная структура греческого движения. В состав ФНКА греков России в настоящее время входят 6 региональных и 32 местных национально-культурных автономии. Руководящие органы представлены: Съездом – высший орган организации (созывается один раз в четыре года); Советом – руководящий орган организации в период между съездами (30 членов Совета, являющихся выдающимися представителями и активистами греческих общественных организаций большинства регионов России, греческой молодежи); Президентом – осуществляет общее руководство деятельностью организации (с 2015 г. – И. Саввиди).

Греческие национально-культурные объединения Краснодарского края ведут активную многолетнюю работу в сфере культуры. Регулярно проводятся занятия для желающих изучать греческий язык. С 1999 г. в КубГУ работает центр греческого просвещения, поддерживаются школы, в которых изучается греческий язык. Действует несколько десятков танцевальных кружков, оказывается помощь желающим побывать в Греции и прибывающим оттуда на Кубань. В состав Центра национальных культур г. Краснодара входит греческая община, устраиваются праздники, посвященные религиозным, национальным памятным датам греческого народа: День Пасхи, День Св. Панагии, День независимости Греции, День «Охи», День памяти жертв геноцида понтийских греков в Османской Турции и др. Есть местные греческие футбольные клубы, школа дзюдо. На средства греческой общины построено несколько церквей.

Увековечивается историческая память об известных представителях греческой диаспоры в нашем регионе. Так, на здании по улице Рашпилевская, 40 в 2004 г. была установлена мемориальная доска, извещающая о том, что в доме некогда находилось эллинское благотворительное общество и греческое училище (с 1906 г.). В этом здании находилась и Благовещенская церковь. Учредителем и почетным председателем общества был известный кубанский и общественный деятель Е.Е. Никифораки [5]. На Всесвятском кладбище Краснодара в 2011 г. был открыт монумент в память

о греках, репрессированных в 1937 - 1938 гг.

Кубань – многонациональный регион. Здесь уже накоплен и продолжает накапливаться уникальный опыт поддержки и развития этнических традиций. Одними из первых на этот путь вступили греки Краснодарского края. Деятельность их национально-культурных объединений, подтвержденная более чем четвертью века, несмотря на определенные трудности и проблемы, показывает, каких весомых результатов можно добиться в деле сохранения и популяризации национальной культуры, воспитания этнического самосознания.

Библиографический список

1. Игнатова М.Е. Расселение немцев и греков на Кубани / Социальные коммуникации: вопросы истории теории и практики. Ростов-н/Д., 2004.
2. Кочериди Ю.Д. История села Мерчанского. Краснодар, 2003. 184 с.
3. Устав Краснодарской городской общественной организации греков «Понтос». Б.м., б.г.
4. Диаспора в России. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [https:// rusgreek.ru/regions/](https://rusgreek.ru/regions/) (дата обращения 13.09.2018).
5. Шульгатай Д. Краснодарские греки получают свою реликвию // Кубанские новости, 2004. 23 января.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА АБХАЗСКОЙ МОЛОДЕЖИ

POLITICAL CULTURE OF ABKHAZIAN YOUTH

Т.В. Джопуа

Кубанский государственный технологический университет,
г. Краснодар

T.V. Jopia

Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье рассмотрены основные проблемы и тенденции становления политической культуры абхазской молодежи, ее политических установок, предпочтений и ориентаций. Определены факторы влияния и формирования электоральных предпочтений абхазской молодежи. Показано, что в современных условиях особое значение приобретает расширяющийся диапазон возможностей для самореализации молодых людей как в политической, так и других сферах общественной жизни, что служит условием стабильности и устойчивого развития абхазской государственности.

Abstract. The article discusses the main problems and trends in the formation of the political culture of Abkhaz youth, its political attitudes, preferences and orientations. The factors of influence and the formation of electoral preferences of Abkhaz youth are determined. It is shown that in modern conditions a wide range of opportunities for self-realization of young people, both in political and other spheres of public life, is of particular importance, which is a condition for stability and sustainable development of Abkhazian statehood.

Ключевые слова: политическая культура, молодежь, политические установки, политические ориентации, политический процесс, политическая социализация.

Keywords: political culture, youth, political attitudes, political orientations, political process, political socialization.

Потребность в комплексном изучении политической культуры абхазской молодежи в современных условиях обусловлена ролью молодежи в жизни общества, в тех преобразованиях, которые происходят в абхазском обществе. Усиление молодежного фактора во всех сферах жизни общества, особенно проблема повышения политической активности молодежи, ее становление как субъекта политической деятельности в значительной степени предопределяют плодотворные перспективы стабилизации общественного развития. Социально-политический диалог должен способствовать усвоению молодым поколением определенных политических норм и ценностей, образцов поведения, а их активный выбор – самостоятельной выработке собственных политических установок, что будет способствовать ее становлению в качестве активного субъекта политики.

Процесс формирования и становления политической культуры молодежи предполагает формирование у нее мировоззрения, основанного на демократических принципах, плюрализме и нормах, отражающих современные политические условия. Следовательно, на первый план выдвигается необходимость воспитания у абхазской молодежи ответственности, гражданского долга, социальной и политической инициативы. В современных условиях особое значение приобретает расширяющийся диапазон возможностей для самореализации молодых людей, как в политической, так и других сферах общественной жизни, что служит условием стабильности и устойчивого развития абхазской государственности.

Понимание основных тенденций становления политической культуры абхазской молодежи, политических установок, предпочтений и ориентаций, которых она придерживается, выявление источников влияния на электоральные предпочтения молодежи, поможет более четко прорисовать контуры будущей Абхазии.

Научные достижения в области изучения политической культуры призваны способствовать как повышению эффективности избирательных кампаний различного уровня,

так и пониманию механизмов взаимодействия различных элементов политического сознания, что позволяет в определенной степени объяснять общую логику происходящих в обществе событий [1].

Абхазское общество, начиная с 90-х гг. XX века, вступило в новую фазу своего политического развития. У людей фактически впервые за долгие годы появился выбор. Если в период нахождения Абхазии в составе СССР существовала однопартийная система государственного управления, то в новое время появилась многопартийность. Вместе с тем как перестраивалось государство, так и сознание людей адаптировалось к новым реалиям. Очевидно, что старшее поколение более консервативно, следовательно, логично предположить, что оно испытывает склонность к авторитарному стилю правления. Нами же предпринята попытка исследования установочно-поведенческих компонентов политической культуры абхазской молодежи. Это необходимо, во-первых, для того, чтобы своевременно диагностировать и устранять возникающие противоречия между государством и молодежью; во-вторых, для оценки объективной степени демократизации абхазского общества с учетом перспективы его развития.

Политические институты, являясь одним из важнейших механизмов стабилизации общества, регулируют отношения между социальными группами, формируя такое соотношение социальных интересов, которое рассматривается в данном обществе как наиболее справедливое, позволяющее обществу развиваться. В любом обществе политическая стабильность является важнейшим условием социального и экономического роста, благополучной и достойной жизни.

Важное место в исследовании политических процессов отводится интересам и целям субъектов взаимодействия, поэтому при анализе политических процессов особую значимость приобретают проблемы определения действующих социально-политических сил, их соотношения и т.д.

В Абхазии функционируют 13 политических партий и общественно-политических движений: Общественно-политическое движение «Айдгылара» (Единение); Движение

матерей Абхазии за мир и социальную справедливость; Конгресс русских общин соотечественников России в Абхазии; Коммунистическая партия Абхазии; Народная партия Абхазии; Республиканское общественно-политическое движение «Айтайра» (Возрождение); Абхазская республиканская организация общественно-политического движения «Амцахара» (Родовые огни); Республиканская партия «Апсны»; Республиканское общественно-политическое движение «Единая Абхазия»; Социал-демократическая партия Абхазии; Республиканское общественно-политическое движение «Аиаира» (Победа); Партия «Форум народного единства Абхазии»; Партия экономического развития Абхазии [2, с. 258].

Для анализа установочно-поведенческого компонента политической культуры абхазской молодежи в марте – апреле 2018 г. в Республике Абхазия было проведено социологическое исследование методом анкетного опроса (N-100). Респонденты мужского пола составили 47%, женского – 53%. В ходе исследования рассматривалась степень политического участия абхазской молодежи в жизни республики, факторы, влияющие на формирование политических установок, предпочтений, ориентаций и идентификацию, ощущение соотнесения молодых людей с общественно-политическими движениями, политическими лидерами, политическими идеологиями, политическим режимом и т.д.

Одна треть респондентов (36%) внимательно следит за информацией о политических событиях в стране; внимательно не следят, но иногда обсуждают ее со знакомыми и друзьями – 41%. Вообще не интересуются политикой – 23% респондентов. Из общего числа опрошенных 3% лично участвовали в течение последнего времени в общественно-политической деятельности, правда, не указав, в какой форме осуществлялась эта деятельность.

Основными факторами, влияющими на политические установки и предпочтения, политическую идентификацию абхазской молодежи выступают: телевидение 31%; Интернет 18%; мнение родителей 15%; информация, полученная в учебном заведении 6%; общение с друзьями 12%, чтение специализированной литературы 3%; непосредственное

общение с политиками 2%. Таким образом, наиболее значимыми факторами признаются, в порядке убывания, – телевидение, Интернет, родители (семья, родственники).

Таким образом, четверть респондентов вообще не следят и не интересуются политической жизнью страны. Однако при этом треть опрошенных интересуются политикой и внимательно следят за политическими событиями в стране, а чуть меньше половины, хотя внимательно не следят за политикой, но, тем не менее, обсуждают те или иные политические события с друзьями и знакомыми. Именно эту часть респондентов в перспективе можно рассматривать в качестве материала для усиления их политической активности и увеличения доли молодых людей с активной политической позицией.

Наиболее распространенным источником получения информации о политических событиях оказалось телевидение. Эти данные корреспондируют с результатами социологических исследований российской молодежи, проводившихся в разные периоды. Роль телевидения в плане влияния на молодежь огромна. Телевидение является одним из самых влиятельных институтов политической социализации современной молодежи, обеспечивает возможность наглядно-образного восприятия, а значит, сильнейшего эмоционального воздействия.

На вопрос «Что Вас больше всего интересует на телевидении?» отметили в порядке убывания: художественные фильмы 50%; музыка – 38%; политика – 33%; экономические новости – 24%; республиканские новости – 21%; спорт – 20%; сериалы – 15%.

Также к основным факторам, влияющим на формирование политических установок и предпочтений абхазской молодежи, относятся Интернет и семья (родители). В настоящее время большая часть людей, пользующихся Интернетом, – представители современной молодежи. Молодежь все больше и больше проводит время за компьютером в Интернете, так или иначе сталкиваясь с информацией политического характера. В качестве следующего значимого фактора формирования политических установок отмечена семья, которая выступает

ключевым агентом социализации, в том числе и в сфере политики. Однако чаще всего такое политическое воспитание оказывается весьма упрощенным и часто не соответствует действительности.

Собственное отношение к выборному политическому процессу молодые люди выразили следующим образом: относятся к выборам положительно и всегда в них участвуют – 43%; участвуют в выборах, и интересуются их результатами – 38%; при этом лишь 6% опрошенных полагают, что власть прислушивается к мнению народа, соответственно желательно, чтобы большинство людей участвовало в голосовании на выборах; принципиально не участвуют в выборах – 12%; 7% из числа опрошенной абхазской молодежи затруднились с ответом.

Как показывают результаты опроса, чуть менее половины респондентов, проявляя социальную ответственность и участвуя в выборах, тем не менее относятся к их реализации пессимистично с недоверием к власти, а лишь незначительная часть респондентов (6%) выразила оптимизм.

Электоральная активность выше у той части абхазской молодежи, которая следит за политическими событиями, а ниже у той части молодых людей, которые политикой не интересуются.

Собираются в будущем более активно включиться в политическую жизнь страны – 24% респондентов; возможно, при определенных обстоятельствах, правда, не объясняя при каких – 37%; маловероятным, ввиду итак большого числа политиков – 8%; не собираются ни при каких обстоятельствах – 24%; затруднились с ответом – 7%.

Можно заключить, что абхазской молодежи не свойственен политический абсентеизм.

Следующий компонент политических установок и предпочтений – отношение к деятельности общественно-политических организаций. Оценили положительно деятельность общественно-политических партий, полагая, что именно они должны отстаивать интересы различных групп населения – 53% респондентов; 25% оценили их деятельность

отрицательно, полагая, что они отстаивают только свои частные интересы; затруднились с ответом 22% респондентов.

В нашем исследовании рассматривались лишь политические партии, наиболее известные и официально зарегистрированные в Республике Абхазия.

Как оказалось, 24% опрошенных считают, что управлять страной в современных условиях должна «Единая Абхазия»; «Амцахара» (Родовые огни) – 18%; «Айдгылара» (Единение) – 15%, «Аиаайра» (Победа) – 8%, Партия экономического развития Абхазии – 6%, Социал-демократическая партия Абхазии – 5%, «Коммунистическая партия» – 4%. Полагают, что ни одна из партий не способна успешно управлять страной в нынешних условиях – 14%; и затруднились с ответом – 6%.

подавляющее большинство респондентов являются пассивными сторонниками той или иной политической партии. Это выражается в том, что всего лишь 3% отметили, что они являются членами какой-либо партии или политического движения. 87% ни в каких организациях и партиях не состоят; 10% отказались от ответа.

Следующая составляющая, интересовавшая нас, – это соотношение себя с политическими личностями. Наиболее «популярным» российским политиком оказался Президент В. Путин – ему симпатизирует более половины опрошенных (62%). Кстати, это коррелирует с отношением респондентов к «Единой России», по-видимому, они воспринимают их единым целым.

Наибольшую антипатию у респондентов вызывает В. Жириновский – 61%. По-видимому, столь негативное отношение респондентов к лидеру ЛДПР В. Жириновскому вызвано его антикавказскими высказываниями в СМИ.

Среди абхазских лидеров в порядке убывания были отмечены следующие: Р. Хаджинба – 24%; А. Анкваб – 17%; В. Бжания – 15%; С. Шамба – 9%; Б. Бутба – 7%; М. Кишмария – 6%; С. Лакоба – 6%; Х. Джопуа – 4%.

Далее нас интересовало, к какой политической идеологии тяготеют молодые абхазы. В данной связи респондентам необходимо было указать, какая из исторических личностей нравится им больше всего. Это делалось для выяснения

скрытых склонностей индивида к тому или иному политическому режиму. Впервые неосознанные мотивы поведения людей подобным образом исследовал Э. Фромм в 30-е годы XX века. Выбор респондентом исторических персоналий прославившихся своей жесткостью интерпретировался автором, как указание на «авторитарность», поскольку такой набор говорил о том, что человек восхищается диктаторами и полководцами. Если же в ответе указывались мягкие лидеры, то его классифицировали как «демократический», так как респондент отмечал людей, заботящихся о благе человечества [3].

На вопрос: «При каком руководителе (исторической личности) жизнь в Абхазии была лучше?», 32% респондентов отметили период правления С. Багапша; 26% – Р. Хаджинба; 19% – А. Анкваба, остальные затруднились с ответом.

На вопрос: «Какой стиль руководства должен быть в Абхазии?», большая часть респондентов (70%) ответили – демократический. Авторитаризм же выбрало лишь 6% опрошенных, остальные затруднились с ответом.

На наш взгляд, режим советской власти, выразившийся в стремлении к патернализму с ее стороны, а также общение со старшим поколением в рамках собственной семьи наложили свой отпечаток и на нынешнее молодое поколение. Поэтому в ответах незначительна доля тех, кто ратует за возврат к тоталитарной советской системе управления.

Нами было исследовано также отношение респондентов к политике органов государственной власти. 40% молодых абхазов в целом поддерживают политику проводимую президентом, 24% оценили деятельность президента удовлетворительно, 12% – воздержались от ответа. Среди основных причин их удовлетворенности отмечены следующие: возможно действовать лучше, но были времена и похуже; экономический кризис везде, страна выходит на новый уровень (надежда на собственные силы).

Не одобряют его деятельность 26% опрошенных. Среди основных причин недовольства отмечены следующие: цены растут, уровень жизни не повышается, огромный разрыв между трудовым народом и элитой. Такая ситуация является в какой-

то степени тревожной, но подобные выводы по данному вопросу в рамках нашего социологического исследования с небольшой выборочной совокупностью некорректны.

Деятельность государственных органов Республики Абхазия оценивают отрицательно 57% респондентов, хорошо (делают что могут) – 9%, удовлетворительно – 22%, не знают, как оценить, – 12%.

Таким образом, наименьшее доверие вызывает деятельность республиканских органов власти, с которой респонденты сталкиваются в обыденной жизни.

На просьбу указать нескольких политических, государственных деятелей в Республике Абхазия, вызывающих у них симпатию/антипатию, 62% молодых людей уклонились от ответа на данный вопрос. Учитывая малочисленность абхазов, их родственные, дружеские связи, менталитет («не выносить сор из избы»), деликатное отношение к старшим, руководству, возможно заключить, что большая часть отказавшихся от ответа имеет собственные антипатии, но не желает говорить об этом.

У тех 38% не уклонившихся от ответа наибольшие симпатии вызывают бывшие президенты Абхазии – В.Г. Ардзинба и С.В. Багапш.

На просьбу указать основные источники социальной напряженности в нашем обществе были отмечены в порядке убывания следующие: коррумпированность власти – 70%; проблемы экономического развития – 65%; ошибки власти и слабая система управления – 60%; падение духовности и нравственности – 30%; межэтнические конфликты – 8%.

Политические взгляды молодых абхазов наиболее точно отражают высказывания:

- главная ценность – это личность, а государство должно обеспечивать возможность для развития и самореализации личности – 85%;

- главное – справедливость, предполагающая равные права на труд, бесплатное образование – 75%;

- основа общества – закон – 70%;

- главное – защита национальных интересов, поддержание патриотизма, сохранение национальных традиций – 40%.

Наиболее значимыми в жизни респондентов в порядке убывания отмечены следующие ценности: семья – 89%; здоровье – 51%; материальное благополучие – 43%; карьера – 17%; личная свобода – 17%; помощь ближнему – 12%; образование – 6%. Таким образом, наиболее ценными в жизни абхазской молодежи признаются прежде всего семья, здоровье, материальное благополучие. И только после этого следуют карьера, свобода, ближайшее окружение, образование.

Индикатор «политическое участие в жизни страны» не отметил ни один респондент.

У подавляющего большинства молодых людей отсутствует понимание свободы как политического феномена. Это может говорить о том, что абхазская молодежь сегодня в целом обнаруживает недостаточную активность в данной области. Возможно также, что этот аспект свободы в силу возраста для них не актуален, хотя весь мировой опыт свидетельствует о том, что именно молодежь является наиболее активной, а порой радикальной политической силой.

Из существующих способов воздействия на власть в нынешних условиях 46% молодых людей признают митинги, демонстрации, пикетирования учреждений; 26% – референдумы по выражению недоверия властям; 20% – сбор подписей под обращением к властям; 6% – допускают акции блокирования автомобильных и железных дорог.

Если состоятся митинги и акции протеста против ущемления гражданских прав в них примут участие 57%; скорее всего не примут участия – 23%; не примут участия – 15%; затруднились с ответом – 6% молодых людей.

Для значительной части опрошенных их зависимость от продиктованных им обстоятельств жизни столь велика, что их участие в акциях социального протеста в защиту своих прав не лишена смысла. В то же время нежелание многих молодых людей участвовать в демонстрациях, забастовках и прочих формах привлечения внимания властей к решению социальных проблем представляет собой не столько неприятие коллективных форм борьбы за реализацию их интересов, сколько проявление социальной апатии. А это вряд ли может рассматриваться как положительный момент в решении задач

формирования демократии с развитыми гражданскими институтами.

Тем не менее доля молодых людей, потенциально склонных к выражению коллективного протеста чуть больше доли выразивших отрицательное отношение к участию в акциях протеста. Как представляется, такое соотношение субъективных позиций вкупе с другими показателями свидетельствует о высокой степени молодежного несогласия с существующей практикой реализации их прав.

Для большинства опрошенной молодежи ближе всего культура абхазов – 80%; христианского мира – 6%, мусульманского культурного мира – 5%. Остальные затруднились с ответом.

К верующим, хотя не соблюдающим религиозные обряды, отнесли себя – 60% респондентов; верующим и соблюдающим обряды – 14%; колеблющиеся между верой и неверием – 12%; убежденные атеисты – 9%; затруднились с ответом – 6%.

Особой разницы в ответах молодых абхазов с разным отношением к религии по интересуемым нас вопросам обнаружить не удалось.

Свое материальное положение молодые люди оценивают в целом положительно: 38% отметили – благополучное; 50% – удовлетворительное; испытывают затруднительное материальное положение – 12% респондентов.

Относительно уверенности в своем будущем уровень социального оптимизма респондентов выглядит следующим образом: уверены в своем будущем – 52%; не уверены – 20%; не могут сказать точно – 20%; затруднились с ответом – 8% опрошенных.

На вопрос: «От кого зависит улучшение собственной жизни?», в порядке убывания: от самих себя – 84%; от российских властей – 60%; от близких родственников – 55%; от республиканских властей – 50%; от друзей – 25%.

Таким образом, абхазская молодежь в основном надеется на собственные силы, но и не отрицает значимость власти в улучшении их жизни.

Подводя итоги исследования, необходимо акцентировать внимание на следующих моментах.

Во-первых, абхазская молодежь следит за политической жизнью. Можно сказать, что абхазская молодежь не является слишком конформной и пассивной частью общества. Этому можно найти различные объяснения, начиная от особенностей протекания данного периода в жизни индивида и заканчивая существованием установок на созидание. Чтобы лучше понять причины данного явления, необходимо использовать комплексный подход, рассматривающий систему «человек-государство». С одной стороны, молодые люди не равнодушны к политике, хотя негативно относятся к ней; с другой стороны, государство не проявляет достаточного стремления по налаживанию контакта с молодежью. В связи с этим абхазская молодежь выступает скорее лишь ресурсом, нежели политическим капиталом. Такое отношение со стороны республиканских властей лишь усиливает разрыв между молодыми людьми и политикой, что и отражено в ответах респондентов по поводу деятельности республиканского руководства. Тем не менее абхазской молодежи не свойственен политический абсентеизм, характерный для российской молодежи в течение довольно продолжительного времени с начала 90-х гг. XX века, как показывают эмпирические исследования разных отечественных научных коллективов.

Подавляющее большинство респондентов являются пассивными сторонниками той или иной политической партии. Это выражается в том, что всего лишь 3% отметили, что они являются членами какой-либо партии или политического движения. 87% ни в каких организациях и партиях не состоят.

Большая часть молодых абхазов выделяет партии и общественно-политические движения, которые на слуху и не осведомлена об их политических доктринах и идеях. Складывается впечатление, что партии как бы существуют параллельно, не удовлетворяют интересы молодежи и не обеспечивают защиту последней. Однако, как нам представляется, причина в том, что молодежь на данный момент не видит серьезных партийных альтернатив. Значительная часть общественно-политических партий и движений представляются им несерьезными.

Абхазская молодежь поддерживает политические взгляды первого лица государства, он оказался наиболее «популярным» политиком. Большинство респондентов выразило симпатии В. Путину, оказывающему помощь народу Абхазии. Это связано, по-видимому, с тем, что именно в годы начала его президентства Абхазия начала укрепляться в экономическом и политическом отношении. Ну и последние события с присоединением Крыма внесли свою лепту в укрепление его позиций. Поэтому он пользуется заметным уважением в молодежной среде.

Большинство опрошенных абхазов имеют склонность к демократическим принципам сосуществования. Наблюдается у современной абхазской молодежи и стремление к авторитаризму и патернализму, правда в значительно меньшей степени, что позволяет говорить о наличии «исторической памяти».

Несмотря на успехи в развитии социально-политического диалога власти и молодежи, государству и обществу еще предстоит значительная работа по созданию правовых, экономических и организационных условий и гарантий для самореализации молодого поколения. Состояние молодежной политики в республике характеризуется определенной инертностью и нестабильностью. Для успешной интеграции молодежи Абхазии в политический процесс необходима четкая организация и стратегическое планирование в работе с молодым поколением.

Исследование показало, что конструктивный социально-политический диалог власти с молодежью предполагает развитие социально активного поведения молодых людей, обеспечение их эффективного участия в реализации государственной молодежной политики. Для чего необходимо:

– создание оптимального комплекса материально-технических, морально-психологических, информационных и других условий, в которых формируются и проявляются качества личности молодых, осуществляется их социально-политическая деятельность;

– выявление и анализ общих и частных особенностей, тенденций проявления политической активности молодежи в современных условиях;

– установление конструктивного диалога между молодежью и органами государственного и муниципального управления, направленного на раскрытие и реализацию перспектив политического конструктивного взаимодействия, социального партнерства между ними;

– преобразование стихийных, нежелательных, негативных действий молодежи в социально ориентированные, способствующие общественному прогрессу решения актуальных проблем молодежи;

– выработка и развитие инфраструктуры молодежной политики, обеспечивающей оптимальное формирование социального-политического потенциала молодых людей и его использование в интересах общества в целом.

Органы государственной власти, поддерживая и развивая диалог с молодежью, добиваются успехов при условии, если они:

– содействуют созданию молодежных парламентов, как эффективной формы, позволяющей молодежи защищать и отстаивать свои интересы;

– создают и развивают политические дебатерские клубы, которые должны помогать молодым людям в выработке навыков политического анализа и критического мышления;

– обращают внимание на исследования молодежных проблем, которые служат основой для формирования стратегии реализации государственной молодежной политики, обобщают и учитывают опыт ее реализации;

Итак, рассматривая молодежь как ресурс, и активно манипулируя ею, власть лишь усиливает отторжение. Диалог между молодежью и властью в политическом отношении возможен, а власти необходимо быть более открытой и активно контактировать с молодежью. Несмотря на успехи в развитии социально-политического диалога власти и молодежи, государству и обществу еще предстоит значительная работа по созданию правовых, экономических и организационных условий и гарантий для самореализации молодого поколения.

Состояние молодежной политики в Республике Абхазия характеризуется определенной инертностью и нестабильностью. Главная задача, которая стоит перед абхазским государством и обществом заключается в том, чтобы, активизируя по всем направлениям диалог власти с молодежью, направить политическую активность ее в созидательное русло, организовать органичное вхождение молодежи в политику.

Библиографические ссылки

1. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М.: ЦСП и М, 2010. 592 с.
2. Тужба Э.Н. Абхазия в глобализирующемся мире: социологический анализ. М.: Этносоциум, 2011. 370 с.
3. Тужба Э.Н. Внутривнутриполитические процессы в Абхазии в послевоенный (1992-93 гг.) период // Политика и общество. 2010. № 5. С. 56–72.
4. Петров А.В. Методологические основания и принципы исследования молодежи // Голос минувшего. 2005. № 3–4. С. 59–65.
5. Тарцан В.Н. Власть и молодежь в современной России: политические проблемы взаимодействия// Автореф. дисс. на соискание ученой степени к.п.н. М., 2010. 23 с.
6. Свертков И.А. Политическая социализация молодежи в условиях трансформации России // Автореф. дисс. к.полит.н. Воронеж, 2010. 32 с.

ТУРЕЦКАЯ МИГРАЦИЯ В ГЕРМАНИЮ: ПРИЧИНЫ, МАСШТАБЫ И ФОРМЫ

TURKISH MIGRATION TO GERMANY: REASONS, SCALES AND FORMS

Ч.Б. Доган, В.Н. Ракачев

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Ch. Dogan Berivan, V.N. Rakachev

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы, посвященные проблеме миграции турецких граждан в Германию в XX – начале XXI вв. Отмечены основные факторы, которые определили масштабы и направление миграционных потоков из Турции. На основе данных Федерального статистического управления Германии показана структура и численность турецкого населения, проживающего в Германии, число натурализовавшихся. Анализ данных статистики позволяет говорить о снижении данного миграционного потока в последние годы. Причины этого требуют дополнительных исследований с применением качественных методов.

Abstract. This article discusses issues related to the migration of Turkish citizen to Germany in the XX and early XXI centuries. The main factors that determined the scale and direction of migration flows from Turkey are noted. Based on data from the Federal Statistical Office of Germany, the structure and number of the Turkish population living in Germany, the number of naturalized ones is shown. The analysis of statistical data suggests a decrease in this migration flow in recent years. The reasons for this require additional research using qualitative methods.

Ключевые слова: миграция, Турция, Германия, масштабы миграции, натурализация, адаптация

Keywords: migration, Turkey, Germany, scale of migration, naturalization, adaptation

Сложная социально-экономическая и политическая ситуация в Турецкой Республике подталкивала и продолжает подталкивать часть активного населения к миграции за рубеж. Одним из наиболее массовых миграционных потоков на протяжении нескольких десятилетий была миграция турок в Германию.

Изучению турецкой миграции в зарубежные страны в современной научной литературе уделяется довольно большое внимание. Это связано не только с миграционной активностью турок, но и с особенностями их адаптации в иноэтничной среде, сохранением и трансляцией своей этнокультурной идентичности, спецификой взаимоотношения с местным населением.

Проблема зарубежной турецкой миграции и адаптации турок в зарубежных странах и в том числе в Германии рассматривается в работах отечественных авторов: Акуловой И.В., Альпаутова Р.С., Жуковой Т.В., Иванцова В.П., Слободенюк В.В., Киреева Н.Г., Логутенкова Е.Ю., Масумовой Н.Р., Прокопович А.И. и др. [1; 2; 4; 5; 6; 8; 9; 10; 11].

Особое внимание вопросам турецкой миграции в Германию в целом, а также особенностям адаптации турок, проблемам, с которыми сталкиваются турецкие мигранты, идентичности новых поколений турецких мигрантов в Европе уделяют турецкие и западные исследователи: İ. Başkurt, B. Özdal, M. Richter, F. Şen, E. Kaya A., Kentel F., V. Amiraux, P. Antoine, Y.Y. Kim, G. Piricky и др. [13; 14; 15; 18; 19; 20; 21; 22; 23].

Цель данной статьи – показать основные причины, формы и состав миграционных потоков из Турции в Германию.

Принятие третьей Конституции 1961 г. в Турции активизировало въезд и выезд из страны, поскольку данный закон устанавливал право каждого гражданина в соответствии с нормами международных отношений на свободный выезд. По приглашению промышленно развитых стран турецкие граждане начинают массово мигрировать за рубеж. Взрыв эмиграции совпал с принятием планов экономического развития Турции. Экспорт неквалифицированных рабочих мог

способствовать получению ими новых знаний и квалификации, что создавало бы базу для индустриализации страны – такой позиции придерживалось политическое руководство страны. Денежные переводы мигрантов могли бы помочь в пополнении государственных резервов иностранной валюты и выравнивании платежного баланса.

В то время экспорт рабочей силы зависел от инициативы принимающих стран. Государственные службы обеих сторон обеспечивали поставку рабочих рук в соответствии с двусторонними соглашениями. В 1961 г. Турция подписала свое первое соглашение с Западной Германией, которая и стала основной страной, принимающей турецкую рабочую силу. После двусторонние соглашения были заключены с Австрией, Францией, Нидерландами, Швецией.

Однако в 1973 г. официальное рекрутирование рабочей силы всеми европейскими странами было ограничено. Именно тогда основным каналом «официальной» миграции из Турции стала миграция по воссоединению семей. Итог потока членов семей мигрантов – возникновение в Европе постоянных поселений турецких рабочих, которые поначалу планировались как временные рабочие-мигранты.

Рост числа лиц, ищущих убежища, а также поток псевдо-туристов из Турции в западноевропейские страны – таковой была реакция на ограничение въезда трудящихся-мигрантов и ужесточение условий выдачи виз, начиная с 1980 г. С тех пор в Турции появился новый поток эмигрантов. А являлись ли они «политическими беженцами» или «скрытыми» экономическими мигрантами было достаточно трудно дифференцировать на практике.

Согласно некоторым данным, общее число лиц турецкой национальности, ищущих убежища в западноевропейских странах, достигло в 1994 г. 330 тысяч. В совершенно иных условиях в Европе оказались участники этого миграционного потока и в результате организовали там общность политических беженцев, объединенных в диаспору. Эти тенденции в мире еще более усилила новая этнополитическая атмосфера [6, с. 49].

На сегодняшний день турки являются одной из самых многочисленных групп мигрантов в Германии. Численность турецкой диаспоры в Германии составляет по разным данным от 2 до 3 млн человек [6, с. 75].

Именно экономические факторы по данным многих исследователей способствовали массовому оттоку турецкого населения из Турции в европейские страны, в особенности в ФРГ. К таким экономическим факторам В.В. Слободенюк в своей статье относит «напряженную ситуацию на рынке занятости, осложнившуюся аграрным перенаселением; кризисные явления в экономике Турции, а значит, вытекающий отсюда растущий уровень безработицы, превратившийся в острую социальную проблему; влияние демографического фактора; рост стоимости жизни в условиях инфляции, повышения цен; низкую заработную плату и так далее» [11, с. 106].

Исходя из экономических факторов, необходимо отметить, что турецкое правительство наоборот только поощряло экспорт рабочей силы из страны, так как они считали, что это поможет разрешить тяжелую социально-экономическую ситуацию в стране. В итоге политика устройства турецких граждан на работу в Европейских странах приобрела, можно сказать, общегосударственный характер. Правительство было уверено в том, что такие методы помогут снизить уровень безработицы в стране, а также будут способствовать получению турецким населением западного опыта работы с новыми технологиями и новой техникой [11, с. 107]. Турецкие мигранты получали возможность повысить общий уровень своей квалификации, а приобретенные ими новые знания по изучению и эксплуатации высокотехнологичного оборудования в дальнейшем по возвращении на родину могли бы использоваться на турецких предприятиях [4, с. 138]. Однако получилось так, что большинство турок, которые уехали в Европу на заработки, больше не хотели возвращаться обратно в Турцию.

Еще одним наиболее важным фактором, повлиявшим на желание турок мигрировать в страны Европы, и прежде всего, в ФРГ, стал политический фактор. Это объясняется тем, что за период с окончания войны и по настоящее время Турция

пережила ряд военных переворотов, которые сопровождались запретом некоторых партий, движений и уголовным преследованием определенных личностей [2, с. 39]. Все эти перевороты и гонения стали причиной отъезда из страны тысяч представителей запрещенных движений, курдских сепаратистов, исламистов и других, которые сразу же стали искать убежище в странах Европы.

Таким образом, именно экономический и политический факторы традиционно стали причинами больших потоков мигрантов из Турции в страны Европы. Именно во второй половине XX в. для Германии поток мигрантов был выгоден. Для этого был ряд причин, которые в основном касались также экономического фактора. Для ФРГ турецкое население стало выгодной дешевой рабочей силой, на которую спрос был очень велик вследствие попытки быстрого восстановления экономики в послевоенный период [2, с. 38].

Относительно того, почему Германия усиленно старалась привлечь в страну иностранных мигрантов, существует большое количество различных мнений. Западногерманские исследователи 1960–1980-х гг. главной причиной поддержки правительством приезда турецкой рабочей силы видели в получении выгоды экономического характера, то есть появление в стране низкоквалифицированных специалистов, способных выполнять черную работу [7, с. 108]. Другие считают, что такая политика проводилась вследствие низкого демографического роста в послевоенной Германии и высоких темпов экономического развития.

С 1950-х гг. активный поток наемной рабочей силы хлынул из Турции в ФРГ. Однако прежде чем превратиться в одну из мощнейших диаспор на территории Германии, им пришлось пройти огромный путь по освоению новой территории в качестве гастарбайтеров. Сейчас же турецкая диаспора играет большую роль во многих сферах жизни немецкого общества.

Интеграция иммигрантов в общество является одной из важнейших составляющих миграционной политики страны. Для Германии этот вопрос стал наиболее актуальным в 1970-е гг., когда, несмотря на закрытие программы трудовой миграции, турецкие граждане продолжали прибывать в страну.

Именно тогда и начали возникать вопросы относительно того, как помочь им интегрироваться в немецкое общество, так как все понимали, что это будет достаточно сложным и длительным процессом из-за слишком очевидного различия в культуре и традициях.

Несмотря на тот факт, что многие турецкие мигранты живут в Германии уже не одно десятилетие, до сих пор возникает множество вопросов относительно их интеграции в общество. Уже существует немало теорий о «культурной раздвоенности» турецкой диаспоры. Однако, хотя у них и возникают трудности с интеграцией, турки активно проявляют себя во многих сферах жизнедеятельности, в особенности в экономике [1]. Всем известно, что на территории ФРГ находится большое количество предприятий, принадлежащих туркам. В Германии 60 тыс. предпринимателей-турок обеспечивают работой 350 тыс. немецких рабочих [2, с. 39]. Основные отрасли их активности – питание, строительство, услуги, образование, текстильное производство, оконные и дверные работы, туризм [2, с. 40].

Можно сказать, что положение турецкой диаспоры в Германии остается и на данный момент весьма противоречивым. Несмотря на то что немецкое правительство старается идти навстречу мигрантам, предоставляя им широкий круг прав, не все турки принимают это. Сейчас в Германии существует большое количество предприятий, принадлежащих туркам, турецкие мигранты активно проявляют свою деятельность в различных сферах. Однако до сих пор открытым остается вопрос их интеграции в немецкое общество.

Интересно, что в 1960–1970-х гг. валютные переводы турецких граждан из-за рубежа были основным источником поступлений иностранной валюты в страну, что сказывалось на улучшении состояния платежного баланса Турции. С 2002 г. наблюдается тенденция к сокращению объема денежных переводов, данный показатель не превышает 0,2%.

По данным на 2006 г. за границей проживает 3,4 млн турок, из них 52,1% проживает в Германии, 12,7% – во Франции, 11% – в Голландии. Германия традиционно является лидером среди стран по количеству проживающих турок. Причиной этому

является то, что после окончания Второй мировой войны Германия, остро нуждавшаяся в рабочей силе, имела фактически монопольное право по найму турецких рабочих в силу исторической близости экономических связей стран. И уже начиная с 1972 г. турецкая диаспора стала одной из самых крупных этнических групп ФРГ [6].

В 1972–2006 гг. 732,5 тыс. турок получили гражданство в Германии, в 1946-2005 гг. – 228,3 тыс. в Голландии, в 1985–2006 гг. – 129,5 тыс. турок в Бельгии. Всего на 2006 г. 1480,3 тыс. человек получили иностранное гражданство.

В связи с ужесточением условий выдачи трудовых виз с 1990-х гг. происходило увеличение количества людей, ищущих политическое убежище, а также псевдотуристов из Турции в страны Европы (в основном в Германию, Францию и Австрию), однако в последние несколько лет наблюдается тенденция к их сокращению. Так, если в 2000 г. число турецких граждан, получивших политическое убежище в Европе, составляла 28,2 тыс. чел., то в 2006 г. – уже только 8,2 тыс. чел. Наиболее корректное объяснение – начавшийся с 2002 г. экономический подъем в Турции, улучшение социального положения населения страны.

Также необходимо отметить, что активное участие в процессе трудовой миграции стала принимать Национальная служба занятости и все шире использовать последние несколько лет контрактную основу. Так, в 2007 г. Службой было отправлено за рубеж 70 024 рабочих. Для сравнения, например, в 2000 г. было отправлено всего 13,6 тыс. чел. При этом в основном это были лица, заключившие контракт от 3 месяцев до 2-х лет с турецкими или иностранными компаниями для работы в странах СНГ (58,5%), на Ближнем Востоке (34,2%) и в европейских странах (6,8%). Таким образом, можно сказать, что турецкая эмиграция началась с миграции рабочих-рекрутов. Однако продолжилась она миграцией членов семей и другими формами миграционного движения. Очевидно, что западные страны притягивают к себе все типы мигрантов. Возможности достижения благополучия и политический климат в этих странах являются основной притягивающей силой, несмотря на то, что иммигранты в этих странах

испытывают на себе дискриминацию и поэтому оказываются в наиболее невыгодном положении.

Число турецких рабочих, отравленных в Германию Национальной службой занятости Турции в 2001 г. – 2 437 чел., в 2002 г. – 3367 чел., в 2003 г. – 3366 чел., в 2004 г. – 2 197 чел., в 2005 г. – 1 074 чел., в 2006 г. – 708 чел., в 2007 г. – 2022 чел. [9, с. 68].

В конце декабря 2017 г. на территории Германии находились 1483515 граждан Турции, это 14% от всех иностранных граждан в стране, из них 51,6% мужчин и 48,4% женщин. Кроме того, по данным в 2017 г. в Германии было натурализовано 14971 чел. граждан Турецкой Республики, при этом средняя продолжительность пребывания в стране до момента натурализации составила 21,2 года. Такие данные приводит Federal Statistical Office of Germany. По состоянию на январь 2018 г. по данным службы средний возраст граждан Турции, проживающих в Германии, составил 44,8 лет. По возрастным группам они распределены следующим образом: до 20 лет – 7%, 20–45 – 45,9%, 45–65 лет – 30,7%, 65 лет и более – 16,3% [17]. Таким образом, число турецких граждан в Германии в последние несколько лет уменьшилось, что связано с усложнением процедуры миграции и натурализации, а также частично со стабилизацией ситуации в Турции.

Библиографический список

1. Акулова И.В. К проблеме адаптации мигрантов в Германии (на материалах литературного творчества) // Международный журнал экспериментального образования. 2010. № 8. С. 180–185.
2. Альпаутов Р.С. Турки в Германии: Проблемные иммигранты // Азия и Африка сегодня. 2009. № 12. С. 38–40.
3. Власов Н.А. Германия в начале XXI века. СПб: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2008.
4. Жукова Т.В. Судьбы семей иностранных рабочих в странах Западной Европы. Миграции и мигранты в мире капитала: исторические судьбы и современное положение. Киев, 1990.
5. Иванцов В.П. Международная трудовая миграция. М.: МГУ, 2005.
6. Киреев Н.Г. Турецкая диаспора на Западе / Мусульмане на Западе. М., 2002. С. 47–88.
7. Кудряшова Ю.С. Турция и Европейский союз: история, проблемы и перспективы взаимодействия. М.: Институт Ближнего

Востока, 2010.

8. Логутенков Е.Ю. Роль турецкой диаспоры в Германии в вопросе о вступлении Турции в Европейский союз. М., 2005.

9. Масумова Н.Р. Миграция турецкой рабочей силы в страны Западной Европы // *Международное движение рабочей силы*. 2009. №2 (9). С. 65–69.

10. Прокопович А.И. Социально-экономические проблемы миграции турецких рабочих в страны Западной Европы / *Турция: история, экономика, политика: сб. науч. тр.* М., 1984. С. 224–245.

11. Слободенюк В.В. Причины миграции турок в ФРГ во второй половине XX – начале XXI вв. // *Сборники конференций НИЦ Социосфера*. 2011. № 5. С. 104–108.

12. Тиманн Р. Турки в Германии: Новое исследование об использовании средств массовой информации и языковой компетенции // *Международная политика*. 2001. № 9.

13. Amiraux V. Turkish Islam in Germany: Between Political Overdetermination and Cultural Affirmation // *Political Participation and Identities of Muslims in non-Muslim States / Ed. By W.A.R. Shadid and P.S. van Koningsveld*. Kampen, 1996.

14. Antoine P. Self-Employment and Immigrants Incorporation: The Case of Turks in Germany // *Immigrants & minorities*. Vol. 22. Nos. 2&3. July/November 2003. P. 245–249.

15. Başkurt, İrfan. Almanya’da Yaşayan Türk Göçmenlerin Kimlik Problemi. İstanbul Üniversitesi, 64 Hasan Ali Yücel Eğitim Fakültesi Dergisi, Sayı 12, (2009-2), 81–94.

16. Berlin T.C. Büyükelçiliği, Türklerin Almanya’ya Uyumu Bazı Kiliseler ve Araştırma Sonuçları Yayın No:1,1. Kasım, 2002.

17. Foreign population by sex and selected citizenships on 31 December 2017. Federal Statistical Office of Germany. <https://www.destatis.de>

18. Kaya A., Kentel F. Euro-Turkler Türkiye ile Avrupa Birliği Arasında Köprü mi, Engel mi? İstanbul, 2005.

19. Kim Y.Y. Cross-Cultural Adaptation: Current approaches. Gugykunst-Newbury Park, CA: Sage, 1988.

20. Özdal, Barış. 21.Yüzyıla Doğru Almanya’daki Türkler ve Türkiye-Almanya ilişkilerine Etkileri, Yayınlanmamış Yüksek Lisans Tezi. İstanbul, 2000.

21. Piricky G. Transnationalism, Diaspora and Islam among the Turks // *Asian a. Aft. Studies*. Br., 2007. Vol. 15. № 1. P. 3–21.

22. Richter, Michael. Geldiler ve Kaldılar. Almanya Türkleri'nin Yaşam Oykuleri. İstanbul, 2005.

23. Şen F. The Historical Situation of Turkish Migrants in Germany / *ZImmigrants & minorities*. Vol. 22. Nos. 2&3. July / November 2003. P. 208–227.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОГО СОГЛАСИЯ В РЕСПУБЛИКЕ АДЫГЕЯ³

THE STATE POLICY IN THE SPHERE OF INTERCONFESSIONAL CONSENT IN THE REPUBLIC OF ADYGEA

З.А. Жаде

Адыгейский государственный университет, г. Майкоп

Z.A. Zhade

Adyghe State University, Maikop, Russia

Аннотация. В статье рассматривается роль ислама в системе государственно-конфессиональных отношений в Республике Адыгея. Анализируются особенности государственной политики в сфере межконфессиональных отношений в регионе. Выявляется возрастание роли религии в жизни общества, обусловившее значительный рост религиозных институтов.

Abstract. The article deals with the role of Islam in the system of state and religious relations in the Republic of Adyghea. The features of the state policy in the sphere of interconfessional relations in the region are being analyzed. The increasing role of religion in the life of society, which led to significant growth of religious institutions, is being revealed.

Ключевые слова: государственно-конфессиональные отношения, межконфессиональная стабильность, конфессиональная сфера, религия, Республика Адыгея, ислам.

Keywords: state-confessional relations, interconfessional stability, confessional sphere, religion, Republic of Adyghea, Islam.

---

³ Работа выполнена в рамках гранта Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ РФ НШ-6738.2018.6 «Ислам в региональном социокультурном пространстве России: диагностика состояния и трансформаций (на примере Республики Адыгея)».

Совершенствование политической системы России оказало непосредственное влияние на изменение вероисповедной политики государства и динамику государственно-конфессиональных отношений. Изменения предопределили изменение положения религии и религиозных организаций в государстве и обществе.

В этой связи современный этап развития России требует оптимизации государственной политики в конфессиональной сфере с целью расширения взаимодействия государства и конфессий на основе партнерства. Для решения приоритетных государственных проблем необходимо включение позитивного потенциала конфессий в процесс преобразований в России. Это было подчеркнуто 1 марта 2018 года в Послании Президента РФ Федеральному Собранию: «Чтобы идти вперед, динамично развиваться, мы должны расширить пространство свободы, причем во всех сферах, укреплять институты демократии, местного самоуправления, структуры гражданского общества, судов, быть страной, открытой миру, новым идеям и инициативам» [1].

В современных условиях государственная политика в конфессиональной сфере должна быть направлена на реализацию созидательной функции религии и противодействие радикальным религиозным проявлениям. Особенно такая деятельность ощутима в национальных республиках РФ. Именно на региональном уровне формируется опыт взаимоотношений политических и религиозных акторов, от которых зависит направление развития государственно-конфессиональных отношений в России.

Государственно-конфессиональные отношения в России строятся на Конституции РФ, Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях», Конституциях республик в составе РФ, Уставах субъектов РФ. Статья 14 Конституции РФ гласит: «Российская Федерация – светское государство», что означает нейтральность государственной власти от религиозных объединений, в котором не существует официальной, государственной религии и ни одному из вероучений не отдается предпочтение. Светский характер государства предполагает, что государство и церковь (в

широком понимании) отделены и не вмешиваются в дела друг друга. Кроме того, конституционная норма о светском государстве воспроизведена в ч. 1 ст. 4 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях», которым регулируются правоотношения в области прав человека и гражданина на свободу совести и свободу вероисповедания, а также правовое положение религиозных объединений.

В качестве правовой основы взаимоотношений государства и религиозных объединений Конституция РФ устанавливает светский характер государственных институтов; равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от его отношения к религиозным объединениям; равенство религиозных объединений перед законом; уважение культурно-национальных традиций, менталитета различных общественных групп населения; учет взаимосвязи национальных обычаев, традиций и обрядов с религией [2].

На территории РФ проживают люди многих национальностей, которые исповедуют различные вероучения. Многочисленность религиозных объединений требует строгого соблюдения принципа равенства религиозных объединений перед законом, который не допускает предоставление тем или иным религиозным объединениям дополнительных преференций, являющихся элементом государственной политики в области отношений с религиозными объединениями. Соответственно религиозные объединения в светском государстве не вправе оказывать влияние на государственный строй, на деятельность государственных органов, на систему государственного образования и другие сферы деятельности государства.

В то же время государство охраняет законную деятельность религиозных объединений, регулирует предоставление религиозным организациям налоговых и иных льгот, оказывает финансовую, материальную и иную помощь религиозным организациям в реставрации, содержании и охране зданий и объектов, являющихся памятниками истории и культуры, а также в обеспечении преподавания общеобразовательных дисциплин в образовательных

учреждениях, созданных религиозными организациями согласно законодательству РФ об образовании.

В отличие от большинства государств, в России на федеральном уровне отсутствует единый государственный орган, который занимается выработкой и реализацией обозначенной политики. В этой связи для обеспечения взаимодействия с религиозными объединениями сформированы два консультативных органа при органах государственной власти: Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ и Комиссия по вопросам религиозных объединений при Правительстве РФ.

Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ является консультативным органом, осуществляющим предварительное рассмотрение вопросов и подготовку предложений для Президента РФ, касающихся взаимодействия государства с религиозными объединениями и повышения духовной культуры общества. Значительное внимание в работе Совета уделяется вопросам совершенствования законодательства, устанавливающего и регулирующего правоотношения в сфере государственно-конфессиональных отношений, формирования единого правового поля для деятельности религиозных объединений.

Комиссия по вопросам религиозных объединений при Правительстве РФ является координационным органом, образованным для рассмотрения вопросов, возникающих в сфере взаимоотношений государства и религиозных объединений. Деятельность Комиссии направлена на обеспечение согласованных действий заинтересованных органов исполнительной власти и организаций по реализации положений законодательства РФ, касающихся свободы совести, свободы вероисповедания, гарантий прав человека и гражданина независимо от отношения к религии, а также светского характера государства, и на оказание содействия межрелигиозному диалогу в интересах консолидации российского общества.

Вопросами совершенствования законодательства в сфере свободы совести и деятельности религиозных объединений занимается Комитет Государственной Думы РФ по развитию

гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений. В Федеральный закон от 26 сентября 1997 года «О свободе совести и о религиозных объединениях» периодически вносились необходимые изменения. Свидетельством конструктивного взаимодействия государства и религиозных организаций явились изменения действующего законодательства, касающиеся лицензирования и аккредитации учреждений профессионального религиозного образования (духовных образовательных учреждений). Федеральным законом от 28 февраля 2008 года «О внесении изменений в Закон РФ «Об образовании» и статью 19 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» расширены правовые возможности для интеграции учреждений профессионального религиозного образования в систему образования РФ.

В нашей стране также активизировалась работа по научному сопровождению реализации государственной политики в сфере межконфессиональных отношений. Так, в 2000 году учрежден Институт государственно-конфессиональных отношений и права, который является научным, методическим и информационно-аналитическим центром по проблемам религии в современном обществе. Приоритетной областью исследований является религиоведение, государственно-конфессиональные отношения и право. Институт ведет мониторинг религиозной ситуации в Российской Федерации, участвует в разработке проектов нормативно-правовых актов, направленных на совершенствование отношений государства и религиозных объединений в Российской Федерации и стабилизацию ситуации в стране, готовит информационно-аналитические материалы по ключевым проблемам жизнедеятельности российского общества и функционирования государственной власти.

Из сказанного следует, что наличие конфессиональной политики не говорит о вмешательстве государства в религиозную сферу, она призвана нивелировать государственно-конфессиональные отношения, обеспечить наиболее полную реализацию свободы совести и свободы

вероисповедания в стране, привлечь представителей авторитетных религиозных организаций как неотъемлемую часть гражданского общества к влиянию на политико-правовую область деятельности государства в целях широкого привлечения общественности к процессу построения гражданского общества.

В этом контексте подробнее остановимся на особенностях государственно-конфессиональных отношений в Республике Адыгея (РА), численность населения которой составляет 451,5 тысяч человек, в том числе 80,5 тысяч человек – дети до 14 лет. По данным Всероссийской переписи населения 2010 года, в республике проживают представители 108 национальностей: (русские – 270 714 (61.53 %); адыгейцы – 107 048 (24.33 %); армяне – 15 561 (3.54 %); украинцы – 5856 (1.33 %); курды – 4528 (1.03 %); черкесы – 2651 (0.6%); татары – 2 571 (0.58 %); цыгане 2364 (0.54%); греки – 1385 (0.31 %); другие национальности – 72 410 (16.3%) и др.

На 1 января 2018 года в Республике Адыгея, по данным Управления Министерства юстиции РФ по РА, зарегистрировано 86 религиозных организаций, в том числе: православных – 57, мусульманских – 11, иных – 18.

Проводимая в республике долговременная политика соблюдения баланса интересов двух ведущих конфессий играет важную роль в сохранении и укреплении межнационального и межконфессионального мира и согласия. В качестве позитивной тенденции следует отметить исторически сложившееся, устойчивое взаимопонимание между представителями ислама и православия, их взаимодействие между собой и с другими традиционными для региона конфессиями.

Государственная политика в сфере обеспечения межконфессионального согласия основывается на: принципе толерантности и уважительного отношения ко всем представителям конфессий, а также терпимого отношения к представителям других вероучений; принципе равноправия всех участников межконфессионального диалога, а также возможность свободного выражения всеми собственного мнения и позиций, видений и убеждений. Следующий принцип

заключается в организации и ведении диалога, в процессе которого: не должно быть нацеленности на обращение в свою веру представителей других религий, демонстрации превосходства одной религии над другими; взаимодействие представителей конфессий должно быть построено на преодолении предрассудков и неправильного толкования других религий, что создаст атмосферу комфортности для взаимопонимания; должен быть ориентир на поиск путей и условий мирного сосуществования и сотрудничества всех людей, независимо от их этнической или вероисповедальной принадлежности.

В соответствии со статьей 14 Основного закона РА, «Республика Адыгея – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом» [3]. Данная статья дословно воспроизводит ст. 14 Конституции РФ, положения которой имеют высшую юридическую силу и применяются на всей территории РФ. Воспроизводя положения ст. 14 Конституции РФ, в законодательстве Адыгеи подчеркивается чрезвычайная важность закрепления принципа светского государства для полиэтноконфессиональной республики.

Упомянутая ст. 14 Конституции РФ действует в единстве со ст. 28, согласно которой каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними.

Также на территории Адыгеи принят и действует Закон РА «О свободе совести и свободе вероисповедания в Республике Адыгея», гарантирующий права и свободы граждан в сфере свободы совести [4]. В нем учтены специфические черты многонациональной республики, конкретизированы особенности правового режима отделения церкви от государства, определены позиции государства в регулировании религиозных отношений, обозначены границы признаваемой и защищаемой свободы совести и свободы вероисповедания.

Закон своим содержанием направлен на достижение взаимного понимания, терпимости и уважения в вопросах свободы совести и свободы вероисповедания.

Для решения вопросов сохранения межэтнической и межконфессиональной стабильности в республике действует ряд коллегиальных структур с участием органов государственной власти, представителей общественных организаций и правоохранительных органов республики. Среди них Общественная палата Республики Адыгея, Совет старейшин при Главе Республики Адыгея, Совет общественных объединений при Главе Республики Адыгея, Координационный совет по обеспечению правопорядка в Республике Адыгея и Совет безопасности при Главе Республики Адыгея.

Деятельность данных структур, а также систематический диалог руководства республики с наиболее активными представителями общественных национальных и религиозных организаций, совместное обсуждение основных проблем способствуют снятию потенциально протестных вопросов на стадии их возникновения и позволяют нейтрализовать негативные настроения, а также прогнозировать и контролировать общественно-политическую ситуацию в регионе.

В республике осуществляют свою деятельность около 500 общественных объединений, из них наиболее активны 7 национально-культурных организаций. Представители всех активно действующих национальных общественных объединений вошли в состав Адыгейской республиканской общественной организации «Лига Мира».

Органы государственной власти последовательно ориентируют руководство общественных и религиозных объединений Адыгеи на проведение воспитательных, пропагандистских массовых мероприятий, направленных на предупреждение межэтнических конфликтов. На постоянной основе организована публикация и выход в эфир соответствующих тематических материалов с участием руководителей общественных организаций. Особый упор делается на популяризации в обществе идей гуманизма,

толерантности, веротерпимости, взаимоуважения между народами, проживающими на территории республики.

Республиканские и муниципальные СМИ ориентированы на создание безопасного информационного пространства, способствующего позитивной межэтнической коммуникации и формированию толерантных установок. На местных телеканалах выходят в эфир специальные передачи («Азан» и «Миряне») на русском и на адыгейском языках, рассказывающие об основах мусульманства и православия, религиозных праздниках с участием представителей традиционных конфессий.

В сентябре 2017 года в целях обеспечения взаимодействия с религиозными объединениями в регионе образован Совет по взаимодействию с религиозными объединениями при Главе Республики Адыгея, являющийся консультативным органом, осуществляющим предварительное рассмотрение вопросов и подготовку предложений, касающихся взаимодействия Главы РА с религиозными объединениями и повышения духовной культуры общества.

2 апреля 2018 года на первом заседании Совета при Главе РА по взаимодействию с религиозными объединениями обсудили вопросы взаимодействия органов власти с основными религиозными конфессиями.

Религиозные деятели участвуют во всех ключевых событиях в жизни республики, вовлечены в работу по противодействию деструктивной идеологии, просветительскую деятельность и решение таких актуальных задач, как профилактика наркомании и алкоголизма, пропаганда здорового образа жизни, семейных ценностей и т.д.

В свою очередь руководство республики оказывает основным конфессиям поддержку в организации религиозных праздников, строительстве храмов и мечетей, помогает в финансировании.

Далее следует отметить, что одной из характерных особенностей развития межконфессиональных отношений в Республике Адыгея за последние два десятилетия стало неуклонное возрастание роли религии в жизни общества, обусловившее значительный количественный и качественный

рост религиозных институтов. Многообразие конфессий, специфика их функционирования, этнический состав их адептов, возрастной и образовательный уровни верующих, – все это в совокупности образует своеобразную, присущую Адыгее систему межконфессиональных отношений.

Наглядным выражением процесса «религиозного возрождения» в республике стало образование Централизованной религиозной организации Духовное управление мусульман Республики Адыгея и Краснодарского края (ДУМ РА и КК), которое ведет свою деятельность на территории Республики Адыгея и Краснодарского края согласно Уставу, принятому на Съезде мусульман в 1993 году с изменениями и дополнениями, утвержденными последующими Съездами ДУМ РА и КК.

Структура конфессионального пространства региона существенно изменилась. В настоящее время в ДУМ РА и КК входит 11 религиозных организаций мусульман. На сегодняшний день на территории Адыгеи действует 50 мечетей. В 2000 году в городе Майкопе открылась Соборная мечеть.

Согласно Уставу ДУМ РА и КК проводит следующие мероприятия: обучение основам ислама и арабского языка в выходные дни при мечетях; участие в различных мероприятиях по духовно-нравственному воспитанию граждан; проведение встреч с мусульманами в населенных пунктах; проведение семинаров, конференций; издание исламской литературы; выступления в различных СМИ; издание газеты «Свет» и телепередачи «Нур».

ДУМ РА и КК проводит также работу среди молодежи и населения по пресечению экстремизма и терроризма. Активно сотрудничает и с другими традиционными конфессиями и проводит совместные мероприятия по духовно-нравственному воспитанию граждан, а также по противодействию таким пагубным явлениям в нашем обществе как наркомания, алкоголизм. Для этого, в частности, проводятся встречи с учащимися и студентами. ДУМ РА и КК также сотрудничает с такими структурами исполнительной власти РА, как Прокуратура, Министерство внутренних дел, Министерство

образования и науки, Министерство культуры. Со многими из них заключены соглашения о совместной работе по духовно-нравственному воспитанию граждан [5].

В Республике Адыгея ислам как политический фактор используется в интересах консолидации народа и поддержания в регионе внутренней стабильности. Ислам, так или иначе, влияет на все процессы, протекающие в республике и регионе в целом. И он постепенно становится одним из факторов развития гражданского общества. Именно об этом шла речь 19 февраля 2018 года на встрече Главы Республики Адыгея М. Кумпилова и Муфтия ДУМ РА и КК А. Карданова, в ходе которой обсуждались основные направления взаимодействия ДУМ с органами власти. Особое внимание было уделено вопросам духовно-нравственного и патриотического воспитания молодежи. А. Карданов поведал о том, что в целях проведения более эффективной проповеднической деятельности, ДУМ РА и КК уделяет особое внимание усовершенствованию навыков и углубления знаний имамов и религиозных деятелей. Так, Духовное управление ежегодно организывает и проводит курсы повышения квалификации для имамов и религиозных деятелей, как по религиозным, так и по светским дисциплинам. В рамках программы курсов проводятся лекции и тренинги по вопросам использования религиозного образовательного ресурса как фактора противодействия радикализации молодежи, а также профилактики экстремизма и терроризма путем вовлечения в позитивные социальные проекты.

Государственная политика в сфере межконфессиональных отношений должна базироваться на следующих принципах: комплексный подход к ее реализации; межведомственное взаимодействие, вовлечение усилий и ресурсов государственных и общественных структур для достижения поставленных целей и задач; защита законных интересов и прав всех категорий граждан; внедрение передовых методик мониторинга и диагностики ситуации в религиозной сфере для принятия системных управленческих решений; целевое информационное обеспечение мероприятий, реализуемых государством в религиозной сфере; учет характера и степени

проявления угроз национальным интересам Республики Адыгея; недопущение противозаконных действий религиозных объединений.

Различные формы взаимодействия с религиозными объединениями осуществляются органами власти разных уровней: главой государства и высшими органами законодательной и исполнительной власти, отдельными федеральными министерствами и ведомствами, органами власти субъектов Федерации и муниципальных образований. Для этой цели во многих властных структурах образованы специальные подразделения, которые действуют самостоятельно и не наделены исполнительно-распорядительными полномочиями.

Эффективная реализация политики в сфере межконфессиональных отношений обеспечит достижение цели и задач государственной политики; гарантирует защищенность основных прав и свобод, будет содействовать укреплению взаимопонимания и сотрудничества сторонников разных религий, стабильности и консолидации в обществе.

Думается, что сегодня необходимо далее выстраивать систему государственной конфессиональной политики, которая могла бы реально обеспечить единство российской нации, целостность и безопасность российского государства, равноправное развитие народов, культур и конфессий страны. Конфессиональная политика государства только в том случае станет консолидирующим фактором, если будет отражать все многообразие интересов народов и религий России.

Библиографические ссылки

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.03.2018 г. «Послание Президента Федеральному Собранию» [Электр. ресурс]. URL http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976/ (дата обращения: 21.09.2018).
2. Конституция Российской Федерации. М.: Инфра-М, 2009. С. 10.
3. Конституция Республики Адыгея. Майкоп: Адыгейское республиканское книжное издательство, 2009. С. 12.
4. Закон Республики Адыгея «О свободе совести и свободе вероисповедания в Республике Адыгея» [Электр. ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/32355507/1/> (дата обращения: 21.09.2018).

5. Централизованная религиозная организация Духовное управление мусульман Республики Адыгея и Краснодарского края [Электр. ресурс]. URL: <http://dumraikk.ru/dumraikk/> (дата обращения: 21.09.2018).

**СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ
СТУДЕНТОВ ИЗ СТРАН АФРИКИ,
ОБУЧАЮЩИХСЯ В ВУЗАХ РОССИИ**

**STRATEGIES FOR SOCIAL ADAPTATION OF STUDENTS
FROM AFRICAN COUNTRIES, WHICH STUDY
AT RUSSIAN UNIVERSITIES**

Камаара Ишака

Университет литературы и гуманитарных наук Бамако
(Республика Мали), факультет социологии и антропологии

Я.В. Ракачева

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Camara Ichaka

University of Letters and Human Sciences of Bamako (Mali),
Department of Sociology and Anthropology

Ya.V. Rakacheva

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. Настоящая статья посвящена изучению основных стратегий, реализуемых иностранными студентами из стран Африки в ходе социальной адаптации в России. В статье представлены данные комплексного исследования, которое объединяет методы сбора, обработки и интерпретации как количественных, так и качественных данных. Мы использовали в качестве инструмента сбора социальной информации наряду с анкетой сценарий для интервью. Исследование было проведено в 2015 г. в России и Мали, выборочная совокупность составила 498 человек, обучающихся или прошедших обучение в вузах России и СССР. Это исследование показывает, что адаптация студентов из стран Африки в России и СССР – это сложный многоаспектный процесс, который определяется действием таких факторов как время пребывания в стране обучения, географические и природно-климатические условия, личностные характеристики, индивидуальные практики студентов и др. Показано, как комплекс этих факторов

определяет выбор конкретных стратегий адаптации в новых социокультурных условиях.

Abstract. This article is devoted to the study of the main strategies implemented by foreign students from Africa in the course of social adaptation in Russia. The article presents the data of a comprehensive study that combines the methods of collection, processing and interpretation of both quantitative and qualitative data. We used as a tool to collect social information along with a questionnaire scenario for interviews. The study was conducted in 2015 in Russia and Mali, a sample of 498 people enrolled or trained in universities in Russia and the USSR. This study shows that the adaptation of students from African countries in Russia and the USSR is a complex multi-faceted process, which is determined by the action of such factors as the time of stay in the country of study, geographical and climatic conditions, personal characteristics, individual practices of students, etc. It is shown how the complex of these factors determines the choice of specific adaptation strategies in new socio-cultural conditions.

Ключевые слова: социальная адаптация, африканский студент, личный и стратегический выбор, принимающая культура.

Keywords: social adaptation, African students, personal and strategic choices, reception culture.

Многие социально-гуманитарные исследования были посвящены социальной адаптации человека к его окружению. Эти исследования в первую очередь были сосредоточены на выявлении взаимосвязи между состоянием здоровья, болезнью и социальной адаптацией [10, 34]. Впоследствии исследователи обратились к анализу адаптации как процесса, обеспечивающего социальное спокойствие и стабильность, необходимые как для развития личности, так и для общества [27]. В период 1920–1990-х гг. многочисленные работы в США были посвящены изучению индивидуальной и социальной идентичности, вопросам ассимиляции и адаптации к американской культуре различных иммигрантских групп [11; 14; 36], а также интерпретации понятий «адаптация» и

«дезадаптация» [21]. Складываются концепции самореализации личности [19], теория «культурного шока» [6; 25], социальной дистанции [14; 16] и др.

В Европе, и прежде всего в Германии, психоаналитики, следующие за З. Фрейдом [12], подчеркивали гомеостатическое равновесие между индивидуумом и его окружением, приводящее к конфликту, тревоге и реакции. Аналогичным образом, адаптация рассматривалась как непрерывный процесс и адаптированность как результат этого процесса [29]. Эти работы частично связывают социальную адаптацию с миграцией или иммиграцией. По общему признанию, они важны, но мы знаем, что понимание личных и стратегических выборов адаптации, как и большинство миграций, подразумевает учет географических, экономических, этносоциальных и индивидуальных различий между иностранными студентами. Изучение выборов и стратегий адаптации в России студентов из стран Африки может быть способом понять причины неудачи и оценить успехи. Эта адаптация позволяет в первую очередь создать достойные условия, которые способствуют реализации и самореализации иностранного студента в принимающей стране, а затем, и для успешной профессиональной социализации в стране происхождения. Все это подчеркивает необходимость изучения этнокультурных факторов, определяющих выбор стратегий адаптации для того, чтобы иметь возможность путем контроля над ними оптимизировать этот процесс.

Согласно данным ОЭСР, за последние десятилетия число студентов, обучающихся в университетах за пределами страны происхождения, неуклонно росло. В период с 1981 по 2011 гг. оно почти удвоилось с 0,8 до 3,7 миллиона человек [26, с. 299].

Несмотря на то что Россия накопила богатый опыт обучения иностранных студентов (до 1991 года бывший СССР занимал второе место после Соединенных Штатов по числу иностранных студентов [2, с. 12]), в начале 1990-х гг. число их в стране значительно сократилось, в том числе и учащихся из стран Африки. За короткое время, общее количество иностранных студентов в России снизилось в 3 раза – со 126,5 тыс. человек в 1990 году до 39,3 тысяч в 1991 году. Этот

процесс достиг «критической точки» в 1993 году. В 2006 году ситуация в области обучения иностранных студентов в России стала постепенно меняться [2, с. 22]. Например, в 2014 году число студентов в России достигло 125 000 человек, в том числе студентов из стран Африки, которые составляют особый сегмент образовательных мигрантов. Иностранные студенты в России представляют 173 страны, в том числе 52 африканских страны. Этот контингент распределен между 787 российским высшим учебным заведениям, в том числе 562 государственных вуза и 174 не государственных. Это почти $\frac{3}{4}$ от общего числа российских высших учебных учреждений (1115). Число африканцев в них составило около 10 346 человек [2, с. 22].

Все эти студенты в большей или меньшей мере проходят процесс адаптации к культуре принимающего общества. Помимо объективных причин (начало коммерциализации образования, сложная экономическая ситуация в стране, социально-политическая напряженность и др.), упомянутое выше сокращение является следствием изменения индивидуальных образовательных стратегий в области учебной миграции.

Адаптация студентов из стран Африки опирается на личные выборы и стратегии учебы и жизни в незнакомой среде, которые корректируются в зависимости от их опыта межкультурного взаимодействия в России. Насколько эти выборы и стратегии влияют на успех социальной адаптации? Какие выборы и стратегии эти студенты развивают для того, чтобы максимизировать свое академическое и социокультурное обучение?

В связи с этими вопросами эта статья призвана выявить личные выборы и стратегии адаптации студентов из стран Африки в России с точки зрения теоретического анализа и на основе анализа материалов эмпирического исследования.

Теоретико-методологические основания. Определение адаптации, ее форм и показателей является предметом противоречивых дебатов во многих научных областях, таких как биология, психология, социология. Эти научные области понимают под адаптацией приспособление в биологии [22],

ассимиляцию и аккомодацию в физиологии [19], ассимиляцию и трансформацию в социологии [33]. Другими словами, в отношении определения социальной адаптации пока не достигнут консенсус. В связи с чем складываются две линии, в анализе и интерпретации этого феномена: первая детерминистская и вторая субъективистская. Первая линия, сформированная в работах Э. Дюркгейма [9; 10], Р. Линтона [18] и Г. Рошера [33], рассматривает социальную адаптацию как приспособление человека к основным ценностям общества. Что касается второй линии, у истоков которой стоит Макс Вебер [37] и Жан Пиаже [30], она представляет социальную адаптацию как процесс и результат взаимодействия индивида с его социальной средой, в котором все требования и ожидания двух присутствующих участников согласуются ассимиляцией и аккомодацией.

Под социальной адаптацией мы понимаем процесс, в котором происходит приспособление человека к сложившейся системе социальных отношений, в том числе в условиях конкретной страны, города, культуры. В этом процессе происходит признание и принятие индивидом / группой основных ценностей новой среды при признании определенных ценностей личности / группы новой социальной средой. Таким образом, механизмы адаптации, разработанные индивидом в ходе этого процесса в виде основных форм поведения и деятельности, включают как адаптивную, так и адаптирующую составляющую.

В зависимости от отношения иностранных студентов к обучению, динамики и результата обучения, участия в общественной жизни и статуса в коллективе, можно различать низкий, средний и высокий уровни адаптации [1, с. 81–88]. Эти уровни могут рассматриваться как три самостоятельных формы адаптации. Высокий уровень адаптации предполагает позитивное отношение студентов к обучению, их уважение к образовательным требованиям, их независимую умственную деятельность. Разница среднего уровня адаптации с высоким уровнем заключается в том, что умственная деятельность осуществляется под внешним контролем взрослого. Низкий уровень адаптации отличается от первых двух безразличным

отношением студента к обучению, депрессивным настроением, жалобами на плохое здоровье, отсутствием самостоятельной умственной деятельности [1, с. 81–88]. Данные трудности являются признаками дезадаптации.

Социально значимыми критериями (индикаторами) зрелости африканского студента являются: 1) способность справляться с образовательной деятельностью; 2) способность добиваться результатов в обучении и самодисциплине; 3) активность в образовательной и общественной жизни; 4) способность оптимистично оценивать жизнь; 5) способность поддерживать эмоциональную стабильность; 6) способность правильно оценивать свое положение в системе формальных и неформальных отношений; 7) способность предпринимать инициативы в своем поведении, стремлении к лидерству и успеху [31].

Методология исследования. Исходя из характера предмета исследования и его особенностей, в обработке и интерпретации данных используются, как количественный, так и качественный подход.

Выборка. Согласно М. Гравитц [13], выборка представляет собой миниатюрную популяцию, содержащую все характеристики исследуемой популяции для того, чтобы быть репрезентативной. Для нашего исследования, мы использовали метод случайного отбора. Это предполагает, что отбор респондентов осуществляется непосредственно из всей популяции в форме случайного отбора, при котором каждый член популяции имеет одинаковую вероятность быть выбранным [32, с. 73]. Мы осуществили отбор респондентов с учетом стран их происхождения, а также принимающих городов и университетов. Таким образом, выборочная совокупность в исследовании составила 498 африканских студентов, обучающихся и прошедших обучение в России и СССР. 433 человек были опрошены с помощью анкетирования и 65 с помощью интервью.

Студенты, обучавшиеся в России на момент исследования, представлены учащимися из университетов г. Краснодара (Кубанский государственный университет, Кубанский государственный медицинский университет, Кубанский

государственный технологический университет) в России. Что касается старшего поколения студентов, они прошли обучение в вузах таких городов, как Москва, Ростов, Краснодар, Минск, Ленинград и Харьков. Число африканских выпускников, окончивших вузы в СССР и России, составило 45 человек.

Инструменты для сбора данных. Данные были собраны с помощью анкеты и сценария для интервью. Анкета включала тридцать вопросов и содержала два смысловых блока. В первом основное внимание было уделено идентификации респондентов (странам происхождения, возрасту, полу, уровню образования, принимающим университетам, статусам регистрации, продолжительности пребывания), второй был посвящен выявлению основных стратегий и механизмов адаптации студентов к новой среде.

Предварительно был проведен пилотаж, позволивший определить корректность формулировок вопросов и адекватность восприятия их содержания. Таким образом, вопросник был апробирован среди африканских студентов Кубанского государственного университета.

Та же процедура была осуществлена со сценарием интервью, который был апробирован на выборке в 25 человек, что также позволило уточнить формулировки вопросов и скорректировать наш сценарий для интервью и полностью адаптировать его для контингента иностранных учащихся.

Проведение исследования. Исследования проводились в России (преимущественно в вузах г. Краснодара) и в странах Африки в течение 2015 г.

Обработка данных. Собранные данные обрабатывались с использованием метода статистического, прямого (простого) и перекрестного анализа [32]. По словам Жан-Мари Паретти и Жан-Люка Вашетта [28], последний метод позволяет нарисовать общий портрет целевой группы. Содержание этого метода состоит в том, чтобы выявить зависимости между ответами на один вопрос или одними признаками и ответами на другие вопросы или признаками респондентов. Кроме того, использовались автоматические способы обработки и анализа полученных данных с помощью современного программного обеспечения.

Результаты исследования. Идентификация студентов из стран Африки в России.

Важной составляющей идентификации африканских студентов является страна происхождения и регион Африки, а также возраст, пол, уровень образования, принимающий университет, статус по регистрации, продолжительность пребывания и тип жилья.

Результаты опроса показали, что наибольшую часть выборки – 22,5% составили представители западноафриканских стран (Нигерии, Экваториальной Гвинеи, Кот-д'Ивуара, Сенегала, Мали и Нигера), 18,7% – студенты-выходцы из южноафриканских стран (Анголы, Замбии и Намибии), 16,6% – представители Центральной Африки (Камеруна, Конго Бразавиля, Центральноафриканской Республики и Чада). Представители Северной (Алжир, Тунис, Марокко) и Восточной (Судан, Мозамбик) Африки составляют порядка 15,2% студентов. Большую долю студентов из стран Западной Африки по сравнению с другими регионами можно объяснить большим количеством нигерийцев и экваторгвинейцев-контрактников, прибывающих на учебу в Россию в последние годы. Они составляют самое большое число африканских студентов. Это замечание также касается граждан Южной Африки (занимающих второе место после Западной Африки), особенно ангольцев и намибийцев.

Такое географическое распределение свидетельствует о поддержании сети дипломатических отношений, уставленных во времена бывшего СССР, сохраняемых между Россией и странами Африки. Таким образом, учет географического происхождения африканского студента представляет интерес для анализа стратегий и результатов адаптации.

Распределение африканских студентов по возрастным группам выглядит следующим образом: 41% находится в возрасте от 17 до 20 лет, 40,6% находятся в возрасте от 20 до 23 лет. За ними следуют студенты в возрасте от 23 до 26 лет – 14,8%, и студенты в возрасте старше 26 лет составляют 2,8% от всех опрошенных. Преобладание возрастных групп 17-20 и 20-23 лет может быть объяснено тем, что все больше из стран Африки в Россию для обучения пребывает африканская

молодежь, окончившая школу и колледж, в то время как в СССР значительную часть контингента африканских студентов составляли государственные служащие, специалисты, обучавшиеся по направлениям от правительства своих стран. В отличие от старших возрастных групп, эти молодые люди более предрасположены к мобильности и взаимодействию с новой социокультурной средой. Таким образом, учет возрастных различий африканских студентов необходим для анализа стратегий и результатов адаптации.

Гендерное распределение африканских студентов имеет существенный перевес в сторону мужчин, девушки составляют 1/5 от всех опрошенных. Среди опрошенных 83,1% юношей и 16,9% девушек. Такой перевес мужчин обусловлен определенными культурными особенностями большинства африканских обществ, где мобильность юношей поощряется больше, чем девушек в силу сохраняющихся традиционных гендерных стереотипов. Вместе с тем с проникновением западной системы школьного образования во многих странах Африки постепенно происходит трансформация гендерных стереотипов, женщины постепенно включаются в общественную деятельность, занимают высокие социальные позиции и должности и также идут по пути миграции в поисках знаний. Таким образом, пол будет важным критерием при анализе стратегий и результатов адаптации африканских студентов.

Следующая характеристика – уровень образования. Согласно данным исследования среди опрошенных на момент поступления в российские вузы степень бакалавра имели 60,8% африканских студентов. 27,9% из них прибыло с неполным средним уровнем образования и 11,3% студентов имели высшее образование. Студенты, имевшие уровень бакалавра, как правило, получают его в своей стране или в соседних африканских странах, однако в Африке этот уровень скорее соответствует полному среднему образованию в России. В России они преимущественно обучаются на бакалавриате или специалитете, иногда магистратуре. Студенты с высшим образованием в Россию, как правило, приезжают с целью стажировок или обучения в аспирантуре. Наконец, студенты,

имеющие средний уровень обучения в своей стране поступают в российские вузы для получения высшего профессионального образования. Уровень образования визитера по его прибытии в принимающую страну также может помочь в понимании стратегией и результатов адаптации.

Еще одной значимой характеристикой является форма обучения. Согласно данным опроса 89,4% африканских студентов учатся на дневной форме обучения и 10,6% на заочной. Преобладание обучающихся на дневной форме напрямую связано с учебными предложениями вузов, а также государственными программами и субсидиями на обучение. Режим обучения существенно влияет на стратегии и результаты адаптации.

Сроки пребывания в стране обучения – следующий объективный показатель. По продолжительности пребывания студентов в России респонденты распределились следующим образом: 29,6% живет здесь один год, 22,9% – два года, 15,7% – три года, 12,2% – четыре, 11,5% – пять, 4,6% – шесть и 3,5% – более шести лет. Это означает, что более половины студентов (52,5%) живут и учатся в России не более двух лет. В эту группу в основном входят студенты подготовительного факультета и первого курса. И соответственно чуть менее половины (47,5%) живут здесь три года и более.

Студенты из стран Африки в основном являются временными мигрантами, они приезжают на учебу и находятся в стране в течение периода, определенного учебным планом. В конце этого плана, они во многих случаях возвращаются на родину. Сам факт времени и относительно короткие рамки учебного процесса, также самостоятельный фактор, способный определять стратегии адаптации и ее успех.

Наконец, необходимо учесть и такую объективную характеристику как тип проживания. Подавляющее большинство африканских студентов в России – 89,1% живет в общежитиях при вузах и только 10,9% снимают квартиры за пределами территории вуза. В числе этих студентов преимущественно представители таких стран как Марокко, Тунис, Алжир, Нигерия, Камерун, Замбия, Намибия и Ангола. Тот факт, что большинство учащихся живут в общежитиях,

объясняется квотой на стипендии, предоставляемых странами происхождения студентам, их личными финансовыми возможностями. Немногие студенты из богатых семей покидают кампус, чтобы создать себе благоприятное жизненное пространство. Возможность снять квартиру за пределами территории вуза часто расширяет круг друзей студента, в том числе за счет хозяев квартиры, соседей, но также может увеличить риск конфликтов с ними.

Что касается совместного проживания в общежитиях при вузе, оно может объясниться желанием «молодых людей», особенно африканок, жить в сообществе (чувствовать себя в безопасности в группе) и средней стоимостью доступа, предложенной университетским городком. Кроме того, этот выбор может быть мотивирован желанием студентов сэкономить деньги на обратную поездку на родину, каждый год. По этой причине эти студенты довольны кампусом. Выбор общежитий при вузе играет двойную роль в процессе адаптации. С одной стороны, живущие вместе с другими африканскими и иностранными студентами, визитеры пользуются безопасностью, с другой стороны, они сталкиваются с дискомфортом из-за коллективизации некоторых объектов (душ, общие кухни и др., вызывающие очередь время от времени и проч.).

Стратегии адаптации выстраиваются иностранными учащимися с учетом объективных и субъективных факторов. Среди субъективных факторов можно выделить специфику восприятия определенных ситуаций, которые в отдельных случаях определяются учащимися как проблемы, поскольку субъект испытывает состояние депривации, фрустрации и вынужден так или иначе на нее реагировать.

В качестве основных проблем адаптации для студентов из стран Африки в России выступают психофизиологические условия (недостатка жизненного пространства, особенно зимой), временные ограничения, культурные различия (различия обычаев в пище и одежде), различия в системе коммуникации и обучения, социально-экономические условия (финансовая помощь со стороны близких людей и отправляющих государств, сочетание учебы с работой),

конфессиональные особенности (отсутствие молитвенной комнаты на территории вуза и др.).

Рассмотрим основные трудности, с которыми сталкиваются студенты из стран Африки в России. На основе перекрестного анализа установлено, что определенные проблемы чаще проявляются у студентов из определенных стран и регионов Африки. Так, студенты из арабоязычных стран, в частности Марокко, Судана, Алжира, Туниса и Эритреи, чаще испытывают языковые трудности. У представителей Мали, Нигера, Чада и Центральноафриканской Республики наиболее распространены трудности финансового характера.

Связь между проблемами и курсом обучения, а значит и временем пребывания в России имеет обратный характер и проявляется в том, что студенты первого и второго курса обучения оказываются лучше подготовлены к трудностям, чем аспиранты.

В отличие от студентов, обучающихся в современной России, африканские студенты, прошедшие обучение в вузах СССР также были лучше подготовлены к решению этих трудностей из-за ряда факторов. В их числе уровень базового образования, полученного в стране происхождения, социокультурный и политический контекст, институциональные механизмы, такие, например, как гарантия защиты иностранцев в принимающей стране. Кроме того, посольства стран происхождения были более активны в мониторинге жизни и деятельности студентов.

Тем не менее, большая часть студентов из стран Африки успешно адаптируется к социальным и образовательным требованиям в России посредством стратегических выборов.

Основные стратегии адаптации. Как и на других континентах, студенты из стран Африки стремятся преуспеть в учебе и жизнедеятельности в период пребывания в стране обучения. В дополнение к институциональному аспекту своей мобильности, у них также есть возможность самостоятельно осуществлять выбор тех стратегий.

Анализ данных, собранных на основе анкет среди респондентов позволил распределить их по четырем стратегиям: диссоциация, ассимиляция, аккультурация и

маргинализация.

Стратегия диссоциации. Данная стратегия относится к тем студентам из стран Африки, которые решают вернуться в свои родные страны, независимо от того, какие учебные и карьерные возможности они имеют в стране обучения после окончания учебы. Этот вид стратегии наиболее распространен, ее придерживаются 2/3 респондентов. Студенты с данной стратегией как правило не чувствуют себя непринужденно в России, находят культуру принимающего общества «странной», часть местного населения – отдаленной и недоброжелательной.

Данной стратегии наиболее привержены представители женского пола. Это девушки из Мали, Камеруна, Нигерии, Экваториальной Гвинеи и Чада. Культурный шок, испытываемый ими, может быть объяснен тем фактом, что они сознательно делают свои контакты и круг друзей менее разнообразными для того, чтобы лучше соответствовать ожиданиям родителей, культурным и религиозным требованиям стран происхождения. Кроме того, в некоторых случаях, речь идет об их первом опыте мобильности, они мало знают об истории и культуре страны пребывания. Также у них наблюдается значительные расхождения между реальностью страны обучения и сформированными у них стереотипами западных стран, с которыми они ассоциируют Россию.

Другую группу с данной стратегией образуют аспиранты. Причины выбора этой стратегии в этом случае принципиально иные. Они ведут активную профессиональную деятельность в своих странах происхождения и ориентируются на возвращение с целью дальнейшего карьерного роста и жизненного успеха на родине. Кроме того, некоторые из них на родине имеют собственные семьи и стремятся быстрее завершить обучение для того, чтобы присоединиться к их родным.

Так согласно ответам респондентов большинство студентов (64,7%) планируют вернуться домой после окончания учебы, в то время как 12,9% хотят продолжить обучение в аспирантуре в России. Еще 4,7% хотели бы продолжить работать в России после окончания учебы, а 14,5%

из них хотят использовать Россию в качестве транзитной страны для переезда в Европу. В последней группе преобладают представители таких стран, как Конго, Центральная Африка и Камерун. Наконец, 3,2% студентов не дало ответа на этот вопрос. Среди тех, кто хочет вернуться на родину, в основном граждане Мали, Сенегала, Кот-д'Ивуара, Эритреи. Среди желающих остаться в России для работы преобладают граждане Нигера. Хотели бы продолжить обучение в российской аспирантуре граждане Мали, Анголы, Намибии, Замбии, Алжира, Туниса и Марокко.

Таким образом, преобладающей стратегией является стратегия диссоциации. Это показывает, что африканские студенты в большинстве своем ориентированы на то, чтобы только учиться в России и по окончании учебы вернуться на родину. Для этой группы студентов так же характерны отдельные проявления национализма, высокий уровень коллективизма, низкий уровень контактов с принимающим обществом, особенно в неформальной сфере, которые осуществляются только по необходимости. Как следствие, студент с данной стратегией тяготеет к общению с двумя кругами с разными значениями: круг русских однокурсников и преподавателей, а также круг, представляющий собой сообщество иностранных студентов вообще и африканских братств в частности. Г. Беккер [4, с. 27-38] считает такую стратегию девиантной. В рамках этой стратегии студенты часто пренебрегают нормами принимающего общества, например, прибегают к использованию своих родных языков в публичных местах.

Согласно данным нашего опроса, только 13,6% африканских студентов в нашей выборке никогда не используют свои родные языки в публичных местах, и в тоже время 33% из них иногда делают это. 19,4% студентов редко используют эту практику, в то время как 31,7% из них это делают всегда. 2,3% не ответили на вопрос. Это стремление использовать родной язык в публичном месте представляет собой попытку доминировать над окружающими, показывает сопротивление западной культуре своего рода протест. Эта тенденция имеет место не только в России, но и на родине, где

многие склонны противопоставлять и разделять европейский язык, язык официальных учреждений и обучения (французский, английский, португальский, испанский и арабский) языку национальному.

Стратегия ассимиляции – предполагает отказ от собственной культуры в пользу чужой. Она слабо присутствует у африканских студентов в России. В нашей выборке лишь 4,7% опрошенных склонны к выбору данной стратегии. Эти студенты позитивно описывают Россию, ее систему образования, политическую и военную силу, красоту русских девушек. Им свойствен индивидуализм, они предпочитают контактировать с местными жителями, российскими однокурсниками, чем с африканскими братствами. Для этой стратегии характерно восхищения по отношению к русской культуре, стремление к овладению русским языком на высоком уровне, приобщение к российской культуре, ценностям и традициям народов России. Они слушают народные песни, читают русских писателей, таких как А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, А.П. Чехов и др. с интересом смотрят национальное ТВ, посещают российские народные фестивали, такие как Масленица, День защитника Отечества, День хлеба. Желая остаться в России после обучения, эта категория студентов тем самым стремится уйти от ограничений и запретов, существующих в стране их происхождения, приобрести свободу от них. Эта стратегия чаще всего принимается студентами мужского и женского пола из Марокко, Туниса и Алжира, где сильно влияние мусульманской традиции, ограничивающей отдельные свободы.

Стратегия аккультурации – предполагает принятие новой социокультурной среды и ее требований при сохранении своей собственной культурной идентичности. Стратегию аккультурации придерживается согласно данным нашего исследования примерно четверть опрошенных африканских студентов.

Стратегия аккультурации характеризует с одной стороны студентов, желающих продолжить учебу в России, с другой стороны тех, кто рассматривает Россию, образование и опыт

проживания в ней как ворота в Европу. Эти студенты участвуют в мероприятиях по социальной адаптации, активно стремятся достичь целей, используют возможности и индивидуальные способности для этого. Например, те, кто хотят поступить в аспирантуру в России, активно участвуют в конкурсах русского языка и культурных мероприятиях, таких как концерты, выставки национальных культур, конференции. Институциональные ограничения ими менее ощущаются, оставляя постепенно место амбиции и оптимизму.

Студенты в стратегии аккультурации не сразу планируют вернуться в свои родные страны. Они часто действуют по ситуации и стараются не упустить тех возможностей, которые им предоставляются. Эти студенты чаще всего относятся к жизни и учебе с оптимизмом. Они согласуют ежедневно индивидуальные нормы с коллективными. Это согласование позволяет многим из них успешно справляться с трудностями.

В целом данные исследования показывают, что значительная часть студентов (42,9%) справляется с основными трудностями, в том числе связанными с образованием. Еще 22,5% опрошенных надеются преодолеть эти трудности в ближайшем будущем. 12% считает, что они не могут преодолеть основные трудности, тогда как у 18,9% студентов трудностей в принципе не возникало на момент исследования, а 3,7% не ответили. Таким образом, подавляющее большинство студентов успешно преодолевают трудности и надеются их преодолеть, что свидетельствует об эффективности избранных ими стратегий.

Стратегия маргинализации сопровождается чувством отчуждения у студента и недоброжелательным отношением местного населения к нему. В нашем исследовании такой стратегии придерживаются 2,8% респондентов. Эти студенты не идентифицируют себя четко ни с одной из групп, как следствие это может привести со временем к дезорганизации личности в той мере, в какой она утрачивает референтную и социальную поддержку. Они могут полагаться только на себя. Такой стратегии чаще придерживаются некоторые студенты и студентки подготовительного и первого курса из Мали, Экваториальной Гвинеи, Камеруна и Чада, которые, в конце

концов, возвращаются на родину еще до окончания учебы.

Анализ данных исследования позволяет выделить две группы африканских студентов в зависимости от степени «культурного шока» в период обучения в России. В отличие от студентов первой группы, успешно преодолевших состояние «культурного шока» визитеры второй группы были менее подготовлены к решению различных трудностей в процессе адаптации, не смогли с ними справиться. Они руководствовались негативными стереотипами о культуре принимающей страны, а затем, предпочли быть обособленными наблюдателями, маргиналами.

Подводя итог проведенному исследованию отметим следующее: африканские студенты, обучающиеся в вузах России и прошедшие обучение в вузах СССР, прибывая в страну обучения, проходят процесс адаптации. Успешность этого процесса зависит от комплекса факторов и условий, которые носят объективный и субъективный характер. Важным элементом, определяющим итог адаптации, выступает выбор той или иной стратегии. Сам выбор в свою очередь также предопределен набором объективных и субъективных обстоятельств и характеристик. Определенный тип стратегии коррелирует с такими характеристиками как пол, страна / регион прибытия, длительность проживания в стране обучения и проч. В общем виде среди студентов африканцев присутствуют четыре основных вида стратегий адаптации: диссоциация (ориентация на собственную культуру и стремление вернуться на родину), ассимиляция (отказ от собственной культуры в пользу культуры принимающего общества и стремление закрепиться в нем после окончания обучения в вузе), аккультурация (согласование норм собственной культуры с нормами и ценностями принимающего общества, ориентация на дальнейшее развитие) и маргинализация (отчуждение и изоляция от обеих культур, дезадаптация). Большинство африканских студентов выбирают и реализуют стратегии, которые обеспечивают им успешную адаптацию, и в рамках которых они эффективно овладевают профессиональными знаниями и другим важным жизненным опытом.

Библиографические ссылки

1. Шабанова М.А. Социальная адаптация в контексте свободы //

Социологические исследования. 1995. № 9. С. 81–88.

2. Шереги Ф.Е., Дмитриев Н.М., Арефьев А.Л. Научно-педагогический потенциал и экспорт образовательных услуг российских вузов. М., 2002.

3. Agulhon C., Ennafaa R. (2016) Les étudiants étrangers. Des trajectoires spécifiques, in Giret, JF, Van de Velde C., Verley, C. (dir.), Les vies étudiantes. Tendances et inégalités. Paris, La Documentation Française, coll. «Études & recherche».

4. Becker H. (1985) Outsiders, étude sociologique de la déviance. Collection: Leçons de choses, édit. Métailié.

5. Bistolfi R. et Zabbal F. (1995). Islams d'Europe: intégration ou insertion communautaire? Editions de l'Aube, collection "Monde en cours».

6. Bochoer S. (1982) The Social Psychology of Cross-cultural Relations // Cultures in Contact. Studies in Crosscultural Interaction. (1982). Edited by Stephen Bochner. Pergamon Press. Oxford.

7. Castel R. (1992) La désaffiliation: précarité du travail et vulnérabilité relationnelle, in J. Donzelot (dir.), Face à l'exclusion: le modèle français, Paris, Editions Esprit.

8. De Prince A.P. (2005) Social cognition and revictimization risk. Journal of trauma and dissociation, 6 (1), pp. 125-141.

9. Durkheim E. (1967) De la division du travail social. Paris: PUF.

10. Durkheim E. (1968) Les formes élémentaires de la vie religieuse. Le système totémique en Australie. Paris: Les Presses universitaires de France.

11. Fairchild H.P. (1925) Immigration: A World movement and its American significance. Revised edition. New-York: The Macmillan company.

12. Freud S. (1947) Introduction à la psychanalyse, Paris: Payot.

13. Grawitz M. (2001) Les méthodes en sciences sociales, Paris, 11ème édition, Dalloz, PUF.

14. Gullahorn J.T., Gullahorn J.E. (1963) An extension of the U-curve hypothesis // Journal of Social Issues, 19 (3), p. 33–47.

15. Hollander E.P. (1971). Principles and Methods of Social Psychology. New York: Oxford University Press.

16. Klineberg O. (1981) The role of international university exchanges. In Bochner S. (1981) Edit the mediating person: Bridges between cultures. Boston: Schenkman.

17. Lalive E.C. (1998) Significations et valeurs du travail, de la société industrielle à nos jours, Traité de sociologie du travail, De Boeck Supérieur, Paris.

18. Linton R. (1986) Le fondement culturel de la personnalité. Paris: Dunod. (1^{ière} édition 1945).

19. Maslow A. (1943) A Theory of Human Motivation, Psychological Review, vol. 50, № 4, July, p. 370-396.

20. Méda D., Vendramin P. (2013). Réinventer le travail, Presses

universitaires de France, Paris.

21. Merton R. (1975) *Approaches to the Study of Social Structure*. New York.

22. Morin E. (1985) *La Vie de la vie, La Méthode*, t. 2, Paris, Le Seuil.

23. Nedelcu M.-F. (2001) *Les migrations internationales des professionnels roumains hautement qualifiés*. Institut de Sociologie et de Sciences Politiques, Université de Neuchâtel, Suisse.

24. Noll J.G., Horowitz, L.A., Bonnano G.A., Trickett P.A. and Putnam W.A. (2003) *Revictimization and self-harm in females who experienced childhood sexual abuse: Results from a prospective study*. *Journal of interpersonal violence*, 18 (12), pp. 1452-1471.

25. Oberg K. (1960) *Culture Shock: Adjustment to New Cultural Environments // Practical Anthropology*. V.7, p. 177-82.

26. OCDE (2017). *Base de données de Regards sur l'éducation*.

27. Parsons T. *The System of Modern Societies*. Englewood Cliffs, 1971.

28. Peretti J.-M. et Vachette J.L. (1985) *Audit Social*, Éditions d'Organisation, Paris.

29. Piaget J. (1965) *L'explication en Sociologie*, Études Sociologiques. Paris: Droz.

30. Piaget J. (1967) *Biologie et connaissance : essai sur les relations entre les régulations organiques et les processus cognitifs*, Paris, Gallimard.

31. Pinto V. (2014) *À l'école du salariat. Les étudiants et leurs «petits boulots»*, Presses universitaires de France, Paris.

32. Quivy R. et Campenhoudt L.V. (1985) *Manuel de recherche en sciences sociales*, Paris, Dunod.

33. Rocher G. (1970) *Action sociale in Introduction à la sociologie générale*, Paris, Seuil.

34. Rocher G. (1992) *Introduction à la sociologie générale: action sociale, organisation sociale, changement social*, Montréal, Hurtubise.

35. Spencer H. (1871 [1862]) *Les premiers principes*, trad. Par E. Cazelles, Paris, G. Baillière.

36. Thomas W.I. et Znaniecki F. (1918) *The Polish Peasant in Europe and America*, Boston, Badger, 1918, Methodological.

37. Weber M. (1971) *Économie et Société*. Paris: Plon. (Traduction partielle de l'original allemand paru en 1921).

КУРДСКАЯ ЭТНИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ НА ЮГЕ РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ

KURDISH ETHNIC COMMUNITY IN THE SOUTH OF RUSSIA: FORMATION FEATURES AND DEVELOPMENT

К.А. Каратаева

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

K.A. Karataeva

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье рассматривается история формирования курдской этнической общности, а также особенности жизнедеятельности курдов в современном межэтническом взаимодействии. Рассматриваются вопросы, связанные с появлением курдов на юге России. Характеризуются курдские национально-культурные общественные объединения.

Abstract. The article deals with the history of the formation of the Kurdish ethnic community, as well as the peculiarities of the life of the Kurds in the modern interethnic interaction. It is dealt with the issues related to the emergence of Kurds in the South Russia. It is characterized the Kurdish national and cultural public associations.

Ключевые слова: курды, курдская диаспора, полиэтничность, межэтническое взаимодействие, межэтнические конфликты, этническая группа, культура.

Keywords: kurds, kurdish diaspora, polyethnicity, interethnic interaction, interethnic conflicts, ethnic group, culture.

Юг России – полиэтничный регион, включающий в себя большую часть Южного и Северо-Кавказского федеральных округов, где на сравнительно небольшой территории проживает несколько десятков народов, имеющих как автохтонное, так и пришлое происхождение. Одним из

народов, появившимся на Юге России сравнительно недавно, являются курды. Активная миграция их на территорию Юга России: в Краснодарский край и Республику Адыгея происходила в период реформирования советского государства, обострения социально-экономических и политических отношений на постсоветском пространстве. Сложившаяся в этот период обстановка способствовала возникновению конфликтности между местным населением и мигрантами, последние становились зачастую незаслуженно обвиненными в ухудшении экономического положения местного населения, преступности, нарушении норм и правил социального взаимодействия в регионе. В большей степени это касалось народов, находившихся на значительной социальной дистанции от доминирующего на Кубани и Адыгее русскоязычного населения в силу языковых и культурных особенностей. Одним из таких народов, переселяющихся в 1990-х гг. на Кубань были курды. Возникающие бытовые конфликты между мигрантами и местным населением активно подогревали региональные и центральные СМИ которые в поисках острых сюжетов гиперболизировали и без того опасную ситуацию.

Недостаток информации о курдах (как собственно и о других народах, переселяющихся в этот период на Кубань и в Адыгею), особенностях их истории, вероисповедания, норм и правил социального взаимодействия приводил к мифологизации, домыслам, усугубляя межэтническую напряженность.

В этих условиях чрезвычайно важно распространение полных и достоверных знаний о народах, населяющих Юг России, в частности – курдской этнической общности. Закрытость информации приводит к домыслам, формированию некорректного, искаженного облика народа, что в свою очередь сказывается на характере межэтнических отношений и на безопасности и целостности государства в целом.

Это обуславливает особую актуальность изучения и представления материалов о курдской этнической общности на Юге России, особенностях ее формирования и развития.

В отечественной литературе широко известна работа известного советского курдолога из Института этнографии АН

СССР Т.Ф. Аристовой «Курды Закавказья», где описаны быт и материальная культура курдов, а также этнические процессы среди курдов. Также в данном направлении работал советский курдовед М.С. Лазарев. Интерес к курдскому вопросу проявил адыгейский исследователь Н. Мосаки, автор монографии «Курды Адыгеи». В работах Х. Омархали рассматривается специфика йезидизма, традиционной религии курдов.

Научных работ с проблематикой курдского вопроса на Юге России не так много. В русле данного направления исследовалось в основном межэтническое взаимодействие курдов с местным населением, а также ситуации, провоцирующие конфликты. Особенности миграции курдов на Кубань изучались А.В. Аверьяновым, опубликовавшим в 2015 г. статью «Миграционные процессы на Юге России за последние 25 лет: динамика и основные направления». Разделение курдов на йезидов и мусульман по конфессиональному признаку, в частности, особенности жизни йезидов рассматривались в статье В.Н. Ракачева и П.Е. Сушко «Диаспора йезидов на Кубани: формы социокультурной организации и особенности взаимоотношений с местным населением». В 2017 г. в Российско-Армянском университете состоялся круглый стол «Курдский вопрос и проблемы негосударственных народов», организованный Институтом востоковедения РАУ. В нем приняли участие многие специалисты-востоковеды из Армении и России – Г. Асатрян, В. Аракелова и др.

Таким образом, этническая общность курдов на Юге России недостаточно изучена и изучение ее на сегодняшний день актуально и востребовано.

Курды – автохтонный народ, издревле населяющий территорию Курдистана. Курдистан располагается на высокогорной местности Среднего Востока с богатым лесным массивом, множеством рек и плодородных долин. Граничит с Ираком на Западе, с провинцией Западный Азербайджан на севере, с провинцией Зенджан на северо-востоке, с провинцией Хамадан на востоке и с провинцией Керманшах на юге [6, с. 5–6].

Вплоть до второй половины XIX в., а именно 1860 г., у курдов были свои самостоятельные княжества, такие как Арделан, Бабан, Бахдинан, Бохтан, Джебзире, Соран, Хаккари и др. Курдистан, занимающий выгодное экономическое положение, всегда привлекал внимание иноземных завоевателей. После Первой мировой войны территория Курдистана была разделена между Турцией, Ираном, Ираком и Сирией. На этих территориях сегодня проживает большинство курдского населения. Значительная курдская диаспора имеется также в Средней Азии, Закавказье, России, Европе и других регионах [6, с. 6–7].

Разделение курдов на две конфессиональные группы – мусульман и йезидов – один из важнейших аспектов, который надо учитывать при изучении курдской общины. Традиционной религией курдов был йезидизм, однако впоследствии большинство курдов перешло в ислам.

Академик Н.Я. Марр считал, что йезидизм – это собственно курдская религия, исповедовавшаяся большей частью курдов до того, как они были обращены в ислам [6, с. 18].

Несмотря на тот факт, что курдов-мусульман по численности больше, расселяются они не вместе и соответственно доминирование той или иной конфессиональной группы может различаться на разных территориях. Так на Юге России, и в Российской Федерации в целом, согласно переписи населения 2010 г. большинство составляют йезиды.

Йезиды – представители одной из самых древних религий, которая на протяжении истории неоднократно подвергалась гонениям, но все же смогла сохранить свою самобытность. Религиозное самосознание у йезидов сильно развито, их характеризует консервативный и замкнутый образ жизни, благодаря которому они смогли сохранить свою кастово-теократическую структуру. Наличие кастовой системы, определяющей всю культурно-нормативную жизнь, главным образом отличает курдов-йезидов от курдов-мусульман [10, с. 73]. Конфессиональный раскол в среде курдов усугублялся армянскими и азербайджанскими властями, в особенности

после распада СССР. Война в Нагорном Карабахе привела к тому, что друг против друга воевали курды-йезиды на стороне армян и курды-мусульмане на стороне азербайджанцев. Это также стало одной из причин переселения курдов в Россию.

История курдской диаспоры в России насчитывает уже несколько веков. После вхождения в состав Российской империи в 1801 г. Грузии, а также Гянджинского, Карабахского и Шекинского ханств, проживающие на этих территориях курды стали российскими подданными [2, с. 37].

В последующем был также ряд крупных переселений курдов на территорию Российской империи, преимущественно в Закавказье: 1813, 1828, 1856, 1877–1878, 1915–1918 гг.

Миграция непосредственно на российскую территорию началась позже, во второй половине XX в., первые курдские переселенцы появляются на территории Краснодарского края и других территорий Юга России в 1970-х гг. [8, с. 44].

По данным Всесоюзной переписи 1979 г., в Краснодарском крае проживало 537 курдов. За период между переписями 1979–1989 гг. численность курдов возросла, составив в 1989 г. 2262 чел. [3].

Согласно Всероссийской переписи населения 2002 г., численность курдов в Краснодарском крае составила 5022 чел. (прирост на 17%), а по переписи 2010 г. – уже 23322 чел. (0,02% населения России). В составе населения преобладает сельское, из общей численности населения 2010 г. горожане составили всего 4095 чел. В дальнейшем городское население сокращается, что позволяет сделать вывод о характерном для курдов процессе рурализации [5].

Настороженность коренного и старожильского населения (адыгейцев, русских, армян) по отношению к курдам и возникающие между ними конфликты вызваны высоким уровнем экономической конкуренции в сельском хозяйстве, торговле и сфере услуг, а также социальной изоляцией курдов, у которых сохранена традиционная социально-политическая система с делением на родоплеменные группы (ашираты), институтами наследственного лидерства (шейхи). Рост социально-политического и экономического влияния курдов в регионе в перспективе обуславливает высокую вероятность

актуализации вопроса об их административно-территориальном обособлении [1, с. 112].

По мнению Т.М. Шовгенова, «курды по своим социально-экономическим и профессиональным характеристикам способствуют улучшению ситуации с трудовыми ресурсами в связи с более высокой долей лиц трудоспособного возраста по сравнению с местным населением». Но большинство курдов официально не трудоустроено, хотя безработных среди них крайне мало, ведь многие заняты домашним хозяйством [10, с. 271]. Эти проблемы отмечали и другие исследователи.

По мере укрепления экономического и политического положения страны конфликты с пришлыми группами существенно сокращаются. Мигранты, а это в полной мере относится и к курдам, интегрируются в социальное пространство региона, характер межэтнического взаимодействия оптимизируется.

Таким образом, на сегодняшний день конфликты между курдами и коренным населением практически отсутствуют. Местное население демонстрирует доброжелательное отношение к курдам, а сами курды заявляют, что под влиянием местного сообщества в их среде произошли большие социокультурные изменения.

Создание общественных организаций курдским народом и их активное участие в процессах политической, социальной и духовной жизни обусловлено, прежде всего, стремлением сохранить национальную идентичность.

В 1988 г. по решению Государственной Думы был принят Закон о национально-культурных автономиях, в соответствии с которым курды наделялись правом создавать свои культурные общества. 5 февраля 1988 г. в Москве была создана «Национально-курдская автономия курдов города Москвы» с председателем Матлабом Османовым. В этом же году в Краснодаре была создана «Краснодарская краевая курдская национально-культурная автономия Мидия», председателем которой стал Ишхан Анкоси. Также в Краснодарском регионе ведут свою деятельность Краснодарская краевая общественная организация «Общество курдской культуры «Каскасор» («Радуга»)» и городская общественная организация местная

национально-культурная автономия курдов Краснодара.

В уставе каждой такой организации указано, что главная ее цель – сохранение и развитие самобытной курдской культуры. Издательская и просветительская деятельность курдских национально-общественных организаций ориентирована на решение вопросов образования молодежи, финансовой поддержки беженцам, правовой защиты курдского населения. С целью сохранения толерантных отношений с представителями других национальностей курдские организации проводят фестивали, выставки курдской культуры, организуют круглые столы, семинары и конференции по политическим вопросам [4].

Курдские национально-культурные организации сыграли важную роль в стабилизации межнационального климата, предотвращения конфликтности между курдами и другими народами, населяющими Кубань и Адыгею.

На сегодняшний день курдского вопроса в межнациональном взаимодействии нет. Курды – один из многих народов составляющих многонациональную Кубань и Адыгею. Сложную ситуацию в межнациональном взаимодействии удалось решить совместными усилиями администрации Краснодарского края, администрации муниципального образования город Краснодар и других муниципальных единиц края и Адыгеи, а также национально-культурных общественных объединений, а также мудрости курдского народа и других народов, населяющих Кубань и Адыгею.

Вместе с тем история формирования и развития курдской этнической общности на Юге России остается на сегодняшний день малоизученной. Необходимо привлекать новые ресурсы для изучения особенностей истории и культуры курдского и других народов населяющих многонациональную Кубань и Адыгею, воспитывать толерантное отношение молодого поколения к представителям других национальностей.

Библиографические ссылки

1. Аверьянов А.В. Миграционные процессы на Юге России за последние 25 лет: динамика и основные направления // Проблемы национальной стратегии. 2015. №6 (33). С. 100–121.
2. Аристова Т.Ф. Курды Закавказья (Историко-этнографический очерк). М., 1966. 216 с.
3. Всесоюзные переписи населения 1939, 1959, 1979 и 1989 гг. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: [http://wiki.kubsu.ru/index.php/Численность_и_размещение_населения_\(по_переписи_1989_г.\)](http://wiki.kubsu.ru/index.php/Численность_и_размещение_населения_(по_переписи_1989_г.)) (дата обращения: 5.10.2018).
4. Дасни Ю.М. Курдская диаспора России: прошлое и настоящее [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kurdist.ru/index.php?id=502&option=com_content&task=view (дата обращения: 10.10.2018) .
5. Мосаки Н. Курды и езиды в российской переписи 2010 года. М., 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/1488222.html> (дата обращения: 7.10.2018) .
6. Омархали Х. Йезидизм. Из глубины тысячелетий. СПб.: Изд-во С.- Петерб. ун-та, 2005. 192 с.
7. Петров В.Н., Ракачев В.Н., Ракачева Я.В., Черный В.И. Мигранты в Краснодарском крае: проблемы адаптации и формирования толерантной культуры: Учебное пособие. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2002. 240 с.
8. Ракачев В.Н., Ракачева Я.В. Краснодарский край: этносоциальные и этнодемографические процессы (вторая половина 1980-х – начало 2000-х гг.). Краснодар: Кубанский государственный университет, 2003. 240 с.
9. Сушко П.Е., Ракачев В.Н. Диаспора йезидов на Кубани: формы социокультурной организации и особенности взаимоотношений с местным населением // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 4. С. 66–77.
10. Шовгенов Т.М. Экономические аспекты адаптации курдов в Адыгее // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 5: Экономика. Майкоп: Изд-во АГУ. 2011. № 4. С. 270–276.

ФОРМИРОВАНИЕ И ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ В ГОРОДСКОМ СООБЩЕСТВЕ⁴

FORMATION AND MEASUREMENT OF SOCIAL TENSION IN THE URBAN COMMUNITY

А.И. Кольба

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

A.I. Kolba

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье на основе концептуального анализа факторов формирования социальной напряженности в городском сообществе разработана методика ее измерения. Она позволяет обосновано судить о возможных формах проявления социальной напряженности и типах поведения горожан, их готовности участвовать в тех или иных проявлениях конфликтности.

Abstract. In the article, based on a conceptual analysis of the factors of social tension formation in the urban community, a method of its measurement is developed. It allows to reasonably judge the possible forms of manifestation of social tension and the types of behavior of citizens, their willingness to participate in certain manifestations of conflict.

Ключевые слова: социальная напряженность, конфликт, городское сообщество, методика измерения.

Keywords: social tension, conflict, urban community, measurement method.

Изучение социальной напряженности в социологической традиции начинается с Э. Дюркгейма, который анализировал процессы дезинтеграции как разрыва социальных связей, утраты ценностных ориентиров, нарастания социальной аномии, сущность которой наиболее близко по своему

---

⁴ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-03-00402 «Политическое управление городскими конфликтами в РФ: акторы, стратегии, институциональные основания».

содержанию и приближается к сущности социальной напряженности. Он считал, что биологическая природа человека находится в противоречии с его социальной природой, создаваемой путем воспитания. Это порождает внутреннее беспокойство, чувство напряженности и тревоги. Только контролирующее действие общества сдерживает биологическую природу человека, создавая определенные рамки. Ослабление контроля общества над индивидом приводит к возникновению аномии, состоянию дезинтеграции общества и индивида. Складывается ситуация, когда старые нормы и ценности уже не выполняют своей роли, а новые еще не утвердились [7].

Р. Мертон, анализируя условия и характерные особенности возникновения и развертывания социальной аномии, приходит к выводу, что она возрастает вследствие нарушения равновесия между сложившимися целями и средствами социальной структуры и служит источником различных форм девиантного поведения. При этом Р. Мертон замечает, что подобные условия свойственны и для социальной напряженности, которая регулируется установленным социальным порядком и может проявляться в скрытой или явной форме. Социальная напряженность, таким образом, подобно аномии возрастает вследствие нарушения равновесия между целями и средствами их достижения в социальной структуре общества [10]. Таким образом, в своей теории аномии Р. Мертон по существу уже использует понятие социальной напряженности.

Далее Т. Парсонс вводит понятие социальной нормы и дает первое определение социальной напряженности как тенденции к нарушению равновесия в балансе между двумя и более компонентами системы [11]. Он замечает, что нормативный элемент, встречая сопротивление при реализации социального действия, является источником социальной напряженности и социального конфликта. Причем, возникновение социальной напряженности он связывает не только с нарушением дисбаланса между структурными компонентами, неопределенностью статусов и соответствующих им ролевых предписаний, но и с определенными внутренними состояниями и переживаниями ее реальных участников. Как отмечает П.И.

Куконков, «данные положения имеют важное методологическое значение, поскольку не только определяют неразрывную связь явлений социальной напряженности и конфликта, но и фиксируют то, что социальная напряженность предшествует конфликту и при соответствующих условиях может перерасти в конфликт» [9].

О социальной напряженности в своих работах упоминал и американский конфликтолог Л. Козер, выявивший конструктивные функции социальных конфликтов. Он говорил о том, что любому обществу присуще социальное неравенство, психологическая неудовлетворенность и проистекающая отсюда социальная напряженность. Источником напряженностей выступает дефицит ресурсов – материальных, политических, ресурсов власти и престижа. При этом, подавление различного рода напряженностей в социальной системе приводит к возникновению конфликтов, что показывает прямую взаимосвязь между двумя данными явлениями [8].

Социальный конфликт, таким образом, сводится к напряженности между тем, что есть и тем, что должно быть в соответствии с чувствами групп и индивидов. Изучением социальной напряженности в ее тесной взаимосвязи с конфликтом занимались также Р. Дарендорф [6] и Г. Блумер [2]. В частности, они связывали проявления социальной напряженности с общественными трансформациями и противостоянием социальных групп, выраженными в форме социального конфликта.

Связь социальной напряженности и конфликта отмечает Д.А. Шмонин, рассматривая ее как начальную, подготовительную стадию конфликта, переход к которому может произойти через инцидент [16].

В интерпретации российских социологов социальная напряженность выступает состоянием, характеристикой социальной системы, содержание которой составляет процесс возникновения и развития противоречивости отношений и потребностей, интересов и действий людей, социальных групп и институтов, который сопровождается ростом недовольства, негативной психологической направленностью и

нестабильностью социальных связей [5]. Поддерживая данную точку зрения, Е.В. Тучков определяет ее как интегральный социальный феномен, формирующийся на основе высокой неудовлетворенности людей своим социальным, экономическим и политическим положением, характеризующий динамику особого социального состояния части общества и функционирующий под воздействием, как доминирующих тенденций развития общества, так и особых условий, и обстоятельств [15].

Также, заслуживает особого внимания взгляд на социальную напряженность как на некий имманентный социальный тонус общества или его отдельных групп. Под данным термином понимается мера социального напряжения, превращающая социальную энергию социального субъекта и групп в реальные поступки и действия [4]. Социальная напряженность, таким образом, выступает неотъемлемой характеристикой социальной системы, причем поддержание определенного уровня напряженности стимулирует социальные группы к преодолению отставания в качестве жизни и оказывается необходимым фактором для поддержания целостности социальной системы.

Таким образом, в основе данного исследования лежит системно-структурный подход определения сущности социальной напряженности. К представителям данного направления можно отнести вышеназванных Т. Парсонса, Л. Козера, Р. Мертона, Р. Дарендорфа и других исследователей, которые рассматривали социальную напряженность как характеристику состояния социальной системы, сложившихся в ней социальных отношений и опосредованным тем и другим социально-психологическим проявлениям на социальном и индивидуальном уровне. Социальная система в своем развитии переживает различные циклы внутрисистемных изменений, которые неизбежно сопровождаются различными проявлениями социальной напряженности. Социальная напряженность является имманентной характеристикой социальной системы, которая может существовать как в скрытой форме, так, и открыто проявляться как на социальном, так и на индивидуальном уровне в форме акций протеста,

высказывания неудовлетворенности, в форме девиантного поведения и других формах.

Концептуальный анализ позволяет утверждать, что социальная напряженность формируется под воздействием многочисленных причин, как на социальном, так и на внутриличностном уровне, таких, как социальная дезадаптация, неопределенность, распад системы ценностных ориентаций, противоречие между потребностями, интересами населения и мерой их фактического удовлетворения, рост активности различных общественно-политических формирований, деятельность экстремистских групп и т.д.

Указанные причины не противоречат друг другу, а являются взаимодополняющими, что еще раз подчеркивает многоаспектность сущности социальной напряженности. К тому же, опираясь на системно-структурный подход и теорию социальных изменений можно заметить, что вышеперечисленные причины отражают сущность внутрисистемных трансформаций – смена ценностных ориентаций, деструктивная или конструктивная активность социальных формирований, дисбаланс в распределении жизненных благ сопровождаются некоторым уровнем социальной напряженности и одновременно могут являться ее социальным проявлением.

На динамику формирования социальной напряженности в городском сообществе влияют как внешние, так и внутренние факторы. Как отмечает И.В. Пирогов, «напряженность на уровне индивидов можно рассматривать как суммативную психическую напряженность. Следовательно, социальная напряженность есть массовое, аккумулированное проявление индивидуальных форм психического напряжения» [12]. По мнению Н.Д. Ворониной, «практически все концептуальные модели формирования социальной напряженности, так или иначе, связаны с состоянием фрустрации, вызванным негативным внешним событием» [3]. Следовательно, одним из внутренних факторов формирования социальной напряженности будет выступать степень неудовлетворенности индивида своих потребностей, депривация, состояние фрустрации.

Социальная напряженность в городском сообществе не сводится только к протестному или делинквентному поведению, конфликтам, различным демографическим и психологическим проявлениям. Данные явления являются формами или симптомами проявления одного из уровней социальной напряженности, конкретные проявления которой, например, социальные конфликты, требуют определенных условий внешней среды, конкретных инцидентов-катализаторов.

С данной точки зрения социальная напряженность в определенных рамках есть не что иное, как тонус общества или его отдельных социальных групп. Она имеет определенный фоновый уровень в различных социальных системах, который создает благоприятное для социальной системы состояние роста мобилизационной активности индивидов, конструктивное разрешение противоречий и выступает движущей силой обновления социальной системы, необходимой для эволюционного развития социума. Однако, достигая критического уровня социальная напряженность, может получить негативные формы проявления.

Говоря об уровнях социальной напряженности, необходимо отметить динамичность и измеримость данной характеристики социальных систем. Логично, что чем хуже состояние некоторых общественных подсистем, тем более сильное влияние они оказывают на динамику развития социальной напряженности. Значительное влияние на ее динамику также оказывают внутренние факторы индивидов как единиц социальной системы: психотип индивида, социальный оптимизм, настроение, тревожность и прочее. При этом, как отмечает ряд исследователей социальная напряженность также зависит от степени связанности различных подсистем общества: в тесно связанных – напряжение в одной вызывает напряжение в другой.

Некоторые исследователи также работают над тем, чтобы выделить отдельные качественные уровни социальной напряженности, отражающие возможность проявления той или иной ее формы. Одну из таких моделей предлагают Г.В. Баранова и В.А. Фролов, выделившие 4 стадии ее развития,

характеризующиеся своим уровнем и возможными формами проявления [1]:

Фоновый уровень характеризуется относительной сбалансированностью потребностей социального субъекта и возможностей их удовлетворения. Может проявляться в форме конструктивного, нормативного решения проблем.

Повышенный уровень характеризуется несоответствием между потребностями, ожиданиями и реальным уровнем жизни. Выражается в росте обеспокоенности ситуацией, недоверии властям, росте алкоголизма, немотивированного насилия. Возможно проведение мирных санкционированных краткосрочных пикетов, митингов, голодовок.

Высокий уровень характеризуется ростом неудовлетворенности сложившимся социально-экономическим и общественно-политическим положением. Усиливается конфронтация, формируется «образ врага». Проявляется в виде проведения более многочисленных и длительных мирных санкционированных пикетов, митингов. Возможны мирные забастовки, блокировки.

Критический уровень характеризуется завершением осознания социальным субъектом глубокого несоответствия социально-экономической и политической ситуации его ценностям и интересам. Недовольство обретает массовый характер. Предпринимаются целенаправленные конфликтные действия в виде многочисленных, длительных несанкционированных пикетов, митингов, забастовок, блокировок и т.п.

Данная модель хорошо отражает динамику возможного развития социальной напряженности в определенных относительных рамках от фонового до критического уровня. Однако, на наш взгляд описанные исследователями формы открытого проявления социальной напряженности во многом также зависят от условий-катализаторов внешней среды, факторов различных типов.

Необходимо также остановиться на факторах внешней среды. Согласно мнению Н.Д. Ворониной [3], можно выделить следующие из них:

– Наличие лидера или организованной структуры, которая может аккумулировать и направлять негативную реакцию людей (политическая партия, общественное движение, правозащитные организации и т.п.).

– СМИ, в том числе интернет как площадка для проявления, источник и ретранслятор социальной напряженности.

– Сложившиеся традиции, культура, идеология или ее отсутствие, особенности политической и управленческой систем, выражающиеся в степени терпимости по отношению к проявлениям социальной напряженности.

– Факторы микросреды: ближайшее социальное окружение индивида, семья, референтные группы и прочее.

В данный список также необходимо внести характеристику различных общественных систем, а также процессы, происходящие в них. Это экономическое положение, политическую ситуацию, состояние окружающей среды, качество институтов здравоохранения, образования, состояние межэтнических отношений, криминогенную обстановку и прочее. Данные факторы во многом обуславливаются конкретной региональной спецификой и спецификой обследуемой социально-демографической группы. В целом данные факторы можно охарактеризовать как состояние общественных подсистем, которые оказывают значительное влияние на удовлетворение потребностей индивидов, а, значит, на степень их депривации и фрустрированности.

Ю.Н. Толстова и Н.Д. Воронина [13] провели также анализ литературы на предмет всех возможных проявлений социальной напряженности и экспертным методом разбили их на 5 кластеров, связанных с:

1. Индивидуальной эмоциональной, психологической реакцией индивидов (стрессы, депрессии, недовольство, неудовлетворенность, тревожность, раздражительность, психологическая усталость и т.п.);

2. Конкретной поведенческой реакцией индивидов (снижение рождаемости, эмиграция, рост числа самоубийств, наркомания, алкоголизм, и т.п.);

3. Общественно-политической сферой (протестные действия и готовность к ним, рост политической активности и активизация общественно-политических движений и т.п.);

4. Экономической сферой (разрыв хозяйственных связей, ухудшение показателей экономической деятельности, ажиотажный спрос);

5. Общей реакцией социума (аномия, социальная дезинтеграция, дифференциация членов социума).

Таким образом, социальная напряженность в городском сообществе формируется под воздействием многочисленных причин, как на социальном, так и на внутриличностном уровне. На ее динамику влияют социальная дезадаптация и неопределенность, распад системы ценностей, противоречия между потребностями и интересами населения, активность общественно-политических формирований, экстремистских и преступных элементов.

В качестве первоисточника формирования социальной напряженности выступает психическая напряженность индивида, основой формирования которой выступает когнитивный дисбаланс, т.е. отраженное в сознании индивидов несоответствие между ожиданиями и возможностью их удовлетворения, расхождение между ожидаемой и реальной жизненной позицией, который может привести индивида в состояние фрустрации. Социальная напряженность есть массовое, аккумулярованное проявление индивидуальных форм психического напряжения. Однако она не является простой суммой индивидуальных напряженностей, а является качественно новым, эмерджентным явлением, то есть она не сводима к сумме свойств своих компонентов.

Опираясь на данную теоретическую модель, мы получаем ряд индикаторов, измерение и оценка которых позволит определить уровень социальной напряженности и вероятные формы ее проявления. Для определения уровня социальной напряженности мы прибегнем к построению индекса на основании показаний социальной фрустрации. Отметим, что «применение индексов допускается в тех случаях, когда модель измерения предполагает, что некоторая латентная, т.е. неизмеримая непосредственно переменная может быть

измерена с помощью качественно однородных показателей» [14]. Различия в значимости данных показателей учитываются с помощью процедуры взвешивания. Для определения вероятности проявления той или иной формы социальной напряженности может быть использована модель определения поведенческого типа личности, предложенную Ю.Н. Толстовой и Н.Д. Ворониной [13].

Перейдем непосредственно к описанию методики определяющей уровень фрустрации индивидов. Для данной задачи возьмем методику построения индекса социальной напряженности, предложенную в своей диссертации И.В. Пироговым [12]. Ее суть заключается в изучении переменной удовлетворенность – неудовлетворенность по совокупности предложенных респондентам параметров. Процедура опроса заключается в получении самоотчетов респондентов по двум вопросным блокам, в первом из которых выясняется степень важности благоприятного положения в предложенных сферах жизни, а во втором – степень удовлетворенности этими же параметрами. В обоих случаях это порядковые шкалы (от 1 до 6) с вербальным закреплением границ от «совсем не важно» до «очень важно» и от «полностью удовлетворен» до «полностью не удовлетворен». Аналогичный метод используют многие отечественные исследователи, например, Г. Баранова и В. Фролов [1].

Для использования полученных данных в математических расчетах шкала важности нормируются на интервал [0;1] как представлено в таблице ниже, что дает нам весовые коэффициенты предлагаемых факторов (табл. 1).

Таблица 1 – Шкала важности

<не важно			очень важно>		
1	2	3	4	5	6
0	0,2	0,4	0,6	0,8	1

Шкала удовлетворенности необходима нам для определения степени удовлетворенности-неудовлетворенности респондентов по предложенным параметрам, что позволяет определить индекс социальной напряженности и социального благополучия в целом по группе или по отдельным факторам.

Вербально закрепленным значениям шкалы (от 1 до 6) присваиваются значения от 3 до -3 (полностью удовлетворен (3) – практически удовлетворен (2) – скорее удовлетворен, чем не удовлетворен (1) – скорее не удовлетворен, чем удовлетв. (-1) – практически не удовлетв. (-2) – полностью не удовлетв. (-3) (табл. 2).

Таблица 2 – Шкала удовлетворенности

<удовлетв.			не удовлетв.>		
1	2	3	4	5	6
3	2	1	-1	-2	-3

После получения данных опроса рассчитывается величина X_n , которая характеризует степень удовлетворенности респондента оцениваемым параметром и, одновременно, учитывающая меру его важности (1):

$$X_n = B_n * Y_n, \quad (1)$$

Где B_n – индекс важности n-го параметра;

Y_n – степень удовлетворенности-неудовлетворенности n-ым параметром.

Затем мы находим среднее арифметическое значений X_n , и полученная таким образом величина обозначается как $ИСН_n$, то есть индивидуальный показатель социальной напряженности респондента, значение которого может быть, как положительным, так и отрицательным (2):

$$ИСН_n = \frac{1}{n} \sum_{e=1}^n X_n, \quad (2)$$

Где X_n – это значение величины X_n по одной паре параметров;

n – число пар оцениваемых параметров.

Для того, чтобы определить индекс социальной напряженности в исследуемой социальной группе (3),

необходимо сложить все $ИСН_{и}$, а затем разделить полученную величину на число респондентов:

$$ИСН = \frac{1}{m} \sum_{e=1}^m ИСН_{и}, \quad (3)$$

Где m – это фактический объем выборки;

$ИСН_{и}$ – это индивидуальные показатели социальной напряженности.

Как отмечает И.В. Пирогов, «индивидуальная структура социальной неудовлетворенности функционирует на основе системы взаимозачетов, т.е. неудовлетворенность одной жизненной позицией уравнивается или компенсируется удовлетворенностью другой позиции. Однако, на социальном уровне действуют другие законы: ее уровень хоть и формируется как результат суммы индивидуальных напряженностей, тем не менее, является общим для всех членов социума» [12].

Для интерпретации получаемых таким образом величин индекса социальной напряженности исследователи предлагают систему координат, рассчитываемую на основе границ колебания социальной напряженности, т.е. от минимально возможного до максимально возможного значения. Система координат разделяется на три основные области: социальное благополучие, фоновый (латентный) уровень социальной напряженности, и собственно сама социальная напряженность, которая также подразделяется на качественные уровни: повышенный, высокий и критический.

Определение данных границ и подуровней автор производит на основе математического оперирования числовыми значениями индексов важности и уровней неудовлетворенности. Подробно разбирать данные вычисления в данной работе мы не будем, а просто воспользуемся предложенной формулой. Границы областей определяются на основании предложенных значений шкал важности и удовлетворенности с учетом общего числа параметров и рассчитываются по следующей схеме (таблица 3):

Таблица 3 – Система координат интерпретации показателя социальной напряженности

Социальное благополучие	Фоновый уровень	Социальная напряженность		
		Повышенный уровень СН	Высокий уровень СН	Критический уровень СН
1	2	3	4	5
6				

Расчет границ под определенное кол-во показателей, факторов социальной напряженности:

- 1) 1*3 – левая граница системы координат
- 2) 0,5*1 – левая граница фонового уровня
- 3) 0,5*-1 – правая граница фонового уровня
- 4) 0,5*-2 – правая граница повышенного уровня
- 5) 1*-2 – правая граница высокого уровня
- 6) 1*-3 – правая граница системы координат

Подобный метод также позволяет рассчитывать СН в отдельной социальной подгруппе или по отдельному фактору. Например, расчет по группе:

$$ИСН_{г} = \frac{1}{k} \sum_{e=1}^k ИСН_{иг}, \quad (4)$$

Где k – это количество респондентов в обследуемой группе;

ИСН_{иг}- это значения ИСН_г в обследуемой группе.

Основываясь на представленных ранее теоретических подходах к исследованию социальной напряженности в городском сообществе, можно выделить ряд факторов, которые в той или иной степени могут влиять ее уровень. К ним относятся:

- Материальное положение, размер стипендии, зарплаты;
- Состояние окружающей среды, чистота города, улиц;
- Межэтнические отношения, отношения с мигрантами;
- Отсутствие бездомных, попрошаек, животных на улицах;

- Уровень преступности, безопасность улиц днем и ночью;
- Состояние религиозных отношений;
- Качество работы служб ЖКХ, полиции, здравоохранения;
- Деятельность власти, политических партий, НКО.

Также необходимо определить поведенческий тип личности, во многом определяющий поведение индивида в условиях социальной напряженности. Для этого используются методологические принципы и идеи, сформулированные Ю.Н. Толстой и Н.Д. Ворониной, которые предлагают выделить 4 характеристики индивида [13]:

1. Уровень социальной фрустрации – неудовлетворенности реализацией своих потребностей;
2. Готовность действовать с целью изменения сложившихся социально-экономических и политических условий;
3. Определение «образа врага»
4. Пассионарность – внутреннее стремление к деятельности, направленной на изменение своей жизни, окружающей обстановки.

Для выявления приемлемой формы социального действия респондентам предлагается оценить их готовность и приемлемость участия в 10 различных формах по 6-ти бальной шкале с вербально-закрепленными границами (от: точно не буду, абсолютно неприемлемо, до точно буду, приемлемо). При этом респондентам предлагается 5 неконвенциональных форм: несанкционированные акции протеста, пикетирование госучреждений, перекрытие дорог и тротуаров, угроза забастовкой и голодовка, создание надписей на стенах и заборах. И 5 конвенциональных: написание сообщений в социальной сети, блогах; законные митинги и демонстрации; сбор подписей; участие в деятельности политических партий; обсуждение со знакомыми.

Результаты также нормируются на интервал от -3 до 3. Индекс готовности участвовать в различных акциях гражданского неповиновения также основывается на

индивидуальных показателях и рассчитывается по формуле:

$$\text{ИГУ}_j = \frac{1}{k} \sum_{i=1}^k X_{ij}, \quad (5)$$

где X – показатель возможности участия респондента в данной форме протестных акций (от 0 до 1), k – общее количество форм участия. Далее:

$$\text{ИГУ} = \frac{1}{n} \sum_{j=1}^n \text{ИГУ}_j, \quad (6)$$

где n – общее количество респондентов. Данный метод также позволяет оценить приемлемость каждой отдельной формы гражданской активности для каждой группы респондентов.

Что касается измерения образа «врага», то его можно провести с помощью двух открытых вопросов: Вспомните стороны жизни, которые вы отметили как неудовлетворительные и подумайте:

1. Кто, что или какие обстоятельства несут ответственность за такое положение дел?
2. Кто мог бы повлиять на то, чтобы проблемные ситуации разрешились?

С помощью данных вопросов мы решаем две задачи: определяем, сформирован ли «образ виноватого», направленность напряженности, а также определяем, с кем или чем индивид ассоциирует способ решения проблем (самостоятельно, патернализм государства и т.п.). Предполагается, что если у человека есть сформированный образ виновного, то это достаточно четко проявится в ответах на вопросы. Если образ виноватого не сформирован, то ответы могут либо быть пропущены, либо будут указаны позиции с широкими возможностями для толкования.

При измерении относительного уровня пассионарности (низкий, средний, высокий) можно также использовать

методику Ю.Н. Толстой и Н.Д. Ворониной [13], основанную на проведении подготовительного качественного исследования (анализировались письменные эссе респондентов на заданную тематику), на базе которого были выделены свойства, позволяющие операционализировать концепт «пассионарность». Выделенные качественные характеристики пассионарности могут быть использованы для разработки проективного теста.

Таким образом, для решения задачи измерения уровня пассионарности нами была использована проективная методика, в которой респонденту предлагается 5 ситуаций, связанных со значимостью личных целей, способах решения проблем, со склонностью к риску, с неодобрением ближайшего окружения и жертвой личными интересами. Каждой ситуации предлагаются три формы ее возможного разрешения, соответствующие трем уровням пассионарности: низкий, средний и высокий. Для использования данных в расчетах полученным ответам присваиваются значения 0,1 (низкий уровень); 0,5 (средний уровень); 0,9 (высокий уровень) и далее для каждого респондента рассчитывается среднее арифметическое. В результате мы получаем для каждого респондента личный уровень пассионарности, который может колебаться в границах от 0,1 до 0,9. Полученные результаты могут использоваться в качестве весовых коэффициентов для показателя готовности участия.

Измерение указанных характеристик позволит нам выявить социальные проблемы, типологизировать поведенческие установки респондентов и на основании полученных данных сделать выводы о вероятности предложенных форм проявления социальной напряженности. Исходя из данных положений, вероятность проявления той или иной формы социальной напряженности основывается на доле индивидов, характеризующихся определенным поведенческим типом.

Библиографические ссылки

1. Баранова Г.В., Фролов В.А. Методология и методика измерения социальной напряженности // Социологические исследования. 2012. № 3. С. 50–65

2. Блумер Г. Символический интеракционизм. М.: Элементарные формы, 2017.
3. Воронина Н.Д. Социальная напряженность: концептуальная схема // Социологические методы в современной исследовательской практике: Сборник статей, посвященный памяти первого декана факультета социологии НИУ ВШЭ А.О. Крыштановского. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2011. С. 22–28.
4. Губина Н.В. От социальной напряженности к социальному тону: теоретический анализ понятий и исследовательских подходов. Нижнекамск: РИО НХТИ (филиал) КГТУ, 2009.
5. Данакин Н.С., Дятченко Л.Я., Сперанский В.И. Механизмы социальной регуляции и технологии управления конфликтом // Социально-политический журнал. 1998. № 3. С. 151–162.
6. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 87–93.
7. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991.
8. Козер Л.А. Функции социального конфликта. М.: Дом интеллектуальной книги: Идея-пресс, 2000.
9. Куконков П.И. Социальные напряжения и структурные конфликты в регионах России: некоторые исследовательские подходы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2004. Вып. 1 (3). С. 183–189.
10. Мертон Р.К. Социальная структура и аномия // Социологические исследования. 1992. № 2. С. 118–124.
11. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000.
12. Пирогов И.В. Социальная напряженность: теория, методология и методы измерения: дис. ... канд. соц. н. Иваново, 2002.
13. Толстова Ю.Н., Воронина Н.Д. О необходимости расширения понятия социологического измерения // Социологические исследования. 2012. № 7. С. 66–77.
14. Толстова Ю.Н. Измерение в социологии: Курс лекций. М.: ИНФРА-М, 1998.
15. Тучков Е.В. Социальная напряженность в регионах центра России: механизмы диагностики и регулирования: дис. ... канд. соц. н. Орел, 2000.
16. Шмонин Д.А. Методологические предпосылки оценки социальной напряженности в сфере социально-трудовых отношений. URL: <http://www.psb.ru/samara/univer.html> (дата обращения 16.09.2018).

ДОМИНИРУЮЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ ИДЕНТИФИКАЦИЙ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ АБХАЗИИ, АДЖАРИИ И АДЫГЕИ

DOMINANT IDENTIFICATION TRENDS AMONG THE STUDENTS OF UNIVERSITIES OF ABKHAZIA, ADZARIA AND ADYGEA

Е.С. Куква

Адыгейский государственный университет, Майкоп

E.S. Kukva

Adygea State University, Maikop, Russia

Аннотация. На основе проведенных исследований, в том числе фокус-групповых дискуссий, среди студентов Абхазии, Аджарии и Адыгеи выделяются тенденции в идентификационных процессах среди молодежи республик. Значимой для такого анализа является опора на размерность "традиционное - современное".

Abstract. the article focuses trends in identification processes among the students of Abkhazia, Adzaria and Adygea on the basis of the conducted research, including focus-group discussions among youth of the republics. "Traditional-modern" binarity is the significant one for this analysis.

Ключевые слова: идентификация, студенты, Абхазия, Аджария, Адыгея, фокус-группа

Keywords: identification, students, Abkhazia, Adzharia, Adygea, focus-group discussion

Введение. Распад Советского Союза в начале 90-х гг. XX века вызвал к жизни большое количество новых границ. Где-то были актуализированы старые, некоторым приданы новые смыслы и значения - они стали внешними границами новых государств. Для многих участников этого процесса данные события были травматическими. Попыткой обеспечить переходный период, снижающий травмирующий накал, стало создание СНГ (Содружества Независимых Государств), роль которого изначально носила компенсационный характер, в том

числе в сфере идентичности, а к сегодняшнему дню уже совсем сошла на нет. Новые границы усилили процессы формирования новых идентичностей, объектами которых становятся государственные образования. Актуализировались идентичности, основанные на новых состояниях, - на независимости, самоопределении. Также в идентификационной сфере усилилось возвращение к собственным корням, этничности, чем подчеркивалась уникальность, и это отражалось на прочерчивании социальных границ при отделении от других этничностей [1]. С другой стороны, для многих идентичность стала выстраиваться вокруг внешнего ориентира, исходя из ценностей национальной безопасности, территориальной целостности, а также выбора новых цивилизационных ориентиров (страны Балтии, Грузия, Молдавия). Идентификационные процессы в таких условиях актуализировали конструктивистскую, инструменталистскую объяснительные модели идентичности в социальных науках.

В целом процесс формирования идентичности на постсоветском пространстве имеет высокую политическую обусловленность. Во-первых, государство рассматривает вопросы идентичности и ее формирования как сферу своей ответственности, во-вторых, политика идентичности, в том числе включает в себя идеологические компоненты, а также участвует в обеспечении социального контракта между обществом и государством, выступая обеспечителем потребности в идентичности, приданию ей формальных структур (формирование и поддержание гражданской идентичности, коммеморативные практики, продуцируемые государством).

Нам интересны доминирующие тенденции в формировании идентичности на примере разных пространственных/государственных образований, появившихся на Кавказе как следствие распада СССР и выбравших различные траектории развития. Абхазия - непризнанная республика, обладающая всеми признаками государства, однако формально являющаяся республикой в составе Грузии, но политически тяготеющая к России. Аджария – автономная республика в составе Грузии, традиционно выделяющаяся по этноконфессиональному

составу. Адыгея – регион в России, имеющий статус республики. Сравнительный анализ трех республик, отобранных как показательные ввиду указанных принципиально значимых различий в политическом бэкграунде, при этом сопоставимые по количеству населения, полиэтничности, относящиеся к кавказскому культурно-цивилизационному ареалу.

На Кавказе (на Северном Кавказе, в частности) публичная сфера при попытках "выглядеть современно" испытывает традиционалистское влияние, действуют, хотя иногда и в преобразованном виде, традиционные институты управления, экономики, традиционные механизмы использования властного ресурса, более того – традиционное отношение к власти.

Возникает необходимость ответить на вопросы о степени традиционности и современности кавказских обществ, доминировании основанных на них типах идентичности и их конкуренции между собой, влиянии их на потенциал развития этих обществ как в социально-экономическом, политическом и социокультурном контекстах.

Определение основных рамок идентичности в разных республиках дает основание рассмотреть вопрос о том, какие последствия имеют разные типы идентичности – в плане формирования мы-групп, а также важным является изучение корреляции между идентификационными системами отсчета, основанными на тенденциях, устремленных либо к модернизации, либо традиции, и доверия к общественным или политическим институтам.

Особенностью исследования является сравнительный анализ обозначенных вопросов на примере университетской среды и студенческой молодежи ряда университетов: Адыгейского, Абхазского, и Батумского.

Состояние исследований по теме. Проблема соотношения традиции и модернизации, места и роли традиции в процессах развития рассматривается исследователями весьма последовательно. Устойчивая позиция М. Вебера анализа традиции как антипода инновации сменилась подходами Ш. Айзенштадта [2] и Э. Шилза [3], которые анализируют традицию как механизм, уменьшающий скорость изменений в

обществе, но поскольку она допускает умеренное количество изменений, она обеспечивает упорядоченность развития. Тем самым традиция рассматривается как неотъемлемый компонент модернизации, способный направить ее к устойчивому состоянию.

О непосредственной борьбе или конфликте традиции и современности, преломляя эти тенденции через архетипы и ментальность на примере России, говорит исследование В. Чупрова, Ю. Зубок, Л. Романович [4]. Авторы делают выводы, в том числе о том, что данный конфликт влияет на степень доверия общественным институтам.

Исследование эволюции или «дрейфа» ценностных ориентиров между традицией и современностью на российском эмпирическом материале проводили исследователи Института социологии Российской академии наук. Делается вывод о том, что идет «активный процесс переосмысления повседневных поведенческих принципов» и о преобладании промежуточной ориентации (ни современной, ни традиционной) [5].

Многолетнее и масштабное исследование ценностей под руководством Р. Инглхарта World Values Survey более чем в 80 странах позволяет говорить о возможности отнесения этих стран к определенной ценностной системе. Измерение ценностей также может быть рассмотрено в разрезе традиционность – современность. Это разрыв между ценностями безопасности и выживания и самовыражения и качества жизни, а также между традиционными и рациональными ценностями. Интересными являются индикаторы, по которым высчитывается положение на данных осях. Традиционным ценностям принадлежат религия, семья, почтение к власти, абсолютные стандарты, социальный конформизм, согласие предпочитается открытым политическим конфликтам; секулярно-рациональным – рациональное поведение, достижение успеха, предпочтение светского государства, низкая роль религии [6].

Компромиссная позиция относительно полярности «традиция – современность» высказана Э. Гидденсом. По его мнению, традиции не ушли с модернизацией, а вовлечены в симбиотическую связь с современностью и продолжают жить в

самых модернизированных обществах. «Сделка» между традиционностью и современностью произошла в компромиссе между публичной и частной сферами. Социально-политическая (публичная) сфера – демократия, экономика – ушла далеко от традиционности, в приватной сфере – семье, сексуальности – она только усугубилась [7].

Методы. Метод фокус-групповой дискуссии является в данном исследовании основой для сбора материала, на основе которого сделана типология идентичностей и стратегий отношения к социальной реальности, в том числе на анализе «портфелей ценностей», которые являются базовыми для традиционных и современных типов идентичности. Фокус-группы были проведены среди студентов Абхазского государственного университета, Адыгейского государственного университета, Батумского государственного университета (Аджария).

Дополнительным источником данных стали интервью, проведенные с сотрудниками университетов из числа преподавателей, кураторов, проректоров по воспитательной работе.

Также использовались открытые данные исследования ценностей *World Values Survey*, доступные на сайте в виде онлайн анализа [8].

Основные результаты. Анализ существующих представлений о модернизационном и традиционном трендах в оценке социальной реальности дает картину их взаимодействия (антагонизме или сочетании). Операционализация проводилась посредством наборов параметров: ценностей, поведенческих паттернов, исходя из теоретических предпосылок, обозначенных выше.

Традиционные		Современные	
Патерналистская государства	опека	Активность преобразовании)	(участие в
Патриархальная жизненного уклада	модель	Личный активизм	гражданский
<i>Возможные гражданского</i>	<i>формы активизма:</i>	<i>Возможные гражданского</i>	<i>формы активизма:</i>

профсоюзы, благотворительность, творчество	Интернет-сообщества, субкультуры, волонтерство
Институциональное участие	Коллективная самоорганизация
Отсутствие выделенной персональности (коллективизм)	Выделенная персональность
Отсутствие отложенного спроса	Наличие отложенного спроса (ради будущего)
Мировоззренческое знание	Наука и технология
Стабильность	Готовность к изменениям, мобильность, динамизм
Доминирование архетипов	Разнообразие взглядов, культурный полиморфизм

Инструментарий к фокус-группам был разработан с учетом данных параметров и включал следующий круг вопросов.

Сценарий фокус-групп

Блок 1. Дискуссия о месте своей страны, университета, институтах семьи, СМИ и пр. в жизни студента

Каким вы видите место своей страны – это особый путь развития или вполне западная/европейская страна (Запад-неЗапад). Каковы ваши представления о родине и государстве, в котором вы живете. Вы патриот Родины или государства? Государство должно предлагать различные формы объединения, солидаризации или это нужно делать самим? Что в большей степени оказывает на вас влияние в сегодняшней жизни (государство, университет, семья, СМИ, конкретные люди и др.)? Университетская жизнь основывается на вашей активности, инициативности? Формы активности диктуются управленческими университетскими структурами или вы сами организовываетесь? Готовы ли вы подписать петицию или пойти на митинг, если вы недовольны какими-то решениями руководства или власти? Готовы ли переехать в другой город/страну?

Блок 2. Понимание традиционного и современного, идентичность.

К каким сообществам вы причисляете себя в большей степени? Кому доверяете? Религиозны ли вы? Что для вас традиция, традиционность и что современное? Какой должна быть семья сегодня по вашим представлениям? Существует ли ценность этнического? Особенности воздействия инокультурной среды? Будущее: вы смотрите на него с оптимизмом или опасаетесь за него?

На основании ранжирования от общих к частным объектам идентификации мы пришли к выделению следующих тенденций по республикам:

Адыгея

- Россия рассматривается как страна с особым путем, вне европейского контекста, даже в отрицании его влияния. Отношение к России как родине вызывает патриотизм, сопричастность, как к государству - чаще нет.

- Университет как важнейшая среда, идентификационная основа, важная часть жизни, поле коммуникации, поле активности и пр. Важный объект идентификации для всех.

- Патернализм: как в отношении университетского управления, так и в отношении государственного управления, отсутствие гражданской самостоятельности, инициативности

- Семья как значимый институт влияния, но разные взгляды на институт (Возможность гражданского брака как современный тренд)

- Студенческое самоуправление - не является резервом социальной активности.

- Отсутствие профессиональной идентичности, но иные корпоративные есть. Преобладание семейно-родственных, дружеских этнических связей, нежели гражданских.

- Фобии относительно будущего в большей мере у «современных «студентов». У «традиционалистов» - в большей мере оптимизм.

- Отказ от конфликтных моделей поведения - у современных, традиционалисты - не столь терпимы.

Аджария

- Грузия рассматривается как органичная часть западного общества.

- Сопричастность государству – высочайшая. Политическое участие. Акции прямого действия.

- Демократия как реальная ценность

- Высокий уровень гражданской инициативности, активности

- Университет почти не рассматривается как механизм, обеспечивающий самоорганизацию, лишь как некий лифт.

- Студенческое самоуправление - не является резервом социальной активности.

- Отсутствие фобий относительно будущего

- Мобильность, динамизм.

Абхазия

- Абхазия рассматривается как органичная часть Кавказа, политически тяготеющая к России.

- Сопричастность государству – высокая. Патриотический настрой выражается в готовности делать малые дела для страны. Политическое участие, акции прямого действия.

- Высокий уровень гражданской инициативности, активности

- Университет как важнейшая среда, идентификационная основа, важная часть жизни, поле коммуникации, поле активности, развлечений, ресурс развития. Важный объект идентификации для всех.

- Студенческое самоуправление не является резервом социальной активности, не рассматривается университетами как полноценный самостоятельный актор.

- Отсутствие фобий относительно будущего, надежда на молодежь, которая является будущим республики.

- Мобильность, динамизм. Готовность уехать, но обязательно вернуться, чтобы применить полученный опыт в своей стране.

По результатам фокус-групп, проведенных в университетах Адыгеи, Аджарии и Абхазии, систематизированы идентификационные стратегии/предпочтения:

Адыгея	Аджария	Абхазия
<p>Отсутствие универсальных моделей самоопределения и солидаризации, постоянная смена объектов идентификаций в условиях процесса становления.</p> <p>Сильные семейно-родственные (традиционные) идентичности. Студенческая идентичность (современная) – сильная.</p>	<p>Отсутствие универсальных моделей самоопределения и солидаризации, постоянная смена объектов идентификаций в условиях процесса становления.</p> <p>Сильные семейно-родственные (традиционные) идентичности. Студенческая идентичность (современная) – не значительно.</p>	<p>Отсутствие универсальных моделей самоопределения и солидаризации, постоянная смена объектов идентификаций в условиях процесса становления.</p> <p>Сильные семейно-родственные (традиционные) идентичности. Студенческая идентичность (современная) – сильная.</p>
<p>Доверие людям, нежели институтам, низкий уровень доверия государству (обе стратегии)</p>	<p>Доверие институтам, высокий уровень, как требований, так и доверия государству</p>	<p>Доверие людям, <i>готовность</i> доверять государству и его институтам.</p>
<p>Дифференциация традиционалистских и современных стратегий студентов весьма очевидна</p>	<p>Дифференциация традиционалистских и современных стратегий студентов размыта</p>	<p>Дифференциация традиционалистских и современных стратегий студентов весьма размыта</p>
<p>Университет предоставляет возможность реализовывать современную стратегию отношения к социальной реальности, поведения. Однако традиционный фрейм</p>	<p>Университет предоставляет возможность реализовывать современную стратегию отношения к социальной реальности, обеспечивая академическую</p>	<p>Университет предоставляет возможность реализовывать современную стратегию отношения к социальной реальности. Является первичной площадкой для опыта выражения</p>

также продуцируется университетом (патернализм).	мобильность и динамизм (поведение в контексте реализации концепта открытости современного общества).	инициативы и активности.
--	--	--------------------------

Отметим общие для республик проявления идентичности, которые, в первую очередь, объясняются тем, что исследуемыми группами стали студенческие университетские сообщества. Нами выявлено, что нет устойчивых объектов идентификации, которые бы были актуализированы, обострены в настоящий момент. Современные идентичности характеризуются, по мнению Р. Брубейкера, нестабильностью, постоянной изменчивостью, гибкостью. Это «слабое» понимание идентичности очень применимо к молодежи в любом обществе [9].

Сильная семейно-родственная идентичность у студентов трех республик, рассматриваемая как традиционная, дополняется современной идентичностью - с университетом как сообществом. Для студентов Аджарии именно эта солидаризация с университетом не является столь сильной, как у студентов Адыгеи и Абхазии. Это может быть связано, с одной стороны, с выполнением университетом компенсирующей функции: отсутствие иных структур и сообществ самоорганизационного характера, позволяющих *«выражать себя, общаться и развиваться»* (студент-филолог, Абхазский университет), делает университет значимым сообществом для студентов Адыгеи и Абхазии. У студентов Аджарии отношение к университету весьма прагматично, но высокой степени отождествления с ним не наблюдается. При этом университеты в рассматриваемых республиках видятся студентами как источники развития, коммуникации, а для аджарских студентов проявляется в непосредственной функции – обеспечивают академическую мобильность и динамизм.

Довольно четко прослеживается различие в ориентации студентов на традиционность и современность в Адыгее: если

студент традиционен в своих социально-политических предпочтениях, то это же он демонстрирует в социокультурном плане, и наоборот. Студенты Абхазии и Аджарии парадоксально сочетают в себе два тренда: довольно активно (в гораздо большей степени, чем российские студенты) «стремятся к современности» в плане социально-политическом (весьма активны в вопросах политической самоорганизации и мобилизации, требовательны к власти, при этом сочетают это с доверием к ней (уровень выше среднего)). Другая линия – социокультурные характеристики отмечаются как умеренно традиционные (семья как терминальная ценность, вера в Бога). Примечательно, что высокая религиозность аджарских студентов как индикатор традиционных ориентаций тоже имеет проявления современного тренда: смена религии (в частности, из ислама перейти в христианство – «креститься») – это привычная и понятная модель поведения. Абхазские студенты сами определяют себя как находящиеся в промежуточном положении между традицией и современностью.

«Абхазцы застряли: им кажется, что они современные, а сами тянутся к традиции» (студентка, филологический факультет).

«Хотя традиции формальны» (студент, экономический факультет).

«Мы активно принимаем все новое, делаем это модными и тогда придается легитимность тем действиям, которые идут вразрез с традициями» (сотрудник вуза).

Напомним, что на глобальной карте ценностей, как Грузия, так и Россия больше склоняются к полюсу с ценностями выживания. В России же направленность на секулярно-рациональные ценности выражена значительно сильнее, чем в Грузии, где, напротив, есть тенденция к традиционным ценностям [10].

Исследование, проведенное фондом Ф. Эберта среди грузинской молодежи дает заключение, что грузинская, и, в частности, аджарская молодежь демонстрирует преобладание традиционности по большинству изучаемых ими параметров. Попытка обоснования, на наш взгляд, слишком проста:

социализация происходит в семьях, а семья – традиционна и оставляет важную ценность для молодых [11].

Российские студенты, представляя четкое разграничение по линии «традиция – современность» подтверждают выводы исследователей ценностных ориентиров о том, что «идет активный процесс переосмысления поведенческих принципов, о чем свидетельствует доля респондентов, не отнесенных к полярным суждениям, отражающим эти принципы. И скорее всего, этот процесс разнонаправленный» [12].

Заключение. Сравнение данных по трем университетам продемонстрировали высокую степень ориентации либо только на современность (либеральную современность) [13], либо только на традицию лишь у небольшой части студентов Адыгеи, а также преобладание «смешанной» идентичности аджарских, абхазских и российских студентов. Смешанный формат имеет разные варианты: mix1 (Адыгея) – те студенты, которые (по культурной карте Инглхарта) более рациональны с точки зрения менталитета, но не ориентированы на либеральные ценности самовыражения, mix2 (Абхазия и Аджария) более традиционны по оси «традиция – рациональность», но тяготеют к ценностям самовыражения. Отметим, что речь идет о тенденциях, а не об абсолютных формах проявления. Предложенные результаты отражены в таблице через распределение ориентаций по группам социально-политические и социокультурные.

Ориентации Республика	Социально- политические	Социокультурные
mix1 (Адыгея)	Современные/ Традиционные	Современные/ Традиционные
mix2 (Абхазия)	Современные	Традиционные
mix2 (Аджария)	Современные	Традиционные

Степень доверия (государству и людям) в изучаемых группах различается по интенсивности. Высокий уровень доверия людям, но низкий уровень доверия государству характерен для модели отношения к социальной реальности,

основанной на mix1, более высокий уровень доверия государству – для модели, основанной на mix2. Причем доверие государству, высокие требования к нему, высокий уровень соучастия характерны для Аджарии. Для Абхазии – готовность доверять государству, умеренное доверие людям.

Можно утверждать, что типы доверия коррелируют с типами идентичностей. Основной тип доверия в обществе современного типа – это доверие безличное, доверие институтам и связанному с ним ролевому поведению, доверие абстрактным символическим и экспертным системам. В традиционном обществе доверие личностного типа – это доверие конкретным лицам (даже институт получает доверие только в связи с лицом, персонифицирующим этот институт) [14]. «Промежуточность» моделей доверия, формирующихся в республиках, определена промежуточностью моделей отношения к социальной реальности, основанных на типах идентичности. Более современный тип доверия отмечают аджарские студенты, абхазские приближены к аджарским, однако наблюдается «персонализация» власти ("*нам нужен сильный лидер*") как дополнительного основания для доверия политическим институтам. Студенты Адыгеи демонстрируют низкий уровень доверия, предпочитают доверие личностного типа, а не институционального.

Таким образом, исследование идентичности, а также ценностных ориентаций, на которых она базируется, позволило типологизировать идентичности, формируемые в студенческой среде кавказских республик. Мы рассмотрели эти идентичности через систему координат «традиция – современность», которая позволяет оценивать приблизительную степень продвижения к указанным полюсам. Данная оценка дает возможность сопоставления моделей отношения к социальной реальности, основанных на них идентичностей с уровнем доверия государству.

Библиографические ссылки

1. Barth F. *Ethnic Groups and Boundaries*. Oslo: Universitetsforlaget AS, 1969.
2. Eisenstadt S. *Multiple Modernities* // *Daedalus*. 2000. N 129 (1).
3. Shills E. *Tradition and Liberty: Antinomy and Interdependence* // *Ethics*. 1958. V. 3.
4. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Романович Н.А. *Отношение к социальной реальности в российском обществе. Социокультурный механизм формирования и воспроизводства*. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. 350 с.
5. Кузнецов И.М. *Эволюция ценностных ориентиров в континууме традиция-современность* // *Российское общество и вызовы времени. Книга четвертая* / М.К. Горшков [и др.]; под ред. Горшкова М.К., Петухова В.В. М.: Весь Мир, 2016. С. 86–104.
6. Инглхарт Р., Вельцель К. *Модернизация, культурные изменения и демократия*. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
7. Giddens A. *Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives*. 2003.
8. <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp>
9. Brubaker R., Cooper F. *Beyond "Identity"* // *Theory and Society*. 2000. Vol. 29. № 1. P. 1-47.
10. Inglehart R. *Revaluation of Values* // <http://bricsmagazine.com/en/articles/a-revaluation-of-values>
11. *Generation in Transition: Youth Study 2016 - Georgia* <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/georgien/13150.pdf>.
12. Кузнецов И.М. *Эволюция ценностных ориентиров в континууме традиция-современность...* С. 93.
13. Федотова В.Г. *Модернизация и традиция* // *Знание. Понимание. Умение*. 2014. № 2. С. 80–91.
14. *Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества* / отв. ред. А.Б. Купрейченко, И.В. Мерсияновой. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2013. 564 с.

МУСУЛЬМАНЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА: ОПЫТ ИМПЕРСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

MUSLIMS OF THE NORTH-WEST CAUCASUS: THE EXPERIENCE OF IMPERIAL POLITICAL INTEGRATION

Е.Н. Кумпан

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

E.N. Kumpan

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. Статья посвящена изучению опыта интеграции мусульман Северо-Западного Кавказа в систему государственной конфессиональной политики Российской империи. Проанализирована нетипичная для Российской империи ситуация, когда в регионе регламентация религиозного управления конфессиональной группой, несмотря на разработку и обсуждение многочисленных проектов, так и не была законодательно оформлена. В тоже время власти, предпринимая действия, снижавшие напряженность, формируя интегративные надстройки на «стыке представлений» смогли обеспечить стабильность в послевоенном регионе.

Abstract. The article is devoted to study the experience of integration of Muslims of the North-West Caucasus into the system of state confessional policy of the Russian Empire. Was analysed the atypical for the Russian empire situation, when the regulation of religious management by a confessional group in the region, despite the development and discussion of numerous projects, was not formalised by law. At the same time the authorities by taking actions that reduced tension, forming integrative superstructures were able to ensure stability in the post-war region.

Ключевые слова: религия, политика, империя, мусульмане, интеграция, многосоставное общество, Кавказ.

Keywords: religion, politics, empire, muslims, integration, plural society, Caucasus.

С момента вхождения территорий Кавказа в состав Российской империи, управление мусульманами в данном регионе фактически входило в компетенцию Департамента духовных дел иностранных исповеданий в структуре Министерства внутренних дел [4, с. 21]. Основным принципом деятельности этой государственной структуры являлся «принцип полной терпимости, насколько такая терпимость может согласовываться с интересами государственного порядка» [34].

Отметим, что действующий Свод законов империи трактовал терпимость следующим образом:

✓ мусульмане пользовались «свободным отправлением их веры и богослужения по обрядам оной» [54];

✓ пропаганда инославных и иноверных учений (в том числе ислама) среди православных являлась уголовным преступлением [42];

✓ виновные в «сращении» христианина в иную веру подвергались заключению на срок до 3 лет, при отягчающих обстоятельствах (злоупотребление властью, обман) – каторге до 6 лет [27, с. 54];

✓ запрещались браки нехристиан с православными [44].

Проекты интеграции мусульман Кавказа начали разрабатываться еще до завершения Кавказской войны. Первый известный проект был создан в 1830-е гг. генерал-лейтенантом А.А. Вельяминовым и подразумевал выстраивание вертикали управления духовными делами горцев: мулла – эфенди – муфтий – имперская администрация. Муфтий должен был назначаться императором и получать жалование из казны. За преступления «против правительства муллы и эфенди» подлежали военному суду, обвинения против муфтия должны были разбираться в Сенате «на основании общих законов». «Покорным горцам» предоставлялась «совершеннейшая свобода следовать магометанской или другой какой-либо вере». Проект не был реализован [45, с. 64–65].

В 1840-х гг. последовали проекты: а) правовой интеграции по британской модели, применявшейся в мусульманских районах Индии, включавший в том числе анализ, перевод и сведение в единую систему книг «служащих в различных частях края основанием шариатских судов» [61, с. 100] (авторы – барон

Торнау, товарищ областного начальника Каспийской области; М. Казем-Бек, один из самых известных востоковедов данного периода [51, с. 106]); б) проект ученого-ориенталиста Н.В. Ханькова [60] – создание духовного управления мусульман с центром в г. Тифлисе, четкое разграничение полномочий представителей духовной власти и фиксация источников их финансирования.

Проекты не были реализованы, но сам процесс разработки проектов, фиксация «полевых наблюдений» А.А. Вельяминова, командировки Н.В. Ханькова «во все места Закавказского края, населенные мусульманами, а также в Персию и Турцию» [61, с. 134–135], привлечение духовных лиц мусульман, публикация работ Н.Е. Торнау [58], – способствовал расширению представлений об исламском праве и о возможностях его существования в рамках имперского законодательства.

На завершающем этапе Кавказской войны, в 1860 г. в Тифлисе командующий Кавказской армией генерал-адъютант князь Орбелиани передал горским депутатам письменную ноту: «Государь каждому из вас, кто изъявит покорность, приказал: дать землю для поселения, позволить исповедовать мусульманскую веру без стеснения и в селениях ваших строить мечети» [62, с. 78]. Мусульмане Северо-Западного Кавказа в духовном отношении были подчинены Оренбургскому магометанскому духовному собранию, но вследствие географической отдаленности это подчинение являлось только формальным. В 1864 г. в Кавказском наместничестве начала работу специальная комиссия [35, с. 64], задачи которой были определены следующим образом: 1) обеспечить контроль и надзор «над действиями лиц, которых их религиозные убеждения часто ставят во враждебные к [администрации] отношения»; 2) противодействовать «укреплению корпоративного духа» мусульманского населения; 3) воспрепятствовать въезду на территорию Российской империи из Персии и Турции духовных лиц «особенно фанатически враждебно против нас расположенных»; 4) ограничить, «по возможности, круг действия духовенства в среде населения мусульманского, не посягая при этом на его религиозные убеждения»; 5) «поставить влиятельную часть духовенства в непосредственную значимость от

правительства, вернейшим способом к чему служит: связать его материальные интересы служением правительству»; б) обеспечить надзор за мусульманскими духовными училищами; 7) произвести ревизию денежных средств мусульманской церкви, которые «ускользая от контроля, направляются не в малой мере для поддержания духовенства заграничного» [61, с. 163].

5 апреля 1872 г. Комиссия завершила работу изданием «Положения об управлении духовными делами магометан», однако Государственный Совет счел его пригодным только для Закавказского края. Выработка подобного положения для других частей Кавказа была отложена.

В 1889 г. командующим войсками Кавказского военного округа А.М. Дондуковым-Корсаковым было возбуждено ходатайство военному министру об учреждении управления духовными делами магометан в Кубанской и Терской областях. Генерал-адъютант Дондуков-Корсаков полагал при этом «политически вредным» подчинять мусульман этих областей закавказскому суннитскому духовенству, «так как такая мера повела бы к объединению мусульман обеих частей Кавказа» [53, с. 283]. Был составлен проект, подразумевающий разделение духовенства на высшее – избираемое и назначаемое администрацией, и низшее – утверждаемое администрацией и подчиненное контролю высшего духовенства, а также организация Правления, состоящего из муфтия, русского секретаря и двух магометан. Финансирование должно было происходить за счет специального сбора с мусульманского населения Кубанской и Терской областей. Проект не был одобрен Департаментом духовных дел, поскольку в случае его осуществления, воздействие администрации на мусульманское духовенство – на местном, аульном уровне, включавшем и школы при мечетях, стало бы ограниченным [53, с. 284].

В 1893 г., после согласования с Министерством внутренних дел и Военным министерством на утверждение Государственного совета выносились следующие предложения:

✓ ввести должность «чиновника военного ведомства для особых поручений по делам мусульманского духовенства» при главноначальствующем Кавказского военного округа»;

✓ разрешить избрание мулл мусульманами Кубанской и Терской области, по одному на селение (имеющее не менее 300 человек мужского пола). Право утверждения мулл должно принадлежать начальнику области [53, с. 285-286].

Государственным Советом была отвергнута идея введения новой должности чиновника особых поручений как противоречащая законодательству Российской империи, по которому местный надзор за духовными делами лиц иностранных исповеданий осуществляли общие органы управления.

В течение 1903 г. был выработан новый вариант положения об управлении мусульманским духовенством Терской и Кубанской областей, в основание которого был положен принцип ограничения числа магометанских духовных лиц и полное подчинение их местной администрации. Обсуждения проекта не последовало. В 1903–1904 г. положение мусульман рассматривалось на уровне Комитета министров: центральными были вопросы о выборах мулл, о порядке открытия магометанских духовных школ [28, с. 176]: было признано, что циркуляр МВД от 3 августа 1892 г., разрешающий открытие мусульманских школ с разрешения директоров народных училищ, необходимо заменить иными правилами «без излишних в сем отношении стеснений» [28, с. 179-180], но серьезных изменений так и не последовало вплоть до 1917 г. [48, л. 1–187]. Рассмотрев вопрос об учреждении особых духовных управлений для мусульманских общин на Северном Кавказе, Комитет высказался за образование «новых местных центров управления их духовными делами». Дальнейшую разработку вопроса решено было предоставить Особому совещанию [28, с. 182]. Положения Комитета министров были утверждены и 17 апреля 1905 г. был обнародован указ «Об укреплении начал веротерпимости», по статье 15 которого признавались требующими пересмотра законоположения, «касающиеся важнейших сторон религиозного быта лиц магометанского исповедания» [50, л. 19].

Руководствуясь данной статьей, наместник на Кавказе И.И. Воронцов-Дашков в 1906 г. инициировал съезд мусульманских духовных и светских лиц в г. Владикавказе, который выработал решение об учреждении самостоятельного духовного правления

для мусульман Северного Кавказа во главе с избираемым муфтием [49, л. 23-25]. Министерство внутренних дел высказалось против создания нового муфтията и разделения духовенства на высшее и низшее, т.к. «затруднится воздействие местной администрации на духовенство и мечетские школы» [25, с. 129]. По-прежнему не считалось возможным создавать структуры, способствующие возможной интеграции мусульман, особенно в связи с распространяющейся на Кавказе идеологией панисламизма.

В 1913–1914 гг. депутаты Государственной Думы также обращались с инициативой корректировки системы [12, л. 4; 11, л. 229; 53, с. 312–313], которой вновь не последовало. После февральской революции мусульмане направили усилия уже на создание единого центрального общемусульманского органа для всей страны.

Таким образом, мы сталкиваемся с нетипичной для Российской империи ситуацией, когда регламентация религиозного управления конфессиональной группой несмотря на разработку и обсуждение многочисленных проектов, так и не была законодательно оформлена, мусульмане Северо-Западного Кавказа условно подчинялись Оренбургскому магометанскому духовному собранию. В реальности, конечно, учитывая необходимость умиротворения, обеспечения стабильности в послевоенном регионе, инкорпорация мусульман произошла, но специфика в том, что она происходила именно на региональном уровне, постепенно; формируясь скорее ситуативно, чем подчиняясь заранее заданному плану. Таким образом, определяющим является контекст и его центральный компонент – мухаджирство.

Еще осенью 1861 г. горцам был предоставлен выбор: либо они переселяются с гор на плоскость, «где получают земли в вечное владение и сохраняют свое народное устройство и суд», или же переселяются в Турцию [62, с. 81]. В результате большая часть адыгов эмигрировала в Османскую империю. По официальным данным было переселено около 400 тыс. чел. [6, с. 165], однако реальное количество выехавших до 1911 г. адыгов точно не установлено и является предметом дискуссий. Масштабы эмиграции – в течение 1860–1862 гг. более 100 тыс.

кавказских горцев выехало в Турцию [30, с. 33] – обусловили стремление администрации Кавказа понять, почему горцы покидают Северо-Западный Кавказ, несмотря на завершение войны, а также выяснить: чего боятся горцы, попадая под российскую подданство. Рапорты, отчеты, записки рассматриваемого периода позволяют нам установить представления власти о представлениях горцев:

1. «Религиозная фанатичность духовенства» – подполковник И. Дукмасов (позже назначенный попечителем горских народов), в ходе своей поездки 1865 г. по округам Кубанской области, указывал: «здесь же духовные лица главным образом только и принимали на себя право толковать о нелепости, на основании которых некоторые из них даже требовали разрешения идти в Турцию, давая заметить при этом, что, в противном случае, они и без разрешения начальства готовы идти к морю» [23, л. 1, 2]. Религиозный фанатизм мулл упоминает в своих «Путевых заметках» (1865 г.) адыгский писатель-просветитель С. Крым-Гирей [31, с. 377].

2. Горцы воспринимали Турцию как «центр мира»: «Черкесы были вполне убеждены, что Турция – это самая большая, самая населенная и наиболее могущественная держава во вселенной, писал участник военных действий, А. Фонвиль, – о султанах турецком они иначе не говорили, как со знаками особого уважения, доходящего до поклонения» [59, с. 15]. Действительно А. Фонвиль иностранец, но И. Дукмасов также упоминает толки о том, что «бжедухи должны служить Богу и истинному государю» (турецкому султану) и что «не могут оставаться на оскверненной земле, потому что, живя здесь, они не могут достигнуть рая [23, л. 1, 2]».

3. Боязнь насильственного обращения в православие: судебное решение 1867 г. (высылка в Тамбов горца Магомета К.) фиксирует распространение слухов в аулах о том, что «за отобранием крестьян последует и насильственное введение христианской религии между магометанами» [24, л. 1, 11–12].

Войсковой старшина С. Аслан-Гирей и Председательствующий в Баталпашинском горском суде Е.Д. Фелицын в докладах [17, л. 20, 22], посвященном причинам мухаджирства выделяют также следующие причины:

4. «неопределенность по поводу воинской повинности», последователи ислама не приемлют «довольствия из общего котла, с употреблением в пищу запретных для мусульман животных»;

5. несовершенство духовной организации мусульман и ограничения в избрании духовных лиц;

6. недовольство введением налогов для постройки «больших зданий» – школ, аульных правлений, хлебных магазинов, горских судов;

7. ограничение пятикратного доступа мусульман к мечетям.

Обратим внимание на последовавшую за докладами реакцию Начальника области: составлено и разослано атаманам отделов разъясняющее письмо:

1) вопрос о воинской повинности будет решен «на началах полного уважения к мусульманской религии».

2) «Введение правильной организации духовенства имеет исключительно целью оградить население от невежественного вмешательства в их духовную жизнь, лиц, выдающих себя за знающих Коран».

3) «избрание кадиев по шариатским правилам предоставляется власти начальства, а не обществам, но из уважения к голосу горских обществ, право это оставлено мною (начальником Кубанской области) за сими последними»

4) Строительство школ областные власти намеревались продолжить, поскольку это «вознаградится в будущем»; мечетей и хлебных магазинов – только по решению аульных обществ.

5) Ежедневное пятикратное моление без произношения проповедей они [мусульмане] могут совершать как угодно, по правилам своей религии [17, л. 22].

Соответственно администрация относительно рационально стремилась выстраивать иерархию требующих отклика представлений горцев, предпринимая действия, снижавшие напряженность, но в тоже время, на «пересечении» представлений формируя интегративные надстройки: привлечение горцев к военной службе на условиях уважительного отношения к религии, утверждение закона, как прерогативы светской власти, постепенная русификация через систему образования».

Вторым важнейшим компонентом контекста являлась система устойчивых неформальных практик, существовавших у мусульман. Мы рассмотрим ее через последовательность реакций горского населения на попытки их интеграции, предпринимавшиеся войсковой администрацией.

4 июня 1865 г. вышло Положение об управлении горцами Кубанской области, в соответствии с которым все горские народы области делились на 5 округов: Эльбрусский, Зеленчукский, Урупский, Лабинский, Псекупский. При начальнике Кубанской области вводилась должность попечителя горских народов. Первым попечителем назначили подполковника П.Г. Дукмасова. Для разбирательства «спорных и тяжёбных дел туземцев» в округах учреждались окружные словесные суды; для наблюдения за порядком вводилась должность аульного старшины. Старшины и депутаты окружных судов избирались горцами и утверждались начальником области.

Все дела в окружном словесном суде решались по адату – народному обычному праву, и шариату – духовным законам мусульман.

Суду по шариату подлежали «дела магометан по согласиям между мужем и женою, родителями и детьми, а равно все дела, к учению веры относящиеся». При этом дела, разбираемые по шариату, решались только кадиями единогласно; остальные дела – депутатами большинством голосов. Решения, как депутатов, так и кадиев, получали силу только после утверждения председателем (обратим внимание, в том числе дела, решенные по шариату). При отказе председателя утвердить решение суда, материалы дела отправлялись на рассмотрение попечителю горских народов. Жалобы на действия суда также направлялись попечителю [22, л. 6, 7].

Отметим, что Кавказский наместник А.И. Барятинский считал необходимым поддерживать использование в судопроизводстве адатов, а не шариата [61, с. 111–112]: духовенство, по его мнению, «своей замкнутостью и влиянием поддерживало в населении недоверие к правительству, в то время как адат, с одной стороны, ослаблял в глазах народа значение самого духовенства, с другой, по самой своей неустойчивости, способствовал сближению населения с общим

гражданским законом» [61, с. 135]. Учитывая то, что для осуществления судопроизводства по шариату необходимо было знание арабского языка, «поддержка» адатов способствовала также уменьшению влияния в регионе иностранного духовенства. Из-за поздней (XVII–XIX вв.) исламизации региона, на Северо-Западе Кавказа судопроизводство по адатам использовалось чаще, чем в других частях Кавказа. Ф.Я. Азашикова отмечает, что «основной источник черкесского права – адат, сложившийся как институт вне связи с мусульманством», хотя в «него органично вплетаются и шариатские нормы» [3]. Адаты были крайне разнородны, что затрудняло судопроизводство [32, 219–248.], таким образом, администрация, с одной стороны стремилась унифицировать адаты, заменяя локальные нормы общими в пределах одного округа, с другой, пыталась «взамен некоторых адатов, признанных более разумною и руководящею частью горского населения несоответствующими, незаметно ввести общие положения законов империи» [21, л. 13]. Отметим, что в компетенции горских судов оказались и дела осетин, хотя часть из них являлась православными – после ходатайств местных обществ осетины смогли обращаться в местные мировые суды [11, л. 116, 129].

Анализируя результативность аульных судов, обратимся к материалам дел фонда Кубанского областного управления Военного министерства, которые позволяют выделить основные проблемы, фиксировавшиеся в начале XX века:

- ✓ низкий уровень грамотности среди горцев затрудняет понимание ими как процедуры судебного процесса, так и подачу заявлений, апелляций;
- ✓ стремление сторон разрешать дела по обычаям (как правило, в отношении бытовых вопросов: распределение калыма, кража невесты, угон скота);
- ✓ привлечение родственников и друзей как свидетелей;
- ✓ и затем взаимные обвинения сторон в лжесвидетельстве;
- ✓ решения кади «не согласуются с правилами шариатских постановлений» [16, л. 1–6; 9, л. 1–7; 14, л. 1–5].

В 1902 г. Начальник Кубанской области, Я. Д. Малама в рапорте указывает на необходимость упразднения «горских

словесных судов и передачу возникающих среди горского населения Кубанской области судебных дел в ведение действующих в крае общих и мировых судебных установлений [46]» вследствие их неэффективности. Кардинальных изменений не последовало, но, как показывают материалы фонда Военного министерства Государственного архива Краснодарского края, светская администрация на протяжении последней трети XIX – начале XX века вмешивается в дела духовных судов, отстаивая зафиксированные общеимперским законодательством принципы, что приводило к постепенному уменьшению прерогатив мусульманских правовых структур. Таким образом, система унификации права и решения судебных дел под контролем местной администрации, применялась как норма-формирующая стратегия.

Учитывая специфику права в исламе, областная администрация стремилась регулировать назначения на духовные должности мусульман и здесь сложность заключалась в том, что у последователей ислама нет особого духовного сословия, обладающего божественной благодатью, а также нет института церкви, выполняющего функции посредника между верующим и Аллахом. В то же время традиции российского управления церковью требовали создания хоть какой-то мусульманской иерархии: для светской власти империи введение вертикали подчинения, разграничение функций, выделение зоны ответственности духовенства упрощало контроль за последователями мусульманской конфессии.

Таким образом, на пересечении двух векторов сформировалась модель, компоненты которой мы можем зафиксировать на основе отчета областной администрации, написанного в 1912 г. по запросу МВД [20, л. 1]:

✓ «для удовлетворения религиозных потребностей мусульманского населения... и осуществления вытекающих из них административно-судебных функций» существуют муллы, кадии и горские словесные суды [53, с. 276].

✓ Муллы избирались на аульных и квартальных сходах. Число мулл определялось в соответствии с Уставом духовных дел иностранных исповеданий, по которому для каждого приходского общества полагалось по одному мулле. При

больших мечетях, в зависимости от числа, приписанного к ним населения, могли состоять до пяти мулл – один из них считался старшим.

✓ После проверки в горском словесном суде знания ими Корана (по программе, утвержденной наместником на Кавказе в 1876 г.) или по предоставлении ими удостоверения о сдаче подобного экзамена в Закавказском суннитском духовном правлении, они утверждались в должностях начальником области.

✓ Атаман отдела должен был оценить нравственные качества и благонадежность кандидата на должность муллы и выдать ему об этом соответствующее свидетельство [18, л. 28].

✓ Кадии обязывались наблюдать за духовенством, мечетями и школами при мечетях. В составе горского словесного суда кадий, единолично или при участии приглашенного им «ученого муллы» производил испытание претендентов на духовные должности и решал брачные дела.

✓ Учебные заведения мусульман (мектебе, медресе) открывались только с разрешения начальника области – ему предоставлялось на рассмотрение решение аульного сбора, муллы могли преподавать в школах также с разрешения областного начальства [13, л. 5].

В целом «установленная практикой система заведования духовными делами мусульман» была сочтена удовлетворительной и представлялось только желательным оформить в законодательном порядке ведомственную подчиненность этих горцев одному из существующих в государстве мусульманских духовных учреждений» [53, с. 277].

В тоже время на основе архивных документов, выделим компоненты модели, вызывавшие недовольство горцев:

1) номинальность права выбора мулл, в то время как в случае отсутствия муллы или даже «неимения его вовсе в обществе» старшины не имеют права позволить совершать в мечети ежедневные молитвы [17, л. 14–15]. В свою очередь начальник Кубанской области, отмечал, что «муллы утверждаются из числа лиц избираемых обществами за исключением очень редких случаев, когда избранные кандидаты оказываются неблагонадежными» [17, л. 22 об.].

2) отказ в утверждении избранными обществами кандидатов в аульные судьи [17, л. 20–22]. Действительно, аульные судьи – утверждались после проверки на благонадежность, но здесь мы также видим, что трактовка благонадежности горцев и местной администрацией не совпадала.

С одной стороны власти использовали практику освобождения от последствий судимости – возвращавшую возможность избираться, с другой – проверялись и родственники кандидата. Так, например, в деле о рассмотрении кандидата в судьи аула Мамхеговского Тугужа Е. в «Справке о судимости, поведении, нравственных качествах горца» указано, что он в 1892 г. провел 4 месяца в тюремном заключении, но в 1908 г. освобожден от последствий судимости. Ниже в документе перечислены следующие факты: арест его отца на 14 суток «при участии, ночью произвел ограбление казенной почты в Армавире»; двоюродный брат «за кражу 12 штук быков из экономики Свято-Михайловской пустыни... заключен в тюрьму на 2 года»; родной брат претендента на должность аульного судьи в 1912 г. был заключен в тюрьму на 3 мес. за укрывательство краденных лошадей (лошадей нашли в конюшнях самого Тугужа Е.). При этом отметим, что ситуация для областного начальства затруднительна, т.к. второй кандидат – обвинялся в растрате «вверенного ему сиротского имущества». В процесс затянувшегося решения в ауле произошла «вооруженная стычка» между сторонниками кандидатов, в итоге оба кандидата не были утверждены [15, л. 33–44].

Понятие благонадежности также менялось, с учетом поступавших их центра распоряжений: в декабре 1912 г. из канцелярии Кавказского наместника поступило письмо начальнику Кубанской области, в котором указывалось, что по имеющимся в канцелярии сведениям, в пределах области – вопреки указаниям циркуляра Департамента духовных дел от 12 декабря 1911 г. – есть муллы и учителя мусульманских школ, состоящие в турецком подданстве, что «может повлечь за собой самые нежелательные последствия в смысле развития панисламистской пропаганды». В ходе расследования выяснилось, что турецкоподданные учителя и муллы проживали в Екатеринодарском и в Майкопском отделах, по 5 учителей и 1

мулле в каждом, но они имели необходимые документы и не были замечены ни в нарушении общественного порядка, ни в панисламистской пропаганде. По решению властей трое учителей были привлечены к ответственности за открытие в аулах мусульманских школ без предварительного разрешения властей [19, л. 1, 17, 39] и в последующем при назначении на учительские должности власти, как правило, утверждали только кандидатов из местных горцев.

Важно учесть, что если мы разделим Кавказ на районы, то заметим, что общество Кавказа, являясь, конечно в целом многосоставным, разделяется в зависимости от района, на большее или меньшее количество сегментов. И наибольшая сегментация характерна для двух районов. Прежде всего, для Баку, в котором формирование новой экономической зоны, трудовая миграция и интенсивная вестернизация стремительно меняет общество (в частности об этом подробно пишут Й. Баберовски [5, с. 307–353; 317–320] и Т. Светоховски [2]). И Северо-Западного Кавказа, в котором происходят значительные демографические изменения и который также интенсивно экономически развивается. По данным 1904 г., при общей численности населения в 2248, 3 тыс. чел., иногородние составляли 50%. Кубань активно заселяется представителями различных этнических и конфессиональных групп, но русских (православных и единоверцев) по переписи 1897 г. – 91% от общего числа населения.

Динамику изменения количества мусульман подсчитать сложнее, но если в последний год войны, в 1863 г. борьбу продолжало 235 тыс. закубанских горцев, то в 1897 г. их насчитывалось только 101,9 тыс. [47; 43, с. 64-67] – обратим внимание, с учетом высокой рождаемости за почти полвека. И эти оставшиеся горцы скорее склонны приспособляться и прибегать к пассивному, но не открытому протесту. Создание протестных коалиций по этноконфессиональному принципу также было невозможно. Конфессиональных и даже этноконфессиональных групп много, но они сравнительно малочисленны и не имеют общего поля пересечения интересов.

Подводя итоги, определим, что модель интеграции религиозных структур мусульман Северо-Западного Кавказа

можно назвать адаптивной: она формируется постепенно в процессе мирного взаимодействия и учитывает как целеполагание местных властей (администраций отделов, областной администрации, представленной Начальником Кубанской области и Наказным атаманом Кубанского казачьего войска, краевых властей: Кавказского наместничества (1844–1881 г.; 1905–1917), Кавказской администрации во главе с главноначальствующим гражданской частью (1882–1905 гг.), так и подразумевает формирование законодательства для мусульман с учетом свободного исповедания ими веры [36], соблюдения норм шариата, адатов/местных традиций.

Адаптивный характер модели объясняется, прежде всего, существенными ограничениями, диктуемыми контекстом: условия послевоенного периода, принудительное переселение мусульман «с гор на плоскость», мухаджирство. «Установки» властей:

- ✓ не объединять мусульман Кавказа под эгидой единого духовного центра;

- ✓ не допускать и формирования одного правления для мусульман всего Северного Кавказа, прежде всего с учетом обстановки в Дагестане и Чечне [33];

- ✓ поставить духовенство под контроль местной администрации;

- ✓ максимально ограничить влияние духовных лиц из Персии и Турции;

- ✓ создать систему надзора за мектебе и медресе отсекают большинство возможных результатов.

Многообразие религиозных и этнических групп, наблюдаемое на Северо-Западном Кавказе, позволяет проследить сосуществование различных и потенциально несоизмеримых представлений – когнитивную полифазию [1]. Представления наибольшей по численности группы – православного русского населения еще не стали главенствующими и универсальными, ряд групп сохраняет относительную изоляцию (колонисты [52, 56], старообрядцы [41, с. 290; 55, с. 380], мусульмане (например Баталпашинского отдела – современная Карачаево-Черкессия, Майкопского отдела – Республика Адыгея). Субобщества сохраняют свои версии реальности – эмансипированные

представления. На контактных линиях создаются полемические представления, отмеченные противоречиями. Стремление предотвратить возможные конфликты, дополнительно сокращают диапазон выбора для власти.

В итоге власти вынуждены лавировать, принимая решения от ситуации к ситуации, адаптироваться к представлениям мусульман, выстраивать иерархию требующих реакции событий и явлений, точно подавлять сопротивление. Получившаяся система духовного управления мусульманами Северо-Западного Кавказа не фиксируется детально в Своде Законов Российской империи, как например, в положениях об управлении Закавказского мусульманского духовенства шиитского [40] и суннитского учений [39], положений о Таврическом [37] или Оренбургском мусульманских правлениях [38]; мусульмане региона были подчинены Оренбургскому магометанскому духовному собранию, но фактически находились вне его юрисдикции. Регуляция адаптивной модели происходила на уровне администрации Кубанской области и Кавказского наместничества, а также распоряжениями МВД.

В период присутствия на посту Главноначальствующего гражданской частью Г.С. Голицына происходит ужесточение режима, в том числе и в конфессиональной сфере. После восстановления наместничества И.И. Воронцов-Дашков не только способствовал попыткам создания Духовного правления мусульман региона, но и в целом стремился скорректировать курс образовательной политика на Кавказе, учитывал настроения мусульман, разрабатывал проекты новой судебной реформы, которая должна была отвечать интересам народов, исповедовавших ислам. По инициативе И.И. Воронцова-Дашкова, вплоть до 1917 г. шло обсуждение избирательной реформы, которая должна была позволить сформировать пропорциональное представительство христиан и мусульман в светских выборных органах региона [7, с. 105-106, 109, 130-133].

В тоже время попытки местных властей четко законодательно зафиксировать порядок управления религиозными делами мусульманами Северо-Западного Кавказа и расширить их религиозную автономию пресекались центром.

В целом на протяжении рассматриваемого периода администрация использует комплекс ограничительных мер, но также смогла выстроить и иерархию требующих реакции представлений горцев. Местные власти (областные, Кавказская администрация) предпринимали как действия, снижавшие напряженность, так и формируя интегративные надстройки на «стыке представлений».

Результатом стало привлечение горцев-мусульман региона к военной службе (Дикая дивизия), расширение применения общероссийского законодательства, распространение русского языка среди горского населения. Для инкорпорации мусульман активно применяются норма-формирующие стратегии.

Таким образом, интеграция мусульман Северо-Западного Кавказа проходила по адаптивной модели. Модель формировалась в процессе мирного взаимодействия в зоне фронта [57] и стала результатом неформального консенсуса центра, местной администрации и мусульманского сообщества. Модель не имеет единой четкой законодательной фиксации, прослеживается в официальных источниках как совокупность циркуляров и письменно зафиксированных решений местных властей (Начальника Кубанской области, Попечителя горских народов) и существует как комплекс реализуемых на практике мер.

Применение подобной технологии не являлось заранее спланированным, а скорее отражало невозможность действовать по четкому плану, в значительной степени потому, что диапазон выбора решений на этапе создания проекта интеграции конфессиональной структуры изначально минимизирован условиями контекста.

Действия центра и местной администрации не были движением по направлению к декларируемой цели – созданию системы духовного управления мусульманами региона, но реальная цель – стабильность в послевоенном Северо-Западном Кавказе была достигнута. В тоже время неформальные практики мусульман региона останутся крайне устойчивыми, несмотря на смены политических режимов.

Библиографические ссылки

1. Cambridge Handbook of Social Representations / G. Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell, J. Valsiner (eds.). Cambridge: University Press, 2015. 500 p.
2. Swietochowski T. Russian Azerbaijan, 1905–1920. The shaping of national identity in a muslim community. Cambridge University Press. 2004. 272 p.
3. Азашикова Ф. Я. Изменение традиционной судебной системы у западных черкесов в ходе реализации реформы 1864 года. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Майкоп, 1998. URL: <http://cheloveknauka.com/v/532487/a?#?page=9>. (дата обращения: 5.01.2018).
4. Арапов Д.Ю. Ислам в Российской империи // Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). М., 2001. 368 с.
5. Баберовски Й. Цивилизаторская миссия и национализм в Закавказье: 1828–1914 гг. // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004. С. 307–353.
6. Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. 1882. № 10. URL: <http://kavkaz.sfedu.ru/content/%D0%B1%D0%B5%D1%80%D0%B6%D0%B5-%D0%B0%D0%BF-%D0%B2%D1%8B%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D0%B3%D0%BE%D1%80%D1%86%D0%B5%D0%B2-%D1%81-%D0%BA%D0%B0%D0%B2%D0%BA%D0%B0%D0%B7%D0%B0-%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F-%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B0-1882-%D1%82-xxxiii> (дата обращения: 10.06.2016).
7. Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова. Б.м., 1907. 164 с.
8. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 449. Оп. 3. Д. 240, 241, 362, 472 (в данной описи значительное количество дел «о похищениях девиц» и длительных судебных разбирательствах, связанных с ними).
9. ГАКК. Ф. 449. Оп. 7. Д. 1.
10. ГАКК. Оп. 2. Д. 1616.
11. ГАКК. Ф. 318. Оп. 2. Д. 1616.
12. ГАКК. Ф. 318. Оп. 6. Д. 945.
13. ГАКК. Ф. 449. Оп. 3. Д. 3779.
14. ГАКК. Ф. 449. Оп. 7. Д. 352.
15. ГАКК. Ф. 449. Оп. 7. Д. 60.
16. ГАКК. Ф. 449. Опись 7. Д. 337.
17. ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5299.
18. ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. д. 5429.

19. ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5717.
20. ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 5765.
21. ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 172.
22. ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 2.
23. ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 222.
24. ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 364.
25. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма XIX – начала XX в. (к постановке проблемы) // Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). М., 1998. 1000 с.
26. Законы гражданские. Кн. 1. Ст. 85. СПб., 1887.
27. Законы Российской империи / Под ред. К.О. Краевского. Т. II. М., 1904–1905.
28. Извлечения из особого журнала Комитета Министров 25-го января, 1-го, 8-го и 15-го февраля 1905 г. // Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). М., 2001. С. 175–182.
29. Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917г. – лето 1918 г.). М., 2004. 599 с.
30. Касумов А., Касумов Х. Дипломатическая борьба во время выселения и расселения адыгов в Османской империи // Россия и Черкесия (вторая половина XVIII в.– XIX в.). Майкоп, 1995. С. 32–54.
31. Крым-Гирей С. Путевые заметки // Адыгские писатели-просветители XIX века. Избранные произведения. С. 372–390.
32. Леонтович Ф.И. Адамы кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. II. Нальчик, 2002. 402 с.
33. Магомеддадаев А.М., Амирова З.М. Причины и последствия восстания 1877 года в Дагестане в оценке современников и исследователей // Известий Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2010. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-i-posledstviya-vosstaniya-1877-goda-v-dagestane-v-otsenke-sovremennikov-i-issledovateley> (дата обращения: 24.01.2018).
34. Министерство внутренних дел. 1802–1902. Исторический очерк. СПб., 1901. URL: <http://www.runivers.ru/bookreader/book58649/#page/229/mode/1up> (дата обращения: 20.06.2016).
35. Мисроков З.Х. Адат и шариат в российской правовой системе: исторические судьбы юридического плюрализма на Северном Кавказе. М., 2002. 256 с.
36. Мы не встречали в ГАКК дел о насильственном переходе горцев в православие, наоборот, во второй половине XIX в. строго соблюдались законы о крещении, например, малолетних горцев, только с письменного разрешения их опекунов (См. ГАКК. Ф. 774. Оп. 1. Д. 154. Л.10; Там же Оп. 1. Д. 354. Л. 1–3; Там же. Оп. 2. Д. 95. Л. 1).

Свобода вероисповедания также подтверждается отсутствием на Северо-Западном Кавказе массовых переходов (возвращений) из православия в ислам в период с 1905 г., когда подобные переходы стали разрешены. Подробнее См. Кумпан Е.Н. Религиозные процессы на Северном Кавказе в период либеральных реформ начала XX в.: демографический аспект // Население России: историко-демографическое измерение. М.: ИРИ РАН, 2016. С. 35–51.

37. О управлении духовенства принадлежащего к округу Таврического Магометанского Духовного Правления // Ислам в Российской империи... С. 193–205.

38. О управлении духовенства, принадлежащего к округу Магометанского Духовного Собрании // Ислам в Российской империи... С. 205–209.

39. О управлении Закавказского Мусульманского Духовенства Суннитского учения // Ислам в Российской империи... С. 229–247.

40. О управлении Закавказского Мусульманского Духовенства Шиитского учения // Ислам в Российской империи: законодательные акты, описания, статистика. М., 2001. С. 210–229.

41. Отчет о состоянии 13-го благочиннического округа Кубанской области за 1907 г. // Православная церковь на Кубани (конец XVIII – начало XX в.). Сборник документов. Краснодар, 2001. URL: https://kubgosarhiv.ru/activity/izdaniya/2001-kuban_cerkov/files/assets/basic-html/index.html#2 (дата обращения 1.10.2018).

42. Павлов А.С. Курс церковного права. СПб., 2002. URL: <http://lawdiss.org.ua/books/394.doc.html>.

43. Первая всеобщая перепись населения Российской империи: Кубанская область. СПб., 1905. Т. 65.

44. Победоносцев К.П. «Курс гражданского права». Ч. 2. Права семейственные, наследственные и завещательные // <http://civil.consultant.ru/elib/books/16/>.

45. Правила для управления покорными горцами северных покатоствей Кавказа, составленный генерал-лейтенантом Вельяминовым // Императорская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.). Сборник материалов / сост. Д.Ю. Арапов. М., 2006. С. 64–65.

46. Рапорт Начальника Кубанской области Командующему войсками Кавказского военного округа об упразднении горских словесных судов (13 февраля 1902 г.) // URL: <http://constitutions.ru/?p=2716>

47. Ратушняк В.Н. Экономическое освоение Кубани // По страницам истории Кубани. Краснодар, 1993. URL: <https://history.wikireading.ru/376849> (дата обращения: 22.01.2018)

48. Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1022. Оп. 1. Д. 28.

49. РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 633.

50. РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 8.
51. Рзаев А.К. Мухаммед Али М. Казем-бек. М., 1989. 200 с.
52. Розенберг Л. Немецкая колония Семеновка Кубанской области Кавказского отдела // Сборник материалов для описания местности и племен Кавказа. Тифлис, 1900. Вып. 27. С. 187–191.
53. Рыбаков С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России // Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). М., 2001. С. 267–316.
54. Свод законов Российской империи. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1892. Ст. 44.
55. Ставропольские епархиальные ведомости. 1892. № 13.
56. Твалчрелидзе А. Колонии меннонитов Вольдемфирст и Александрфельд Кубанской области // Сборник материалов для описания местности и племен Кавказа. Тифлис, 1886. Вып. 5. Отд. 1. С. 209–274;
57. Термин фронтир мы используем не только географическую, но и культурную дефиницию: «зону особых социальных условий, возникающих в результате контактов разноуровневых цивилизаций». См. Соболева Т.Н., Бобров Д.С. Современная российская историография концепции фронта. Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-rossiyskaya-istoriografiya-kontseptsii-frontira>
58. Торнау Н.Е. Мусульманское право. СПб, 1866. 273 с.
59. Фонвиль А. Последний год войны Черкесии за независимость. 1863–1864 гг. Из записок участника-иностранца. Нальчик, 1991.
60. Ханыков Н.В. Записки по этнографии Персии. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XIX/1840-1860/Hanykov_etnogr_Persii/pred.phtml (дата обращения 20.06.2016).
61. Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т. II. Тифлис, 1907. 570 с.
62. Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Майкоп, 1993. 123 с.

**ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ
ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ НА КУБАНИ
И ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ УМНОЙ ЭКОНОМИКИ
В УСЛОВИЯХ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ
И ПОЛИКУЛЬТУРНОГО КАПИТАЛА⁵**

**EXPERIENCE IN THE IMPLEMENTATION
OF INDUSTRIAL DEVELOPMENT POLICY IN THE
KUBAN AND PECULIARITIES OF CREATING SMART
ECONOMY IN THE CONTEXT OF ETHNOPOLITICAL
CONFLICT
AND MULTICULTURAL CAPITAL**

Д.В. Ланская, А.Е. Яковленко

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

D.V. Lanskaya, A.E. Yakovlenko

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье представлены результаты исследования влияния исторических и этнополитических факторов на формирование неопромышленного комплекса региона в условиях формирования сектора экономики знаний и шестого технологического уклада в контексте национально-государственного строительства на Кубани. Показано развитие промышленного комплекса в южном регионе. Сформулированы поликультурные факторы и особенности регионального интеллектуального капитала, способствующие успешному становлению экономики знаний.

Abstract. The article presents the results of the study of the influence of historical and ethno-political factors on the formation of non-industrial complex of the region in the conditions of formation of the sector of smart economy and the sixth technological structure in the context of national-state construction

---

⁵ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, грант № 17-32-01044/ОГН «Неопромышленный комплекс региона в условиях формирования сектора экономики знаний и шестого технологического уклада»

in the Kuban. The development of an industrial complex in the southern region is shown. The multicultural factors and features of the regional intellectual capital promoting successful formation of smart economy are formulated.

Ключевые слова: аграрно-промышленная политика, Кубань, индустриализация, Северо-Кавказский экономический регион, региональный интеллектуальный капитал, менталитет, поликультурный капитал.

Keywords: agricultural and industrial policy, Kuban, industrialization, North Caucasus economic region, regional intellectual capital, mentality, multicultural capital.

Кубань – это уникальный регион со своими традициями, богатейшей историей и природными богатствами. Выгодное географическое положение, благоприятный климат, все это способствует развитию различных секторов экономики. Вместе с тем, в регионе сложилась особая этнокультурная среда, характеризующаяся сочетанием традиционной экономики с развивающимся индустриальным сектором. Благодаря соединению широких природных возможностей с поликультурным человеческим капиталом Кубань имеет все шансы сформировать особый неопромышленный комплекс региона.

История показывает, что развитие индустриального сектора на Кубани началось с конца XIX века, и было тесно связано с сельским хозяйством. Так, наиболее развитыми отраслями экономики региона в данный период времени были мукомольная и маслособойная промышленность, активно развивалось рыболовство и табаководство, винокуренное и пивоваренное производства. Широкое распространение также получили обрабатывающие отрасли промышленности - строительная, цементная и нефтяная [4, 6].

При этом развитие индустрии имело свои отличительные черты. Так, к примеру, в мукомольном производстве с каждым годом возрастало количество паровых предприятий, поскольку строились они на частные капиталы. Маслособойная промышленность развивалась благодаря проведению

грамотной технологической политики, обновлению технического оснащения, вложению инвестиций в основное производство и использованию местного сырья [6]. Рост торговли, фабрик, заводов, железных дорог и городов увеличивал спрос на строительные материалы, который вызвал зарождение и быстрое развитие цементного производства и т.д. Промышленность концентрировалась в больших городах – Екатеринодаре, Новороссийске, Армавире, Ейске [4].

Таким образом, можно выделить следующие факторы, которые способствовали развитию экономики на Кубани [6]:

1) благоприятные природно-климатические условия и выгодное географическое положение для жизнедеятельности человека;

2) слабый уровень заселенности и освоенности территории, а значит ее экономическая отсталость;

3) реформы второй половины XIX века оказали содействие в проникновении и развитии на Кубани рыночных и товарно-денежных отношений, а также вовлечении региона в общее русло экономического развития страны;

4) активный переселенческий поток способствовал прибытию на Кубань земледельцев-производителей и представителей различного рода капитала с их предпринимательскими и организационными способностями;

5) ярмарочная торговля благоприятствовала социально-экономическому развитию региона;

6) производство сельскохозяйственной продукции было направлено на удовлетворение потребностей населения;

7) развитие бизнеса происходило за счет вложений иностранного капитала;

8) применение современных технологий, основанных на механизации и использовании парового оборудования.

Наряду с этим основной особенностью Кубанского региона являлось то, что становление и развитие промышленности осуществлялось в основном за счет невойскового и иногороднего населения. Среди кубанского казачества, доминирующего в те времена в регионе, было распространено полунатуральное хозяйство, продукция которого шла на удовлетворение собственных потребностей. На этой основе в

регионе резко обострились социально-экономические отношения между казачеством и иногородним крестьянством, поскольку процесс капитализации сельского хозяйства и укрепления товарно-рыночных отношений с каждым годом усиливался, а длительная военная служба казака и архаическая система войскового землепользования не позволяли коренным жителям в полной мере развивать товарное производство, в то время как у иногородних было больше для этого возможностей [4].

Дальнейший рост экономики Кубани связан с появлением в начале XX века товарных бирж, торговых домов, акционерных компаний и монополистических организаций. Развитие товарно-капиталистического производства способствовало появлению коопераций, которые закупали и продавали товары через свои лавки, заводили свои собственные предприятия [6].

Разносторонний промышленный профиль Кубани начал складываться в советское время. В 1920-1930-е годы в регионе шло активное строительство новых крупных промышленных предприятий, реконструировались старые заводы и фабрики, получила развитие пищевая промышленность. В машиностроении стали возникать трудоемкие производства, создавались предприятия легкой промышленности.

В настоящее время развитие индустриального сектора Кубани носит несколько иной характер. Сегодня актуализировались процессы по формированию в регионе умной экономики на базе шестого технологического уклада, что требует активной инновационной политики, предприимчивости граждан, развития новых видов предпринимательской деятельности и т.п. Однако, согласно рейтингу инновационного развития субъектов РФ Кубань находится в группах средних и средне-слабых инноваторов [10]. Несомненно, поликультурные факторы играют здесь определенную роль. Современный этнический состав населения южного региона начал формироваться в конце XVIII века. Особенно интенсивно эти процессы протекали во второй половине XIX века и продолжаются до сих пор. Можно выделить следующие факторы этнополитической ситуации на Кубани [5]:

- относительно высокая этническая мозаичность региона;
- компактное размещение некоторых этнических групп на территории региона;
- приграничное положение Кубани в составе России;
- значительная религиозная пестрота населения;
- русский региональный сепаратизм, который представлен некоторыми течениями казачьего движения.

В частности, социокультурные характеристики Кубани могут являться не только факторами упрочения межэтнических отношений, но и факторами их обострения. Например, среди последних можно выделить следующие: традиционность и умеренный консерватизм, гражданственность, патриотизм, государственность, полиэтничность, поликонфессиональность, мультикультурность, а точнее – полиидентичность [1]. Указанные аспекты межэтнических отношений в южном регионе отражают как исторические, так и современные особенности национально-государственного, национально-территориального, национально-культурного строительства на Кубани, которые обусловлены не только объективными политическими процессами формирования «этнических территорий», но и стратегиями управления в сфере межэтнических отношений [2].

По данным исследований региональной службы статистики, в 2017 году население Кубани пополнилось за счет 34942 приезжих [8]. Большая часть мигрантов переселяется в южный регион из других субъектов России, например, преобладают сибиряки, уральцы и дальневосточники, а из-за границы в основном на Кубань едут украинцы, казахи и армяне, каждый из которых обладает своими индивидуальными чертами и культурными особенностями [8]. Поэтому неслучайны возникновения напряжения в отношениях между старожилами и мигрантами; славянскими и северокавказскими народами, русскими и нерусскими, православными и мусульманами и др.

Как показывает практика полиэтничных обществ, на уровне мезоэкономики существует мало изученный сегмент национального хозяйства, почти «ненаблюдаемый» статистикой и налоговыми органами – этноэкономика [7].

Главным ее признаком является применение традиционных для этнически выраженных регионов методов ведения производственной деятельности, личного подсобного и домашнего хозяйства [9]. При этом наследственный фактор выступает определяющим в развитии и функционировании экономической системы. Именно благодаря передачи из поколения в поколение традиций сельской жизни в экономике закрепляются устойчивые структуры природно-культурных особенностей различных народов [3]. Интересно, что в этноэкономике также присутствуют новации: путем их отбора и наследования, укоренения этносом новых способов хозяйствования. Неслучайно, Кубань считается житницей России, поскольку именно аграрный сектор выступает основой экономики региона. В данном случае мы говорим о том, что для коренных жителей земля является главным источником существования и развития. Так, например, адыгейцы, черкесы, карачаевцы, осетины, абазины и др. народы занимаются мелкотоварным производством, проживают в предгорных и горных районах Кубани, сохраняя свои традиции и культуру. Поэтому потребности в инновационной деятельности у них не возникает. Для них становление умной экономики, развитие высоких технологий не играет ключевой роли, поскольку в деятельности преобладает натуральное хозяйство. В связи с чем, значение традиционных экономических институтов коренных народов в становлении индустриального сектора полиэтнических регионов определяется следующими позициями:

- высокой степенью устойчивости экономических моделей коренных народов;
- сохранением живой хозяйственной культуры этнических групп на территории экономического пространства страны, что является одним из факторов социально-экономического развития субъектов и должно учитываться при реализации региональной экономической политики;
- ограничение возможностей постиндустриального развития и нарушение единства экономического пространства страны по причине наличия устойчивого сегмента традиционной экономики;

– особенностями институциональной архитектуры и институционального строительства под действием традиционных институтов полиэтнических регионов.

Отметим, что формирование умной экономики на базе шестого технологического уклада в условиях полиэтничности Кубани сталкивается с рядом тормозящих факторов в виде высокого уровня консерватизма коренных жителей, отсутствия стремления к инновациям и жаждущих перемен мигрантов, инициативности которых недостаточно. Так, для кубанского менталитета характерны следующие черты, например, болезненность реакции на то, что может изменить их жизнь, несклонность к риску и непредсказуемости, низкие формы социальной активности, ярко выраженный индивидуализм, развитое «официальное» предпринимательство, и «серые» виды занятости. При этом по рейтингу инновационного развития субъектов РФ в числе сильных и средне-сильных инноваторов находятся северные регионы России - Томская, Новосибирская, Омская области, Красноярский, Пермский, Приморский края и др. [10]. В данном случае мы говорим о том, что историческая связь кубанских жителей с сельским хозяйством, нацеленность промышленности на аграрный сектор является тормозящим фактором к инновационной деятельности и становлению умной экономики. Однако, в условиях наличия поликультурного капитала, который обладает уникальными знаниями в разных сферах, наш регион имеет возможности для успешного развития путем сочетания традиционных секторов экономики с инновационными, где особый опыт приобрели, например, жители северных районов нашей страны. Таким образом, Кубани нужны инновационные пассионарии или инноваторы, способные к генерации новых идей, нацеленные на развитие территории, готовые двигать науку вперед.

Поэтому для региона с ярко выраженной этноэкономической системой необходимо проведение особой политики неоиндустриализации, которая способна соединить крупный индустриальный сектор и малый - поликультурный с традиционными устоями, найти и реализовать механизмы их взаимодействия, предоставить мелкотоварным формам

производства место в развивающейся экономике, сформировать интерес у коренных жителей к инновациям, создать комфортную среду для творчества, привлечь к развитию Кубани новых жителей, увеличивая экономическую плотность региона и расширяя его экономическое и социальное пространство. При этом менталитет кубанского народа тоже может и должен меняться в сторону инноваций, как меняется, например, Азия (Китай, Япония), которая также исторически является поликультурной, но активно развивает инновационную составляющую экономики.

Библиографический список

1. Аствацатурова М.А. Региональное моделирование национальной стратегии и гражданской идентичности в Северо-Кавказском регионе // Северный Кавказ в национальной стратегии России / под ред. В.А. Тишкова. М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2008. С. 233-240.
2. Аствацатурова М.А. Макрорегиональная этнополитология: некоторые обобщения в управленческом контексте // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2009. №3. С. 112-121.
3. Аносова Л.А. Этноэкономика как ресурс модернизации в регионах с низким уровнем инновационного развития // Экономика и управление. 2012. № 10 (84). С. 12-16.
4. Багаева Е.М. Торгово-промышленная деятельность на Кубани в эпоху рыночных преобразований в России: 1861-1914 гг. [Текст]: дис. ... канд. истор. наук / Е.М. Багаева. Краснодар, 2005. - 293 с.
5. Дейко С.Ю., Филобок А.А. Теория, причины, этапы развития межэтнических конфликтов и специфика Краснодарского края // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 4: Естественно-математические и технические науки. 2013. №3 (122). С. 68-73
6. Ермоленко Д.В. Зарождение и становление бизнеса на Кубани: условия, проблемы и инструменты решения // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ). Краснодар: КубГАУ, 2008. №02 (036). С. 219 - 234.
7. Колесников Ю.С. Этноэкономика в судьбах модернизации Юга России // Пространство экономики. 2003. №2. С. 19-24.
8. Общие итоги миграции населения в Краснодарском крае в 2017 году [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://krsdstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/krsdstat/resources/32f58e00

4483c80b93e1fb68838f846c/mn20171.htm (дата обращения: 28.10.2018)

9. Овчинников В.Н., Колесников Ю.С. Этноэкономика как фактор развития // Проблемы прогнозирования. 2006. №1. С. 118-123

10. Рейтинг инновационных регионов России 2017 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://i-regions.org/images/files/airr17.pdf> (дата обращения: 28.10.2018)

**ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ
КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
РАСПРОСТРАНЕНИЮ ИДЕОЛОГИИ
ДЕСТРУКТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ (ОПЫТ
ГУ МВД РОССИИ ПО КРАСНОДАРСКОМУ КРАЮ)**

**PATRIOTIC TRAINING OF YOUTH
AS ONE OF THE FORMS OF COUNTERACTION
TO THE DISTRIBUTION OF THE IDEOLOGY
OF DESTRUCTIVE ORGANIZATIONS
(EXPERIENCE OF THE GU MVD RUSSIA
IN KRASNODAR TERRITORY)**

С.Ю. Любин

Главное управление МВД России по Краснодарскому краю,
г. Краснодар

S.Yu. Lyubin

Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia
for the Krasnodar Territory, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье представлена информация о проекте ГУ МВД России по Краснодарскому краю «Страницы летописи Кубанской полиции», направленного на патриотическое и правовое воспитание молодежи, профилактику распространения деструктивной идеологии среди подрастающего поколения.

Abstract. The article presents information about the project “The Chronicle Pages of the Kuban Police” of the Central Administration of the Ministry of Internal Affairs of Russia for the Krasnodar Territory, aimed at patriotic and legal education of young people, preventing the spread of destructive ideology among the younger generation.

Ключевые слова: проект, полиция, патриотическое воспитание, профилактика, деструктивная идеология, молодежь, квест, история.

Keywords: project, police, patriotic education, prevention, destructive ideology, youth, quest, history.

Одной из важнейших составляющих борьбы с экстремизмом и терроризмом, профилактики межнациональных и межрелигиозных конфликтов в полиэтничном регионе является информационное противодействие распространению идеологии деструктивных организаций и объединений.

Подрастающее поколение в силу возрастной психологии наиболее подвержено манипулированию и склонно к принятию протестных идей и настроений. Энергия и стремления молодых людей часто становятся предметом политических спекуляций, и поэтому молодежь наиболее привлекательна для вербовки во всевозможные группы и организации экстремистского толка.

Одной из особенностей информационного воздействия на молодежь со стороны экстремистских и террористических организаций, в том числе праворадикального толка, является ложная трактовка тех или иных исторических событий. Так, идеологи неонацистских сообществ внушают потенциальным сторонникам, что А. Гитлер не хотел поработить народы Советского Союза, а лишь боролся с коммунизмом, концентрационные лагеря были не местом массового уничтожения людей, а всего лишь исправительными учреждениями с щадящим режимом. Руководители украинских праворадикальных националистических объединений отрицают факты массового уничтожения населения со стороны ОУН-УПА в годы Великой Отечественной войны, а также тесное сотрудничество сторонников данных организаций с III Рейхом.

Духовно-нравственное и патриотическое воспитание молодежи, основанное на традиционных отечественных ценностях, может быть одним из надежных барьеров на пути вербовщиков.

Однако необходимо отметить, что современная российская молодежь, к сожалению, далеко не всегда хорошо знает отечественную историю, что, несомненно, играет на руку «ловцам душ» из числа различных деструктивных сообществ и способствует героизации тех, кто повинен в преступлениях против человечности в различные исторические периоды.

Главным управлением МВД России по Краснодарскому краю, ветеранами органов внутренних дел совместно с

Государственным архивом Краснодарского края, КрУ МВД России, управлением по делам молодежи администрации МО г. Краснодар разработан и успешно реализуется просветительский проект «Страницы летописи кубанской полиции». Его основными задачами являются: укрепление положительного имиджа стражей правопорядка, популяризация среди молодежи полицейской службы, привлечение подрастающего поколения к изучению истории Кубани и России.

В мероприятиях участвуют курсанты ведомственных вузов МВД России, студенты учебных заведений региона, активисты молодежных общественных организаций правоохранительной направленности, журналисты.

«Страницы летописи кубанской полиции» включают в себя следующий комплекс мероприятий:

Авторами проекта были созданы художественно-документальные фильмы о деятельности органов внутренних дел Кубани в различные периоды истории. Фильм «Полезьа, честь и слава» рассказывает о борьбе с общеуголовной преступностью и терроризмом на территории региона в начале XX века. «Органы внутренних дел Кубани в битве за Кавказ» раскрывает малоизвестные факты работы милиции в годы Великой Отечественной войны. Данные фильмы демонстрируются в ходе встреч с учащимися и студентами в рамках мероприятий по патриотическому воспитанию молодежи. Их участники также могут ознакомиться с выставкой оружия, документов, обмундирования и предметов быта сотрудников органов внутренних дел в различные периоды российской истории.

Большое внимание уделяется научно-исследовательской и архивной работе по увековечиванию памяти сотрудников органов внутренних дел Кубани, внесших значительный личный вклад в борьбу с преступностью, защиту законных прав и интересов граждан. В 2018 году участниками проекта было установлено местонахождение здания в историческом центре Краснодара, в котором в период с 1909 по 1917 годы располагалось сыскное отделение областной столицы. В преддверии празднования 300-летия полиции и 100-летия

уголовного розыска на его фасаде была установлена мемориальная доска в честь одного из лучших сыщиков Кубани начала XX века, руководителя сыскного отделения А.П. Пришельцева. Под его руководством екатеринодарскими полицейскими было обезврежено более двух тысяч преступников, пресечена деятельность особо опасных банд на территории региона, а в розыскной деятельности стали применяться самые передовые методы работы.

В торжественной церемонии открытия мемориальной доски приняли участие представители руководства администрации МО г. Краснодар, сотрудники и ветераны органов внутренних дел, журналисты федеральных и региональных СМИ.

В ходе реализации проекта предпринимаются меры по розыску потомков сотрудников правоохранительных органов Российской империи. Его авторам удалось найти родственников начальника Екатеринодарской областной тюрьмы, полицейского пристава х. Романовский (ныне г. Кропоткин) А.П. Шпилевого, расстрелянного в 1920 году и реабилитированного в 1992 году. Потомкам А.П. Шпилевого был вручен альбом с копиями документами, раскрывающими его жизнь и служебную деятельность.

На съемках фильма «Польза, честь и слава» с помощью архивных документов были установлены места в Краснодаре связанные с деятельностью полиции: здания, в которых располагались сыскное отделение и охранный пункт, жандармское управление, дома, где совершались и раскрывались самые громкие преступления начала прошлого века, задерживались особо опасные преступники. С целью наиболее эффективного использования полученных материалов разработана уникальная пешеходная экскурсия для молодежи по истории полиции Екатеринодара.

На данных мероприятиях экскурсанты не только знакомятся с деятельностью органов внутренних дел, но и могут узнать интересные факты из жизни горожан того времени, старинные названия улиц и многое другое. Экскурсии проводятся действующими сотрудниками полиции и ветеранами МВД России.

В наши дни среди молодежи популярны различные, в том числе детективные, квесты.

Организаторами проекта в марте – апреле 2018 года разработан и проведен креативный историко-детективный квест «Сыскной Екатеринодаръ», в ходе которого команды КрУ МВД России, КубГУ, КубГАУ, общественной организации правоохранительной направленности «Молодежный патруль» должны были не только показать свои знания по истории полиции России, вооружения стражей правопорядка, форм и методов сыскной работы, но и «раскрыть» в режиме реального времени убийство, совершенное в Екатеринодаре в 1909 году и условно задержать «преступника». В квесте использовались оружие, документы, деньги, одежда и предметы быта начала XX века.

Аналогичный квест о работе уголовного розыска в годы Великой Отечественной войны под названием «Невидимый фронт» проведен в сентябре 2018 года.

Игра проходила в несколько этапов. В ходе предварительных испытаний курсанты Краснодарского университета МВД России, студенты юридических факультетов Кубанского государственного аграрного университета, Кубанского социально-экономического института, члены общественной организации правоохранительной направленности «Молодежный патруль» и представители средств массовой информации отвечали на вопросы по истории Великой Отечественной войны и органов внутренних дел Краснодарского края. Лучшие игроки от каждой команды прошли в финал квеста, который состоялся в парке 30-летия Победы.

Финалисты, которые на время мероприятия стали сотрудниками уголовного розыска, должны были выполнить важное задание в «тылу врага» и «захватить в плен» важного немецкого офицера. Затем, уже в освобожденном Краснодаре, сотрудники уголовного розыска раскрыли «убийство» милиционера и условно задержали особо опасного «преступника – агента немецких спецслужб».

Для более полного погружения в историческую эпоху организаторы квеста использовали макеты оружия, документы,

деньги, предметы быта того периода, а игроки были одеты в форму бойцов и командиров Красной Армии.

Большую помощь в проведении квеста его организаторам оказали члены клуба военно-исторической реконструкции «Взвод».

После завершения мероприятия участники и организаторы квеста почтили память сотрудников органов внутренних дел Кубани, защищавших Родину в годы Великой Отечественной войны, и возложили цветы к Вечному огню.

Всем финалистам «Невидимого фронта» ветераны кубанского уголовного розыска и представители Общественного совета при ГУ МВД России по Краснодарскому краю вручили дипломы и памятные подарки.

При реализации проекта «Страницы летописи кубанской полиции» одним из его авторов, ветераном МВД России, заместителем председателя Ассоциации ветеранов боевых действий ОВД и ВВ России, подполковником внутренней службы в отставке А.В. Фаниевым была написана книга «Экстренной розыскъ» [1]. Это первое художественное произведение, изданное в крае, в котором ярко, интересно и достоверно отражена самоотверженная работа кубанских сыщиков времен Российской империи. Читатели могут детально ознакомиться с тайнами агентурной и оперативной работы екатеринодарской полиции, узнать подробности ликвидации особо опасных банд и задержания преступников. Длительная архивная работа позволила автору погрузить читателей в рассматриваемую историческую эпоху.

Презентация книги состоялась в ноябре 2018 года накануне Дня сотрудника органов внутренних дел в здании исторического центра Краснодара, в котором с 1909 по 1917 годы находилось Екатеринодарское сыскное отделение.

В мероприятии участвовали сотрудники и ветераны органов внутренних дел, историки, представители Общественного совета при полицейском главке, преподаватели и курсанты КрУ МВД России, активисты молодежных организаций, журналисты.

Проект «Страницы летописи кубанской полиции» широко освещался в федеральных и региональных средствах массовой

информации и получил положительную оценку среди молодежи и научного сообщества Краснодарского края.

Исходя из изложенного полагаем сделать следующий вывод: проекты, направленные на изучение отечественной истории, использование при их реализации передовых форм и методов, популярных среди подрастающего поколения позволяют не только качественно проводить мероприятия по патриотическому, правовому и духовно-нравственному воспитанию молодежи, но и выполняют функции барьера для распространения идеологии различных деструктивных организаций среди российских учащихся и студентов.

Библиографические ссылки

1. Фаниев А.В. Экстренный розыск. М., 2018. 296 с.

**ПОНЯТИЕ ЭКСТРЕМИЗМА, ТЕРРОРИЗМА
И КСЕНОФОБИИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ
В КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ РЕСПУБЛИКЕ
(ОПЫТ ПРАКТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ)**

**THE CONCEPT OF EXTREMISM, TERRORISM
AND XENOPHOBIA IN THE YOUTH ENVIRONMENT
IN KARACHAY-CHERKESS REPUBLIC
(EXPERIENCE OF PRACTICAL STUDY)**

М.М. Ляу

Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований
при Правительстве КЧР, г. Черкесск

M.M. Liau

Karachay-Cherkess Institute of Humanitarian Studies under the
Government of the KCR, Cherkessk, Russia

Аннотация. В статье дано определение основных понятий экстремизма и терроризма, использующихся в академической науке и политических доктринах. Основным является анализ ответов учащейся молодежи Карачаево-Черкесии по вопросам экстремизма и терроризма, которые показывают их уровень знаний по данной проблеме, ценностные установки и ожидания. Что представляется чрезвычайно важным для организации воспитательной работы в учебных заведениях.

Abstract. The article defines the basic concepts of extremism and terrorism used in academic science and political doctrines. The main analysis is the answers of students of Karachay-Cherkessia on extremism and terrorism, which show their level of knowledge on this issue, values and expectations. What is extremely important for the organization of educational work in schools.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, ксенофобия, религиозный экстремизм, профилактика, толерантность, молодежь.

Keywords: extremism, terrorism, xenophobia, religious extremism, prevention, tolerance, youth.

Этимология термина «Экстремизм» обнаруживает свои корни в латинском языке, переводится как «крайний» – это приверженность крайним взглядам и мерам. Ксенофобия (от греч. xenos – чужой и - фоб, ... фобия имеет несколько значений:

- 1) навязчивый страх перед незнакомыми лицами;
- 2) ненависть, нетерпимость к какому-либо или чему-либо чужому, незнакомому [1, с. 670].

Главным видом ксенофобии в современной России является ксенофобия на расовой и национальной почве, национализм, шовинизм, нацизм, фашизм [2].

Проблема ксенофобии на протяжении многих лет является одной из самых сложных проблем российского общества. Преступления на почве ненависти - наиболее яркие проявления ксенофобии. С появлением Федерального закона № 114 «О противодействии экстремистской деятельности» и особенно после внесения в него поправок такие преступления все чаще стали называть «экстремистскими», а деятельность по предотвращению преступлений ненависти – «профилактикой экстремизма» [3].

Федеральный закон о противодействии экстремистской деятельности дает нам достаточно широкое понятие экстремизма:

- это насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности РФ;
- нарушение прав человека и гражданина, причинение вреда здоровью и имуществу граждан в связи с их убеждениями, расовой или национальной принадлежностью;
- создание незаконных вооруженных формирований;
- осуществление террористической деятельности, либо публичное оправдание терроризма;
- возбуждение расовой, национальной или религиозной розни, связанное с насилием или призывами к насилию;
- унижению национального достоинства;
- пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики;
- массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранения в целях массового распространения.

Сегодня экстремистская деятельность создает реальную угрозу жизнедеятельности государства, посягает на конституционные права и свободы граждан РФ, общественную безопасность и общественный порядок. Масштаб проблемы экстремизма показывает тот факт, что ей отводится отдельное место в Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года. При этом Стратегия исходит из того, что экстремистское настроение будет получать дальнейшее развитие в современном мире.

Анализируя связь экстремизма и терроризма, немецкий исследователь Р. Вассерман отмечает: «Нельзя оспаривать тот факт, что словесный террор предшествует «горячему» террору. Террористические акты подпольных групп не свалились с неба, а были подготовлены брошюрами и лозунгами» [4, с. 147].

«Терроризм», «террористы», «экстремизм» – слова, которые практически ежедневно появляются в средствах массовой информации, порождая беспокойство и страх наших граждан за свое настоящее и будущее, за свои права и свободы, которые, гарантированы нам Конституцией Российской Федерации. Экстремизм и терроризм в любых формах своих проявлений превратились в одну из самых опасных проблем, с которыми человечество вошло в XXI столетие. Терроризм представляет реальную угрозу национальной безопасности страны: похищение людей, взятие заложников, акты насилия в этноконфессиональных конфликтах, прямые угрозы, и их реализация. Поэтому проблема противодействия терроризму и экстремизму в Российской Федерации – это одна из наиболее важных задач обеспечения безопасности на государственном уровне.

В жизни человек общается с представителями различных национальностей, культур, миров, концессий, социальных слоев, поэтому важно научиться уважать культурные ценности, как своего народа, так и представителей другой культуры, другой религии, научиться находить точки соприкосновения. Люди, не обладающие толерантностью, проявляя категоричность, оказываются неспособными адаптироваться к изменениям, которых требует от нас жизнь.

В Карачаево-Черкесской Республике активно проводятся

мероприятия, препятствующие распространению межгрупповой ненависти, националистических, религиозных и экстремистских идей. Проводимые мероприятия включают: круглые столы, конференции, лекции, открытые уроки, тематические выставки, и др. Проведению единой государственной политики в сфере межэтнических отношений с учетом особенностей и интересов всех народов Карачаево-Черкесской Республики способствуют многочисленные мероприятия государственной программы «Реализация государственной, национальной, информационной политики в Карачаево-Черкесской Республике». Наибольшую активность в реализации мероприятий, препятствующих распространению ненависти, основанной на националистических, религиозных и экстремистских идеях проявляют органы государственной власти, органы местного самоуправления, учреждения культуры, средства массовой информации, образовательные учреждения республики.

Ситуация в Карачаево-Черкесии относительно других субъектов СКФО стабильная. Само понятие «религиозный экстремизм» – неправильно, это религиозно-политический экстремизм. По сути, с религией Ислам, экстремистские группировки ничего общего не имеют, это обычные секты, которые прикрываются знаменем религии. В последнее время большинство терактов происходит именно под лозунгами «смерть ради спасения». Сегодня религию используют для зла, для уничтожения, для достижения хаоса в мире. Человечество забыло о принципах гуманизма, справедливости, доброты, забыло о сути веры. Терроризм тесно связан с наркобизнесом, так как террористы при помощи наркотиков воздействуют на обычных людей, принуждая их совершать террористические акты, жертвуя в первую очередь собой и многими невинными людьми. Нет шаблона, как они вербуют в свои экстремистские организации, к каждому человеку есть индивидуальный подход, особенно, тщательная обработка и подготовка ведется, если человек представляет особый интерес для организации. Участниками группировок экстремистской направленности чаще всего являются молодые люди. Обычно вербуют молодых людей в возрасте от 14 до 30 лет. Молодежная среда в силу

своих социальных характеристик и остроты восприятия окружающей обстановки является той частью общества, в которой наиболее быстро происходит накопление и реализация негативного протестного потенциала. К тому же молодым людям присуща неустойчивая психика, легко подверженная внушению и манипулированию.

Карачаево-Черкесия – полиэтничный регион, в котором, кроме пяти субъектообразующих народов, проживают представители более 80 этносов.

В сентябре 2018 года в молодежной среде был проведен социологический опрос учащихся СОШ КЧР в г. Черкесске и студентов Медицинского колледжа. С целью изучения мнения молодежи к проявлениям экстремизма и ксенофобии в современном обществе, гражданской, этнической и религиозной идентичности, ценностных и профессиональных ориентациях. Этнический состав опрошенных: 17% - абазины, 21% - карачаевцы, 9% - ногайцы, 26% - русские, 24% - черкесы, 4% - представители других национальностей. Состав опрошенных по полу: 49,4 % - мужчин; 50,6% - женщин.

Для проведения социологического исследования был выбран метод опроса в виде анкетирования. В исследовании участвовали 150 человек в возрасте от 18 до 29 лет.

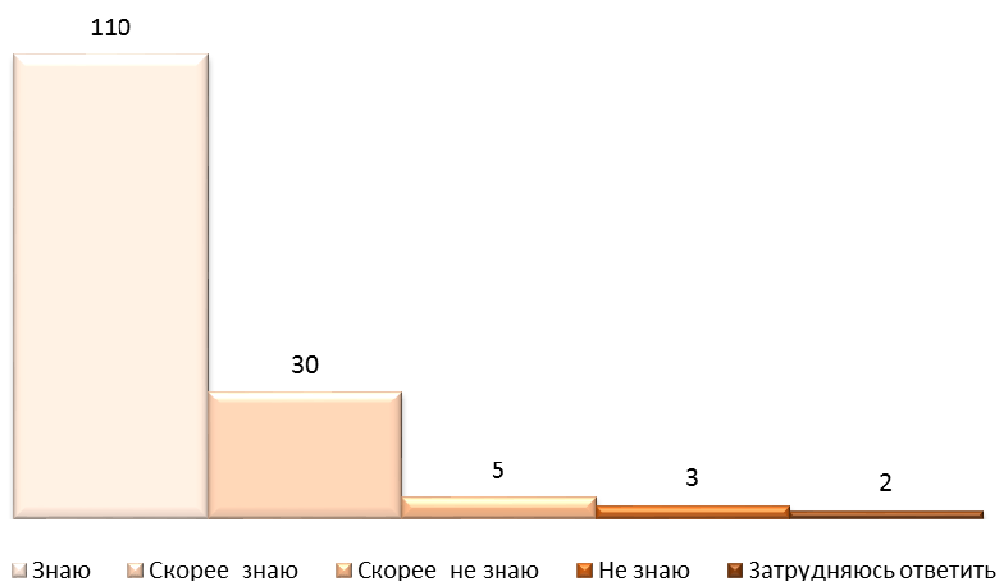
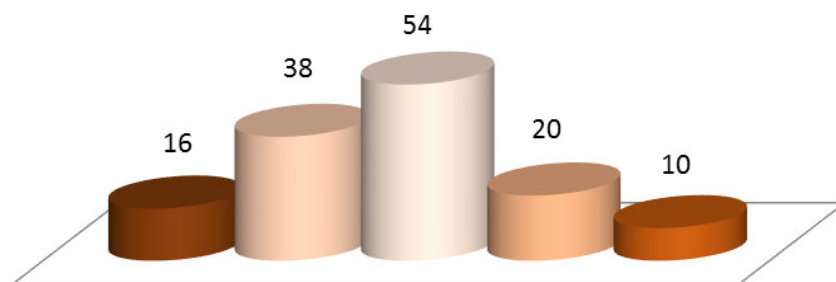

Рисунок 1 – «Знаете ли вы что такое экстремизм?»

Данные показатели свидетельствуют о том, что абсолютное большинство респондентов - 73% имеют базовое представление о том, что такое экстремизм. Однако 6,6% молодежи считают свои знания недостаточными и нуждаются в получении более полной информации.

- В многонациональности населения, проживающего на территории КЧР
- В низкой правовой культуре населения и недостаточной терпимости людей
- В целенаправленном «разжигании» представителями экстремистско-настроенных организаций националистической агрессии
- В недостаточном правовом просвещении граждан в сфере противодействия (профилактики) экстремизма
- Другое

Рисунок 2 – «В чем, по вашему мнению, заключаются основные причины экстремизма?»

Молодежь КЧР к числу наиболее значимых причин, лежащих в основе экстремизма, определила:

– 36% - целенаправленное разжигание представителями экстремистско-настроенных организаций националистической агрессии;

– 25% - недостаточность терпимости людей и низкой правовой культуры;

– 13,3% - низкий уровень правового просвещения граждан в сфере профилактики терроризма и экстремизма;

– 10% - респондентов не придают особого значения многонациональности населения, проживающего на территории.

Поскольку более трети респондентов в качестве важнейшей причины экстремизма назвали разжигание

националистической агрессии, логичными являются ответы на вопрос, что лежит в основе разжигания напряженности, конфликтов между людьми.

Рисунок 3 – «Что, по Вашему мнению, способствует разжигание напряженности, конфликтам между людьми?»

К числу наиболее значимых причин, способствующих разжиганию напряженности, 40% респондентов отметили деформацию системы ценностей в современном обществе, 32% - неумение вести себя в сложных и конфликтных ситуациях, 24% - неумение уважать и понимать других людей.

Рисунок 4 – «Сталкивались ли Вы с дискриминацией по национальному, религиозному или иному признаку в отношении Вашей личности?»

78,6% - опрошенных молодых людей ответили, что они не сталкивались с дискриминацией по национальному и религиозному признаку, иногда сталкивались - 10%, да, сталкивались - 7% учащейся молодежи. Таким образом, значительное большинство молодых людей отмечают, что живут в толерантной среде, в которой нет проявлений национализма, экстремизма. Настораживающим является наличие в полиэтничной и поликонфессиональной Карачаево - Черкессии части учащейся молодежи, которые сталкивались с проявлениями с национальной или религиозной дискриминацией. Что, в свою очередь, требует принятия мер общественного, воспитательного, образовательного характера со стороны руководителей учебных заведений, органов власти разного уровня, институтов гражданского общества.

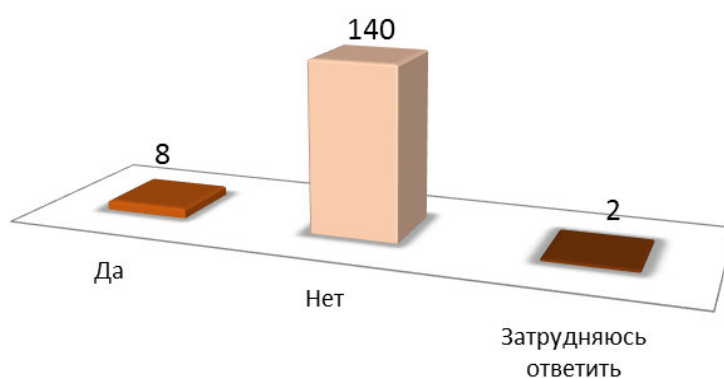

Рисунок 5 – «Участвовали ли Вы в конфликтах на национальной почве?»

По мнению опрошенных 93,3% фактор национальной принадлежности не воспринимается как причина, стимулирующая выбор экстремальных моделей поведения, 5% респондентов подтвердили факт участия в конфликтах на национальной почве.

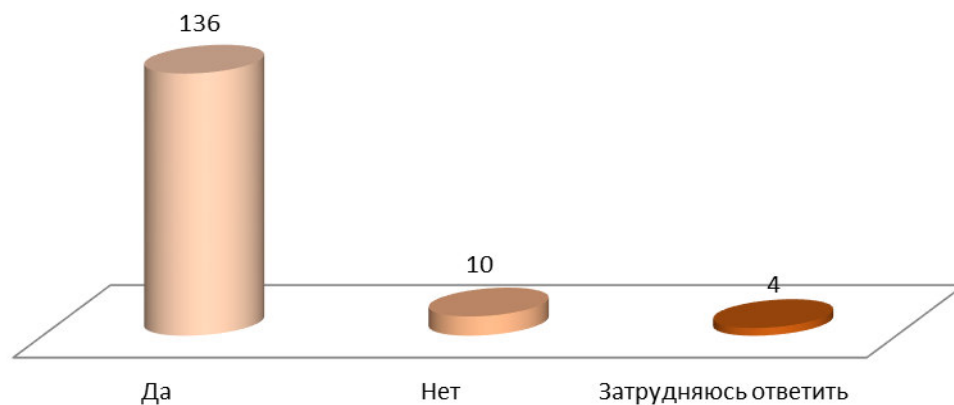

Рисунок 6 – «Как Вы считаете, защищены жители Карачаево-Черкесской Республики от проявлений экстремизма и терроризма?»

Большинство опрошенных 87,2% уверены в такой защищенности, что позволяет говорить об эффективности реализуемой в стране и регионе стратегии безопасности и борьбе с терроризмом и экстремизмом. Небольшое число - 6,6% не уверены в такой защищенности и небольшая часть затруднились ответить.

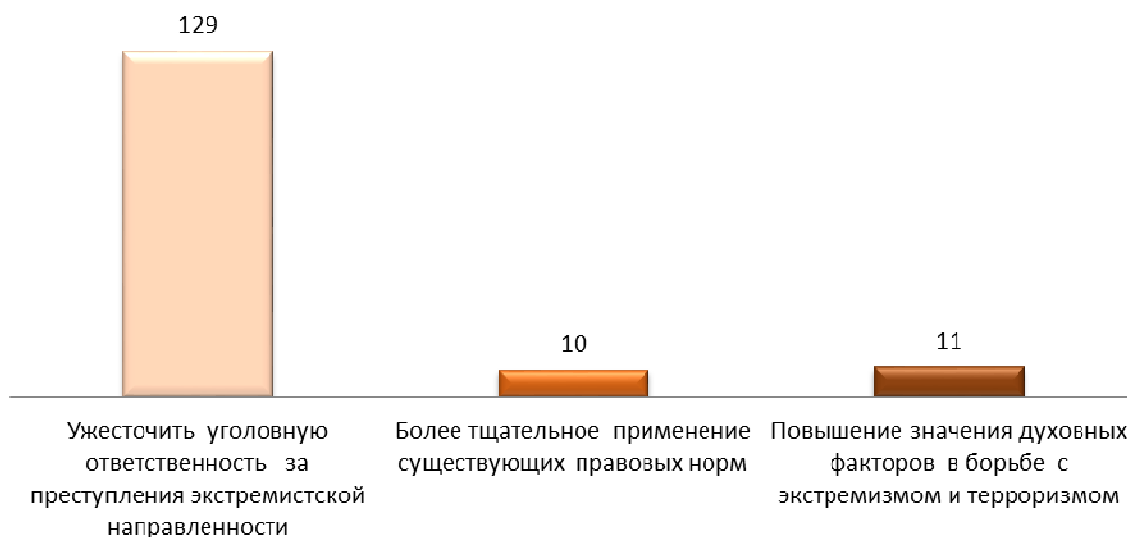

Рисунок 7 – «Для более эффективной борьбы с экстремизмом и терроризмом необходимо...»

Определяя какие методы по борьбе с экстремизмом и

терроризмом, более эффективны, молодежь назвала:

– 86% - ужесточение уголовной ответственности за преступление экстремистской направленности,

– 6,6% - более тщательно применение существующих правовых норм;

– 7,3% - повышение значение духовных факторов в борьбе с экстремизмом и терроризмом.

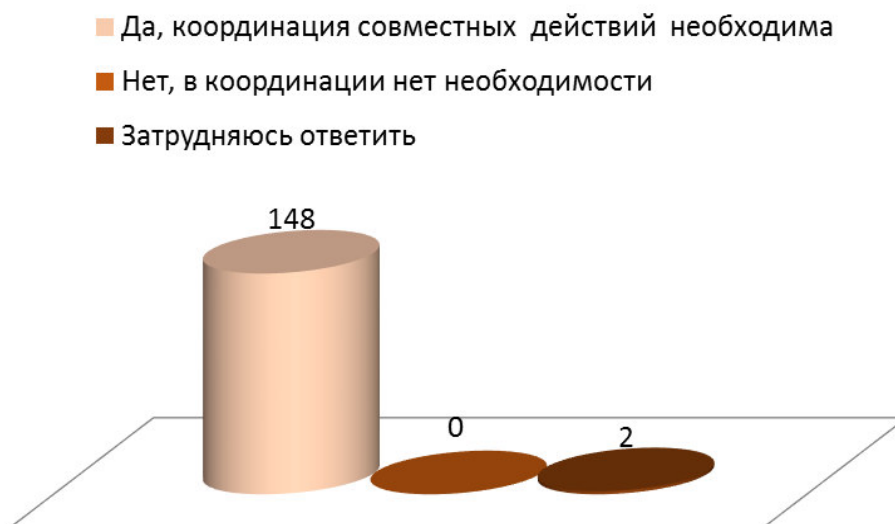

Рисунок 7 – «Как вы считаете, необходимо ли осуществлять постоянную координацию усилий, направленных на взаимодействие религиозных конфессий в вопросах противодействия экстремизму и терроризму?»

В настоящее время на северном Кавказе изменилась религиозная ситуация. Усилилась роль религиозной идентичности, по верному замечанию северокавказских исследователей, принадлежность к определенной религии становится основным социокультурным маркером. Молодежь республики, в основном, относит себя к верующей части общества. Повышение роли религии в обществе привело к усилению роли конфессионального фактора в системе ценностей. Перспективным представляется пропаганда тех основ религии, которые отражают установки на культуру ненасилия, принципы толерантности и миротворчество. Этим положениям соответствуют ответы учащейся молодежи, отмечающих значительную роль религиозных конфессий в

борьбе с экстремизмом и терроризмом.

Представленные результаты опроса учащейся молодежи показывают уровень знаний, их ценностные установки и ориентации в сфере экстремизма и терроризма. Такой опыт практического изучения необходим для построения образовательной и воспитательной работы среди учащихся, направленной на борьбу с проявлениями негативистских установок, радикальных суждений, дискриминационных практик.

Библиографический список

1. Советский энциклопедический словарь. М: Советская энциклопедия. 1981.
2. Электронный журнал «Психологическая наука и образование»
Режим доступа: <http://psyedu.ru/>
3. Федеральный Закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 №114-ФЗ в ред. от 23.11.2015 г.
4. Киреев М.П. Современный терроризм. Социально-политический облик противника. М: Academia, 2007.

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ САМОСОЗНАНИЯ РУССКОГО ЭТНОСА

TO THE QUESTION OF THE MODERN STATE OF SELF-CONSCIOUSNESS OF THE RUSSIAN ETHNOS

В.Н. Муха

Кубанский государственный технологический университет,
г. Краснодар

V.N. Mukha

Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В докладе представлен анализ идентичности русского этноса в полиэтническом регионе. Рассмотрены теоретические и методологические аспекты изучения идентичности этноса с позиций синергетического подхода. Охарактеризованы факторы, определяющие формирование этнического самосознания на индивидуальном и коллективном уровнях. На основе социологического опроса русского населения Краснодарского края дан анализ структуры самосознания российского полиэтнического региона.

Abstract. The report presents an analysis of the identity of the Russian ethnos in a multi-ethnic region. Theoretical and methodological aspects of the study of the identity of the ethnos from the position of a synergetic approach are considered. The factors determining the formation of ethnic self-consciousness at the individual and collective levels are characterized. Based on the sociological survey of the Russian population of the Krasnodar Territory, an analysis of the structure of self-awareness of the Russian polyethnic region is given.

Ключевые слова: социальная идентичность, синергетика, этническая идентичность, русский этнос, полиэтнический регион

Keywords: social identity, synergetics, ethnic identity, Russian ethnos, polyethnic region

Осмысление основных тенденций развития современного российского общества предполагает, прежде всего, исследование самосознания русского этноса как сложной самоорганизованной системы. При этом особую актуальность приобретает исследование самосознания русского этноса в условиях конкретного региона, что обусловлено с одной стороны необходимостью методологического осмысления структуры и функций самосознания этноса, процессов его формирования, функционирования и развития в современных социальных условиях. Так исследование самосознания этноса требует описания не только устойчивых, регулярно воспроизводящихся образцов и моделей, но и случаев, когда самосознание этноса «становится неустойчивым и может перейти в новое качественное состояние» [1, с. 3].

Современная социальная ситуация как раз и характеризуется неустойчивостью, изменением темпов и нелинейностью развития. С другой стороны, актуальность вопроса анализа самосознания этноса обуславливается и практическими аспектами. Так формирование и поддержание позитивного самосознания русского этноса в полиэтничных регионах России связано с дополнительными сложностями, обусловленными рядом исторических, социокультурных, политических причин. Этническая и гражданская составляющая самосознания русского этноса образуют сложный симбиоз, который вместе «разделенностью» самого русского этноса на постсоветском пространстве вносят дополнительную сложность в протекание процессов оформления самосознания этноса.

Обзор научной литературы по данному вопросу позволил выявить следующие моменты исследуемой проблематики.

Во-первых, проблема самосознания этноса неразрывно связана с развитием теории этничности и рассматривается как в рамках примордиальной концепции, так и в конструктивизме и с позиций инструментализма. При этом каждый из методологических подходов имеет свои ограничения в трактовке самосознания этноса, именно поэтому в современной науке предпринимаются разнообразные попытки преодоления данных ограничений. В частности, новые эвристические

возможности несет в себе синергетический подход, который характеризуется междисциплинарностью и дает возможность анализировать процессы неустойчивости и самоорганизации сложных систем.

Во-вторых, с позиций синергетики, этническое самосознание имеет свою структуру и сложную взаимоподчиненность функционирующих элементов. Иерархия уровней самосознания варьируется в зависимости от многочисленных внешних воздействий, подчиняясь принципу круговой причинности. Все возникающие взаимосвязи между уровнями самосознания функционируют как вертикали, так и по горизонтали. В структуре самосознания этноса выделяются три уровня – когнитивный, эмоционально-ценностный и регулятивный, которые находятся в отношениях когерентности между собой и внешней средой. Отклонения, концентрируясь в разных частях системы, начинают действовать волнообразно в одном направлении, что в условиях нестабильности системы ведет к качественно новому варианту развития. Таким образом, самоорганизация самосознания сохраняется на протяжении всего периода эволюции самосознания, представленного периодическим процессом перехода от хаоса к порядку [2]

В-третьих, на формирование этнического самосознания каждого конкретного человека влияют социальные факторы (особенность этнокультурной специфики, родной язык, этнокультурные ценности и нормы поведения, этнические символы, проявляющиеся в ритуалах, обрядах и фольклоре), а также личностные факторы (уровень развития самосознания вообще, самооценка и самоотношение, активность субъекта, мотивационная сфера и эмоциональное отношение к элементам этнокультуры, особенности семейного воспитания, субъективные отношения к этнической идентичности). Анализ факторов, определивших специфику самосознания русского этноса на коллективном уровне, в качестве которых были выделены и охарактеризованы: географическое месторасположение, обширная территория, объединяющий характер русской

культуры, языка и православия, историческое прошлое и поиски национальной идеи.

В четвертых, современное состояние самосознания русского этноса обусловлено процессами глобализации и модернизации. Социальные трансформации последних десятилетий привели к аномийности, дисфункциональности: целостное состояние самосознания русского этноса сменилось отчасти фрагментарным, то есть некоторые черты этнического самосознания русского стали растворяться, произошла диффузия ценностей. Аномийность самосознания обуславливает так же и его парадоксальность: современный носитель русского самосознания, способен доверять одновременно взаимоисключающим установкам и утверждениям. Современное состояние самосознания русских можно оценить как состояние конкуренции этнических ценностей и элементов, связанных с общенациональными ценностями.

На основании аналитического обзора были разработаны программа социологического исследования и анкета для массового опроса населения региона (грант РГНФ №15-13-23011a(p)). Социологический опрос русского населения края проводился в августе-октябре 2016 года, выборка составила 600 человек, из которых 45% мужчин и 55% женщин, проживающих в Краснодарском крае и самоопределяющие себя как русские. Важным представлялось определение места этнической идентичности респондентов с иерархии социальных идентичностей. На первом месте в структуре идентичности русского населения региона находится общегражданская идентичность «Я – гражданин России», тогда как остальные виды идентичности не актуализированы. Это обусловлено как спокойной межэтнической обстановкой в регионе, так и государственной политикой формирования гражданкой нации – «россияне». Респондентам был задан вопрос относительно того, с какими группами они себя соотносят прежде всего (Мы-группа): 64,8% опрошенных соотносят себя прежде всего с жителями России, 21,1% респондент соотносит себя с людьми своей национальности, далее следует соотношение с определенной возрастной группой

«с людьми моего поколения» 18,4%. Данные исследования показали, что русское самосознание складывается из понятий единства, родины и чувства гордости за свою этническую принадлежность. Этническими маркерами, позволяющими проводить граница «Мы – Они» выступают язык (93%), родная земля (92,3%), культура, обычаи, традиции (92%), общая история (88,8 %) вероисповедание (82,4%), менталитет, черты характера (80,6%)

Принадлежность к этнической общности эмоционально окрашена, доминирующим чувством выступает гордость. В наибольшей степени русские гордятся историческим прошлым (95,2%), вооруженными силами (90,4%), а наименьшей гордости заслуживают система социальной защиты населения (57,5%), справедливость и равноправие всех групп населения российского общества (57,4%).

На вопрос о факторах, которые повлияли на то, как респонденты ощущают себя представителем своей национальности, опрошенные примерно в равной степени выделили варианты ответа о влиянии семьи (42,5%) и влиянии местности, где респондент родился и вырос (41,4%). Это вполне объяснимо, поскольку представления о своей этнической принадлежности человек формирует с раннего детства, в кругу семьи и под влиянием того окружения и той среды, в которой проходит его социализация. 15,6% опрошенных указали на то, что на их этническое самоопределение повлияли друзья, знакомые, а 12,6% отметили события и процессы, происходящие в стране и за ее пределами.

Отдельное внимание уделялось религиозному компоненту самосознания русского этноса. Данные исследования показывают, что 84% опрошенных отнесли себя к верующим; 10% определили себя как «скорее не верующими» и 6% указали, что однозначно не являются верующими. Анализируя конфессиональную принадлежность русских, отметим, что подавляющее большинство опрошенных отнесли себя к православной вере – 86,7% респондентов; 7,5% являются приверженцами внеконфессиональной религиозной направленности. Религию, как интегрирующий фактор, объединяющий русских, согласно данным опроса, отметили

большинство опрошенных – 83% респондентов; 12% считают, что религия не объединяет их с представителями своей национальности; а 5% – затруднились ответить. Таким образом, приверженность православию выступает важным аспектом этнокультурной идентичности русских.

Самосознание народа включает и отношение к другим этносам и представление о положении своего этноса относительно других. 45,5% опрошенных выбрали позицию «Россия – общий дом многих народов, все народы должны обладать равными правами», что свидетельствует об относительно благополучной тенденции развития отношений между русскими как представителями государствующего этноса и другими этносами, проживающими на территории РФ.

В целом, результаты анкетирования показали, что в структуре идентичности русского населения доминирует общегражданская идентичность; главными интегрирующими маркерами выступает язык, культура, «родная земля»; основаниями национальной гордости выступают – историческое прошлое, достижения в области культуры, а также вооруженные силы. Высокий уровень этнической солидарности русских совмещается с толерантными межэтническими установками, хотя и потенциальные риски интолерантности существуют.

Проведенный теоретический и эмпирический анализ самосознания русского этноса позволил определить, что основные перспективы формирования и развития самосознания русского этноса в условиях полиэтнического региона будут определяться социальным самочувствием русского населения и органичным совмещением этнической и общегосударственной идентичности русских.

Библиографические ссылки

1. Ладыгина О.В. Самоорганизация национального самосознания: теория и практика: автореф. диссертации ... доктора философских наук : 09.00.11. Душанбе, 2011. С. 3.

2. Сергиенко Н.Л., Муха В.Н., Семенова В.В., Харченко В.Д. Взгляд на проблемы этнического самосознания сквозь призму синергетического подхода // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 12. С. 125–133.

**НАСЕЛЕНЧЕСКИЕ ОБЩНОСТИ И ГРУППЫ
СОЦИАЛЬНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА:
ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ И СТАТУСЫ**

**COMMUNITY AND GROUPS OF POPULATION
OF SOCIO-TERRITORIAL SPACE:
ETHNO-SOCIAL DIFFERENCES AND STATUSES**

В.Н. Петров

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

V.N. Petrov

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, относящиеся к социальному составу населения отдельных территорий или локальных мест его проживания. Вводится понятие «населенческие общности и группы», по смысловому содержанию семантически отнесенное к таким реальным и мнимым общностям как: аборигены, автохтонное, коренное и пришлое, постоянное и временное, старожильческое и новосельческое (новоселы), титульное население, местное население, мигранты. Показаны особенности формирования состава населения в исторически существовавшей общности «Кубанская область». Дана развернутая характеристика социальным феноменам «местное население» и «мигранты». Подробно рассматривается статусно-ролевые признаки населенческой общности (группы) «мигранты». Предлагается видовая классификация этнических мигрантов в современной России.

Abstract. This article investigates the questions relating to social composition of the population of certain territories or local places of its accommodation. Community and groups of population are social groups which are semantic defined as: natives, autochthonic, radical and alien, constant and temporary, local population, titular population, migrants. The developed characteristic is given to social phenomena «local population» and «migrants». It is in detail considered status and role signs of the

categories of population – «migrants». Specific classification of ethnic migrants in modern Russia is offered.

Ключевые слова: население, населенческие общности и группы, титульное население, социально-территориальное пространство, мигранты, этнические мигранты, видовая классификация.

Keywords: population, community and the group of population, titular population, social and territorial space, migrants, ethnic migrants, specific.

Введение

Взаимодействие личностей и социальных групп, конструирование и воспроизводство отношений между ними происходит в определенном социально-территориальном пространстве, структурированном по различным функциональным целям и направлениям.

Одной из особенностей существования этого пространства является выделение и позиционирование в нем отдельных социальных общностей и групп стратифицированных в общественных представлениях по содержанию и объему прав относительно данной территории.

Еще одна специфическая особенность социально-территориального пространства – наличие в нем этноструктуры. Она понимается как системная совокупность этносов и этнических групп, взаимодействующих в рамках определенного институционального порядка, интегрированных разнообразными социальными отношениями в некое единство. Характер стратификации, образуемый по критерию символического значения принадлежности к определенным «населенческим общностям и группам», соотносимых с этнопринадлежностью находит свое воплощение в формальных и неформальных статусах населенческих групп, в том числе и этностатусах.

Происхождение и социальное время существования данных социальных общностей и групп находит отражение в истории связи с территорией (ареалом) их обитания и социального развития [15, с. 112-119].

Системная целостность социально-территориальных образований не только не исключает, а, напротив, предполагает наличие более или менее существенных противоречий в потребностях и интересах населяющих эти образования общностей (групп). Так, именно стратифицированный характер этносоциальных отношений, как, впрочем, и в других сферах, порождает предпосылки соперничества и конкуренции между субъектами взаимодействия (этническими группами и их представителями) за позиции доминирования, предоставляющие возможности обладания и контроля при распоряжении ключевыми жизненными ресурсами на данной территории и в данном социальном пространстве. По большому счету происходит деление населения на «хозяев» и «гостей». В свою очередь эти процессы, зачастую переходящие в формы конфликта и борьбы, создают ту или иную степень проблемности в межэтнических отношениях.

В коммуникациях, обеспечивающих этносоциальные взаимодействия и отношения, определяющая роль принадлежит семантическим средствам, посредством которых находит выражение символическое значение тех или иных статусов и стратификационных различий между ними. Отсюда становится понятным, какое большое значение приобретает разработка представлений о социальных категориях населения применительно к межэтническим отношениям. В процессах их конструирования важно понимание смысла и содержания тех понятий, которыми обозначаются явления этносоциальной действительности. Точное и корректное обращение с понятиями в обыденном словоупотреблении населением, в административно-правовых практиках, при использовании в СМИ становится важнейшим условием создания обстановки доверительности, уважения прав и свобод, нондискриминационного языка, атмосферы политкорректности в межэтнических отношениях.

Основные населенческие общности и группы социально-территориального пространства. Разработка теоретических представлений в этой области связана с необходимостью выяснения удовлетворительности объема и содержания, соотношения между собой целого ряда понятий, создающих

представления о категориях населения, находящегося на определенной территории: аборигены, автохтонное, коренное и пришлое, постоянное и временное, старожильческое и новосельческое (новоселы), титульное население, местное население, мигранты.

Рассмотрим эти понятия в их соотношении с действительностью социальной реальности.

В инструментальном использовании общности *аборигены* – подчеркивается, что под таковыми понимаются народы, истари обитавшие в той или иной местности. Разновидности такого населения:

- самые древние обитатели данной территории (по смыслу совпадает с представлением об автохтонном населении);

- народы, переместившиеся в глубокой древности в данный район из других местностей, в которых они первоначально обитали;

- народы, обитавшие в той или иной местности, но исчезнувшие в силу разных причин [5, с. 131-132].

Далее, понятие *автохтонное население*. Оно является устоявшимся и широко используемым в этнологии и этносоциологии [7, с. 56]. К автохтонному населению относят тех, о ком неизвестно, как они появились, или же, когда и откуда пришли на данную территорию. В этом случае смысл понятия «территория автохтонного» проживания применительно к тому или иному этносу синонимичен понятию «территория происхождения» этого этноса. В других случаях понятием автохтонное обозначают население, проживающее на данной территории до прихода других, до колонизации. Такая трактовка значения «автохтонное» в значительной степени совпадает с тем смыслом, который вкладывают, когда население определяют как «аборигены» или «коренное».

Коренное и пришлое население. Понятие «коренное население» обычно рассматривается в категориальной оппозиции с «пришлым населением». В общераспространенном представлении к коренному относится всякое население, проживающее на определенной территории

до прихода сюда переселенцев. В научной литературе критерии деления населения на коренное и пришлое не совсем ясны. Так, например, Л.Л. Рыбаковский считает, что такое деление происходит на основе выяснения генезиса того или иного населения относительно данной территории [14, с. 50-55]. Однако генетические основания не являются однозначными. Границу между пришлым и коренным можно провести не только в зависимости от места рождения или местности первоначального обитания, но и от времени вселения или числа поколений, проживающих в новых районах. Сами исходные генетические основания трактуются в очень широком спектре. К коренным относят автохтонных жителей, аборигенов, население, живущее в данной местности в нескольких поколениях, родившихся (уроженцев) в данной местности [1, с. 38].

В одних случаях объем понятия «коренное население» очень сильно сужается. В СССР и в современной российской государственной практике к коренным относится группа этносов, выделенная по признаку их малочисленности и особых условий жизнедеятельности с целью организации мер государственной поддержки, направленных на сохранение численности и культуры этих народов. К коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (Севера) отнесены народы численностью менее 50 тысяч человек, проживающие в северных районах России, в Сибири и на российском Дальнем Востоке на территориях традиционного расселения своих предков, сохраняющие традиционные образ жизни, хозяйствование и промыслы и осознающие себя самостоятельными этническими общностями.

Распоряжением Правительства Российской Федерации утвержден перечень коренных, малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, других регионов Российской Федерации из следующих наименований: абазины, алеуты, алыторцы, бесермяне, вепсы, водь, долганы, ижорцы, ительмены, камчадалы, кереки, кеты, коряки, кумандинцы, манси, нагайбаки, нанайцы, нганасаны, негидальцы, ненцы, нивхи, ороки (ульта), орочи, саамы, селькупы, сету, сойоты,

тазы, теленгиты, телеуты, тофалары (тофа), тубалары, тувинцы-тоджинцы, удэгейцы, ульчи, хамниганы, ханты, челканцы, чуванцы, чукчи, чулымцы, шапсуги, шорцы, эвенки, эвены, энцы, эскимосы, юкагиры [6].

Есть точка зрения, согласно которой к коренному населению относятся все лица, родившиеся в данном населенном пункте, регионе, стране, а родившиеся за их пределами – это пришлое население. Возникает некоторый парадокс. Здесь родившихся младенцев относят уже к коренному населению, а лиц проживающих в этой местности многие десятки лет к пришлому. Думается, что теоретическим объяснением этого парадокса должны стать выверенные и обоснованные научные представления о процессе и результатах «коренизации» того или иного населения на данной территории.

Другая точка зрения относит к коренному населению аборигенов. Все остальное население, вселившиеся в данную местность в исторически обозримое время, относят к пришлому. В этом смысле, население не только Сибири и Дальнего Востока в преобладающем большинстве – пришлое, но и население Центральной России, имеющее славянскую этноопределенность, также некоренное, поскольку его далекие предки переселились из районов Киевской Руси и расселились среди обитавших здесь финно-угорских народов.

В субъективных конструкциях, которые чаще всего наполняются идеологическими смыслами, отдельная социальная группа или этнос могут вести свой отсчет, с целью манифестации себя как коренного. На Кубани адыги – коренное население по отношению к пришлым казакам, казаки – коренное по отношению к пришлым иногородним, современное население – коренное по отношению к современным мигрантам. Более того, современные казаки, по соображениям своей былой статусности на данной территории, считают себя «кореннее» ранее уже проживавших здесь греков, армян, черкесогаев и вселявшихся сюда на протяжении XIX в. не только русских и украинцев, но и представителей других этнических групп (немцы, эстонцы).

Кстати, о своеобразии формирования населения отдельных регионов. На территории современного Краснодарского края в XIX в. – нач. XX в. проживали представители казачьего войскового сословия в Кубанской области и гражданское население в Черноморской губернии. В качестве отдельных населенческих общностей (групп) здесь позиционировались «горцы» и несколько разновидностей иногородних, то есть лиц неказачьего происхождения.

Термином «иногородние» или «лица невойскового сословия» в районах проживания казаков обозначались переселенцы, проживающие на территории станичных обществ постоянно или временно, но не приписанные к казачьему сословию. Невойсковое население делилось на 3 группы: 1) иногородние, имеющие оседлость; 2) иногородние, не имеющие оседлости; 3) коренные жители невойскового сословия.

На начальном этапе административного оформления Кубанской области здесь преобладало казачье население. Отмена крепостного права, окончание Кавказской войны, а также издание целого ряда законов способствовали интенсивному заселению края пришлым населением. После издания Положения от 29 апреля 1868 г., разрешавшего лицам невойскового сословия селиться и приобретать недвижимую собственность на казачьих землях, не спрашивая согласия ни войскового начальства, ни станичного общества, движение крестьян в Кубанскую область приняло лавинообразный характер. За 30 лет (1867–1897 гг.) сюда прибыло 946,4 тыс. переселенцев [13, с. 85]. С 1861 по 1904 г. неказачье население Кубанской области увеличилось более чем в 200 раз – с 5 243 до 1 242 750 чел. [3, с. 33]. На момент отмены сословного положения казаков в 1918 г. их доля в общей численности населения Кубанской области составляла уже менее половины. Тем не менее, именно они позиционировали себя как полноправные хозяева на данной территории, все остальные находились в явно дискриминируемом положении.

Постоянное и временное население. Еще одна из группировок населения выделяет в нем такие категории, как постоянно проживающее на данной территории и временное

население [5, с. 221-222]. Постоянное население – термин, применяемый в двух смыслах.

Во-первых, – это основная категория учета населения при переписи. Постоянное население представляет собой совокупность людей, постоянно проживающих на данной территории, а также временно отсутствующих граждан, если время их отсутствия не превышает шести месяцев.

Во-вторых, – этот термин применяют для дифференцирования населения районов нового освоения. В этих районах в формировании населения значительный удельный вес принадлежит миграции. Население долгие годы остается нестабильным и интенсивно мигрирует. Тем не менее, его определенная часть оседает и переходит в состав постоянных жителей. К постоянному населению заселяемых районов относятся:

– коренное население данной территории, веками обитавшее здесь, исторически адаптировавшееся к местным условиям и связавшее свой хозяйственный уклад с пригодными условиями данной местности;

– взрослое население из числа местных уроженцев всех поколений и их дети, т.е. группа населения наиболее тесно связанная с изучаемыми районами, имеющая здесь разветвленные родственные и имущественные связи, адаптировавшиеся к местным условиям и потерявшая связи с районами своего или своих родителей первоначального выхода;

– приезжее население из других районов и их дети, если они прожили в районе не менее 10 лет (старожилы), в результате чего их миграционная подвижность стала такой же, как у местных уроженцев, и несколько ниже, чем в старообжитых районах страны.

Из постоянного населения исключаются люди, временно проживающие на данной территории, в населенном пункте. К ним относятся лица, прибывшие в командировку, на отдых, в гости и т.п., срок их пребывания не превышает 6 месяцев и они не имеют целью постоянное проживание в перспективе.

Временное население. Временно проживающие – вспомогательная категория, выделяемая при переписях

населения; совокупность людей, на момент переписи находившихся в данном населенном пункте или на данной территории, но постоянно проживающие в другом месте (приехавшие в командировку, на временную или сезонную работу, на каникулы, в гости и т.п.). Временно проживающие входят в категорию наличного населения. Временно проживающими считаются лица, отсутствующие в месте постоянного жительства не более шести месяцев.

Есть и другие варианты *«временного населения»*. По законодательству РФ различаются две категории временно находящихся на территории России иностранных граждан. *«Временно пребывающие»*, срок нахождения которых на территории РФ составляет максимум 90 дней с момента въезда. Другая категория - *«временно проживающие»*. Разрешение на временное проживание предоставляется иностранному гражданину на срок 3 года [12].

В современной российской административной миграционной практике наделение статусом временно пребывающего и временно проживающего часто реализуется в чрезвычайных условиях. Покажем это на примере с вынужденными мигрантами в Краснодарский край из зоны гражданской войны и гуманитарного бедствия на Юго-Востоке Украины.

По сведениям Администрации Краснодарского края, на 12 ноября 2014 г. в крае размещено 40268 граждан Украины, в т.ч. 11773 ребенка (до 18 лет). Кубань занимает в РФ второе место по количеству принятых граждан Украины после Ростовской области. Свыше 90% из них разместились у родственников и знакомых. В сравнении с 30 сентября, численность беженцев с Украины в Краснодарском крае сократилась на 4 тыс. (10%) за счет возвращения в Донецкую и Луганскую народные республики.

С 01.01.2016 г. по 27.06.2016 г. в УФМС России по Краснодарскому краю обратилось:

- 2789 граждан для оформления разрешения на временное проживание;
- 2220 граждан для оформления вида на жительство;

– 1302 гражданин обратился за предоставлением временного убежища и статуса беженца (доминируют обращения за предоставлением временного убежища);

– 688 граждан обратились с заявлением о предоставлении гражданства России [6].

Старожилы и новоселы. Местные уроженцы и бывшие мигранты, прожившие в данной местности более 10 лет обозначаются понятием старожилы и составляют ядро постоянного населения. Остальное взрослое население, прожившее в районе вселения меньше 10 лет, вместе с детьми называется новоселами. Оно не входит в состав постоянных жителей и может называться подвижным. В нем два слоя: слой переходный – лица, прожившие более 5 лет, и слой текучий – те, кто прожил менее этого срока. Многочисленные данные свидетельствуют о том, что своеобразным «критическим» (своеобразным испытательным) сроком потенциального превращения новосела в старожила становится время проживания мигранта в месте вселения до двух и затем до 5 лет. Если в течение этого времени у мигранта не возникает потребности и мотивации к переезду, то создаются все предпосылки к его закреплению на данной территории и переходу в категорию «старожилы».

Широкое распространение, идущее от так называемого «парада суверенитетов» народов Российской Федерации, получило определение «*титульное население*», призванного выполнить задачу политического маркирования того или иного этноса в его самоопределении как субъекта федеративного устройства. Наряду с реальным значением, которое оно имеет для социальной действительности в современной России, очевидно насыщение его идеологическим и политизированным смыслом. [16]. Необходимо отметить, что политизация, в данном и других случаях, имеет место связи с проблемой прав и соответствующих возможностей одного или нескольких этносов, которые по определению автохтонности или укорененности, по определению титульности в современной России, то есть, по некоей исторически сложившейся, политически и юридически сформулированной определенности обладают большими, чем другие, символическими и реальными

правами на данную территорию и ее ресурсы, имеют преимущества в доступе к политической деятельности и управлению, в социально-культурном доминировании [17].

Местное население. Представляется, что в процедурах операционализации при исследовании того или иного социально-территориального пространства корректными, и к тому же идеологически и политически нейтральными, являются определения «региональное, местное, локальное население», которые следует соотносить с понятием «общество». С позиции системного подхода в социологии, общество (синоним: «социальная среда») – это совокупность форм и способов социальной связи, интегрированное, иерархически упорядоченное и организованное целое, включающее социальные группы и общности, социальные институты, социальные отношения, возможность и реальность которых обеспечивается процессами социального взаимодействия. Общество в его конкретно-социальном виде и конкретно-историческом состоянии представляет фрагмент социальной реальности и представляет органичное соединение объективных условий и факторов и субъектной деятельности принадлежащих ему людей [11].

Население общества (синонимы: «местное население», «местные жители», «местные») – совокупность людей, связанных общей территорией постоянного проживания (местом жительства), под которой подразумеваются локальные и региональные социально-территориальные образования: деревня, село, поселок, город, район, область, край, национальная республика в составе РФ, макросоциальное – страна в целом.

Население как компонент общества, в свою очередь, сложноструктурированное системное явление, в составе которого представлены разные пространственно (поселенчески) и социально-пространственно (статусно) расположенные по отношению друг к другу общности и группы. Для населения характерна та или иная степень полиэтничности, то есть, наличия в его составе этносов и этнических общин со своей историей и текущей ситуацией межэтнического взаимодействия. В целом населению общества

свойственно то или иное соотношение величин (пропорции) константности (устойчивости) и изменчивости.

Различия, стратифицированность положения различных групп в социальном пространстве региона создают предпосылки для институционального регулирования отношений между ними. Основным вектором конструирования неформальных и формальных правил и ограничений для регулирования взаимодействий в этом пространстве становится создание таких механизмов, которые бы обеспечивали сбалансированность потребностей и интересов в процессах объединения и дистанционирования, сотрудничества и конкуренции, доминирования и подчинения, включения и исключения. При этом по мере удаления групп друг от друга, чаще всего это находит свое выражение в неформальных определениях. При этом формируется оппозиционность, которая достаточно явно присутствует в отношении к такой статусной категории как мигранты.

Мигранты. Свою статусную нишу в рассматриваемых общностях и группах, населяющих определенное социально-территориальное пространство занимают мигранты. Чрезвычайно важная черта общества состоит в том, что это пространство одновременно и принимающее, и отдающее. Это значит, что в принимающем обществе есть доля тех, кто находится в определенной степени миграционной готовности или уже совершает выезд, то есть, в нем наряду с въезжающими мигрантами есть выезжающие мигранты.

Прибывшие и прибывающие мигранты – социальный компонент, встраивающийся (интегрирующийся) в особую систему «население общества», более или менее органично расположенный в ней, занимающий в ней определенное место, играющий в ней определенную роль, выполняющий определенные функции и имеющий для нее определенные последствия. Таково же положение и с теми, кто намерен, приготовился и уже уезжает из данного общества, только со знаком дезинтеграции из системы и для системы.

Статус мигранта – это совокупность прав и обязанностей, предписываемых той институциональной организацией, к которой в данной ситуации обращены личность мигранта или

социальная группа мигрантов. Статус мигранта включает его правовую определенность, а также социальные права и возможности, формализованную и неформальную ответственность в связи с нахождением на определенной территории и в определенном социальном пространстве принимающего общества с его культурной спецификой. При этом на общесоциальные характеристики статусного положения мигранта накладываются этносоциальные, создавая, таким образом, представление об этническом статусе мигранта [10, с. 48-57].

Миграционные потоки и их представители очень многообразны и сложнодифференцированы по типам, видам и группам, выделяемым по многочисленным критериям. Статусные и этностатусные позиции внутри самой населенческой общности (группы) "мигранты" также стратифицированы, в зависимости от их функциональной значимости.

Социальный статус мигранта относится к категории достигаемых, если выбор и обретение его происходит добровольно в силу самостоятельных решений и свободных действий личности. Социальный статус мигранта может быть предписанным, если миграция совершается под давлением неотвратимых обстоятельств, в силу тех или иных внешних по отношению к личности действий, создающих ситуацию вынужденности в перемещении (депортация, эвакуация, угон военнопленных, бегство из зон военных действий, природных и экологических катастроф).

Предписанность статуса и соответствующих ролевых ожиданий к поведению мигранта находит свое выражение в стигматизации личности по признаку миграции. Формально статус мигранта исчерпывается с получением гражданства страны приема и постоянным проживанием в ней в течение определенного времени. В неформальном же восприятии и взаимодействиях с местным населением стигматизированное представление о гражданине, как мигранте, сохраняется. Особенно это применительно к этническим мигрантам и там, где формируются диаспоры и анклавные этнические мигранты.

Определение их как мигрантов может более или менее устойчиво сохраняться и в последующих поколениях.

Стигматизация проявляется также в существовании и оправдании мер по созданию системы миграционного контроля. С точки зрения административного управления, и особенно в связи с проблемой терроризма, необходимостью предотвращения и пресечения преступной деятельности, свобода передвижения и выбора места жительства может и должна дополняться контролем за местом нахождения мигранта и его деятельностью.

Для статусного положения мигрантов важное значение имеют особенности в направлениях их движения и мест размещения, которые заключаются в том, что они стремятся в крупные города и центры с развитой инфраструктурой, т.е. туда, где с большей степенью вероятности можно найти работу и приемлемые условия существования для себя и своей семьи или же сносный заработок, с тем, чтобы часть этого заработка переправлять или привозить семье по исходному месту жительства.

Возникающая здесь конкуренция за рабочие места дополняется более или менее выраженными признаками этнической монополизации тех или иных мест поселения и видов деятельности. Возникает и территориально-пространственная определенность положения мигрантов в принимающем обществе. Это не только специфическое, сублокальное место жизни и социокультурная территория локализованного поселения (гетто, чайнатаун), но и пространственная организация деятельности определенного этноса (мест торговли, занятости в определенных организациях, мест отдыха, времяпровождения и других форм социальной жизни) [11].

На статусное положение мигранта оказывают существенное воздействие различия между добровольными («свободными») мигрантами и беженцами и вынужденными переселенцами. Свободный мигрант наделен ментальностью, «комплексом» мигранта. Он человек, готовый к встрече с новым и движимый «охотой к перемене мест», авантюрист и космополит. Для него перемены и движение важнее

определенного и устойчивого, более ценным является не столько прошлое, сколько проект и ожидание будущего. Он реалист и прагматик, для которого большее значение имеет состояние здесь и сейчас. Вынужденный же мигрант, вместе с возможностью наличия этих свойств, подвержен переживанию «комплекса изгнания», который выражается в полной или частичной утрате прав, обусловленных проживанием в определенном месте, определенном жилище, на определенной территории.

У вынужденных мигрантов особенно остро обнаруживается влияние отрыва от территориальных корней. Доказано, что привязанность к определенному месту жительства оказывает влияние на соматическое и психическое здоровье, этику поведения, чувство хозяина, восприятие природы, а также внутреннее пространство, чувство дома. Эти влияния находят выход на проблемы этноса, продолжение рода, семьи.

Права (естественные, антропологические) в немалой степени реализуются благодаря наличию такого биотического условия, как возможность проживания в определенном месте, определенном жилище, на определенной территории. Именно такой возможности лишены переселенцы, насильственно, под влиянием неблагоприятных обстоятельств, покинувшие обжитую, освоенную ранее и предоставляющую возможность удовлетворения прав и потребностей территорию и вынужденные внедряться, осваивать, адаптироваться и интегрироваться в социальное сообщество на новой территории, на которой они еще не обладают и не скоро будут обладать утраченными возможностями. Правовая сторона получения таких возможностей может быть благоприятной или нет, но в любом случае остается более или менее острая проблема социальной и социально-психологической интеграции.

Появление мигрантов создает новую ситуацию в местах проживания принимающего общества – ситуацию предъявления (обозначения) ими прав на права, в том числе, и территорию, их утверждения и защиты, и она не может не быть напряженной, а то и конфликтной, ибо местные не могут не

отстаивать достигнутые ими права, считая свои усилия по их достижению, созданию условий для их реализации безусловной ценностью, опасаясь сокращениями и лишения этих прав, считая пришлых не только посягателями на эти права, но и недостойными их, поскольку они не имеют своего вклада в создание этих прав и условий для их реализации.

Один из актуальных в рассматриваемой теме вопрос – внутренняя дифференциация в более общей группе мигранты. В научном и научно-практическом обиходе используются термины эмигрант, иммигрант, реэмигрант, репатриант, беженец, вынужденный переселенец, депортированный мигрант [9].

Обратим внимание, что в *реэмиграции* подчеркивается ее самостоятельный и добровольный характер, в то время как под *репатриацией* понимается возвращение в страну гражданства или происхождения, которое обычно осуществляется на основе международных договоров и может быть недобровольным. В международной практике репатриация относится к долгосрочным программам государственной политики принимающей страны при решении проблем беженцев, в частности, их возвращения домой. В «Многоязычном демографическом словаре» отмечается, что «возвращение на родину именуется также репатриацией, но этот термин обычно применяется только в тех случаях, когда переезд лиц, задержанных или задерживающихся в чужой стране, организуется государственной властью» [8, с. 72]. В данном случае речь идет о возвращении конкретных мигрантов, покинувших в силу вынужденных обстоятельств, в страну (территорию) своего постоянного проживания и вынужденно временно находящихся в другой стране (на другой территории). Страной, организующей репатриацию, может быть и страна приема, и страна возвращения.

Термин «*возвратная миграция*» имеет более широкое смысловое значение в контексте этнических миграционных процессов. Согласно международной классификации, «возвращающиеся этнические группы – это люди, которые допущены в страну, не являющуюся их собственной, благодаря их историческим, этническим или другим связям с этой

страной, и которым немедленно предоставляется право постоянного проживания в этой стране, или которые, имея право на получение гражданства в этой стране, становятся ее гражданами в течение короткого периода после их приема» [2, с. 35].

В Российской Федерации предприняты определенные действия программного характера по отношению к тем мигрантам из стран СНГ, которые были признаны в соответствии с законами беженцами и вынужденными переселенцами [4, с. 8-9]. Применительно к этой группе, этническую миграцию из стран СНГ и Балтии в Россию можно признать репатриацией.

Что касается другой части миграционного движения этносов на постсоветском пространстве, то, обратим внимание, оно, хотя и происходило в большей или меньшей степени под давлением резко обострившихся причин социально–экономического и социально–культурного характера, все же стало результатом собственного выбора, то есть, носило добровольный характер. По отношению к этой части мигрантов их миграционное движение можно признать реэмиграцией или возвращением.

В предлагаемой классификации этнических миграций и соответственно этнических мигрантов в современной России мы опираемся на критерии общего и специфического характера [10, с. 48-57]. В этой классификации учитываются также особенности этнического представительства, причины, воздействующие на поведение мигрантов, направленность и формы миграционного движения.

Общие критерии: пересечение государственной границы (внутренние и международные миграции), стационарность (временные, постоянные мигранты), форма движения (добровольные, вынужденные миграции), допуск на территорию и совпадение с целями пребывания по определению принимающей стороны (трудовые и экономические, легальные, нелегальные мигранты).
Специфические критерии: характер и содержание влияния этнического фактора; принадлежность к автохтонной (титульной) нации. Одним из важнейших критериальных признаков этнических миграций являются то, что они

совершаются относительно этнической родины (этнической территории).

Еще одним критерием берется признак группировки мигрантов по принадлежности к автохтонному (титульному) этносам. Объединение данных понятий понимается как отнесенность к этой категории явлений этнической идентичности, принадлежащих, по своей этнической истории, региону (ареалу) исторического выхода, определенному классу территории ("дальнее" зарубежье, "ближнее" зарубежье, Российская Федерация) и/или по актуализации политической составляющей в их современном статусе и государственной территории проживания.

Применение этих критериев к реальной действительности миграционных в современной России позволяет выделить 18 потоков различного содержания и направленности, а значит столько же разновидностей мигрантов.

1. Реэмиграция (внешняя и внутренняя) русских и другого славянского населения.

2. Репатриация (внешняя и внутренняя) представителей русского и других этносов.

3. Репатриация и реэмиграция автохтонных (титульных) этносов Российской Федерации из стран дальнего зарубежья, стран СНГ и Балтии не в свои национальные (титульные) государственные образования.

4. Этнические международные миграции, посредством которых происходит реэмиграция и возвращение автохтонных (титульных) этносов в свои национальные образования.

5. Этнические внутрироссийские миграции, посредством которых происходит выезд из субъектов РФ и въезд автохтонных (титульных) этносов в свои национальные образования.

6. Выезд из национальных республик и возвращение (внутренняя репатриация) автохтонных (титульных) этносов, вынужденно покинувших территорию этих республик в связи с военными действиями и межэтническими столкновениями.

7. Внутренняя миграция автохтонных (титульных) этносов из национальных субъектов РФ на постоянное место жительства в другие регионы.

8. Иммиграция в Россию на постоянное место жительства представителей автохтонных (титульных) этносов из республик СНГ и стран Балтии.

9. Репатриация и реэмиграция по программе добровольного переселения российских соотечественников из ближнего и дальнего зарубежья.

10. Репатриация в места исторического проживания этносов и этнических групп, подвергшихся депортациям в период 1938 – 1940-х гг.

11. Выезд из мест депортации и въезд не на территорию депортационного выезда этносов и этнических групп, подвергшихся депортациям в период 1938 – 1940-х гг. (например, турок–месхетинцев, курдов, хемшилов).

12. Международная иммиграция в Россию представителей автохтонных (титульных) этносов из стран дальнего зарубежья на постоянное место жительства. Например, сербов, китайцев, вьетнамцев, арабов, пуштун и др.

13. Этнические (по представительству) трудовые миграции (международные и внутренние).

14. Стационарная эмиграция представителей русского и других автохтонных (титульных) этносов из России в страны дальнего зарубежья.

15. Репатриация и реэмиграция евреев, немцев, греков на историческую родину в места автохтонного проживания этносов в странах дальнего зарубежья.

16. В отдельную группу этнических миграций попадает уже состоявшийся массовый выезд турок–месхетинцев из Краснодарского края в США.

17. Этническая (по представительству) международная образовательная миграция.

18. Вынужденные мигранты и беженцы, потоки которых возникают в связи с угрозой этнического геноцида и стремлением народов к самоопределению. К таковым относятся бегство из зон гуманитарного бедствия в ходе войны Грузии против Южной Осетии, гражданской войны на Юго-Востоке Украины.

Заключение.

На характер и содержание межэтнических отношений в том или ином социально-территориальном пространстве воздействуют исторически сложившиеся в данном обществе представления о месте и роли в нем социальных общностей и групп, статус которых определяется принадлежностью к территории. Быть коренным, местным, урожденным значит обладать символическим капиталом, полученным от принадлежности к тем, кто определяет себя в качестве хозяев на данной территории, а значит, обладает реальными и символическими правами на распоряжение и использование находящихся здесь ресурсов. Напротив, мигранты, в силу обстоятельств своего перемещения, представляются людьми потерявшими права, обусловленные принадлежностью к социальной территории своего прежнего проживания и не получившие этих прав или полноты этих прав на новой территории.

Эти представления создают ту или иную степень проблематизации в межэтнических взаимодействиях и отношениях. В стремлениях к оптимизации социального взаимодействия в социально-территориальном пространстве региона, локального поселения следует исходить из понимания сложной структурированности населения социально-территориальных общностей, разностатусности отдельных населенческих общностей и групп, обеспечения баланса между необходимой и достаточной защитой социальных интересов местного населения, интересами и правами мигрантов.

Библиографический список

1. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология: Учебное пособие для вузов. М., 1998.
2. Билсбороу Р.Е., Хьюго Грэм, Обераи А.С., Злотник Хания. Статистика международной миграции: рекомендации по совершенствованию систем сбора данных. М., 1999.
3. Ведута В.Н. История Кубани: Краткий очерк. Краснодар, 1997.
4. Воробьева О.Д. Вынужденная миграция в России // Современные проблемы миграции в России. М., 2003.
5. Демографический понятийный словарь / под ред. проф. Л.Л. Рыбаковского. М., 2003.
6. Информация об оказании гуманитарной помощи гражданам

Украины, прибывшим в Краснодарский край // Администрация Краснодарского края. Официальный сайт. URL: <http://admkrain.krasnodar.ru/content/21/21/show/68788/> (Дата обращения 27.06.2016)

7. Итс Р.Ф. Введение в этнографию. Л., 1991.

8. Многоязычный демографический словарь. Русское издание. Нью-Йорк, ООН. 1964.

9. Петров В.Н. Миграция населения и этнические мигранты в современной России. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2004.

10. Петров В.Н. Этнические миграции в современной России: детерминанты и типология // Социологические исследования, 2009. № 10. С. 48-57.

11. Петров В.Н., Донцова М.В., Нос Н.М. Этнические мигранты в принимающем обществе. Ч.1. Методология и теория исследования толерантности и мигрантофобии / Под ред. В.Н. Петрова. Краснодар: Изд-во «Просвещение-Юг», 2005.

12. Получение гражданства РФ. URL: <http://www.assessor.ru/grazhdanstvo-rf/> (Дата обращения 22.01.2017)

13. Ратушняк В.Н. Массовое заселение Кубани и изменение состава ее населения в 60-е – 90-е гг. XIX в. // Вопросы истории Кубани XIX – начала XX в. Краснодар, 2001.

14. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения (вопросы теории). М., 2003.

15. Сорокин П.А., Мертон Р.К. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 112–119.

16. Тощенко Ж.Т. Этнократия: история и современность (социологические очерки). М.: РОССПЭН, 2003.

17. Трансформация миграционных процессов на постсоветском пространстве / РАН. И-т соц.-полит. исслед.: Под ред. проф. Л.Л. Рыбаковского. М.: Academia, 2009.

18. Федеральный закон от 20.07.2000 N 104-ФЗ (ред. от 02.02.2006) «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». URL: <https://ru.wikipedia.org>. (Дата обращения 4.04.2017).

**ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИЕ
ПРОГРАММЫ 1920–1950-х гг.: ОРГАНИЗАЦИЯ
И РЕАЛИЗАЦИЯ НА ЮГЕ РОССИИ**

**STATE RESETTLEMENT PROGRAMS 1920–1950TH:
ORGANIZATION AND IMPLEMENTATION
IN THE SOUTH OF RUSSIA**

В.Н. Ракачев

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

V.N. Rakachev

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье рассматриваются особенности организации и реализации государственных переселенческих программ на Юге России в 1920-1950-е гг.: оказавших большое воздействие на изменение демографического состава территорий, процессы социального взаимодействия организованных переселенцев и местного населения. В ходе проводившихся государственных мероприятий по коллективизации и хлебозаготовкам часть местного населения, субъективно определенная в группу противников советской власти, была выселена с территорий своего проживания. Опустевшие территории согласно государственной программе заселялись лояльным Советской власти населением – демобилизованными красноармейцами. Следствием компенсаторных миграций стал рост социальной напряженности и конфликтное противостояние местного и пришлого населения. В работе использованы материалы центральных и региональных архивов, значительная часть из которых введена в научный оборот впервые.

Abstract. The article discusses the features of the organization and implementation of state resettlement programs in the south of Russia that have had a major impact on changing the demographic composition of territories, the processes of social interaction between organized migrants and the local population. In the course of state collectivization and grain procurement measures a part of the local population, subjectively defined as a group of opponents of

the Soviet government, was evicted from their territories of residence. The deserted territories according to the state program were settled by the population loyal to the Soviet power - demobilized Red Army men. The consequence of compensatory migrations was the increase in social tension and the conflict between the local and newcomers. The materials of the central and regional archives were used in the work, a significant part of which was introduced into scientific circulation for the first time.

Ключевые слова: государственные переселенческие программы, компенсаторные миграции, Юг России, местное население, мигранты, социальное взаимодействие, адаптация.

Keywords: state migration programs, compensatory migrations, South of Russia, local population, migrants, social interaction, adaptation.

Организация и управление миграционными потоками с целью упорядочения экономических и демографических ресурсов, контроля над территорией является важным процессом осуществляемым государством. Причем силовые методы при реализации подобных программ, зачастую сочетались с методами «мягкой силы» («soft power»), которые в совокупности преследовали цели интеграции различных территорий и общностей в единое политическое и культурное пространство. В России власть на протяжении всей своей истории достаточно эффективно сочетала эти два метода, следствием чего явилось создание мощного государства с огромной территорией и культурным разнообразием.

Партия большевиков, пришедшая к власти в 1917 г., хотя на словах и провозглашала демократические принципы, на деле реализовывала жестко организованный административный контроль за различными отраслями жизнедеятельности.

Это касалось и миграционных процессов. Опираясь на тезис об экономической целесообразности организации и администрирования разрабатывались планы, согласно которым граждане страны могли быть переселены в любую точку советского географического пространства, причем не только мерами принудительными, но и добровольными, опираясь на

мощный идеологический аппарат.

Такой подход к управлению миграциями получил название административного и реализовывался в советском государстве вплоть до середины 1950-х гг. Стихийная миграция фактически сошла на нет, вследствие введения паспортной системы, прописки и других запретительных и ограничительных мер.

Перемещения населения в условиях советского государства различные по форме, масштабам и направлениям выступали объектом исследований историков, социологов, географов, этнологов, демографов (Платунов Н.И., Турчанинова Е.И., Полян П.М., Кабузан В.М., Исупов В.А., Жиромская В.Б., Журавлева В.А., Жеребцов И.Л., Сметанин А.Ф., Белозеров В.С., Макаренко М.Ю., Ивницкий Н.А., Тархова Н.С., Хубова Д.Н., Осокина Е.А., И.И. Алексеенко, Н.А. Мальцева, О.В. Матвеев, Е.Н. Осколков, В.Н. Ратушняк, А.Ю. Рожков, В.Е. Щетнев, Петров В.Н. Кропачев С.А., Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П., Линец С.И., Земсков В.Н., Пискунов С.А., Сеитова Э.И. и др.). В большинстве своем эти работы сконцентрированы на анализе миграций в масштабах СССР, и гораздо реже рассматривают региональную специфику. Однако миграции в пределах отдельных регионов отличались значительным своеобразием, обусловленным культурно-историческим, социально-экономическим и политическим контекстом. Миграционные перемещения в на Северо-Западном Кавказе представляются малоизученной предметной областью и требуют дальнейшего исследования.

Важное место в миграционной программе советского государства в этот период занимал Юг России, вследствие ряда причин. Это и активное сопротивление советской власти в ходе Гражданской войны, и высокий уровень экономического развития сельского хозяйства (житница России), и пограничное положение региона.

Это отчетливо проявилось в ходе реализации программ коллективизации сельского хозяйства и хлебозаготовок 1930–1932 гг. Сначала под государственную программу принудительного переселения попадают кулаки – зажиточные крестьяне. Критерии определения зажиточности (принадлежности к кулачеству) были относительными и

позволяли широко использовать программу принудительного выселения основываясь лишь на идеологическом принципе.

С территории Северо-Кавказского края, который на начало 1930-х гг. охватывал практически весь Юг России, государственными органами было запланировано к переселению на Северный Урал до 15 февраля 1930 г. 20 тыс. чел., но затем из-за неподготовленности к таким масштабным переселениям цифра была сокращена до 10 тыс. чел. [1]. В итоге было переселено больше предполагаемого плана – 51 577 чел., в том числе 30,6% мужчин, 29,6% женщин и 39,8% детей [2]. Переселение неподготовленных жителей южных регионов, не имевших достаточного количества продовольствия и теплой одежды в суровую климатическую зону, привело к повышенной смертности последних.

Следующее масштабное переселение из южных регионов приходится на 1932 г., когда государственная комиссия по организации хлебозаготовок под руководством Л.М. Кагановича применяла жесткие меры, приведшие к массовому голоду и депортации части местных жителей, по преимуществу казаков.

Выселение ряда станиц, занесенных на «черную доску» как не выполнивших планы хлебозаготовок, было важным пропагандистским шагом советской власти, предупреждением тем, кто не понимал серьезность и важность государственной программы. Суть позорной «черной доски», заключалась в: запрещении контактов с «провинившейся» станицей, прекращении завоза товара, выселении жителей – т.н. «контрреволюционного населения» и других репрессивных мер. В вывешивание черной доски или черного флага, выстраивало четкие параллели с эпидемическими заболеваниями (черный флаг вывешивали во время чумы или других эпидемий и доступ в данный населенный пункт был запрещен до полной ликвидации болезни).

Опасаясь выселения в районы Крайнего Севера, население спасается бегством из мест своего постоянного проживания. «Домов пустых становилось все больше и больше. Удирали из села уже и те, кому не грозила высылка... на дорогах стояли милицейские посты, но беглецы обходили их по глухим

зимним степям, по бездорожью. Цеплялись на товарные поезда и уезжали, кто куда смог...» [3]. Одним из основных направлений движения этих мигрантов стали ударные советские стройки первых пятилеток, нуждавшиеся в рабочей силе, где руководство закрывало глаза на прием беспаспортного мигранта.

Вследствие высылки населения, а затем голода 1932–1933 гг., бегства населения на Юге страны опустели значительные территории. Это могло существенно повлиять на производство товарного зерна, большая часть которого шла на продажу и обеспечивала нужды индустриализации. Теперь перед властью стояла важная стратегическая задача – восполнение демографического баланса на опустевших территориях за счет политически лояльного населения.

Одним из основных контингентов, использовавшихся в ходе освоения территорий, в том числе и на Северном Кавказе являлась армия. Используя армию при заселении и освоении новых территорий, правительство с одной стороны получало легко управляемых в административном отношении переселенцев, а с другой – лояльных в политическом и идеологическом плане. Переселялась «наиболее активная часть крестьян... еще будучи в рядах Красной Армии, многие из них становятся пионерами новой, не только хозяйственной, но и бытовой жизни» [4, с. 69].

Вопрос о переселении поднимали и сами военные. Заместитель командующего Северо-Кавказским военным округом В.М. Примаков в октябре 1932 г. предлагал заселить пустующие земли Дона и Кубани демобилизованными красноармейцами: «... и земли перестанут пустовать, будут хорошо обработаны, и политическое лицо этих станиц изменится» [5].

Уже 11 сентября 1933 г. на совещании в Москве утверждается предполагаемая начальная цифра переселяемых красноармейских семейств по районам и станицам Азово-Черноморского края – 12000 чел. [6]. С целью закрепления красноармейцев-переселенцев на новом месте им выделялось жилье, в основном дома и хозяйство репрессированных жителей станиц,. Местным партийным органам ставилась

задача: «... обеспечить ремонт жилья для вселяемых, кухонными плитками, гвоздями, стеклом. Также поставить вопрос о долгосрочных кредитах для вселяющихся на хозяйственное обзаведение». Уделялось большое внимание продовольственному и хозяйственному вопросам обеспечения переселенцев «в колхозе обязать МТС первоочередным обслуживанием красноармейских бригад для того, чтобы эти бригады находились в наиболее благоприятных условиях в колхозах. Колхозы обеспечивают вселяющихся овощами, картофелем, подсолнечным маслом» [7].

Соответствующей была и идеологическая подготовка. Среди переселенцев распространялись брошюры, которые должны были показать, что выселение местных жителей связано с их враждебной и вредительской работой против советской власти.

Все эти мероприятия выстраивали определенный барьер между местными жителями и переселенцами-красноармейцами, затрудняя процессы социальной адаптации. Строгая централизация, мощный идеологический контроль существенно снижали роль естественных социокультурных процессов взаимодействия между двумя группами.

Установлению нормальных отношений между переселенцами и местными жителями в значительной степени мешала идеологическая пропаганда, которая с целью обоснования проводимых в регионе мероприятий, представляла казаков как ярых противников советской власти, идеологических врагов, по отношению к которым невозможен компромисс. Переселенцы-красноармейцы, напротив, были поставлены в привилегированное по отношению к местным жителям положение с помощью различных льгот, и тем самым опять же противопоставлялись им. Это значительно осложняло процессы взаимодействия и адаптации. Результатом идеологической пропаганды стало формирование в сознании двух взаимодействующих сторон соответствующих стереотипов, которые, в значительной степени способны определять и направлять процессы социального взаимодействия. А конфликтность и противоборство во взаимодействии, в свою очередь осложняло процессы

адаптации и в ряде случаев приводила к бегству переселенцев.

Адаптацию на новом месте можно считать успешной, когда переселенец и местный житель смотрят друг на друга как на индивидов, а не представителей некой социальной группы. Но в условиях Юга России этот процесс осложнялся исторически сложившимся здесь противостоянием: «казаки – иногородние», «казаки – кацапы» и т.п.

В итоге переселенцы воспринимаются местными жителями не только как чужаки, прибывшие по решению и при поддержке власти, но прежде всего, как «не казаки», «кацапы», носители иных культурных норм и ценностей: «... а северный народ выпивать любит и вместо того, чтобы жить культурно, люди в свободную минутку пьяны и драки происходят. Есть случаи, когда один убит, когда зять шурина убил во время пьянки. Живут они вместе, поссорились, а он его убил насмерть» [8].

Такое восприятие наглядно демонстрируют и материалы полевых исследований РГГУ под руководством Д.Н. Хубовой. Интервью станичников – местных жителей четко воспроизводят эти стереотипы: «У нас их (*переселенцев – авт.*) называли кацапы. Они, я не знаю уж, как, что, почему, сами по себе грязные. В комнатах у них тоже: и свинья в комнате, может, и теленок в комнате, все это, в общем, там... тут живут, тут и поросята. А дом... Будут жить до тех пор, покуда он до такой степени не развалится, что уже в нем жить нельзя» [9, с. 85].

Переселенцы, в свою очередь, оказавшись в напряженной ситуации и встретив неприязнь со стороны местных жителей, так же формируют и воспроизводят негативный образ казака. «Во двор детей мы первое время боялись пускать. Сидели дома: местные – казаки мастерили капканы и ставили их у наших дверей, в траве, вокруг дома, у колодца... Саботаж устроили...». «Плохо жить было, очень плохо. Как услышат, что мы по-русски говорим: "А-а! Кацапки! И нас матом гонят с очереди. Ну, а потом немножко лучше, лучше, разогнали их, увезли их всех, куда – не знаю"...» [9, с. 85]. Местные жители – казаки, наделялись такими негативными качествами как лень, бесхозяйственность, безынициативность.

Но адаптация переселенцев осложнялась не только за счет субъективных, но и вследствие объективных причин, многие из них столкнулись с хозяйственными проблемами. Недостатки в устройстве и снабжении зачастую вызывали у переселенцев отрицательные настроения и как следствие приводили к случаям бегства. Документы отмечают, что почти все красноармейцы-одиночки ушли обратно. Среди переселенцев не редкими были такие разговоры: «Если на Кубани будет плохо, то сбежим, а там что будет». «При вербовке нам обещали полное обеспечение на месте. Гарантировали свободное возвращение по домам, в случае, если не понравятся станицы. Здесь нам ничего не дают, станицы заросли бурьяном, колхозы неблагоустроены. Отправляйте нас обратно» [10].

Со временем в настроениях переселенцев появляются сомнения в правильности самой политики. В спецсообщениях ОГПУ отмечаются случаи антисоветских выступлений среди переселенцев: «...Нас сюда прислали, как баранов на убой. Высосут из нас все лучшее и привезут других, а через несколько лет и нас выселят, как кубанских кулаков». «... Мы не крепостные, не захотим работать, силой не заставите. Нам будет то же, что и местным жителям. Их морят голодом». «...Не намерены здесь голодать и кормить вшей. Если колхозникам зимой не дадут хлеба, то они сложат знамена и пойдут по другому пути развития» [10].

В отдельных случаях ситуация действительно была критической, переселенцы уже не просто жалуются, но обвиняют власти в сложившейся ситуации. Показательными являются письма красноармейцев из станицы Уманской: «Живем очень плохо, почти по суткам живем голодные. Сейчас сеем, сеять не на ком, лошадей в бригаде 17, посеяли 60 га, лошади стали, не ходят, приходится пахать и сеять на людской силе. Хлеба дают, что корм, 400 г на день. Эх, знал бы, что я помру здесь от голода и скоро, то покончил бы сам себя. За что нас сюда выгнали... Вот какая нам пошла жизнь, что от голода десятки помирают каждый день» [11, 472–474].

Однако и местное население, негативно настроенное против переселенцев развернуло активные практики запугивания и деморализации, которые лишь подстегивали

бегство. Переселенцам угрожали, подбрасывали записки, известны случаи нападения и насилия по отношению к ним. В записках и разговорах их пытались убедить, что жизни на новом месте им не будет: «...Вы занимаете дома высланных, они возвратятся и выгонят вас отсюда силой». «...Вы приехали на голодную смерть, с казаками не уживетесь, уезжайте обратно и т.п.». «Хорошей жизни Вам на Кубани не будет, придется умирать от голода и малярии, выезжайте обратно» [12]. «Мы тут подыхаем с голода и от малярии, и с вами то будет» [13].

Политдонесения изобилуют перечислением подобных случаев: «... переселенцу Юновалову была подброшена анонимка следующего содержания: если будешь жить тут, то приду и убью». «... возле дома переселенца Артеменко был произведен выстрел» [14].

С ухудшением положения нарастает недовольство и волна беглецов. Появляется такой феномен как «обратничество» (социальная практика возвращения/бегства переселенцев с новых мест проживания на территорию исхода), которое принимает масштабные формы. В 1933 г. с мест переселения бежало 1084 чел. из них 90,5% – одиночки и 9,5% семейные переселенцы. Предупреждены 554 побега [15]. Согласно сведениям контрольных органов за 1936 г. в целом по районам Азово-Черноморского края «возвратники» составили 55% [16].

Осознавая сложность сложившейся ситуации, власть начинает разработку комплекса мер по борьбе с бегством переселенцев с мест расселения и хозяйственного закрепления их в колхозах и МТС, включающая в себя: «а) конкретную информацию-сигнализацию и постановку перед партийными организациями и Политотделами вопросов об усилении массово-разъяснительной работы среди переселенцев и более внимательного отношения к их нуждам; б) обеспечение всесторонне чекистско-оперативного обслуживания переселенцев, своевременное изучение и устранение причин бегства, усиление обработки отдельных переселенцев, пытающихся бежать и т.д.; в) освещение политических настроений переселенцев, изучение происходящих политических процессов, среди них и своевременная

сигнализация партийным органам и Политотделам на местах; г) использование возвращающихся из побегов переселенцев, своевременное развертывание вокруг этого политмассовой работы; д) борьба с действиями а\с кулацкого элемента, пытающегося деморализовать переселенцев» [16].

Однако постепенно местное население смиряется с необходимостью присутствия мигрантов, в условиях запустения и хозяйственной разрухи они начинают восприниматься как неизбежность и даже как некоторая необходимость. По воспоминаниям И.Л. Полежаева, жителя станицы Уманской, приезд переселенцев спас станицу от гибели. «Станица немного ожила. Правда, здесь главную роль играют теперь переселенцы – белорусы, народ крепкий, надежный, трудолюбивый и симпатичный. Для станицы их приезд равносителен вливанию крови в организм умирающего человека, что его и спасает в конечном счете» [17, с. 55].

Постепенно внешние проявления неприязни между переселенцами и местными жителями сходят на нет. Это заметно по газетным публикациям, по сводкам и донесениям. Краевые газеты за 1934–1935 гг. практически не упоминают о конфликтах между казаками и переселенцами-красноармейцами, большая часть материалов сообщает о выполнении планов красноармейскими колхозами, выдвижении бывших переселенцев на руководящие должности и т.д.

Анализируя сложившуюся ситуацию, можно охарактеризовать ее как чрезвычайную, а административный подход к государственным программам по переселению и закреплению мигрантов неэффективным. Задача восстановления демографического баланса в регионе путем плановых переселений в полной мере не была реализована. Несмотря на компенсаторные миграции, численность населения региона существенно сократилась. Кризис и противоречия во взаимодействиях местного населения и переселенцев так же осложняли и хозяйственно-экономическую ситуацию в регионе. В целом стабилизация социально-политической и экономической ситуации на Юге России хотя и была достигнута, но путем значительных жертв и

лишений. Но, даже этот в большинстве своем неэффективный опыт организации государственных переселений 1930-х гг. не привел к пересмотру основных подходов к управлению миграциями. Административный подход остается приоритетным. На этих идеологических основаниях строились и другие государственные миграционные проекты, в том числе и депортации народов, незаслуженно обвиненных в государственной измене. Пересмотр основных положений государственной миграционной программы происходит лишь после смерти Сталина и XX съезда КПСС. А последствия этой неэффективной политики сказываются сегодня, когда факт насильственного переселения стал национальной травмой народов, отразился на их демографическом развитии.

Библиографические ссылки

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1943. Л. 10.
2. ГАРФ. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 1944. Л. 54.
3. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1225. Л. 34–39.
4. Баранов М.Э. Переселение и коллективизация. М.: Книгосоюз, 1929.
5. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 81. Оп. 3. Д. 214. Л. 213.
6. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 5675. Оп. 1. Д. 39. Л. 13.
7. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 39. Л. 13–14.
8. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 76. Л. 15.
9. Хубова Д.Н. Черные доски: tabula rasa: Голод 1932–1933 годов в устных свидетельствах – Голод 1932–1933 годов: Сб. статей (отв. ред., вступит. статья Ю.Н. Афанасьев). М.: РГГУ, 1995. С. 67–88.
10. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 43. Л. 20–23.
11. Голод в СССР. 1929–1934: В 3 т. Т. 2: Июль 1932 – июль 1933 / Отв. составитель В.В. Кондрашин. № 359. М.: МФД, 2012.
12. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 32. Л. 37.
13. ЦДНИКК. Ф. 8069. Оп. 1. Д. 4. Л. 280.
14. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 43. Л. 24.
15. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 95. Л. 53–54.
16. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 43. Л. 23–24.
17. Дневники Ивана Лазаревича Полежаева (30-е годы ст-ца Уманская) // Родная Кубань (литературно-исторический журнал). 2002. № 3. С. 51–61.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА В ОПРЕДЕЛЕНИИ «МЕСТНЫХ» И «ПРИШЛЫХ» СОЦИАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ

HISTORICAL DYNAMICS OF DEFINITION OF «LOCAL POPULATION» AND «INCOMING POPULATION» SOCIAL GROUPS IN THE NORTH-WESTERN CAUCASUS

Д.Н. Ракачев

Кубанский государственный Университет, г. Краснодар

D.N. Rakachev

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье рассматриваются этносоциальные процессы на Северо-Западном Кавказе на примере оппозиции «местные» – «пришлые». В процессе вхождения региона в состав Российского государства выделены три этапа, каждому из которых соответствуют свои представления о «местном» и «пришлом» населении. На первом этапе (конец XVIII – 20-е годы XIX в.) оппозиция «местные» – «пришлые» проходит по линии горцы – казаки. На втором этапе (1830–1864 гг.) завершается формирование Кубанского казачества как местного социокультурного феномена, которое воспринимает себя уже не в качестве «пришлого», а в качестве «местного» населения и претендует на определенное доминирование в регионе. На третьем этапе (1864-1900 гг.) казачество доминирует и формируется новая оппозиция «местные» казаки – «пришлые» иногородние. В условиях современного общества наблюдается возврат к некоторым социально значимым аспектам этой оппозиции, она активно используется в политическом и быденном дискурсе.

Abstract. The article discusses the ethno-social processes in the North-Western Caucasus on the example of the opposition «local population» and «incoming population». In the process of entering the region into the Russian State there are three stages, each of which has its own ideas about the «local» and «incoming» populations. At the first stage (the end of the 18th – 20th of the 19th c.), The opposition «local population» and «incoming population»

passes along the line of the Highlanders - Cossacks. At the second stage (1830–1864) the formation of the Kuban Cossacks as a local socio-cultural phenomenon is completed, which perceives itself not as an «incoming», but as a «local» population and claims certain domination in the region. At the third stage (1864-1900) the Cossacks dominated and a new opposition, the «local» Cossacks — the «incoming» non-resident — formed. In the conditions of modern society there is a return to some socially significant aspects of this opposition, it is actively used in political and everyday discourse.

Ключевые слова: Северо-Западный Кавказ, «местное» и «пришное» население, кубанское казачество, Кавказская война, этносоциальные процессы, этнокультурные процессы.

Keywords: North-Western Caucasus, «local population» and «incoming population», Kuban Cossacks, Caucasian war, ethno-social processes, ethno-cultural processes.

Этносоциальные процессы оказывают значительную роль на жизнь современного общества. Вопросы этнической идентичности, вопросы этнической истории (как реальной, так и мифологизированной, препарированной в интересах пропаганды тех или иных идей) актуальны не только для специалистов, но и для широких масс населения, когда используются в практических политических интересах как механизмы консолидации общества или механизмы отделения, отмежевания от соседней культуры, государства, общества.

История включения Северо-Западного Кавказа в состав Российского государства в этом контексте имеет особое значение. Этот регион вошел в состав России в ходе именно военной операции, имеет определенный конфликтный потенциал, который в периоды ослабления центральной власти и активизации враждебных иностранных государств реализуется в виде различных негативных процессов. Оценка исторических событий XIX века не является неким незыблемым фактом, а подвергается периодическому переосмыслению — как с трезвым, обоснованным научным подходом, так и с сиюминутными политическими интересами.

Происходит переоценка исторических событий, их последствий и влияния на общественно-политическое, экономическое, культурное развитие народов, населяющих регион.

В этой связи особую актуальность приобретает изучение взаимоотношений между местным и пришлым населением на Северном Кавказе в различные исторические периоды. При этом категории «пришлый» и «местный» имеют определенный социокультурный и социопсихологический контекст и составляют бинарную оппозицию. Эта оппозиция активно используется в обыденном дискурсе, формирует социальные стереотипы (причем как авто- так и гетеро-стереотипы). Причем в обыденном, общественно-политическом дискурсе эти понятия определяются достаточно условно, они обобщаются, гиперболизируются. Отдельные моменты этой гиперболизации проникают даже в научный дискурс.

Подобная оппозиция в контексте сложных и многогранных исторических процессов на Северном Кавказе в XIX в. зачастую определяется понятиями «войны» или «завоевания». Однако это слишком категоричное и однобокое понятие. Для современного человека термин «война» нагружен историческим опытом XX века, I и II мировыми войнами, а особенно той частью II мировой войны, которая непосредственно затронула нашу Родину – Великой Отечественной войной. Массовость, огромные жертвы, идеологическая непримиримость, «расчеловечивание» врага – все это в значительной степени содержится в восприятии термина «война».

Рассматривая историю вхождения Северо-Кавказского региона в состав России, необходимо подчеркнуть, что силовое противостояние не являлось единственной формой взаимодействия. Характер ландшафта, культурные, хозяйственные и социально-психологические особенности народов Кавказа, предшествующий опыт взаимодействия с русскими и казаками превратили регион не в границу, разделяющую воюющие армии, а в территорию контакта, взаимопроникновения культур и формирования полиэтничного общества. Здесь имел место длительный процесс взаимодействия и взаимовлияния между местным и пришлым

населением, между феодальными владельцами Северного Кавказа и государственными структурами Российской империи. К середине XIX в. этот процесс перерос в жесткое противостояние, но даже в период наиболее активных военных действий взаимодействие носило разнообразный характер. В процессе контакта создавались новые социокультурные формы, и одновременно две общности укрепляли и развивали прежние социальные и культурные модели выживания.

Исследование этого процесса, естественно, имеет давние корни. Так, первые серьезные работы датируются еще XIX веком. При этом можно выделить как геополитический подход (например Р.А. Фадеев [8]), так подход, который можно условно характеризовать как «этнокультурный» (Например Н.Ф. Дубровин [4; 5]). И современники, и исследователи XIX – начала XX века исходили из логики имперского мышления, в которой более слабые народы должны быть покорены более сильными. При этом, этими «более сильными» выступали не столько географические и геополитические соседи, сколько наиболее активные страны, претендующие на господство в регионе. В данном случае - история региона рассматривалась как арена внешнеполитического противостояния России и Англии, и, слабеющей и сдающей свои позиции, Турции. Однако, на фоне внешнеполитических процессов отмечалось специфика постепенного изменения форм взаимодействия, уделялась место описанию быта и культуры горцев, взаимовлияния и заимствования в различных сферах.

Специфической и ограниченной строгими рамками является советская историография, весьма разнообразной – постсоветская. Причем последняя представлена достаточно полярными по выводам и суждениям работами. Однако тема исследования процесса не столько конфликта, сколько совмещения конфликта с взаимодействием и взаимовлиянием все еще остается достаточно актуальной и не полностью изученной.

В рассмотрении ситуации на Северо-Западном Кавказе в XIX веке более применима парадигма не столько границы как линии разграничения, сколько зоны контакта (в англоязычной литературе соответственно – «border» и «frontier»),

связывающая, соединяющая культуры, цивилизации. Данный подход использовался и в отечественной [1; 2; 3; 6; 7] и в западной [9] историографии.

Происходившие явления были многоплановыми. Изменения внешнеполитической ситуации (между великими державами), изменение локальной политической ситуации (между конкретными владельцами, религиозными и родовыми авторитетами, конкретные тактические военные победы и поражения между Российскими войсками и горцами), изменения демографической ситуации (рождаемость и смертность, процессы миграции, как стихийного так и организованного заселения территории российскими подданными), изменение этнокультурной ситуации (заимствования в материальной и бытовой культуре) происходили одновременно и влияли друг на друга.

В этих условиях критерии «местного» и «пришлого» населения существенно трансформировались. Эта трансформация является отражением в массовом сознании реальных социальных, политических и демографических процессов происходивших в регионе. Эти определения имеют определенный статусный элемент. «Местные» - это хозяева положения, это господствующая общность, которая через свое «укоренение» (неважно – обоснованное или мифологизированное – но существующее в сознании и общесоциальном дискурсе) обосновывает свое положение, обосновывает претензии на большую значимость, на большее влияние. Соответственно «пришлые» - это адаптанты, группа, которая должна принимать правила и условия «местных» и признавать их верховенство. Реальные проявления этой оппозиции в общесоциальном дискурсе могут иметь различную степень категоричности от мягкой (признание коренным народом, использование национальных топонимов и т.д.) до весьма категоричных (претензии на правовые или имущественные привилегии).

В историческом плане можно выделить несколько этапов трансформации содержания этой оппозиции:

На первом этапе – 1800–1820-е гг., взаимодействие Российской империи и народов Северного Кавказа постепенно

переходит из области внешней политики в область политики внутренней. Россия постепенно продвигается на побережье Черного моря, в Предкавказье и Закавказье, при этом Северный Кавказ остается территорией практически независимой от нее. В этой обстановке неизбежным для России стал процесс присоединения Северного Кавказа.

Формы, приоритеты и тактические цели российской политики на Северном Кавказе неоднократно менялись. Однако на данном этапе значительную роль во взаимодействии с местным населением играли силовые методы.

Другой важной сферой, где происходили тесные контакты, была сфера торгово-экономическая. Процессы экономического взаимодействия шли на двух уровнях. На низовом уровне внутрирегионального рынка – укреплялись экономические связи русских и горцев. Эти связи отличала взаимодополняемость, вытекающая из базисной для данного случая бинарной оппозиции «население гор» – «население равнин». На уровне доминирующего (феодалного) слоя северокавказских обществ смычка русского и северокавказского элементов практически не происходила. Горская знать ориентировалась преимущественно на торговлю с Турцией и другими странами Ближнего Востока.

Разновидностью социально-экономического взаимодействия местного и пришлого населения на данном этапе выступает набеговая система. Данный вид взаимодействия, осуществляемый с целью добычи материальных ценностей, позволяет определить его как экономическое по сути, но военно-силовое по форме.

Активная миграция пришлого населения ведет к постепенному наполнению региона российскими подданными. Пришлые группы постепенно адаптировались к новой социокультурной среде. Результатом подобной адаптации стало формирование на основе синтеза элементов горской и российской культур культуры кубанского казачества.

В сфере культурного взаимодействия в данный период также было характерно преимущественное принятие ряда бытовых, поведенческих, этикетных и пр. элементов горской культуры русскими и другими переселенцами. Хозяйственно-

культурные взаимодействия развиваются и углубляются, но затрагивают в большей степени казачество, непосредственно контактирующее с народами Северного Кавказа.

Таким образом, на этом этапе статус горского населения как «местных» (и, соответственно их преобладающее положение) не оспаривается. Рост славянского населения и его адаптация (в значительной степени в форме заимствования различных как практических, так и социокультурных моментов) начинает формировать запрос на равенство статуса, которое, в том числе, реализуется в конструировании «местной» идентичности кубанского казачества.

На втором этапе (1830–1864 гг.) происходит включение Северного Кавказа в ходе Кавказской войны в состав Российской империи. Основным видом взаимодействия на данном этапе стала война. Вооруженное противостояние определяло интенсивность, формы и способы взаимодействий. Военное противостояние, кроме всего, стимулировало процессы общественного развития в среде местного населения, повлияло на формирование самосознания казачества и горцев, привело, наряду с потерями, к накоплению опыта соседского мирного проживания в полиэтничном регионе.

Взаимовлияния, прежде всего, проявились в военной сфере. Патриархально-средневековая обстановка Северного Кавказа накладывала свой отпечаток на методы войны русской армии. Помимо заимствований «черкесского» костюма и оружия, российские военачальники перенимали тактику горной войны, в том числе и «бесчеловечные» и «дикие» в глазах русского общества обычаи.

В горском обществе процессы взаимодействия приобрели противоречивые тенденции. Война разделила северокавказские народы по отношению к российской власти на «мирные» и «не мирные». «Мирные» горцы в силу тех или иных причин были склонны к вхождению в правовую и социальную структуру империи на определенных условиях. Политика администрации строилась с учетом интересов мирных горцев и была направлена на стимулирование процесса их органического вхождения в российское социокультурное пространство. Другая группа – «не мирных» – ожесточенно сопротивлялась

российской власти. Вместе с тем вооруженное противостояние стимулировало осознание кавказскими народами своего единства и попытки формирования единого протогосударственного органа.

Взаимодействие в конфессиональной сфере также носило противоречивый характер. За исключением отдельных случаев российское правительство не проводило насильственной христианизации горцев, хотя поддерживало миссионерскую деятельность Русской православной церкви. В ходе Кавказской войны российские власти проводили политику поддержки адатов, местных традиций против шариата.

Итогом взаимодействия на втором этапе стала смена приоритетов. Пришлое население укрепляет свои позиции в регионе, местное население Северного Кавказа, наоборот, теряет доминирующие позиции. Относительность единства горцев и военные поражения размывают критерии «местного».

Завершается формирование Кубанского казачества как местного социокультурного феномена, которое воспринимает себя уже не в качестве «пришлого», а в качестве «местного» населения. Причем оно претендует на определенное доминирование в регионе как «опора трона». Самосознание казачества даже в некоторой части противопоставляется общероссийскому, статус казака является в рамках общероссийской социальной структуры достаточно высоким, привилегированным. Это осознание своей элитарности прослеживается и в отношении казаков с горцами. Если в рамках первого этапа статус «местных казаков» был догоняющим, то в период окончания войны он стал в определенном плане опережающим.

На третьем этапе (1864-1900 гг.) завершается процесс интеграции Северного Кавказа в российское социокультурное и политическое пространство. Меняются приоритеты, характер и формы взаимодействия между местным и пришлым населением.

Активизируется переселенческое движение, подконтрольные территории заселяются лояльным российской власти христианским населением (в том числе иностранными подданными – армянами, греками, болгарами, немцами и др.

колонистами). Значительные потери «местных» в ходе войны и выезд большей части местного населения в Турцию меняет демографическую структуру в регионе.

В миграционное движение включается и местное население, однако существовали значительные отличия в данных процессах: горные районы оставались мало затронуты и миграциями и изменениями в организации производства, равнинные, напротив, после окончания Кавказской войны, аграрной и судебной-административной реформ подверглись активным процессам социально-экономического развития.

В рамках теперь уже единого социокультурного и политического пространства местные и пришлые группы меняют свои позиции. Пришлые группы, первоначально перенимавшие элементы местной культуры теперь доминируют. Теперь уже местное население оказывается в положении адаптантов, испытывает влияние новой социокультурной среды.

Ведущими сферами, где развиваются контакты на третьем этапе, выступает социально-экономическая и духовно-культурная.

В культурной сфере административный запрет традиционных социальных институтов породил определенную двуплановость общественной жизни. Наряду с легализованной российской властью социокультурной системой, у местного населения сохранялся значительный пласт традиционных культурных стереотипов, моделей поведения и форм социального контроля.

На смену силовой политике в целях преодоления этнокультурного обособления и интеграции местных групп в российскую культуру, приходит политика мирных мер. Их реализация имела двусторонний позитивный результат: местное население они выводили за границы культурной провинциальной ограниченности, активно способствуя его включению в процессы мировой истории; центральной власти они обеспечивали лояльность местного населения и относительную стабильность в регионе, закладывали основу для комплиментарного взаимодействия различных народов.

В области религиозной политики Российская

администрация постепенно переходит к поддержке ислама против адатов и уже на рубеже XIX–XX вв. исламское духовенство Северного Кавказа интегрируется в религиозно-политическую систему империи, возникает феномен «российского ислама». Активизируются консолидационные процессы в адыгском обществе: стираются племенные различия, происходит формирование адыгейской народности. К концу XIX в. формируется горская интеллигенция. Происходит становление национальной литературы, науки, искусства, общественной мысли народов Северного Кавказа, в рамках российской культуры. Однако этот постоянно нарастающий процесс охватывал к началу XX века лишь тонкий слой горского общества и был далек от своего завершения.

В хозяйственно-бытовой сфере новый характер взаимодействия проявился в том, что определяющими стали заимствования народами Северного Кавказа элементов крестьянской культуры восточнославянских переселенцев, а также процессы модернизации, т.е. включение северокавказских народов в общеевропейскую и мировую культуру, проводником которой здесь выступила Россия.

Немаловажным итогом взаимодействия стал процесс формирования северокавказской региональной целостности, который получил дополнительный импульс с включением региона в российское государство и сопровождался взаимопроникновением и взаимодействием культур, которое в этих условиях носило как стихийный, так и целенаправленный характер и встречало как поддержку, так и сопротивление на своем пути в виде объективных и субъективных факторов. К началу XX века заканчивается первый этап формирования региональной целостности Северного Кавказа. В дальнейшем этот процесс развивается уже в новых формах, обусловленных сменой всего комплекса политических, идеологических, социальных и прочих факторов.

Данный этап фактически закрепил потерю оппозицией «местные – пришлые» статусной классификации. Естественно, определить коренные народы Северо-Западного Кавказа как «пришлые» даже в обыденном дискурсе было совершенно абсурдным. Но казаки фактически заняли культурную нишу

«господствующих местных», и при своем социокультурном и политическом доминировании обесмысливали данный дискурс. Стал формироваться новый дискурс «казаки – иногородние» на тех же принципах обоснования господства через укоренение. Тем более, что коренное местное население в значительной степени приняло стратегию адаптации под новые социокультурные условия.

Последующая история региона показала, что данная оппозиция «местный-пришлый» имеет как значительную социальную значимость, так и значительную вариативность. Советский период с достаточно жестким идеологическим контролем общества, со значительным вниманием к межнациональным вопросам (в том числе к снижению их публичной значимости) продолжил традицию деактуализации этой оппозиции. Хотя казачество, в советский период подверглась определенным репрессиям, и (особенно в ранние годы советской власти) противостояние казаков с народами Северного Кавказа даже поощрялось, в целом, национальная политика в СССР тему противопоставления «местного» и «пришлого» населения не актуализировала. Значительные миграционные потоки, в том числе организованные или даже принудительные существенно уравнивали местные и пришлые группы.

С распадом СССР ситуация существенно изменилась. Процессы национального строительства эту оппозицию резко актуализировали. В условиях определенного идеологического и мировоззренческого вакуума национальная идея была весьма востребована и позволяла консолидировать общество (в рамках одного народа). Административное деление региона на национальные республики, апелляция к местному, коренному характеру одной нации при пришлом характере других наций позволяла обосновать неравенство прав и обязанностей, те или иные материальные выгоды или социально-статусные вопросы.

Критерии «местного» и «пришлого» так же как и в XIX веке стали значимыми для формирования социального дискурса. Конкретные события 90-х гг., межэтнические конфликты, выезд значительной части русского и русскоязычного населения в другие регионы РФ изменил и

демографическую картину на Северном Кавказе. Доля титульных народов в общем составе населения увеличилась, в некоторых регионах – кардинально. Русские (а шире – вообще славяне) не обладая такой степенью консолидации, как титульные народы национальных республик фактически повторили судьбу горцев в последней четверти XIX века – при сохранении места жительства пережили изменение социально-политической структуры, и оказались адаптантами в принимающем обществе.

В этих условиях оппозиция «местные» и «пришлые» приобрела значительный исторический характер. Границы «пришлости» отодвинулись к XIX веку, но сами категории вновь наполнились статусным содержанием. И как в XIX веке, некоторое дистанцирование от общерусского социума, апелляция к своему «местному» характеру резко подняло статус кубанского казачества. Позволило ему через сохранение «местного» характера сформировать соответствующий социальный статус. При этом в некотором (пусть и малозначимом) смысле актуализировался и дискурс «местные казаки» - «пришлые иногородние».

Как показывает рассмотрение вопроса, данная оппозиция имеет значительный «конструктивистский» элемент. Выделение таких категорий как «местные» и «пришлые» приобретает социальную значимость и активно используется в общественном дискурсе в условиях реальной поляризации общества, формирования реальных групп, имеющих свои групповые интересы. Но данная оппозиция является значимой формой выражения этого разделения, формой имеющей свой собственный (и весьма длительный) жизненный цикл, задающей определенные социокультурные стереотипы, нормы, критерии. Формой, вовлекающей в современный дискурс исторические события и их интерпретации, оценки, формирующей этнические и социальные стереотипы.

В таком качестве эта оппозиция будет использоваться как в обыденном, так и в политическом дискурсе и впредь, и исторические события, существенно влияющие на расселение и численность народов на Северном Кавказе будут оцениваться и формулироваться в значительной степени с точки зрения

действующего определения «местных» и «пришлых».

Библиографический список

1. Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. СПб.: Журнал «Звезда», 2000.
2. Денисова Г.С., Уланов В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социокультурного статуса. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского государственного педагогического университета, 2003.
3. Дмитриев, В.А. Типология Русско-Северокавказских заимствований // Россия и Кавказ сквозь два столетия. СПб., 2001.
4. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1876–1881. Т. 1–6.
5. Дубровин Н.Ф. Кавказская война в царствование императоров Николая I и Александра II. М., 1896.
6. Королюк В.Д. О так называемой контактной зоне в Юго-Восточной и Центральной Европе периода раннего средневековья // Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972.
7. Олейников Д.И. Россия в Кавказской войне: поиск понимания // Россия и Кавказ сквозь два столетия. СПб., 2001.
8. Фадеев Р.А. Кавказская война. М., 2003.
9. Thomas M. Barrett. At the Edge of Empire. The Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier. 1700-1860. Westview Press, 1999.

**МЕЖДУНАРОДНАЯ УЧЕБНАЯ МИГРАЦИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

**INTERNATIONAL EDUCATIONAL MIGRATION
IN RUSSIA NOWADAYS, ITS CONDITION
AND PERSPECTIVES**

А.В. Ракачева

Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург

A.V. Rakacheva

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Аннотация. В статье анализируется ситуация в сфере учебной миграции в Российской Федерации на современном этапе. Показана актуальность данного стратегического направления для российского государства, которое рассматривает экспорт российских образовательных услуг как одно из приоритетных направлений работы Правительства. На материалах государственной статистики проводится анализ масштабов и структуры образовательной миграции, определяются основные тенденции. Показано, что в потоке мигрантов, прибывающих в РФ на протяжении 2011–2016 гг. большую часть составляют выходцы из стран дальнего зарубежья, однако их доля постепенно сокращается и напротив, увеличивается контингент иностранных учащихся из стран СНГ.

Abstract. In this article author analyzes the situation in the field of educational migration in Russian Federation at the present stage. The article also outlines the relevance of this strategic direction for Russia, which extends to educational services as one of the priorities of the Government. Analyzing the materials of state statistics, the scale and structures of educational migration, the main trends are conducted. It is also shown that in the flow of migrants arriving to Russian Federation in the current 2011–2016 the significant number of migrants are of ex-USSR origin. However, the proportion of ex-USSR countries' citizens is gradually

decreasing and, what's more, the number of foreign students from CIS countries is increasing.

Ключевые слова: миграция, учебная миграция, иностранные студенты, академическая мобильность

Keywords: migration, academic migration, foreign students, academic mobility

С каждым годом растет пространственная мобильность населения, увеличиваются миграционные потоки, люди все чаще меняют место жительства, работы, учебы. Трудовая миграция, оставаясь в условиях современного общества наиболее распространенным типом миграционных перемещений, все больше начинает конкурировать с таким видом миграции как учебная или образовательная миграция. Все больше молодых людей включаются в систему академической мобильности, имея возможность выбирать не только вуз в пределах своей страны, но и в зарубежные вузы для обучения.

Международная учебная миграция с одной стороны определяется индивидуальным выбором, основанном на интересах и установках индивида. Однако, субъективные предпочтения и решения, совершаются в рамках объективных условий, которые определяются государствами и вузами в виде нормативно-правового регулирования. В большинстве случаев страны и учебные заведения заинтересованы в расширении контингентов учащихся, в том числе из других стран по целому ряду причин.

Наряду с причинами экономического характера, которые выражаются в возможности привлечения дополнительных валютных средств в государственный бюджет, полученных в уплату образовательных услуг иностранными учащимися, действуют и другие не менее важные факторы. Страны заинтересованы в пополнении кадрового потенциала высококвалифицированными специалистами. И, следовательно, создают условия для закрепления выпускников путем трудоустройства или создания благоприятных условий для бизнеса и профессиональной самореализации.

Учебная миграция может преследовать и демографические цели: предоставляя гражданство иностранным учащимся по окончании обучения в вузах. Кроме того, страны стремятся использовать образовательную миграцию как фактор «мягкой силы», действуя через выпускников в странах выхода, создавая контингент лояльной к данному государству интеллектуального слоя, пополняющего на родине ряды политиков, бизнесменов, деятелей науки и культуры [15].

В этой связи образовательная миграция является актуальным объектом исследований представителей различных наук. В отечественных и зарубежных гуманитарных науках существует множество работ, посвященных теоретическим и прикладным аспектам этого явления. Сам перечень вопросов, связанных с образовательной миграцией достаточно широк. Это масштабы, структура и направления учебных миграционных потоков (А.Л. Арефьев, Ф.Э. Шереги, В.Н. Петров, В.Н. Ракачев, Е.В. Огородникова, Л.Д. Старикова, Р.А. Долженко, К.А. Аксенова И.Ю. Забатурина, Н.В. Ковалева, В.И. Кузнецова, О.К. Озерова и др.) [1; 2; 4; 12; 7; 6], особенности адаптации иностранных студентов (Л.Н. Бойко, В.Н. Петров, В.Н. Ракачев и др.) [3; 4], политико-правовые аспекты образовательной миграции (Н.К. Радина, К.А. Гаврилов, С.Н. Градиловский, Е.Е. Письменная, С.В. Рязанцев, Е.Б. Яценко и др.) [14; 5], проблемы и условия повышения конкурентоспособности российского профессионального образования на международном рынке образовательных услуг (Полетаев Д.В., Дементьева С.В., Зурабишвили Т.З.) [13], анализ опыта зарубежных стран в области привлечения образовательных мигрантов (Кинелев В.Г.) [9] и т.д.

В зарубежной науке особое внимание уделяется исследованию проблем социальной адаптации иностранных студентов в принимающем их обществе. Лидерами этих исследований вот уже несколько десятилетий являются ученые США, Канады и Франции (Furnham A., Bochner S., Zwingmann C.A.A., Gunn A.D.G., Wicks P., Klineberg O., Hull W.F., Jenkins H.M., Agulhon C., Ennafaa R., Gyurakovics J. Teichler U. и др.) [18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25].

Такой интерес к учебной миграции является не только и не столько научным, сколько практическим и результаты этих исследований востребованы на уровне вузов и правительств. Не является исключением в этом отношении и Российская Федерация. Согласно «Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы», утвержденной Указом Президента РФ от 31 октября 2018 г. в числе задач миграционной политики определено создание благоприятных условий для въезда в страну «иностранных граждан, желающих развивать экономические, деловые, профессиональные, научные, культурные и иные связи, изучать язык, историю и культуру нашей страны, способных благодаря своей трудовой деятельности, знаниям и компетенциям содействовать экономическому, социальному и культурному развитию России», «создание благоприятного режима для свободного перемещения обучающихся, научных и педагогических работников в целях развития науки, профессионального образования, повышения уровня подготовки научных кадров и специалистов для отраслей экономики и сферы государственного управления Российской Федерации» [16].

В качестве конкретных мер, способных обеспечить реализацию поставленных задач Концепция определяет:

- повышение доступности образовательных услуг для иностранных граждан, включая совершенствование правил въезда в Российскую Федерацию и пребывания на ее территории иностранных граждан, в целях обучения в российских образовательных организациях;

- обеспечение открытости Российской Федерации для обучающихся, научных и педагогических работников, в том числе создание для них комфортного режима въезда в Российскую Федерацию, пребывания, получения образования и осуществления профессиональной деятельности на ее территории;

- совершенствование механизмов отбора талантливой иностранной молодежи для поступления в российские образовательные организации в пределах выделяемых квот [16].

Согласно другому документу – «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» создание необходимых условий для привлечения в Россию иностранных студентов определяется в качестве приоритетной задачи в деятельности Министерства образования и науки и самих российских высших учебных заведений. Декларируется, что к 2020 году доля иностранных граждан должна достичь 5% в общем контингенте учащихся вузов РФ, а доходы от их обучения должны составить не менее 10% от объема финансирования системы образования [10].

30 мая 2017 г. № 6 утвержден паспорт приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» на срок с мая 2017 года по ноябрь 2025 года. Включение приоритетного проекта по экспорту российского образования в портфель Правительства Российской Федерации демонстрирует важность задач по повышению конкурентоспособности российского образования на международном рынке образовательных услуг [11].

Все это говорит о том, что Россия стремится активно конкурировать на международном рынке образовательных услуг, вернуть себе статус одного из мировых лидеров в сфере подготовки иностранных специалистов. Действительно, Советский Союз долгое время входил в тройку стран, наряду с США и Францией, по числу обучавшихся в них иностранных студентов. Однако с началом демократических реформ и рыночных преобразований Россия существенно сдала позиции в этом направлении.

В 1990–1991 академическом году во всех типах учебных заведений в СССР обучались около 180 тысяч иностранных граждан, в том числе высших учебных заведениях – 126,5 тысячи иностранных студентов, стажеров, аспирантов, что составляло более 10% общемировой численности иностранного студенческого контингента [2, с. 9]. С начала 1990-х гг. контингент иностранных учащихся в России резко сократился. Со временем положение в сфере международного образования в нашей стране стало меняться в лучшую сторону. К 2010/2011 уч. г. вновь вышла на показатели 1990 г., в ее вузах обучалось 125,6 тыс. иностранных студентов [2, с. 15]. Сегодня РФ

восьмая в рейтинге стран по числу международных образовательных мигрантов, в ее вузах обучается более 220 тыс. иностранных граждан, а к 2025 г. их число планируется увеличить до 760 тыс.[8]

Для оценки динамики образовательной миграции в РФ обратимся к данным статистики. Важно понимать, что успех всех выше указанных задач возможен при постоянном мониторинге ситуации в области международного движения образовательных контингентов, оценки их структуры, а также исследовании условий обеспечивающих успешную адаптацию в стране обучения.

Используя данные Госкомстата о числе прибывших в РФ за период с 2011 по 2016 гг., в разработочных таблицах, фиксирующих причины въезда и выезда можно отметить, что число мигрантов прибывших в страну по причине учебы неуклонно росло. В 2012 г. в сравнении с 2011 г. число прибывших с целью получения образования в потоке международных мигрантов выросло на 44,6%, в том числе в потоке мигрантов из стран СНГ на 41,9%, из других стран на 48,6%. В следующем 2013 г. темпы несколько снизились и по отношению к 2012 году доля прибывших на обучение выросла в целом на 25,8%, из стран СНГ на 32% и из прочих стран на 17,3%. 2014 г. хотя и отмечен ростом числа образовательных мигрантов, однако он также был незначительным и по отношению к 2013 г. составил в целом 21,3%, из стран СНГ число иностранных студентов выросло на 23,1%, из прочих стран на 18,5%. В 2015 г. обозначился некоторый рост этих показателей. В целом на учебу в Россию в этом году прибыло из-за рубежа мигрантов на 27% больше, чем в 2014 г., из стран СНГ на 15,2%, из других стран на 46,1%. Однако 2016 г. ситуация сложилась критическая, рост хотя и наблюдался, но сократился в несколько раз. В целом в потоке прибывших из-за рубежа в РФ доля учебных мигрантов увеличилась в сравнении с 2015 г. лишь на 8,8%, из стран СНГ на 9,6%, из других стран на 7,8% [Рассчитано по: 17].

Несмотря на тот факт, что к этому времени уже были приняты и начали реализовываться ряд правительственных программ в области экспорта российского образования, темпы

учебной миграции, тем не менее, снижаются. И причин здесь видится несколько. В первую очередь, это резко изменившаяся в связи с событиями на Украине, в Донбассе и в Крыму международная ситуация, санкции, введенные в отношении России рядом стран и в целом формирование вследствие этих событий негативного имиджа России на международной арене. С другой стороны, возросшая конкуренция на международном рынке образовательных услуг, куда все активнее включаются новые акторы, страны ранее не рассматривавшие образовательную миграцию как государственный приоритет, например, Турция.

В самом потоке учебных мигрантов, также наблюдаются некоторые закономерности. В частности, в потоке образовательных мигрантов в Россию на протяжении рассматриваемого периода преобладают мигранты из стран дальнего зарубежья. В отдельные годы их доля в два раза превышала долю мигрантов прибывших с целью учебы из прочих стран.

В то же время устойчивой тенденцией является повышение в этом миграционном потоке доли мигрантов из стран СНГ. Так в 2011 г. доля мигрантов прибывших с целью учебы из стран СНГ составляла в общем зарубежном миграционном потоке образовательных мигрантов 36,7%, в 2012 г. – 41%, в 2013 г. – 39,2%, в 2014 г. – 38,3%, в 2015 г. – 44,1%, в 2016 г. 43,7% [Рассчитано по: 17].

Соответствующий динамический ряд в отношении мигрантов прибывших с целью учебы в РФ их других государств выглядит следующим образом: 2011 г. - 63,3%, 2012 г. – 59%, 2013 г. – 60,8%, 2014 г. – 61,7%, 2015 г. – 55,9%, 2016 г. – 56,3%. Как видим, доля этих контингентов снижается [Рассчитано по: 17].

Интерес представляет и другой миграционный поток, направленный за пределы Российской Федерации, и составленный из россиян, направляющихся на учебу за рубеж. Этот поток является своего рода индикатором, с одной стороны, эффективности государственной политики, направленной на закрепление выпускников средних и высших учебных заведений в стране, препятствующей «утечке умов». С

другой стороны, это своеобразный показатель более успешной и привлекательной образовательной политики, реализуемой зарубежными странами.

В общем миграционном потоке направляющихся за рубеж граждан РФ, доля учебных мигрантов невелика. Однако с 2011 г. она повышалась вплоть до 2015 г., а затем в 2016 г. резко сократилась. Если в 2011 г. среди всех выехавших за рубеж доля выехавших по причине учебы составила 2,5%, в том числе среди выехавших в страны СНГ – 2,1%, в другие страны – 3%, в 2012 г. соответственно 5,4%, 6 и 4,5%, в 2013 г. – 4,4% 4,2 и 4,7%, в 2014 г. – 4,2% 4,3 и 4%, в 2015 г. 4,8%, 4,9 и 4,7%, то в 2016 всего лишь 0,7%, 0,2 и 2,3% [Рассчитано по: 17]. Как видим в 2016 г. доля покинувших Россию граждан с целью учебы сократилась в сравнении с 2015 г. в 6,8 раз, причем в первую очередь снизилась доля таких мигрантов среди выезжающих в страны СНГ. Однако если в относительных показателях наблюдалось снижение, то в абсолютных цифрах число наших сограждан выехавших в ближнее зарубежье на учебу устойчиво росло.

Если миграционный поток выезжающих по причине учебы граждан РФ разделить на два направления – страны СНГ и прочие страны, то с 2011 г. вплоть до 2015 г. большая его часть направлялась в ближнее зарубежье. В 2011 г. на страны СНГ пришлось 49,9% мигрантов этой категории и 50,1% на другие страны, в 2012 г. соответственно 65,3 и 34,7%, в 2013 г. 66,2 и 33,8%, в 2014 г. 69,1 и 30,9%, в 2015 г. 72 и 28%. В 2016 г. ситуация резко изменилась. По причине учебы в страны СНГ выехало 23,9% всех граждан РФ покинувших страну по этой причине и 76,1% в другие страны. Однако, в абсолютных цифрах миграционный поток в страны дальнего зарубежья напротив сокращается с 2014 г. [Рассчитано по: 17].

Подводя итог проведенному анализу, необходимо отметить, что в целом миграционное сальдо в сфере образовательной миграции для России на протяжении периода 2011–2016 гг. оставалось положительным, т.е. в страну активнее въезжают на учебу, чем уезжают учиться в другие страны. При этом миграционные потоки въезжающих и выезжающих в РФ по причине учебы неустойчивы,

подвержены резким колебаниям и чутко реагируют на внешне и внутривнутриполитические изменения. Политика, направленная на активное привлечение иностранных учащихся в страну реализуется достаточно сложно и пока эффект ее незначителен. В целях повышения эффективности данных мероприятий необходимо более детально исследовать комплекс субъективных и объективных факторов, направляющих учебные миграционные потоки.

Библиографический список

1. Арефьев А.Л. Российские вузы на международном рынке образовательных услуг. М., 2007.
2. Арефьев А.Л., Шереги Ф.Э. Иностранные студенты в российских вузах. М., 2014.
3. Бойко Л.Н. О некоторых особенностях социальной адаптации африканских студентов в период учебы на подготовительном факультете // Вопросы социологии и советской африканистики. Вып. 5. М., 1979.
4. Ващенко А.В. Петров В.Н., Ракачев В.Н., Ракачева Я.В. Особенности адаптации иностранных студентов // Социологические исследования. 2009. № 1. С. 117–121.
5. Гаврилов К.А., Градиловский С.Н., Письменная Е.Е., Рязанцев С.В., Яценко Е.Б. Учебная миграция из стран СНГ и Балтии: потенциал и перспективы для России / под общей ред.: К.А. Гаврилова, Е.Б. Яценко. М.: Фонд «Наследие Евразии», 2012.
6. Долженко Р.А., Аксенов К.А. Некоторые актуальные проблемы современной трудовой и образовательной миграции в Российской Федерации // Экономика. Профессия. Бизнес. 2016. № 3. С. 46–51.
7. Забатурина И.Ю., Ковалева Н.В., Кузнецова В.И., Озерова О.К. Развитие статистики образования в Российской Федерации // Вопросы статистики. 2010. № 12. С. 55–68.
8. Ивойлова И. Число иностранных студентов в России вырастет в три раза // Российская газета. 13.11.2017.
9. Кинелев В.Г. Перспективы развития международного сотрудничества вузов юга России и Франции // Материалы совещания ректоров вузов юга России и Франции (31.10 - 01.11.1995 г.). Ростов н/Д., 1995.
10. Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года”. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. №1662-р
11. Минобрнауки РФ. Приоритетный проект «Развитие экспортного потенциала российской системы образования»

[Электронный ресурс] Режим доступа: <http://rlu.ru/2yMGU>

12. Огородникова Е.В., Старикова Л.Д. Проблемы образовательной миграции // *Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования: XX Международная конференция памяти профессора Л.Н. Когана*, 16–18 марта 2017 г., Екатеринбург. Екатеринбург: УрФУ, 2017. С. 1145–1152;

13. Полетаев Д.В., Дементьева С.В., Зурабишвили Т.З. Потенциал учебной миграции в профессиональные образовательные организации в контексте новой миграционной политики // *Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов*. 2014. Т. 324. № 6. С. 118–125.

14. Радина Н.К. Образовательная миграция в контексте новой миграционной политики России // *Материалы XV апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества: в 4-х кн. / под ред. Е.Г. Ясина*. Кн. 4. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2015. С. 271–278.

15. Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // *Вестник МГИМО Университета*. 2012. № 6. С. 7–9.

16. Указ Президента РФ «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» от 31 октября 2018 г. <http://kremlin.ru/events/president/news/copy/58986>

17. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2011–2016 году [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b17_107/Main.htm

18. Agulhon C., Ennafaa R. Les étudiants étrangers. Des trajectoires spécifiques, in Giret, JF., Van de Velde C., Verley, C. (dir.), *Les vies étudiantes. Tendances et inégalités*. Paris, La Documentation Française, 2016.

19. Alghamdi H., Otte S. The Challenges and Benefits of Study Abroad // *International Journal of Humanities and Social Science* Vol. 6, No. 5; May 2016. PP. 16-22.

20. Bochner S., Wicks P. *Overseas students in Australia*. Sydney, 1972; Klineberg O., Hull W.F. *At a foreign university: An International Study of Adaptation and Coping*. N.Y., 1979.

21. Furnham A., Bochner S. *Culture Shock. Psychological reactions to unfamiliar environments*. London and N.Y., 1986;

22. Gyurakovics J. *Les étudiants internationaux à Québec: une étude transculturelle sur les dynamiques de perception des valeurs culturelles liées à la distance hiérarchique et à la proxémie*. Québec, Université Laval, 2014.

23. Jenkins H.M. and Associates. *Educating students from Other Nations*. San Francisco, 1983.

24. Teichler U. Internationally mobile academics: concept and findings in Europe. *European Journal of Higher Education*, 2017, 7(1), 15-28.

25. Zwingmann C.A.A., Gunn A.D.G. Uprooting and health: psychosocial problems of students from abroad. Geneva, 1983.

**ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ
В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.**

**ETHNO-DEMOGRAPHIC PROCESSES
IN THE KRASNODAR REGION AT THE END
OF THE XX - BEGINNING OF THE XXI CENTURY**

Я.В. Ракачева

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Ya.V. Rakacheva

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье на основе материалов всеобщих переписей населения 1989, 2002 и 2010 гг. и данных текущего учета рассматриваются основные тенденции этнодемографических изменений в Краснодарском крае на рубеже XX–XXI вв. Определяется вклад в эти изменения процессов естественного воспроизводства населения и миграционных перемещений. Отмечается, что в рассматриваемый период произошли заметные изменения в этнической структуре региона в целом, а также отдельных районов и населенных пунктов.

Abstract. In the article based on the materials of the general censuses of the population of 1989, 2002 and 2010 and current accounting data examines the main trends of ethno-demographic changes in the Krasnodar Territory at the turn of the XX - XXI centuries. The contribution to these changes of the processes of natural reproduction of the population and migratory movements is determined. It is noted that in the period under review there were noticeable changes in the ethnic structure of the region as a whole, as well as individual regions and settlements.

Ключевые слова: демография, население, этнодемографические процессы, этническая структура, миграции, воспроизводство населения.

Keywords: demography, population, ethno-demographic processes, ethnic structure, migrations, population reproduction.

Краснодарский край сегодня играет исключительно важную геополитическую роль, обусловленную не только его пограничным положением, но и тем, что на Северном Кавказе в настоящее время сосредотачиваются главные политические и экономические интересы России, некоторых стран СНГ и ряда других государств. Имея богатый природно-ресурсный потенциал, развитую промышленность и крупный аграрно-индустриальный комплекс, край является важной экономической единицей Российской Федерации.

Все эти факторы в комплексе с благоприятными природно-климатическими условиями делают край крупнейшим в стране получателем населения: треть в крае составляют не местные уроженцы, а среди родившихся, только шестая часть живет за его пределами [9, с. 42–43].

Краснодарский край – регион, социальная общность которого исторически формировалась как конгломерат различных народов и культур. Сегодня край один из самых многонациональных регионов Российской Федерации. Этническая структура населения края включает более сотни народов и этнических групп, значительно отличающихся в хозяйственно-экономическом и культурном плане [11, с. 11–35].

Большую часть населения края составляют русские. На 2010 г. их доля здесь была выше, чем в среднем по стране – 86,5% против 77,7%. Вместе с тем, еще более двадцати народов насчитывает на данной территории более трех тысяч человек, в том числе восемь с численностью более 10 тысяч, имеющих как автохтонное, так и пришлое происхождение [10].

Относительная устойчивость этнодемографической ситуации в Краснодарском крае, сохранявшаяся здесь во второй половине XX в., в 1990-е гг. была нарушена глубокими изменениями. Ряд тенденций, сложившихся в последнее десятилетие XX в. в этнодемографическом развитии края сохраняют свою актуальность и сегодня, как следствие их изучение представляет научный и практический интерес. Этим и обусловлено рассмотрение в рамках данной статьи этнодемографической ситуации в Краснодарском крае во временном отрезке 1989–2010 гг.

Для анализа изменений этнической структуры населения края нами были использованы материалы переписей 1989, 2002, 2010 гг., а также данные текущего учета Краснодарского краевого комитета государственной статистики. В качестве объекта анализа были выделены народы, имеющие статистически значимые показатели в составе населения края (численностью свыше 3000 чел.), а также те этнические группы, численность которых претерпела в рассматриваемый период наиболее заметные изменения.

К анализу миграционных и демографических процессов во второй половине XX века – начале XXI в. в Краснодарском крае, Адыгее и на Кубани в целом, обращались в своих работах такие авторы как Петров В.Н., Ракачев В.Н., Макаренко М.Ю., Шаповалов С.Н., Трошенок С.В., Шевалдова И.В. и др. в то же время этнодемографическая проблематика исследована достаточно слабо и в силу динамичности исследование этих характеристик требует постоянного мониторинга.

В 1989 г. этническая структура населения края выглядела следующим образом: доля русских составляла 86,71% (здесь и далее показатели рассчитаны без учета данных по Адыгейской АО), украинцев – 3,94%, армян – 3,72%, белорусов – 0,75%, немцев – 0,65%, адыгейцев – 0,45%, татар – 0,31%, грузин – 0,26%, азербайджанцев – 0,22%, евреев – 0,12% [2].

За межпереписной период с 1989 по 2002 г., население Краснодарского края увеличилось на 9,84%. В период между следующими переписями 2002 и 2010 гг. рост населения резко замедлился, прирост составил 1,98%. Таким образом, если в первый период ежегодный прирост составлял 0,76% (38,8 тыс. чел.), то во второй период ежегодный прирост сократился в три раза и составлял 0,25% (12,7 тыс. чел.) [2; 4]. В целом за первый период население выросло на полмиллиона человек, тогда как за второй период на 100 тыс. чел. Существенную долю прироста населения на протяжении всего рассматриваемого периода, и в первую очередь в 1990-е гг. составил миграционный прирост.

Указанные изменения в численности населения края стали следствием кардинальных трансформаций в сфере воспроизводства, а также миграционных перемещений, в

значительной мере обусловленных переходным состоянием российского общества и всего постсоветского пространства. При этом относительно отдельных народов и этнических групп в составе края эти изменения носили различный характер.

Естественный прирост / убыль населения. На протяжении рассматриваемого периода в крае наблюдается значительное снижение показателей естественного прироста населения. В 1989 г. естественный прирост был положительным и составлял 0,66 ‰. В 1990 г. – 0,1‰, 1991 г. – 1,2‰, 1993 г. – 2,4‰, 1993 г. – 5,5‰. Достигнув максимума в 2000 г. – 6,3‰, показатели естественного прироста постепенно стали сдвигаться к положительным значениям, и к 2007 г. убыль сократилась вдвое, достигнув показателя – 3‰, к 2009 г. – 1,1‰, 2012 г. – 1,2‰. К 2013 г. показатели естественного прироста достигли положительных значений и составили 0,2‰ [11, с. 120].

В результате население Краснодарского края за рассматриваемый период за счет естественной убыли уменьшилось более чем на 277 тыс. чел. (это 6% от численности населения края в 1989 г.). В период с 2002 по 2010 гг. масштабы естественной убыли населения в крае составили примерно 86 тыс. чел. (1,7% к численности населения в 2002 г.).

Снижение естественного прироста связано с падением рождаемости и увеличением смертности. Общий коэффициент рождаемости по краю на 1989 г. составлял 15,5‰. В последующие годы он имел устойчивую тенденцию к снижению: 13,2‰ в 1990г., 12,5‰ в 1991 г., 11,5‰ в 1992 г., 10,2‰ в 1993 г. и т.д. В 1999 г. этот показатель в крае достиг своего минимума – 8,4‰ [11, с. 120]. Это очень низкое значение, если учесть, что в демографии рождаемость в пределах 20–15‰ считается низкой, ниже 15‰ – очень низкой [5, с. 22].

Начиная с 2000 г. общий коэффициент рождаемости имеет тенденцию к повышению, однако темпы его гораздо медленнее. В 2010 г. общий коэффициент рождаемости в Краснодарском крае составлял уже 12,2‰, а к 2013 г. вырос до 13,1‰ [12].

Показатели смертности в крае менялись противоположным

образом. В период с 1989 г. по 1994 г. общий коэффициент смертности вырос с 12,8‰ до 15,8‰, затем он немного снизился к 1998 г. (до 14,0‰), снова повышался до 15,7‰ в 2003 г. и затем наметилась тенденция к снижению. К 2014 г. этот показатель достиг уровня 12,9‰, [12] что соответствует значению умеренной смертности (в пределах 15 – 20‰), но не достигает показателя низкой смертности (10–15‰) [5, с. 22].

Таким образом, рост численности населения Краснодарского края происходил преимущественно за счет миграционного притока. Используя уравнение демографического баланса, мы можем определить вклад миграции в изменение численности населения Краснодарского края. За межпереписной период с 1989 по 2002 гг. численность населения края увеличилась за счет миграции на 780 тыс. чел. То есть ежегодный миграционный прирост в этот период составлял 60 тыс. чел. При этом необходимо отметить, что в разные годы миграционные потоки имели разную интенсивность.

В период с 2002 по 2010 г. население края увеличилось за счет миграционного прироста на 187 тыс. чел. Ежегодный миграционный прирост составил 23,4 тыс. чел., что почти в три раза меньше, чем в предыдущем периоде. В целом именно благодаря активной миграции население Краснодарского края на протяжении всего рассматриваемого периода увеличивалось, миграции компенсировали естественную убыль населения края.

Вместе с тем, как уже было отмечено выше, динамика численности отдельных народов существенно различалась. Анализ этих различий позволяет выделить несколько кластеров и сгруппировать народы и этнические группы в зависимости от характера изменений.

В итоге можно выделить три основных кластера:

1. Народы и этнические группы, уменьшение численности которых в крае было постоянным и наблюдалось на протяжении всего рассматриваемого периода: адыгейцы, белорусы, греки, евреи, украинцы, молдаване, мордва, немцы, поляки, удмурты, чувашаи. Наиболее заметно сократилась численность адыгейского населения на 86,4% в период с 1989

по 2002 гг. и на 12,6% в период с 2002 по 2010 гг. [3]. Численность белорусов сократилась на первом этапе на 29,8%, в последующий переписной период еще на 35,7%. Численность болгар также имела тенденцию к сокращению, их число уменьшилось на 40,4% за весь рассматриваемый период. Сокращалась на протяжении всего периода численность греков на 24,4%. На 56,6% сократилась численность евреев в крае. Почти на 2/3 сократилась численность немецкого населения (на 61,7%). На 34,4% стало меньше в крае молдаван, на 57,2% мордвы, на 46,1% поляков, на 57,2% украинцев [4].

2. Народы и этнические группы, у которых в крае наблюдался положительный естественный прирост на протяжении всего рассматриваемого периода. Это русские, армяне, абхазы, ассирийцы, йезиды, ингуши, курды, аварцы, лезгины, осетины, цыгане, черкесы, шапсуги.

При этом увеличение их численности было не одинаковым. Если численность русских выросла на 5,2%, то армянское население за период с 1989 по 2010 г. удвоилось (увеличилась на 54,6%). На 38,6% выросла численность цыган. Увеличивалась постоянно численность представителей народов Северного Кавказа: осетина на 61,5%, черкесов на 38,4%, ингушей на 145,5%, абхазов на 123,7%, народов Дагестана – лезгин на 33,5%, аварцев на 59,9% [Рассчитано по: 1; 2; 3; 10].

Наибольший прирост наблюдался у ассирийцев, численность которых в Краснодарском крае выросла на 1119,4%. Также заметно выросла численность курдов на 133,7% и йезидов на 13,1%. Вместе с тем темпы роста численности отдельных народов в разные межпереписные периоды были неравномерными. У некоторых этнических групп наиболее значительный прирост пришелся на период с 1989 по 2002 гг. – у абхазов (на 112,6% в первый период и 5,2% во второй), ингушей (117,8% и 12,7% соответственно), курдов (99,0% и 17,5%), лезгин (22,0 и 9,4%) [Рассчитано по: 1; 2; 3; 10]. Это в первую очередь следствие активных миграций вызванных действием различных факторов, преимущественно вынужденного характера.

3. Народы и этнические группы, динамика численности которых в рассматриваемый период характеризуется

неустойчивостью, т.е. в один межпереписной период их численность росла, в другой сокращалась.

К ним относятся такие народы как чеченцы (их численность сначала резко выросла в крае на 59,0%, а затем сократилась на 19,2%), узбеки (с 1989 по 2002 гг. сократилась на 16,8%, с 2002 по 2010 гг. выросла на 57,0%), татары (выросла в первый межпереписной период на 48,7% и сократилась во второй на 2,9%), турки (выросла в первый период на 532,1% и сократилась на 36,8% во второй), грузины (выросла на 60,8% на первом этапе и сократилась на 13,0% на втором), азербайджанцы (увеличилась в первый период на 5,1% и сократилась на 14,9% во второй период) [Рассчитано по: 1; 2; 3; 10]. Подобная динамика неоднозначно указывает на такой фактор изменения численности данных народов как вынужденная миграция [8, с. 26]. По окончании действия выталкивающих факторов, часть представителей данных народов возвращаются в места прежнего проживания (например, чеченцы, азербайджанцы, грузины) или мигрируют на другие территории (турки, татары).

Примером такой этнической группы могут быть турки-месхетинцы, которые вследствие межэтнических конфликтов вынужденно мигрировали на территорию Краснодарского края и соседние регионы. Как следствие народ, который был представлен здесь небольшой по численности группой, резко увеличивает свою численность до нескольких тысяч, а затем десятков тысяч человек. К 1989 г. в крае проживало 2119 турок-месхетинцев, к 2000 г. их численность по разным оценкам составляла здесь 13-16 тыс. человек [9, с.74-75]. В переписи 2002 г. большинство из них были переписаны как турки (13496 чел.) и 116 чел. как турки-месхетинцы. С 2004 г. в ходе реализации программы по переселению месхетинских турок в США их большая часть выехала за пределы края [6, с. 287]. К 2010 г. в крае было учтено 8527 чел. турок и 158 турок-месхетинцев [10].

В последние годы происходит снижение миграционного потока на территорию края. При этом среди мигрантов увеличивается доля представителей народов Северного Кавказа и Закавказья, Средней Азии, что в свою очередь продолжает

менять этническую структуру населения.

В целом согласно материалам всероссийской переписи населения 2010 г. в Краснодарском крае доля русских составляет 86,5%. Вторым по численности народом в крае являются армяне, их доля составила 5,4%. Третью позицию занимают украинцы – 1,6%. Доля представителей других народов не превышает 1%. Наиболее многочисленными из них – татары – 0,5%, греки – 0,4%, адыгейцы – 0,3%, грузины – 0,3%, азербайджанцы – 0,2%, немцы – 0,2%, турки – 0,2%, цыгане – 0,2%, народы Дагестана 0,2%, черкесы – 0,1%, йезиды – 0,1%, курды – 0,1%, молдаване – 0,1% [Рассчитано по: 1, 10].

За период с 1989 г. доля русских в крае сократилась на 0,2%, украинцев на 2,3%, адыгейцев на 0,2%, немцев на 0,5%, белорусов на 0,5%, евреев на 0,1%. Напротив, выросла доля армян на 1,7%, турок на 0,2%, цыган на 0,2%, черкесов на 0,1%, йезидов и курдов по 0,1%, грузин на 0,1% и т.д. [Рассчитано по: 1, 10].

Прогнозируя дальнейшее развитие этнодемографических процессов можно предположить, что в связи с сокращением миграционного потока и сравнительно низкими темпами естественного прироста население Краснодарского края будет стабильным или будет уменьшаться. При этом национальный состав населения будет меняться: доля русских как основного этноса будет сокращаться, доля народов Северного Кавказа, Закавказья, Средней Азии будет постепенно расти, как вследствие миграций, так и в результате сохраняющихся у этих народов традиций в сфере матримониального и репродуктивного поведения, что в свою очередь обеспечивает им более высокие показатели естественного прироста.

Происходящие изменения в этнической структуре края могут потребовать соответствующих мероприятий социокультурного характера.

Библиографический список

1. Атлас по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года. М.: ИИЦ «Статистика России», 2013. 155 с.
2. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по регионам России. [Электронный ресурс] – Режим

доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php (дата обращения 11.09.2018).

3. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. В 14 т. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. В 2-х кн. М.: ИИЦ «Статистика России», 2004.

4. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Том 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. М.: ИИЦ «Статистика России», 2011.

5. Казьмина О.Е., Пучков П.Е. Основы этнодемографии. М., 1994. 235 с.

6. Мамаев М.И. Турки-месхетинцы в этнополитической ситуации Северного Кавказа: выход из кризисного состояния // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 12. 2010. № 2. С. 285–289.

7. Население СССР по данным всесоюзной переписи населения 1989 г. М.: «Финансы и статистика», 1990. 45 с.

8. Оберемко О.А., Кириченко М.М. Вынужденные переселенцы на Кубани: институциональная перспектива управления. Краснодар, 2001. 149 с.

9. Петров В.Н., Ракачев В.Н., Ракачева Я.В., Черный В.И. Мигранты в Краснодарском крае: проблемы адаптации и формирования толерантной культуры: Учеб. пособие. Краснодар: Кубанский гос. универ., 2002. 240 с.

10. Предварительные итоги всероссийской переписи населения 2010 года. Статистический сборник. М.: ИИЦ «Статистика России», 2011. 87 с.

11. Ракачев В.Н., Ракачева Я.В. Краснодарский край: этносоциальные и этнодемографические процессы (вторая половина 1980-х – начало 2000-х гг.). Краснодар: Кубанский гос. универ., 2003. 240 с.

12. Регионы Российской Федерации. Основные демографические показатели. Единая межведомственная информационно-статистическая система. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/ias/ias05.php?tim=0&cou=42&terr=102&ind=97&Submit=ОК> (дата обращения 11.09.2018)

13. Социально демографический портрет России по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года. М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. 183 с.

ЭТНОМЕДИАЦИЯ И КРОСС-КУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ

MEDIATION AND CROSS-CULTURAL DIALOGUE

Г.П. Рогочая

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

G.P. Rogochaya

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В настоящее время межнациональные и этнические противоречия, элементы межконфессиональной розни и религиозной нетерпимости являются, в основном, продолжением существующих социально-экономических проблем, которые с особой остротой проявляются на Юге России. Необходима выработка адекватного инструментария, учитывающего этническую и религиозную специфику коммуникации в практиках конфликто разрешения.

Abstract. At present interethnic and ethnic contradictions, elements of interconfessional discord and religious intolerance are mainly a continuation of the existing socio-economic problems, which are particularly acute in the South of Russia. It is necessary to develop adequate tools that take into account the ethnic and religious specifics of communication in the practices of conflict resolution.

Ключевые слова: кросс-культурный диалог, коммуникация, этномедиация, практика разрешения конфликтов

Keywords: cross-cultural dialogue, communication, ethnomediation, conflict resolution practice

Конец XX – начало XXI века отмечены появлением новых феноменов общественной жизни таких, как этнический и религиозный ренессанс. Сущность этих явлений состоит в значительном повышении роли этничности и религиозности в общественных процессах, новой волне повышенного интереса к этнической и религиозной идентичности, языку, культуре, традициям и образу жизни, специфике построения диалоговых

практик с другими культурами и религиями. Вопросы взаимовлияния, взаимопроникновения разных культур, их адаптации и ассимиляции – это вопросы не только о соотношениях различных «картин мира», сложившихся в этнических, национальных или религиозных культурах, но и вопросы построения конструктивной коммуникации между представителями различных культур. Не только диалоговые практики, но и способы конфликтного взаимодействия имеют этническое и религиозное своеобразие, обусловленное этно-религиозной картиной мира, особенностями этнической психологии. Этно-религиозная идентичность является одним из способов психологической адаптации и психологической защиты в условиях усложняющихся противоречий современного мира. «Человек через этническую идентичность выстраивает целостную картину мира, наполненную ценностями и смыслами, разделяемыми представителями его этнической группы. Таким образом, этничность может создавать для индивида иллюзию безопасности через присоединение к большой группе... Многие люди находят в чувстве этнической принадлежности стабильность перед лицом быстрых системных изменений окружающего мира. Очевидно, что данная функция этничности определяет большую значимость этого явления в процессах социальной мобилизации...» [3].

Проблемы кросс-культурной коммуникации являются одними из центральных, в новых исторических обстоятельствах в начале XXI в., особенно, в такой полиэтничной и поликонфессиональной стране, как Россия. Как отмечает Н.М. Лебедева при разрушении любой (государственной, социальной) идеи, скреплявшей общество, в целях удовлетворения основной потребности человека в определенности на сцену выходит более древняя и устойчивая форма структурирования мира – этническая [1, с. 316]. В условиях затянувшегося в нашей стране процесса формирования гражданской идентичности, необходимо учитывать этнической и религиозное своеобразие, как в построении диалоговых практик между представителями различных типов идентичностей, так и в практиках

конфликто разрешения.

В настоящее время межнациональные и этнические противоречия, элементы межконфессиональной розни и религиозной нетерпимости являются, в основном, продолжением существующих социально-экономических проблем, которые с особой остротой проявляются на Юге России. Необходима выработка адекватного инструментария, учитывающего этническую и религиозную специфику коммуникации в практиках конфликто разрешения.

Распад Советского Союза и миграционные процессы как следствие этих изменений привели к тому, что на всем постсоветском пространстве практически не осталось полиэтнокультурных регионов, для которых проблема регулирования межэтнических и межконфессиональных отношений и разрешения межэтнических и межконфессиональных конфликтов не оказалась бы наиболее острой. Сложность решение этой задачи во многом определяется тем, что этнические и конфессиональные конфликты на Юге России, являются результатом не каких-то локальных противоречий, а обусловлены целым комплексом геополитических, социально-экономических, культурных, конфессиональных, демографических факторов. Это своего рода «слоеный пирог» противоречий. Причем в каждом из региональных конфликтов данные факторы образуют свою собственную форму. Поэтому выработка каких-то универсальных клише к урегулированию конфликтов не будет иметь никакого практического смысла. Свои специфические проблемы в сфере межэтнических отношений существуют не только в южных и кавказских республиках, но и в русскоязычных краях и областях Юга России. Проблемы социоэкономической, ментальной, социокультурной адаптации мигрантов к новым условиям жизнедеятельности, а с другой стороны и определенная встречная адаптация коренного населения русских территорий, выходят на первый план в сфере национальной политики и регулирования кросскультурных конфликтов и понимания механизмов кросскультурной коммуникации и кросскультурного диалога.

Не смотря на существенные достижения в разработке и практике применения техник преодоления конфликтов, не все из них могут быть эффективными, когда речь идет о конфликтах ценностей, ярче всего проявляющихся в этнических и конфессиональных столкновениях.

Обращаясь к изложению способов регулирования конфликтов, отметим, что при всем их разнообразии эти способы можно свести к трем вариантам. Силовой способ, формально-правовой способ и подход, основанный на взаимных уступках. Последний из указанных типов конфликтного взаимодействия становится возможным как самостоятельно конфликтующими сторонами, так и благодаря участию независимого посредника, например, психолога, медиатора и др. Независимый посредник может показать конфликтующим сторонам возможность их дальнейшего сотрудничества для разрешения стоящих перед ними общих проблем. Такая форма конфликтного взаимодействия придает конфликту не разрушительное, а созидательное содержание и позволяет создать основу для последующего диалога.

В основе своей конфликт ценностей – это не что иное, как столкновение различных «картин мира», различных типов идентичностей, имеющих, в том числе и этнически обусловленную специфику. Поэтому, в известном смысле разрешение многих конфликтов необходимым образом предполагает выход за пределы этничности, преодоление воздействия комплекса «мы-они». Этномедиация кросскультурных конфликтов, как одно из направлений медиации, является инструментом реализации данных идей, ищет решения между крайностями, способствует сближения позиций сторон на основе универсальных базовых ценностей.

Понимая этномедиацию как процедуру урегулирования конфликта, когда хотя бы одна из конфликтующих сторон выстраивает свои требования, руководствуясь этническими установками, ценностями, стереотипами, отметим, что она позволяет найти компромисс между различными «картинами мира», сформированными в разных этносоциальных системах, без разрушения этнического своеобразия. В современном социокультурном пространстве России соприкасаются

несколько цивилизационных парадигм, предполагающих различные когнитивные модели восприятия «картины мира»: премодерна, модерна и постмодерна. Особенно болезненно столкновение этих моделей происходит в этнических республиках. Эксперты из Адыгеи, Ингушетии отмечают возникновение конфликтов коммуникации не только в межэтнической коммуникации, но и межпоколенческие конфликты коммуникации внутри одной культуры. В каждой из указанных моделей этничность проявляется по-разному и медиация, реализуя постмодернистский подход, позволяет осуществить принцип равенства каждой из систем ценностных ориентаций, представленных в данных когнитивных системах. Методологически это соотносится с идеями М.М. Бахтина, В.С. Библера, М. Бубера, П. Сорокина, отстаивавших идею того, что любая культура способна развиваться только на стыке с другими культурами, в диалоге с ними. Учет этнических особенностей культурной коммуникации при построении кросскультурного диалога отвечает принципу «единства социальности и культуры».

Медиация кросскультурных конфликтов дает возможность перевести конфликтное взаимодействие сторон в форму диалога с участием независимого посредника. Именно медиатор-посредник обеспечивает соблюдение процедурного подхода при разрешении конфликтов, и поддерживает конструктивную установку, ориентируя стороны на поиск взаимоприемлемых решений. Посредничество является наиболее мягкой формой участия третьей стороны в урегулировании конфликта.

А.Н. Островский указывает на два основных аспекта интеграции медиации в межкультурные отношения. Это, прежде всего, «использование медиации в интеграционных процессах экономических пространств, медиация в межкультурных, межэтнических, межконфессиональных конфликтах как способ урегулирования и способ превенции» и во-вторых, использование медиации и медиативного подхода как способа поддержания межкультурного диалога [2, с. 12].

В силу исторических и политических событий прошлого народы Северного Кавказа выработали уникальные механизмы

адаптации к инокультурным влияниям, сохранив этническое своеобразие в построении диалоговых практик и практик конфликто разрешения. Изучение данного опыта, исследование социально-психологических особенностей практик построения диалога и практик конфликто разрешения будет способствовать сохранению стабильности российского общества.

Библиографические ссылки

1. Лебедева Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию: Учеб. пособие. М.: Старый сад, 1998.

2. Островский А.Н. Актуальные направления научных исследований в области медиации и развития медиативных практик. Обзор материалов научно-практической конференции «Медиация: теория, практика, перспективы развития» 13-14 апреля 2017 г. М., 2017.

3. Рогочая Г.П., Савва Е.В., Улько Е.В. Этничность как контекст конфликтного взаимодействия: психологический и социально-политический аспекты // Человек. Сообщество. Управление. 2018. № 2.

**ЭТНИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННЫЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ
ГРАЖДАН В СИСТЕМЕ МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ:
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ**

**ETHNICALLY ORIENTED ASSOCIATIONS OF CITIZENS
IN THE SYSTEM OF LOCAL COMMUNITIES:
CONCEPTUAL APPROACHES**

Е.В. Савва

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

E.V. Savva

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье представлены результаты исследования роли и особенностей этнически ориентированных объединений граждан в местных сообществах. Дается авторский подход к пониманию местных сообществ и критерии их выделения, обобщаются принципы законодательного регулирования деятельности этнически ориентированных объединений и последствия данного регулирования, делаются выводы о специфических функциях подобных объединений.

Abstract. The article presents the results of the research of the role and characteristics of ethnically oriented associations of citizens in local communities. An author's approach to the understanding of local communities and the criteria for their isolation is given, the principles of legislative regulation of the activities of ethnically oriented associations and the consequences of this regulation are summarized, conclusions about the specific functions of such associations are made.

Ключевые слова: этнически ориентированные объединения граждан; местные сообщества; вопросы местного значения; органы местного самоуправления.

Keywords: ethnically oriented associations of citizens; local communities; local issues; local governments.

Созданные по этническому критерию и для решения задач, связанных с этничностью, объединения граждан играют важную роль в сложной системе местных сообществ. Такие организации оказывают влияние не только на представителей этнических общностей, которыми они созданы, но также на местные сообщества в целом. По мнению автора, на современном этапе такие объединения целесообразно исследовать не изолировано, а в системе местных сообществ и с учетом организационных форм таких объединений. С учетом большого разнообразия форм подобных объединений, обобщающим понятием для них является понятие на основе общего целеполагания – этнически ориентированные объединения. Именно этнически ориентированные объединения формируют и артикулируют интересы представителей этнических общностей.

Конституция Российской Федерации в статье 30 гарантировала гражданам право на объединение и свободу деятельности общественных объединений [1]. Целью такого объединения на некоммерческой основе является защита прав и интересов представителей целевых групп, получение и предоставление им самых различных социальных услуг. Объединения обеспечивают чувство причастности и защищенности носителям этнических характеристик. Эти очевидные для активных этнофоров выгоды привлекают их в состав этнически ориентированных объединений. Помимо непосредственных результатов, актуальных для этнофоров, подобные объединения оказывают влияние на социальную жизнь в стратегической перспективе. К долгосрочному влиянию некоммерческих организаций необходимо отнести усиление самоорганизации граждан.

Автор уверенно констатирует, что действующее российское законодательство в качестве основной организационной формы реализации права граждан на объединение рассматривает некоммерческие организации (НКО). Это подтверждается глубиной разработки темы НКО в российском законодательстве, количеством регулирующих нормативных актов, в том числе федеральных законов и законов субъектов РФ. Некоммерческие организации создаются

гражданами по собственной инициативе в различных формах. Среди этих форм наиболее часто встречаются общественные, благотворительные организации, некоммерческие партнерства, автономные организации и учреждения.

Законодательство о некоммерческих организациях в России динамично. Оно достаточно часто корректируется как в результате изменений политической ситуации, так и в силу экономической необходимости, например, создания условий для поддержки деятельности отдельных видов организаций органами власти. В то же время, ряд принципов и норм, изначально заложенных в законодательство постсоветской России в первые годы ее существования, продолжают действовать в настоящее время.

Согласно статье 2 Федерального закона от 12.01.1996 N 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», некоммерческой признается организация, не имеющая основной целью извлечение прибыли и не распределяющая полученную прибыль между участниками [2]. Необходимо особо отметить, что сама суть определения НКО в российском законодательстве разграничивает организации этого вида от коммерческих, которые получают прибыль и распределяют ее в форме дивидендов между акционерами. Запрет на прибыль ориентирует некоммерческие организации на социальные результаты и влияние. Политические партии относятся к некоммерческим организациям, однако в РФ не допускается создание политических партий по этническому критерию. В силу этого, автор не рассматривает в данной статье политические партии как форму самоорганизации активных этнофоров.

Важно также подчеркнуть, что граждане могут создавать некоммерческие организации, а именно общественные объединения, без образования юридического лица. Общественное объединение – это добровольное, самоуправляемое некоммерческое формирование, которое создается по инициативе граждан на базе общности интересов для достижения общих целей [3]. Деятельность общественных объединений регулируется Федеральным законом от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях». Возможность

деятельности без образования юридического лица расширяет категорию фактически действующих в местных сообществах НКО. Автор исходит из того, что официальный статус организации, а именно наличие или отсутствие государственной регистрации, не оказывает существенного влияния на ее деятельность. Неформальные объединения представителей этнических общностей, которые часто называют «общинами», широко распространены в РФ и в Краснодарском крае. Подобные этнические общины, как правило, не имеют определенного круга членов. Для них характерно устойчивое организационное ядро – руководители общины, и динамичный круг участников. Руководители общин обычно рассматривают в качестве их членов всех участников массовых мероприятий – национальных праздников, концертов самодеятельных коллективов и т.д.

Правовые предпосылки определения функций некоммерческих организаций граждан в местных сообществах определены статьей 1 Федерального закона № 131 «Об основах организации местного самоуправления». Само определение местного самоуправления (МСУ) в законодательстве Российской Федерации исходит из приоритета роли людей, проживающих в местных сообществах, по отношению к органам публичной власти. Местным самоуправлением в РФ признается такая форма осуществления народом его власти, которая обеспечивает населению самостоятельное и под свою ответственность решение непосредственно и/или через органы местного самоуправления вопросов местного значения [4].

Вопросы местного значения – это вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения муниципального образования, решение которых в соответствии с Конституцией Российской Федерации и ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления» осуществляется населением и (или) органами местного самоуправления самостоятельно. Такое определение вопросов местного значения подчеркивает их актуальность как для сообщества в целом, так и для каждого гражданина. С вопросами непосредственного обеспечения жизнедеятельности люди сталкиваются чаще всего. Эффективное решение

подобных вопросов важно для человека, вне зависимости от его социального статуса и политических взглядов. Перечень вопросов местного значения является закрытым, то есть местные сообщества всегда знают полный спектр своих полномочий и ответственности.

Исчерпывающие перечни вопросов местного значения (ВМЗ) установлены Федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления» для всех видов муниципальных образований – городов, районов, поселений. Среди ВМЗ присутствует такой, как разработка и осуществление мер, направленных на укрепление межнационального и межконфессионального согласия, поддержку и развитие языков и культуры народов РФ, реализацию прав национальных меньшинств, профилактику межнациональных (межэтнических) конфликтов. Таким образом, местные сообщества не просто имеют право, но обязаны в силу требований федерального законодательства решать вопросы национально-культурного развития, принимать меры по реализации прав представителей национальных меньшинств и заниматься профилактикой межэтнических конфликтов. Отнесение вопросов этнокультурного развития и профилактики межэтнических конфликтов к вопросам местного значения означает признание законодателем их высокой важности для местных сообществ.

Подчеркнем, что, согласно формулировке понятия местного самоуправления, решение вопросов местного значения возможно не только органами местного самоуправления, но также непосредственно населением, или при совместном участии населения и органов МСУ. Более того, определение местного самоуправления в соответствующем законе делает приоритетным решение вопросов местного значения именно населением непосредственно. Законодательство о местном самоуправлении РФ предусматривает также решение вопросов местного значения населением через органы местного самоуправления. Подобный способ действия прямо предполагает взаимодействие населения и местной власти. Таким образом, эта норма федерального закона обеспечивает законодательную основу не

только самостоятельной активности граждан и их объединений на муниципальном уровне, но также взаимодействия граждан и их объединений, в том числе этнически ориентированных, с органами МСУ.

Аспект взаимодействия с органами власти особо важен для этнически ориентированных объединений. Их важнейшей функцией является защита прав и интересов членов таких объединений. Реализовать данную функцию без взаимодействия с властью невозможно. Не случайно в РФ существует Федеральный закон от 17 июня 1996 г. N 74-ФЗ «О национально-культурной автономии», который можно отнести к категории специализированных [6]. Он выделяет особую группу некоммерческих организаций – национально-культурные автономии (НКА), и регулирует их деятельность. Все особенности НКА как вида общественного объединения определены необходимостью единого представительства этнического меньшинства во взаимодействии с властью. Так, только для национально-культурных автономий предусмотрена организационная вертикаль – региональную НКА могут создать только несколько местных НКА, а федеральную – не менее половины региональных НКА данной этнической общности. Подобная структура дает национально-культурным автономиям определенные основания претендовать на представительство интересов членов этнической общности в отношениях с властью. Отметим, что указанный Федеральный закон предусмотрел возможность создания местных НКА, действующих в местных сообществах и участвующих в решении вопросов местного значения.

Необходимо подчеркнуть, что участие некоммерческих организаций возможно в решении любого из вопросов местного значения. Безусловно, решение каждого из этих вопросов требуют специальной квалификации. В то же время, некоммерческие организации в силу их социальной роли могут не только выступать непосредственными исполнителями решения ВМЗ наряду с органами местного самоуправления, но также осуществлять общественный контроль, представляя интересы членов и групп местного сообщества.

Непосредственное участие некоммерческих организаций в решении вопросов местного значения и общественный контроль за решением данных вопросов являются важным ресурсом развития местных сообществ. Задачи местных сообществ в современных условиях достаточно быстро усложняются, и решение многих новых задач силами одной только власти становится невозможным. В течение последних полутора десятилетий отечественные исследователи активно обсуждают научную и прикладную тему усложнения функционала местного самоуправления в России. Так, Ф.Ю. Ерофеев констатирует в своем диссертационном исследовании формирование потребности решения местным самоуправлением принципиально новых вопросов местного значения и осуществления связанных с данными вопросами существенно больших по объему функций. Эта потребность существенно обострила проблему самостоятельности, деловой активности, ответственности и инициативы не только органов местного самоуправления, но и местного сообщества как социальной системы [8].

В настоящее время стала очевидной необходимость включать в решение вопросов местного значения ресурсы других секторов общества, а именно гражданского общества и бизнеса. Как пишет А.И. Куриленко, в обществе типа нашего времени, ориентированном на развитие, местное самоуправление является интегрирующей платформой для реализации интересов членов местных сообществ, некоммерческих организаций и бизнеса [9, с. 17–19]. Этнически ориентированные объединения граждан играют особую роль в системе местного сообщества. Они могут выполнять все те функции, которые характерны для других объединений граждан, и в то же время осуществлять еще одну принципиально важную функцию. Такие объединения либо создают условия для межэтнических конфликтов, либо, напротив, содействуют их профилактике и урегулированию. Данная функция принципиально важна, поскольку в фазе напряженности и эскалации межэтнического конфликта развитие местного сообщества замедляется или же вовсе прекращается. Можно констатировать, что этнически

ориентированные объединения располагают возможностью предоставить местным сообществам, особенно небольшим по численности, ресурс стабильности.

Важно подчеркнуть, что вопросы местного значения есть не только у поселений, жители которых объединены чувством причастности к своему селу, поселку, городу, но также у муниципальных районов, объединяющих большие территории и разнородные поселения. В связи с этим контексте настоящего исследования становится актуальным понятие местного сообщества.

Как отмечает Д.В. Прохоров, в базовом федеральном законе, определяющем принципы организации местного самоуправления в РФ, понятие местного сообщества не сформулировано [10]. В то же время, обычно под местным сообществом в науке и практике управления понимается все население муниципального образования [13]. Как полагает автор настоящей статьи, местным сообществом можно считать население далеко не каждого муниципального образования. Такой подход определен системой признаков местного сообщества. На основе анализа различных подходов к пониманию местных сообществ, можно выделить следующие признаки: население, ограниченная территория, достаточно тесные социальные взаимодействия жителей данной территории, чувство причастности людей к сообществу. Таким критериям соответствует население поселения, сельского или городского, но не района или субъекта Федерации. Для жителей таких больших территорий, как район или субъект РФ, активность социальных связей объективно ниже по сравнению с поселением, даже большим, например, городом. Соответственно, чувство причастности к такому сообществу значительно слабее, и в целях данной статьи автор не может рассматривать их в качестве местных сообществ.

Главной характеристикой любого местного сообщества является система горизонтальных связей между элементами этого сообщества, понимаемыми в качестве системы. В целях настоящего исследования важно, что местное сообщество мы можем рассматривать в качестве локального, связанного с ограниченной территорией поселения, гражданского общества.

Это позволяет применять наработки на тему взаимодействия власти и некоммерческих организаций, выработанные для системы гражданского общества, к местным сообществам. Автор включает органы местного самоуправления в систему местного сообщества. Они являются органичной частью местного сообщества, выполняя в нем важную функцию управления. Таким образом, местное сообщество – это система горизонтальных связей локального гражданского общества, дополненная вертикальными связями органов управления сообщества и управляемых элементов сообщества.

Соотношение в местном сообществе вертикальных и горизонтальных связей во многом определяет его характеристики, например, активность локальных объединений граждан и гражданских активистов, качество и эффективность взаимодействия органов местного самоуправления и граждан. Необходимо учитывать, что организации гражданского общества составляют большую часть всех структур местного сообщества, значительно превышая по количеству органы местного самоуправления. Такие организации формируются на основе свободного выбора и добровольного согласия их участников. Атрибутами таких организаций выступают самоорганизация и самоуправление. Вертикальные взаимодействия в системе гражданского общества также присутствуют. Они возникают, например, при формировании ассоциаций, то есть формировании координирующей общую для нескольких организаций деятельность. Для национально-культурных автономий, как было указано выше, вертикальные взаимодействия более характерны в сравнении с другими видами непартийных общественных объединений. В то же время, горизонтальные связи в гражданском обществе доминируют. Важным фактором оценки значимости взаимодействий разного вида является отсутствие у организаций гражданского общества властных полномочий. Органы местного самоуправления меньше по количеству и численности, однако, они наделены функциями принятия общеобязательных решений. Можно сделать вывод об обязательном присутствии в системе местного сообщества как организаций гражданского общества, так и органов местного

самоуправления. Данный вывод предполагает не просто важность, но органичность взаимодействия этих основных элементов местного сообщества. Акцентируя внимание на этнически ориентированных объединениях граждан, необходимо отметить применительно к системе вертикальных и горизонтальных связей, что для таких объединений типично активное включение во взаимодействие с властью. Функции таких объединений объективно требуют представительства интересов членов объединений при решении вопросов, которые невозможно решить изолировано от органов местного самоуправления. Данную особенность важно подчеркнуть, поскольку она не соответствует основной тенденции, которую фиксируют отечественные исследователи, а именно – процессу дистанцирования организаций гражданского общества от власти [12]. Таким образом, для этнически ориентированных объединений в системе вертикально-горизонтальных связей местного сообщества характерно, в отличие от многих других видов объединений, активное участие не только в горизонтальных, но и в вертикальных взаимодействиях.

Объединения граждан выполняют ряд важных социальных функций. Система данных функций до настоящего времени выступает объектом споров представителей различных научных дисциплин. В то же время, анализ результатов современных исследований позволяет выявить некоторые бесспорные социальные функции НКО. К ним прежде всего следует отнести функцию структурирования гражданского общества. Гражданское общество включает в себя множество разнообразных элементов, которые объединены такой общей характеристикой, как не включенность в систему публичной власти. Такими элементами являются, например, гражданские активисты, территориальные сообщества, этнические общности, некоммерческие организации. Для большинства систем характерно наличие основных элементов, которые определяют ее содержание. Характеристики основных элементов в значительной степени формируют характеристики системы в целом. Для гражданского общества такими основными элементами являются некоммерческие организации в силу того, что членами действующих организаций являются

мотивированные активные люди. Высокая мотивация и активность являются важной предпосылкой эффективности их социального влияния. Некоммерческие организации имеют, как любая организованная структура со сложившейся системой управления, достаточно высокий потенциал влияния на людей. Можно констатировать, что в таком субъекте, как этнически ориентированные объединения сочетаются два фактора силы социального влияния – мотивированная активность личности и организационный потенциал общественного объединения. Структурирование гражданского общества не только делает его более удобным объектом для исследования. Такое структурирование делает общество более привлекательным и важным для его членов. Люди в условиях структурированного общества лучше понимают, кто какую функцию выполняет и к кому можно обращаться для решения проблем.

Со структурированием тесно связана такая функция НКО, как развитие упомянутых выше горизонтальных связей в местных сообществах. Сильные горизонтальные связи обеспечивают сплоченность местных сообществ. Для некоммерческих организаций и других видов объединений граждан характерно тесное взаимодействие с другими профильными НКО для обмена информацией, проведения совместных мероприятий и координации деятельности. Подобная активность является органичной для НКО, нацеленных на получение социального результата. Взаимодействие осуществляется как некоммерческими организациями из различных городов и других разделенных расстояниями поселений, так и НКО из одного местного сообщества. Подобные взаимодействия усиливают плотность социальных связей в местном сообществе в целом и повышают сплоченность сообществ. Применительно к этнически ориентированным объединениям необходимо выделить такую функцию, как горизонтальные взаимодействия с другими подобными объединениями. Эта деятельность является важным элементом профилактики межэтнических конфликтов, поскольку она обеспечивает взаимопонимание в сложной системе кросс-культурного взаимодействия, а также дает возможность этническим элитам быстро реагировать на

предпосылки конфликтных ситуаций. Чрезвычайно интересный институциональный формат такого горизонтального взаимодействия – Центр национальных культур, был создан в 1992 г. в Краснодаре. В настоящее время Центр является площадкой взаимодействия 35 национально-культурных организаций [11].

Объединения граждан стабилизируют социальную систему. Деятельность таких объединений, направленная на решение социальных проблем их членов и представителей целевых групп, снижает их остроту и, таким образом, уменьшает социальные противоречия. Этнически ориентированные некоммерческие организации, национально-культурные автономии ведут активную благотворительную деятельность и работу по предоставлению социальных услуг своим членам, которые не нуждаются в благотворительности. Довольно часто такие объединения демонстрируют высокую эффективность, особенно в случаях, когда требуется быстрая реакция на острую проблему. Объединения граждан более оперативны по сравнению с государственными и муниципальными организациями. Включение таких объединений в решение проблем отдельных людей и социальных групп снижает уровень социальной напряженности и уменьшает вероятность деструктивных протестных действий, которые часто являются эмоциональной реакцией людей на проблему. В результате социальная система становится более устойчивой по отношению к влиянию деструктивных конфликтов. Необходимо подчеркнуть, что протестные акции как метод деятельности используют, как правило, политические организации, которые не рассматриваются в нашем исследовании. В то же время, некоторые объединения граждан организуют протестные акции или участвуют в них. Если эти акции имеют мирный характер, как предусматривает Конституция РФ, они выступают каналом трансформации протеста в конструктивное русло. Люди выражают свое недовольство в конструктивной форме, добиваются необходимого результата или начинают процесс переговоров, и в силу этого не переходят к насилию.

Объединения граждан являются механизмом «обратной связи» гражданского общества и власти. Именно НКО и другие виды таких объединений способны артикулировать требования больших социальных групп и добиваться их выполнения властью. Люди, зная НКО, компетентные в определенных сферах деятельности, обращаются к ним для представительства и выражения своих интересов. В силу своей подготовленности к этой роли некоммерческие организации являются довольно эффективным транслятором общественных настроений. Мировая и российская практика показывают, что требования больших неорганизованных групп сложно структурировать в силу противоречивости и субъективности таких требований. Еще более важно, что практически никогда невозможно артикулировать такие требования в течение короткого времени. Неорганизованной массе людей требуется время на структурирование и выдвижение стихийных лидеров, а решения эта масса требует быстро. В то же время, объединения граждан уже структурированы к моменту начала массовых акций и довольно часто они готовы к представительству интересов своих целевых групп. Это особенно важно в случае межэтнических конфликтов и вызванных такими конфликтами протестных акций. Для данного типа конфликтов характерен кумулятивный эффект, который на практике проявляется в очень быстром нарастании протестного потенциала и переходе к насилию.

Этнически ориентированные объединения важны не только в случаях необходимости реагировать на внезапные стихийные выступления. В процессе рабочего неконфликтного взаимодействия власти и общества они также выполняют важную функцию. Артикуляция некоммерческими организациями интересов их целевых групп в понятном для власти формате повышает конструктивность восприятия этих требований органами власти.

Этнически ориентированные объединения являются инструментом содействия социальной адаптации людей и социальных групп к изменяющимся условиям. Особенно наглядно это на примере большой работы таких объединений по интеграции соотечественников, переехавших в РФ. Люди,

оказавшиеся в другой стране с иными социальными реалиями, нуждаются в «равных проводниках» по новой жизни. Общественные объединения в России имеют большой опыт проведения информационных и адвокационных компаний в интересах своих целевых групп, в том числе мигрантов. Очевидно, что информация является важным условием приспособления людей к изменениям, поскольку она не только повышает уровень осведомленности, но также способна инструктировать и мотивировать к действиям. Некоммерческие организации содействуют адаптации не только посредством информационных кампаний, но также путем обучения, например, профессиональной переподготовки. Распространяемая такими организациями информация, в том числе в социальных сетях, направлена не только непосредственно на целевые группы этих организаций. Эта информация оказывает влияние на общество в целом, адаптируя его к правовым, политическим, экономическим изменениям.

Объединения граждан осуществляют функцию социального отбора. Они включают в себя потенциальных лидеров, предоставляют этим людям возможности проявить себя и таким образом являются одним из «социальных лифтов». Достаточно широко распространена практика интегрирования таких общественных лидеров в дальнейшем в органы местного самоуправления и государственной власти. Для этнически ориентированных объединений эта функция имеет особую значимость.

Как уже было сказано выше, организации граждан объединяют наиболее активных членов местного сообщества, которым для решения значимых для них проблем необходимо взаимодействовать с другими людьми, заинтересованными в том же. У членов объединений граждан есть мотивация для деятельности. Эта деятельность может быть различной, и данное различие влияет на уровень взаимодействия с властью. Условно все гражданские организации можно разделить на два типа. К первому относятся организации, целью которых является удовлетворение интересов их членов, например, кооперативы, творческие объединения, клубы по интересам и

другие. Деятельность данных организаций не распространяется на кого-либо, помимо членов. Ко второму относятся организации, чья деятельность направлена на удовлетворение потребностей внешних для организации целевых групп. Так, для этнически ориентированных НКО целевой группой являются все представители какой-либо этнической общности на территории деятельности организации. Очевидно, что организации обоих видов приносят пользу местному сообществу. В то же время, организации второго типа ориентированы в том числе на решение проблем тех групп, члены которых нуждаются во внешней поддержке. Их деятельность в большей степени направлена на решение общезначимых проблем, в том числе вопросов местного значения.

Подобное естественное структурирование НКО определило законодательное выделение в общем массиве некоммерческих организаций такой категории, как социально ориентированные НКО. Данное понятие было сформулировано в Федеральном законе от 05.04.2010 г. № 40-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций» [5].

Определение социально ориентированных НКО было осуществлено через направление их деятельности на решение социальных проблем, а также путем перечисления конкретных видов деятельности, в том числе социальная поддержка и защита граждан; подготовка населения к преодолению последствий стихийных бедствий, экологических, техногенных или иных катастроф, к предотвращению несчастных случаев; оказание помощи пострадавшим в результате стихийных бедствий, экологических, техногенных или иных катастроф, социальных, национальных, религиозных конфликтов, беженцам и вынужденным переселенцам; охрана окружающей среды и защита животных [5]. Как очевидно из этого списка, социально ориентированные НКО действительно выделяются на основе такого главного критерия, как направленность их деятельности на решение социальных проблем. Поправки к Федеральному закону «О некоммерческих организациях»

предоставили возможность органам власти включать в реестры социально ориентированных некоммерческих организаций такие НКО, которые занимаются развитием межнационального сотрудничества, сохранением и защитой самобытности, культуры, языков и традиций народов Российской Федерации.

Закон Краснодарского края от 07 июня 2011 г. N 2264-КЗ «О поддержке социально ориентированных некоммерческих организаций, осуществляющих деятельность в Краснодарском крае» дал возможность признавать в крае социально ориентированными некоммерческие организации, которые занимаются укреплением межнациональных, межэтнических и межконфессиональных отношений. Данную формулировку нельзя рассматривать в качестве расширения категорий социально ориентированных НКО в сфере этничности, поскольку федеральное законодательство уже предусматривает такой критерий отнесения к социально ориентированным НКО, как развитие межнационального сотрудничества. В то же время, эта формула в кубанском законодательстве демонстрирует признание властью важности деятельности по улучшению межэтнического взаимодействия.

Признание особого характера социально ориентированных некоммерческих организаций определило их специфику в плане форм взаимодействия с органами власти. Необходимо отметить, что практика поддержки властью социально ориентированных НКО достаточно давно используется за рубежом. Так, наработан значительный опыт перераспределения бюджетных средств на решение социальных проблем через социально ориентированные НКО, что повышает эффективность бюджетных трат. Как полагает автор, российские власти в ходе разработки масштабных мер по государственной поддержке деятельности социально ориентированных НКО учитывали данный опыт [7].

Поддержка НКО властью является одной из форм взаимодействия органов власти и объединений граждан. Органы государственной власти и местного самоуправления в соответствии со статьей 31 Федерального закона «О некоммерческих организациях» получили возможность оказывать поддержку таким организациям в следующих

формах: финансовая, имущественная, информационная, консультационная; поддержка в области подготовки, дополнительного профессионального образования работников и добровольцев социально ориентированных некоммерческих организаций; предоставление льгот по уплате налогов и сборов. Финансовая поддержка социально ориентированным некоммерческим организациям может осуществляться путем предоставления субсидий. Имущественная поддержка таким организациям органами государственной власти и местного самоуправления выступает в форме передачи во владение и (или) в пользование государственного или муниципального имущества.

Подводя итоги изучению общих подходов к роли этнически ориентированных объединений граждан в местных сообществах, автор формулирует ряд выводов.

Этнически ориентированные объединения граждан играют важную роль в сложной системе местных сообществ. Такие организации оказывают влияние не только на их активных членов и этнофоров, которые периодически включаются в деятельность подобных организаций, но также на местные сообщества в целом. Различные проявления этничности в современном российском обществе могут быть поняты только с учетом роли и активности этнически ориентированных объединений граждан в местных сообществах.

Значимость роли объединений граждан и социальная польза их деятельности в местных сообществах определена законодательством РФ о местном самоуправлении. Оно предполагает, что решение вопросов местного значения возможно не только органами местного самоуправления, но также непосредственно населением, или при совместном участии населения и органов МСУ. Формулировка о непосредственном участии населения дает возможность различным объединениям граждан включаться, в том числе самостоятельно, в выполнение важнейшей функции местных сообществ – решение вопросов местного значения.

Местным сообществом в широком смысле является все население муниципального образования. Автор полагает, что местным сообществом можно считать не любое муниципальное

образование в его социальном аспекте. Это определено системой признаков местного сообщества: население, ограниченная территория, достаточно активные социальные взаимодействия жителей данной территории, чувство причастности людей к сообществу. Таким критериям соответствует население поселения, сельского или городского, но не более широкие территориальные сообщества, например, муниципальный район. В муниципалитетах, больших по масштабу в сравнении с поселением, размывается такие критерии, как активность взаимодействий и чувство причастности людей к сообществу.

Объединения граждан выполняют ряд важных социальных функций в местных сообществах: структурирования гражданского общества; развития горизонтальных связей и повышения сплоченности местных сообществ; стабилизации социальной системы; организации «обратной связи» гражданского общества и власти; содействие социальной адаптации граждан и социальных групп к изменяющимся условиям; социального отбора. В относительно небольших по масштабу местных сообществ выполнение таких функций более наглядно по сравнению с более крупными и более насыщенными различными институтами.

Некоммерческие организации классифицируются по двум органичным типам. К первому относятся организации, целью которых является удовлетворение интересов их членов, ко второму – организации, чья деятельность направлена на удовлетворение потребностей более широких, в том числе внешних для организации целевых групп. Деятельность организаций второго типа в большей степени направлена на решение общезначимых проблем, в том числе вопросов местного значения. Этнически ориентированные объединения относятся ко второму типу, поскольку они стремятся включить в сферу своего влияния максимальное количество представителей этнической общности, в том числе тех, кто не является членами этих объединений. Подобное естественное структурирование НКО определило законодательное выделение в общем массиве некоммерческих организаций такой категории, как социально ориентированные НКО.

Признание особого характера социально ориентированных некоммерческих организаций определило их специфику в плане форм взаимодействия с органами власти.

Для национально-культурных автономий как особого вида некоммерческих организаций в силу особенностей законодательства РФ характерна высокая активность не только горизонтальных, но также вертикальных взаимодействий, в том числе с органами публичной власти.

Этнически ориентированные объединения граждан играют особую роль в системе местного сообщества. Они могут выполнять все те функции, которые характерны для других объединений граждан, и в то же время осуществлять еще одну принципиально важную функцию. Такие объединения либо создают условия для межэтнических конфликтов, либо, напротив, содействуют их профилактике и урегулированию. Данная функция принципиально важна, поскольку в фазе напряженности и эскалации межэтнического конфликта развитие местного сообщества замедляется или же вовсе прекращается. Эффективной площадкой для осуществления горизонтального взаимодействия этнически ориентированных организаций являются в РФ центры национальных культур, формирование которых началось в первой половине 90-х годов XX в. в Краснодаре.

Поддержка некоммерческих организаций властью является одной из форм взаимодействия с ними. Органы государственной власти и местного самоуправления в соответствии с Федеральным законом «О некоммерческих организациях» получили возможность оказывать поддержку таким организациям в следующих формах: финансовая, имущественная, информационная, консультационная; поддержка в области подготовки, дополнительного профессионального образования работников и добровольцев социально ориентированных некоммерческих организаций; предоставление льгот по уплате налогов и сборов. Поддержка конструктивной деятельности этнически ориентированных объединений в местных сообществах является стратегически важным направлением профилактики межэтнических конфликтов.

Библиографические ссылки:

- I. Нормативно-правовые акты
  1. Конституция Российской Федерации. М., ТК Велби, 2002.
  2. Федеральный закон от 12.01.1996 N 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (последняя редакция) // www.consultant.ru
  3. Федеральный закон от 19.05.1995 N 82-ФЗ «Об общественных объединениях» (последняя редакция) // www.consultant.ru
  4. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (последняя редакция).
  5. Федеральный закон от 05.04.2010 г. № 40-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций» // www.consultant.ru
  6. Федеральный закон от 17.06.1996 г. N 74-ФЗ «О национально-культурной автономии» // www.consultant.ru
- II. Научные издания
  7. Беневоленский В.Б., Шмулевич Е.О. Государственная поддержка социально ориентированных НКО в свете зарубежного опыта // Вопросы государственного и муниципального управления. 2013. № 3. С. 150–171.
  8. Ерофеев Ф.Ю. Социальные факторы повышения эффективности местного самоуправления: на примере города Набережные Челны. Дисс. кад. социол. наук. Уфа. 2007. С. 4.
  9. Куриленко А.И. Участие общества в осуществлении местного самоуправления в современной России // Общество: социология, психология, педагогика. 2016. № 2. С. 17–19.
  10. Прохоров Д.В. Понятие местного сообщества как предмет проблематизации процесса организации местного самоуправления в современной России // Математика, экономика и управление. Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева. 2015. № 1. С. 120–124.
- III. Интернет-ресурсы
  11. Краснодарский краевой центр национальных культур // Официальный сайт Краснодарской краевой общественной организации «Центр национальных культур». URL: http://kubanetnos.ru/?page_id=2.
  12. Петухов В.В. Гражданское общество и власть: сотрудничество или противостояние? // Приложение № 1 к электр. научному журналу «Вестник Института социологии». 2012. № 5. С. 2. URL: http://www.vestnik.isras.ru/files/File/Vestnik_2012_5/Petuhov_new.pdf

13. Пясецкая Е.Н. Местное сообщество и муниципальное управление: трансформация взаимодействия // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. № 9 (сентябрь). С. 61–65. – URL: <http://e-koncept.ru/2015/15311.htm>.

**ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ
КОНФЛИКТОГЕННОЙ ОБЫДЕННОСТИ
КАЗАЧЬИХ РАЙОНОВ ЮГА РОССИИ 1930-х гг.**

**ETHNOCULTURAL CONTEXT CONFLICTED CLEANING
COSSACK DISTRICTS
OF THE SOUTH OF RUSSIA OF THE 1930TH**

А.П. Скорик

Южно-Российский государственный политехнический
университет (НПИ) имени М.И. Платова, г. Новочеркасск

М.А. Гадицкая

Сочинский институт (филиал)
Российского института дружбы народов, г. Сочи

A.P. Skorik

South Russian State Polytechnic University (NPI)
named after MI Platov, Novocherkassk, Russia

M.A. Gaditskaya

Sochi Institute (branch) Russian Institute
of Friendship of Peoples, Sochi, Russia

Аннотация. В статье освещаются исходные предпосылки и факторы проведения антиказачьих акций, осуществлявшихся партийно-советскими структурами на Юге России в условиях сплошной коллективизации. На основе комплекса разнообразных источников обосновывается авторская гипотеза о том, что данные акции базировались не только и, зачастую, не столько на общепринятых для большевиков классовых принципах, сколько на этнокультурных особенностях казачества, вызывавших довольно стойкое неприятие неказачьего населения.

Abstract. The article highlights the background prerequisites and factors for the conduct of anti-retaliatory actions carried out by the party-Soviet structures in Southern Russia under conditions of complete collectivization. The author's hypothesis that these actions were based not only on the class principles generally accepted for the Bolsheviks, but on the ethnocultural peculiarities of the

Cossacks, which caused a rather stable rejection of the non-share population, is substantiated on the basis of a variety of sources.

Ключевые слова: большевики, иногородние, казаки, казачество, коллективизация, раскулачивание, сословие, станицы.

Keywords: Bolsheviks, nonresident Cossacks, Cossacks, collectivization, dekulakization, estate, stanitsy.

Положение казачьих сообществ в советском государстве на протяжении первых двух десятилетий его существования оставалось весьма непростым, и в значительной мере определялось спецификой отношения к казакам со стороны партийных функционеров, советских чиновников, а также массы рядовых коммунистов и беспартийных просоветских граждан из числа бывших «иногородних». Формально политика компартии по отношению к казакам строилась на классовых принципах и сохранялась неизменной на протяжении всей советской эпохи. Большевики расценивали казачество не как этнос или субэтнос, они воспринимали его в качестве социальной группы (сословия), которая, наряду с крестьянством, делилась на три основных страты, – на казачью бедноту, середняков и зажиточно-кулацкую верхушку, различавшихся по своему положению и заслуживавших дифференцированного отношения со стороны советской власти. Беднота и середняки выступали объектами социально-политической опеки со стороны правившего в СССР режима. Как примечательно говорил в ноябре 1925 г. первый секретарь Северо-Кавказского крайкома РКП(б) А.И. Микоян, «казак он или крестьянин, если он середняк, то он наш» [1], то есть союзник советской власти. Напротив, зажиточные казаки и крестьяне и, тем более, кулаки (сельская буржуазия), рассматривались большевиками исключительно в качестве непримиримых врагов.

Однако, в действительности отношение большевиков к казачеству основывалось и продуцировалось отнюдь не только вышеобозначенной классовой («классово-дифференцированной») или «социально-дифференцированной») политикой. На всем протяжении исторического периода 1920-х

– 1930-х гг., наряду с «классово-дифференцированным» существовал, как нам позволяют утверждать источники, «этнографически-унитарный» подход к казачеству, кардинально отличавшийся от классового подхода. О специфике «этнографически-унитарного» подхода, о том, какие последствия он повлек во времена сплошной коллективизации в первой половине 1930-х гг. в виде реализованных на местах антиказачьих акций, о том, как он дестабилизировал бытие казачьих станиц Юга России в рассматриваемый исторический период, и пойдет речь в настоящей публикации.

Прежде всего, отметим генерализующее отличие «этнографически-унитарного» подхода к казачеству от подхода «классово-дифференцированного», заключавшееся в едва ли не полном игнорировании классовых принципов. Сторонники «этнографически-унитарного» подхода расценивали казаков либо как монолитную социальную группу, либо как народ, представители которого навсегда запятнали себя верной службой самодержавию, борьбой с революционерами и угнетением иногороднего крестьянства. По мнению адептов «этнографически-унитарного» подхода, казаки не заслуживали никакого доверия и снисхождения. Все казачество в целом, опорочившее себя верной службой самодержавию и поддержкой «белых», вообще не имело никаких прав на существование и подлежало «расказачиванию», то есть расформированию (минимальное воздействие) или даже ликвидации (максимальная реакция).

Если «классово-дифференцированная» позиция, выдвигавшая во главу угла классовый подход в отношении казачества, признавалась официально и не единожды озвучивалась с высоких партийных трибун (примером чего служит процитированное выше высказывание А.И. Микояна), то, напротив, «этнографически-унитарный» подход формально властными структурами признан не был, но существовал фактически. Причем, как обычно бывает, этот не формализованный подход оказывал на повседневную жизнь казачьих сообществ гораздо большее влияние, чем официальные декларации партийного руководства.

В данном случае следует принять во внимание различия в составе сторонников «этнографически-унитарного» и «классово-дифференцированного» подходов. О необходимости неукоснительно придерживаться классовых принципов заявляли большевистские вожди высшего и среднего ранга, – от Генерального секретаря ВКП(б) до первых секретарей райкомов, обкомов, райкомов компартии. Напротив, неприятие казаков как таковых демонстрировали, чаще всего, многочисленные партийно-советские чиновники низового звена, рядовые члены компартии, а также огромное большинство беспартийных просоветских активистов и просто аполитичных сельских жителей, в досоветские времена относившихся к числу неполноправной в казачьих областях социальной группы иногородних. Политическая значимость и охватываемая сфера полномочий высокопоставленного партийно-советского начальства значили, конечно, чрезвычайно много, но, они зачастую пасовали перед многочисленностью сторонников «этнографически-унитарного» подхода. Тем самым, не оформленная юридически, официально не существовавшая позиция в отношении казачества, в действительности получила повсеместное распространение и оказывала на бытие казаков гораздо более серьезное влияние, чем торжественные заверения больших партийных «вождей», слишком уж удаленных от уровня конкретных станиц и районов.

К тому же (и это обстоятельство следует подчеркнуть особо), после Гражданской войны преобладающие позиции в административных учреждениях в казачьих районах Юга России занимали бывшие иногородние или чиновники, присланные из других районов и областей. Не случайно один из кубанских казаков в 1928 г. писал своим родственникам-эмигрантам, что «найти на Кубани место писаря или счетовода, или конторщика нашему брату-казаку совершенно невозможно. Все места, все дырки заполнены пришлым элементом, партийными коммунистами» [2]. Это субъективное казачье мнение подтверждается архивными источниками. Так, по признанию работников аппарата Северо-Кавказского крайкома, в целом по краю «актив в отдельных станицах состоит в

большинстве из иногородних, а если количество казаков и превышает [численность] иногородних, то руководящая роль в активе принадлежит все-таки иногородним» [3].

Поскольку местные руководящие кадры на Юге России в основном состояли из иногородних, то и в реальной управленческой практике они весьма прохладно относились к призывам вышестоящего начальства делить казаков по классовому признаку. Такие низовые руководители относились к казакам, как правило, огульно-отрицательно, и в среде иногородних выдвиженцев во власть «этнографически-унитарный» подход превалировал над «классово-дифференцированным». Радикальные большевики и маргинально-радикальная часть общества (то есть беднейшие его слои, составлявшие социальную базу большевистского режима) не доверяли казакам и стремились избавиться от них. Эпоха «великого перелома» преподнесла им реальный шанс добиться социального реванша за прошлый второсортный статус.

Широкие возможности практически ничем и никем не ограниченного административно-репрессивного произвола, предоставленные в годы коллективизации местным чиновникам и активистам, на Юге России использовались ими, помимо всего прочего, и для реализации своей позиции по отношению к казачеству. Многообразные источники (постановления и резолюции органов власти, доклады, информационные сводки, сообщения ОГПУ, эпистолярные источники, в том числе письма самих казаков, а также воспоминания современников) убедительно свидетельствуют об антиказачьих «перегибах». В период «колхозного строительства» в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. вернулись из небытия худшие сценарии времен Гражданской войны, когда огульная враждебность к казакам переросла в массовые антиказачьи акции. По существу, многие мероприятия, проводившиеся в данное время на местном уровне (в том числе, на Юге России), нацеливались на искоренение казачества как субэтнической общности.

Уже в апреле 1930 г. краевая газета Северо-Кавказского края «Молот» поместила публикацию, в которой признавалось

существование огульно-враждебного отношения к казачеству среди местного руководства и активистов: «**Левые**» (здесь и далее выделено жирным шрифтом в соответствии с источником – *авт.*) головотяпы расценивают все казачество, сплошь, как враждебную социализму силу. Они не хотят **отличить** казака-середняка от казака-кулака. Отсюда – «теория» неизбежных конфликтов с казачеством, в том числе и середняцким. Отсюда – прикрытая фиговым листком «левой» фразеологии антипартийная практика **подавления** середняка-казака вместо **переделки** его психологии, игнорирования – вместо привлечения и т.д.» [4].

О наличии той же самой проблемы в общих чертах говорилось в докладной записке под длинным названием «Материалы проверки выполнения Северо-Кавказским Краевым Комитетом ВКП(б) постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 18 июля 1929 г. по вопросам подъема и реконструкции сельского хозяйства края». Записка, датированная 4 февраля 1931 г. и подписанная ответственным инструктором ЦК ВКП(б) Ованесом Тумановичем Галустьяном, предназначалась для информирования членов Центрального комитета партии, в связи с чем в ней достаточно подробно и вполне объективно анализировался ход и трудности «колхозного строительства» в Северо-Кавказском крае. Помимо изложения многочисленных проблем, в данном внутривнутрипартийном документе прямо указывалось: «Мешает иногда завершению сплошной коллективизации искажение линии партии в практике отдельных парторганизаций. Особенно это нужно отметить в отношении середняка-казака. В ряде организаций, бывших казачьих округов, отмечаются до сего времени еще факты, характеризующие непонимание отдельными руководителями-коммунистами линии партии в отношении бедняцко-середняцкого слоя казаков-единоличников (игнорирование, огульное подведение их под категорию контр-революционеров, отсутствие политическо-массовой работы с бедняцко-середняцким казачеством, недостаточное вовлечение их в участие в советском и социалистическом строительстве)» [5].

Приведенный фрагмент документа не являлся некоей обобщенной констатацией. В записке содержатся примеры, когда в период коллективизации на Дону, Кубани или Тереке казаки изгонялись из состава местного руководства или не принимались в коллективные хозяйства лишь на основании их принадлежности к казачьим сообществам, а не к числу иногородних. Как предметно отмечал О.Т. Галустян, «в текущую перевыборную кампанию Советов [1930–1931 гг.] в ряде районов казака немного потеснили. Например, Ново-Романовская станица, Тихорецкого района среди избирателей имеет 70 % казаков – [но] в Стансовет не избран ни один казак; Копанская станица, Краснодарского района среди избирателей 96 % казаков – в Президиум стансовета не избран ни один казак» [6]. Разумеется, такие явления никак нельзя назвать случайными: они представляли собой закономерный результат самостоятельности местных властей и активистов, которые, опираясь на безоговорочную поддержку иногородних, использовали коллективизацию для усиления административного давления на казаков. Показательно подчеркивание О.Т. Галустяном важной роли краевых органов в исправлении этих «перегибов»: Северо-Кавказский крайисполком после ознакомления с обескураживающими результатами выборов распустил Ново-Романовский станичный совет и президиум Копанского стансовета и назначил новые выборы [7]. Эти действия крайисполкома выступают явным свидетельством противостояния в период осуществления коллективизации двух различных позиций по отношению к казачеству.

В той же записке О.Т. Галустяна признавались искривления классовой политики в «казачьем вопросе» не только при формировании органов местного самоуправления. Они также «имели место по линии колхозной. Имеется ряд случаев, когда активного бедняка, середняка-казака исключали из колхозов». Нередко мотивом исключений являлись, наряду с принадлежностью исключенных к казачьим сообществам, их социальное происхождение, а также «неприемлемые» факты биографии. В частности, в Константиновском районе из колхоза «Пробуждение» «вычистили» казака-краснознаменца

(кавалера ордена Красного Знамени) под предлогом зажиточного статуса хозяйства его отца, хотя до этого исключенный казак в течение четырех лет честно трудился на посту председателя этого же колхоза, и до развертывания сплошной коллективизации колхозников особо не беспокоили факты его биографии. В станице Темиргоевской Курганинского района из колхоза имени В.И. Ленина «вычистили» казака, бывшего «красного партизана» из-за его прилежания по военной службе в дореволюционные времена, ведь он дослужился до чина прапорщика. В той же станице из колхоза исключили казачку Анну Виленко «как жену бывшего офицера», хотя ее сын, «красный командир», погиб в Гражданской войне, а дочь являлась членом ВЛКСМ (дочь, кстати, также выпроводили из колхоза) [8]. Заметим, «красные партизаны» вообще нередко попадали в те времена под жернова репрессивных акций [9].

В приведенных выше примерах трудно понять, чем именно руководствовались местные власти, каков основной мотив исключения казака из колхоза – просто принадлежность его к казачьим сообществам Юга России или же «неприемлемые» факты биографии. Скорее всего, для иногородних эти мотивы оказывались равноценными. Человек, принадлежавший к числу «кулаков» (пусть даже он сам таковым не являлся, но состоял с ними в «родственной связи», как упомянутый казак-краснознаменец) уже вызывал подозрение. Но еще большее недоверие и враждебность он испытывал со стороны иногороднего населения и местных властей, когда, помимо прочего, происходил из ненавистного казачьего сословия.

Зачастую гонения и разного рода препоны вызвались исключительно самим фактом казачьего происхождения неугодных лиц. В записке О.Т. Галустяна прямо признавалось: «В ряде мест [колхозники-иногородние] отказывались принимать в колхоз единоличников только из-за того, что они – казаки» [10]. Казачку, звеньевую А. Фролову исключили из числа ударников и сняли с должности звеньевой в колхозе имени М.М. Буденного Милютинского района Азово-Черноморского края как «дочь палача, участвующего в повешивании Подтелкова и Кривошлыкова» [11]. Учитывая

такого рода негативные сообщения, можно с полной уверенностью определить насильственную коллективизацию в качестве основного фактора, под влиянием которого сословная рознь между казаками и иногородними, тлевшая в период нэпа, вспыхнула в конце 1920-х – начале 1930-х гг. ярким пламенем. Хотя и в годы нэпа элементы сословной розни имели место и выражались в антиобщественных деяниях. Ведь большинство казаков в годы Гражданской войны воевали не за, а против большевиков и потому считали себя побежденными, а коммунистов, – оккупантами [12]. Так что понятно, почему осенью 1925 г. в станице Ищерской Наурского района Терского округа Северо-Кавказского края «группой хулиганов была поломана решетка и вымазан грязью памятник на могиле расстрелянных красноармейцев» [13]. Но подобные вещи не идут ни в какое сравнение с конфликтами времен начала колхозного строительства и репрессивно-административного давления на казачество.

Партийно-советское руководство Северо-Кавказского края, обязанное в силу занимаемого положения отстаивать примат классового подхода в вопросе об отношении к казачеству, негативно воспринимало проводившиеся на местах антиказачьи акции, подобные вышеперечисленным, и неустанно критиковало как сами эти акции, так и их творцов. По мнению членов Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), окружкомов, многих райкомов компартии, следовало решительно бороться с казачьей «кулацко-белогвардейской», «контрреволюционной» верхушкой, но не с массой рядовых казаков. Поэтому вышестоящее руководство не уставало напоминать местным властям, упоенно занимавшимся осуществлением огульных репрессивных мер в отношении казаков, о необходимости учета интересов средних слоев казачества и привлечения их к «социалистическому строительству».

Так, 11 апреля 1930 г. первый секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) А.А. Андреев в выступлении на бюро крайкома осудил невнимание местных властей к средним слоям казачества, пренебрежение их интересами, игнорирование их при пополнении сельской (станичной) и

колхозной администрации. Сказав о невозможности далее терпеть подобную ситуацию («иначе мы не [с]можем организовать [сельские] советы и колхозы при таком положении вещей»), Андреев тут же предложил «пойти на то, чтобы 50% председателей колхозов в казачьих районах было обеспечено за казаками, чтобы не менее 50 % председателей советов были казаки... Вот это требование надо предъявить, поставить и через 1,5–2 месяца проверить, как кто выполнил» [14].

Эти вербальные формулы почти без изменений легли в основу постановления бюро крайкома «О проведении весенней посевной кампании и мерах укрепления колхозного строительства», которое приняли в тот же день и сразу разослали нижестоящим партийным организациям. Здесь, в полном соответствии с призывами А.А. Андреева, предполагалось набрать из числа казаков не менее половины местных чиновников. И, как предлагал партийный лидер, предусматривались проверки через два месяца представителями специальных комиссий крайкома исполнение данного постановления местными органами власти [15]. 26 апреля 1930 г. вышло расширенное постановление Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) о работе среди казачьего населения региона. В нем, в частности, прямо говорилось: «Небольшевистским и вреднейшим является настроение среди части местных работников предвзятого, недоверчивого отношения к казаку только потому, что часть казачества была обманута генералами и кулаками, участвуя в белых армиях». Здесь вновь предлагалось в казачьих округах края усилить представительство казаков в составе колхозного руководства и довести их удельный вес в этом звене управления не менее чем до 50% [16].

По справедливому замечанию П.Г. Чернопицкого, реализация апрельского (1930 г.) постановления Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) о работе с казачеством привела к заметному повышению удельного веса казаков в составе членов сельских и станичных советов [17]. Обнаруженные нами архивные документы и материалы в полной мере подтверждают эту точку зрения. Так, члены Армавирского

окружкома ВКП(б) на своей партконференции в мае 1930 г. раскритиковали распространенные до этого методы работы с казачеством. Они признавали: «До сего времени в большинстве станиц с абсолютным большинством казачьего населения, мы не имеем в колхозах казаков», и указывали на необходимость скорейшего исправления этой ошибки [18].

С точки зрения большевистской идеологии, построенной с учетом социально-классовых, но не сословных различий, в «казачьем вопросе» правомерную позицию занимали именно краевые руководители Юга России, а не местное (станичное, хуторское, колхозное) начальство. Однако в 1932 г. И.В. Сталин и его окружение, стремясь решить вполне практические задачи хлебозаготовок, в который раз нарушили идеологические догмы и осуществили в Северо-Кавказском крае такую масштабную антиказачью акцию, как занесение ряда казачьих станиц на «черную доску» с последующей депортацией всех (или многих) их жителей. Тем самым центральное партийно-советское руководство, отстаивая занятую им позицию в вопросе хлебозаготовок, сыграло на руку местным южно-российским радикалам-казакофобам.

История занесения ряда станиц Северо-Кавказского края на «черную доску» и выселения практически всех или многих их жителей, впервые обстоятельно исследованная Е.Н. Осколковым [19], ныне хорошо известна. В конце октября 1932 г. И.В. Сталин, крайне раздраженный чрезвычайно медленным выполнением колхозами и единоличниками Юга России преподанных им завышенных планов хлебозаготовок, направил в край сформированную из высших партийно-советских чиновников специальную комиссию во главе с его верным приспешником, секретарем ЦК ВКП(б) Л.М. Кагановичем. Комиссию наделили чрезвычайными полномочиями и поставили перед ней цель, во что бы то ни стало, путем применения любых, даже самых жестких, мер, заставить южно-российских хлеборобов выполнить хлебозаготовительные планы.

К чести секретаря Северо-Кавказского крайкома Б.П. Шеболдаева отметим его попытку воспрепятствовать усилению репрессий в крае, когда он даже специально выехал в Москву,

чтобы уговорить И.В. Сталина отменить посылку комиссии. Но, как и следовало ожидать, его старания не увенчались успехом.

В общем комплексе карательно-репрессивных мер комиссия Кагановича применила и такую, как занесение ряда станиц Северо-Кавказского края на «черную доску». Само это выражение первоначально означало «публично предать позору». Метод занесения на «черную доску» нацеливался на моральное стимулирование колхозников и колхозной администрации, чтобы путем общественного порицания заставить их лучше работать и выполнять различные государственные задания. Но, с подачи комиссии Кагановича, смысл выражения «занести на «черную доску» резко поменялся. Теперь «чернодосочные» станицы подвергались уже не просто позору, а вполне реальным репрессивно-карательным мерам, вершиной которых являлась депортация их жителей.

«Чернодосочными» (или, как говорили кубанцы, «чернодащатыми» [20]) сначала рьяные большевики объявили станицы Ново-Рождественскую (Тихорецкого района), Медведовскую (Тимашевского района), Темиргоевскую (Курганинского района), затем – Полтавскую (Славянского района) и Незамаевскую (Павловского района). В целом, на «черную доску» занесли 15 станиц, – 13 кубанских и 2 донские. В ходе депортаций выселили почти всех жителей станиц Полтавской, Медведовской, Урупской: 45,6 тыс. из общего количества 47,5 тыс. человек. Из станицы Уманской (Павловского района) депортировали 6 тыс. человек. Из других станиц, занесенных на «черную доску», выдворили не менее 10 тыс. человек. Итого, по подсчетам Е.Н. Осколкова, депортации подверглись более 61,6 тыс. жителей «чернодосочных» станиц [21].

Практически во всех этих станицах преобладало казачье население, и это косвенно подтверждается сопоставлением итогов дореволюционных и советских переписей населения. Если в 1915 г. на Юге России насчитывалось 1,3 млн. кубанских казаков, то к исходу 1937 г. в Краснодарском крае их проживало «предположительно» 1,1 млн. человек [22]. Как

видим, даже к исходу 1930-х гг., несмотря на все усиливавшиеся в это время в СССР тенденции восстановления досоветской численности населения, кубанские казачьи сообщества недосчитались 200 тыс. своих членов. Убыль объяснялась не только гибелью или эмиграцией десятков тысяч кубанцев во время Гражданской войны, но и негативными демографическими процессами периода коллективизации, в том числе и массовой депортацией жителей «чернодосочных» станиц.

Факт преобладания в «чернодосочных» станицах казачьего населения, которое и подверглось депортациям, нельзя считать какой-либо случайностью. Как вполне обоснованно указывал Е.Н. Осколков, «руководство партии и государства стремилось придать своим насильственным акциям в Северо-Кавказском крае антиказачий характер» [23]. О фокусировании депортаций именно на казаках, заявлял и сам Л.М. Каганович, который, естественно, лишь выполнял указания Сталина: «...надо, чтобы все кубанские казаки знали, как в 21 г. терских казаков переселяли, которые сопротивлялись Советской власти. Так и сейчас – мы не можем, чтобы кубанские земли, земли золотые, чтобы они не засевались, а засорялись, чтобы на них плевали, чтобы с ними не считались... Мы переселим вас» [24]. Таким образом, в 1932 г. Москва, в противовес официально признанной и достаточно взвешенной политике классово-дифференцированного отношения к казачеству, сама применила огульно-массовые репрессии против казаков.

Жестокость центрального партийно-советского руководства в отношении кубанских казаков объяснялась стремлением, во что бы то ни стало, выполнить хлебозаготовительные планы и, раз и навсегда, запугать хлеборобов, чтобы они более не пытались сопротивляться мероприятиям сталинского режима; ради этого Сталин пошел на очевидное попрание классовых принципов большевистской идеологии. Хлебозаготовки, как известно, в основном тогда выполнили. Но какие же истинные итоги крайне жестких действий сталинского руководства можно определить для населения и сельского хозяйства Юга России? Если говорить только о казачестве, то здесь, в первую очередь, стало заметно

нарастание напряженности во взаимоотношениях казачьих сообществ и властей и, во-вторых, разразился локальный кризис аграрного производства в колхозах «чернодосочных» станиц. Антиказачьи акции Москвы нанесли сильнейший удар по мероприятиям краевого руководства на Юге России, направленным на привлечение казаков к «социалистическому строительству».

Итак, в условиях сплошной коллективизации на Дону, Кубани и Тереке довольно широкое распространение получили огульно-антиказачьи акции, осуществлявшиеся многочисленными приверженцами «этнографически-унитарного» подхода к казакам, в соответствии с которым на первый план выходили не классовые различия в среде казачьих сообществ, а их субэтнические характеристики, отличавшие их от неказачьего населения. Настороженно-враждебное отношение местного руководства к казакам и антиказачьи акции в период «колхозного строительства» объяснялись в значительной мере культурно-психологическим непониманием (зачастую – неприятием) казачества со стороны иногороднего населения, усиленным спецификой классового подхода. Донские, кубанские, терские казаки самим фактом своей жизнедеятельности пытались отстаивать специфическое мировоззрение, культуру, жизненный уклад своих сообществ в Советской России. С точки зрения местных активистов и руководства (большую часть которого представляли иногородние и вообще неказаки), попытки сохранить уклад казачьих сообществ не могли приветствоваться: ведь это препятствовало упрочению единства советского общества, способствовало сохранению вредных для советской власти сословных пережитков и создавало питательную основу для деятельности разного рода «контрреволюционеров». Поэтому в период коллективизации на Юге России местные руководители на уровне станиц или даже районов, поддержанные сельским активом из иногородней, а то и казачьей бедноты и колхозников, попытались не только ликвидировать казаков-«контрреволюционеров», но и, раз и навсегда, осуществить «расказачивание».

Все же, с течением времени классовые принципы в большевистской политике по отношению к казачеству вновь возобладали. По мере того, как спадала волна социальной агрессии, присущая начальному этапу сплошной коллективизации, политика большевиков в отношении казачества становилась все более взвешенной и дружественной (тем более что в первой половине 1930-х гг. казачий «контрреволюционный актив» был, в основном, ликвидирован). В середине – второй половине указанного десятилетия и вовсе развернулась кампания «за советское казачество», в рамках которой казаки были признаны полноправными членами советского общества, со своей особой культурой и традициями. Хотя и во второй половине 1930-х гг. продолжались репрессивные акции против представителей казачьих сообществ, которые отличались неблагоприятным социальным происхождением или же в прошлом боролись против большевиков, речи о развертывании массовых антиказачьих акций уже не шло.

Библиографические ссылки

1. Краткое изложение отчета секретаря Северо-Кавказского крайкома РКП(б) А.И. Микояна на XI Донецкой окружной конференции РКП(б). 13 ноября 1925 г. // Восстановительный период на Дону (1921–1925 гг.) / под ред. П.В. Барчугова. Ростов н/Д., 1962. С. 440.
2. Крестная ноша. Трагедия казачества. Ч. I. Как научить собаку есть горчицу. 1924–1934 / сост. В.С. Сидоров. Ростов н/Д., 1994. С. 83.
3. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 754. Л. 151.
4. Цалюк Д. Наши классовые задачи и работа среди трудового казачества // Молот. 1930. 27 апреля.
5. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 945. Л. 23.
6. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 945. Л. 23.
7. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 945. Л. 23а.
8. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 945. Л. 23а.
9. Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Красные партизаны в советской действительности 1920-х – 1930-х годов (на материалах Юга России) // Российская история. 2009. № 4. С. 104–114.
10. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 945. Л. 23а.
11. Скорик А.П. Милютинский казачий юрт: опыт исторической реконструкции. Новочеркасск, 2015. С. 676.

12. Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Донцы в 1920-х годах: очерки истории. Ростов н/Д., 2010. С. 14, 45–48.
13. Багдасарян С.Д., Скорик А.П. Крестьянская повседневность эпохи нэпа: досуг и праздник в южно-российской деревне в 1920-е годы. Новочеркасск, 2012. С. 60.
14. ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 995. Л. 16–17.
15. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИСК). Ф. 5938. Оп. 1. Д. 42. Л. 179.
16. Постановление бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) о работе среди казачьего населения Северного Кавказа // Коллективизация сельского хозяйства на Северном Кавказе (1927–1937 гг.) / под ред. П.В. Семернина и Е.Н. Осколкова. Краснодар, 1972. С. 295–296.
17. Чернопицкий П.Г. К вопросу о возрождении казачества // Возрождение казачества (история, современность, перспективы). Тезисы докладов, сообщений, выступлений на V Международной (Всероссийской) научной конференции. Ростов н/Д., 1995. С. 13.
18. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 12. Оп. 1. Д. 133. Л. 65.
19. Осколков Е.Н. Трагедия «чернодосочных» станиц: документы и факты // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1993. № 1–2. С. 3–23.
20. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-2608. Оп. 1. Д. 4. Л. 6.
21. Осколков Е.Н. Трагедия «чернодосочных» станиц: документы и факты // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1993. № 1–2. С. 18.
22. Справка [Краснодарского] краевого управления народно-хозяйственного учета о количестве населения, в том числе казаков, в Краснодарском крае. Не позднее 14 декабря 1937 г. // Краснодарский край в 1937–1941 гг. Документы и материалы. Краснодар, 1997. С. 806.
23. Осколков Е.Н. Трагедия «чернодосочных» станиц: документы и факты // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1993. № 1–2. С. 19.
24. Осколков Е.Н. Трагедия «чернодосочных» станиц: документы и факты // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1993. № 1–2. С. 9–10.

ОТРАЖЕНИЕ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ РУССКОГО НАРОДА

REFLECTION OF INTERNATIONAL RELATIONS IN THE TRADITIONAL CULTURE OF THE RUSSIAN PEOPLE

С.В. Супряга

Курский государственный университет, г. Курск

S.V. Supryaga

Kursk State University, Kursk, Russia

Аннотация. В статье рассматривается традиционная культура русского народа (в частности, лексика народных песен) в аспекте взаимодействия культур. Отражение межнациональных отношений в поэтических текстах устного народного творчества показано на примере как заимствованной лексики, так и «темных» и деформированных слов, зафиксированных в русских песнях разных регионов бытования.

Abstract. The article deals with the traditional culture of the Russian people (in particular, the vocabulary of folk songs) in the aspect of the interaction of cultures. The author shows the reflection of interethnic relations in the poetic texts of oral folk art using the example of both borrowed vocabulary and the “dark” and deformed words recorded in Russian songs from different regions of existence.

Ключевые слова: традиционная культура, поэтический фольклор, взаимодействие культур, заимствованная лексика, «темные» слова

Keywords: traditional culture, poetic folklore, interaction of cultures, borrowed vocabulary, “dark” words.

Фольклор – важнейший фактор национального самосознания, культурного и духовного единства любой этнической группы. Изучение духовной культуры, и в частности фольклора и обрядов, занимает особое место в исследовании межнациональных взаимоотношений, так как

нередко помогает выявить их скрытые, глубинные механизмы. На разных стадиях развития фольклористики решение проблемы взаимодействия этнокультурных традиций неизменно служило насущным задачам науки. В настоящее время актуальность изучения русского фольклора, анализ механизмов культурного самосохранения и взаимовлияния культур соседствующих этносов не вызывает сомнения. Осознавая фольклор как общечеловеческое явление, непосредственно связанное с историей развития общечеловеческого сознания, исследователи народного творчества вместе с тем значительное внимание уделяют этническим (национальным) и локальным (местным) традициям.

Анализ современного состояния исследований в данной области позволяет судить о том, что к настоящему времени в России сложились три основных лингвофольклористических школы: воронежская (создана проф. Е.Б. Артеменко), петрозаводская (руководитель – проф. З.К. Тарланов) и курская (основатель – проф. А.Т. Хроленко), причем первые две занимаются главным образом вопросами синтаксической организации устно-поэтических произведений, третья – проблемами лексикологии и лексикографии (здесь создается первый «Словарь языка русского фольклора»). Важным этапом в изучении лексики традиционного фольклора стали докторские диссертации М.А. Бобуновой «Фольклорная лексикография» [5], И.С. Климас «Фольклорная лексикология: своеобразие объекта, состав единиц, специфика лексикологических категорий» [19], С. П. Праведникова «Территориальная дифференциация языка русского фольклора» [29]. Несомненно, лексический ярус наиболее ярко отражает процессы межкультурного взаимодействия.

В Курске также защищен ряд диссертаций по контрастивной лингвистике на фольклорном материале романо-германских языков (О.А. Петренко [28], Е.В. Гулянков [11], С.С. Воронцова [9], В.А. Савченко [31] и др.), предметом изучения которых стал лексический ярус языка. Вопросы изучения иноязычной лексики в русском поэтическом

фольклоре как следствия культурных контактов, тем не менее, пока не стали предметом отдельного изучения.

Закрепившаяся в русских народных лирических песнях заимствованная лексика, правда, иногда становилась предметом изучения исследователей. Так, Р.Б. Козлова изучала заимствования из западноевропейских и классических языков и небезосновательно полагала, что «изучение заимствованных слов может привести исследователя к выводам, которые существенно дополняют имеющиеся сведения по истории русского языка» [22: 139]. Однако это исследование, к сожалению, далеко не исчерпывает область исследования, да и во многом уже «морально устарело».

А.Е. Аникин, работая над «Этимологическим словарем русских диалектов Сибири: (Заимствованный фонд. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков)» [1], обращается к изучению заимствованной лексики в русских говорах Сибири, которые нашли отражение в фольклоре этого региона. Однако напрямую фольклорные тексты пока не стали предметом изучения в данном аспекте. В.Д. Аракин писал о тюркизмах в русских былинах Киевского цикла [2]. Отметим, что такого рода публикаций не слишком много. И они несистемны и разрозненны. Целостной же картины относительно заимствованной лексики в русском фольклоре пока, к сожалению, нет.

Нужно сказать о том, что многие исследователи занимаются изучением русских заимствований в языке фольклора других этносов. Так, особенности заимствованной лексики в языке башкирского фольклора рассматриваются в книге «Два века башкирского литературного языка» И. Г. Галяутдинова [10], где языку фольклора отводится специальная глава. К вопросу о языковых контактах на материале башкирского языка обращается в своих трудах и А.Н. Бахтиярова [4]. Изучением заимствованной лексики в языке башкирского фольклора занимается и Г.Г. Кульсарина [23]. Ю.В. Лиморенко (Институт филологии СО РАН, Новосибирск) написал «Заметки о русских заимствованиях в языке эвенкийского фольклора» [24].

Перечень подобного рода исследований на материале неславянских языков можно было бы и еще продолжить.

В наших прежних публикациях отражены результаты изучения иноязычной лексики, пришедшей в язык русского песенного фольклора из латышского, белорусского, украинского языков [43, 45 и др.], а также из языков народов, населяющих Сибирь и Забайкалье [20 и др.]; отдельно рассматривались латинизмы в русских лирических песнях [41] и лексика, заимствованная из греческого и других европейских языков [38, 39, 40], а также тюркизмы [42].

Взаимодействие культур на уровне лексики можно изучать в разных аспектах. Самые ранние контакты русского этноса отражает наличие в текстах традиционного фольклора латинизмов, грецизмов и тюркизмов. Например, в «Конкордансе русской народной песни», составленном М.А. Бобуновой на основе 190 необрядовых лирических текстов, записанных в Курской губернии в XIX в. и включенных в семитомный свод «Великорусских народных песен» А.И. Соболевского (тт. 2–6) [6] зафиксирован целый ряд слов тюркского происхождения. Анализируемую лексику мы разделили на несколько тематических групп, весьма ярко отражающих влияние в прошлые века тюркского мира на славянский.

Это, в частности, **наименования одежды: кафтан** (6 словоупотреблений; далее по тексту везде приводятся в скобках) (русск. слово заимств. из тур., азерб., крым.-тат. *kaftan* – то же, источником которого является перс. слово и которое через араб. распространилось в Зап. Европе); **халат** (1) (через тур. *çilat* «кафтан» из араб. *ḥil'at* «почетное платье») и ее **элементов: карман** (2) / **карманик** (1) / **карманчик** (1) (от сев.-тюрк. *karman* «карман, кошелек»), **обуви: башмак** (3) / **сафьян-башмак** (1) (заимств. из тур., чагат. *başmak* «ашмак, подошва»), **аксессуаров: чулок** (3) / **чулочек** (2) (др.-рус. *чулькъ* 1582–83 заим. из тюркского «портынка»), а также существительные, называющие **ткани**, и производные от них имена прилагательные: **бархат** (2) (первоисточником этого слова является араб.-тюрк. *barrakan*), **кисейненький** (1) (от *кисея* – «тонкая, прозрачная ткань, первонач. из инд. крапивы, затем из

хлопка» (Даль); возм., из тур. *käsi* «раскроенная материя»), **китайка** (4) / **китаечка** (2) (от *Kитай* с 17 в. через тат. – др.-тюркское), **кумач** (2) (из тур., крым.-тат., тат. *Китаş* «красная хлопчатобумажная ткань»), **парчевый** (1) (от *парча* – из тат. от *парча*, *узор*; старая тюрк. основа), **сафьянный** (1) (от *сафьян* – через тюрк. из перс. от назв. города *Саффи* в Марокко спорно; перс. слово от «крепкий, жесткий»), **тесмяный** 1 (узда) (от *тесма* – др.-рус. *тясма* 1472 г. заим. из тур., тат. «лента, тесма, ремень») [38 и др.].

Выделяются в отдельную тематическую группу **наименования построек, сооружений и элементов жилища**: **сарай** (1) (заим. через тур., тат. «дом, дворец» из перс., из др.-иран.), **чуланчик** (2) (уже в Домостр., заим. из тюрк. «перегородка»), **шатер** (7) (др.-рус. *шаторъ* (жит. Бориса и Глеба) древнее заим. из тюрк.; первоисточник – перс. «заслон, палатка», возм. венг. посредство). Можно сюда отнести и **базар** (2) (др.-русск. *базаръ*, тюрк. диал. *bazar*, тур., алт., уйг. *pazar* «ярмарка, рынок» из перс. *bāzār* – то же, ср.-перс.). Тесно связаны с базаром и вообще с торговлей лексемы **деньги** (6) (заимств. из тат., чагат. *tāṅkā* «деньги; серебряная монета») и **товар** (2) (заимств. из уйг. *tavar* «имущество, скот») [42].

Среди тюркизмов, отмеченных в Курских народных песнях, есть наименования **посуды**: **стакан** (9) (др.-русск. название считают заимств. из тюрк.: ср. чагат. *tostakan* «деревянная мисочка»), **чара** (1) (заимств. из тюрк., источник в тат., алт., вост.-тюрк. *čara* – «большая чаша»), **продуктов питания**: **изюм-ягода** (2) (заимств. из тур., азерб., крым.-тат., чагат., тар. *üzüm* «виноград»), **средств гигиены и косметики**: **сурмила** (1) (из тур. крым.-тат. *сурьма* – «красить») [42].

Некоторые тюркизмы составляют **группу наименований людей и производные от них**: **хозяин** (3) / **хозяюшка** (4) (др.-рус. *хозя* «господин» заим. из чув., тур., крым. тат, араб., тат и др. – татарский источник); **товарищ** (6) (др.-рус. *товарыщ* из тюрк. ср.-тур, чагат.); **ямской** (1) (от *ямщик* – др.-рус. *ямщикъ* из тюрк.).

Одно существительное относится к тематической группе «**Явления природы**» – **туман** (5) (из тур. в знач. «10 000») [42].

Есть в нашем списке тюркизмы и слова, относящиеся к службе, военному делу, коневодству: *караул* 1 (заимств. из чагат., тат., казах., тел. *karaul*), *барабан* (3) (заимств. из тюрк., ср. тат. *Daraban*), *буланный* (1) («светло-желтая масть лошадей», заимств. из сев.-тюрк. *bulan*), *нагайка* (1) (образовано от тюрк. племенного названия *по хаи* в Крыму и на Кавказе) [42].

Дважды встретился в Курских песнях и этноним *тюрецкий* в следующих контекстах: «Вечор поздно три роты шло ... Третья рота *тюрецкая*» <6,353>; «А в *тюрецкой* барабаны бьют...» <6,353> именно при описании военных действий.

Итак, в русских народных лирических песнях встречаются тюркизмы, хотя они и не очень частотны (от одного до девяти словоупотреблений), их не так много (в Курских текстах насчитывается чуть более тридцати лексем), они отражают несколько фрагментов фольклорной картины мира, на которые оказало несомненное влияние взаимодействие соседствующих культур (в первую очередь это наименования тканей, одежды, ее частей и аксессуаров, обуви, а также слова, номинирующие различные постройки, сооружения и элементы жилища, лексем, отражающие быт и взаимоотношения людей (такие, как *товар, деньги, стакан, чара, изюм*), личные существительные и производные от них, номинанты, относящиеся к службе, военному делу, коневодству, и связанный с ними этноним *тюрецкий*, а один субстантив – *туман* – называет природное явление) [42].

Нетрудно заметить, что в основном вся описанная выше лексика имеет положительную коннотацию. Это вообще свойственно для русского фольклора: иноязычными словами называть все самое диковинное, драгоценное. Например, с одеждой из редких тканей у русского человека обычно ассоциируются представления о богатстве, благополучии, роскошной жизни. Дорогие ткани, одежду и украшения, как правило, привозил издалека мóлодец девушке, сваты преподносили в качестве даров невесте, девица готовила себе в качестве приданого или как сюрприз возлюбленному. При описании же бытовых ситуаций либо окрашенных в трагические тона, особенно в текстах семейных песен, как

правило, используются слова исконно русские, они выражают более обыденный смысл.

Можно исследовать отражение взаимодействия культур и в рамках одного жанра. Думается, что если говорить о языке фольклора, то лучше всего это можно проследить на материале лексики исторических песен.

Так, заимствованная лексика, закрепившаяся в исторических песнях, в той или иной мере становилась и прежде предметом изучения исследователей. Так, М. Ф. Дашкова и Р. Б. Козлова отмечали, что в исторических песнях обнаруживается больше иноязычных слов, чем в других фольклорных жанрах. В большинстве своем они относятся к военной сфере [13: 21; 22: 28].

В частности, Р.Б. Козлова исследовала заимствования из западноевропейских и классических языков. Автор подчеркивает, что поскольку сюжетом для исторических песен служили такие события, как «многовековая борьба русского народа за независимость родины, за освобождение Русского государства от интервентов», то вполне объясним «огромный поток иноязычной военной лексики, так широко хлынувшей в этот жанр устного народного творчества» [22: 22].

Среди иноязычных лексем, относящихся к тематической группе «Военное дело и война» Р.Б. Козлова выделяет следующие заимствования, номинирующие ручное, огнестрельное и холодное оружие в песнях: *бомба, афес, мушкет, пика, пистолет, сабля, фузея, штык, шпага, шомпол* и др., называющие орудия, снаряды, станки, батареи: *батарея, гаубица, картуз, картечь, лафет, мортира, мина, патрон, шрапнель* и др.

Эмпирической базой для нашего исследования выступило академическое издание исторических песен серии «Памятники русского фольклора», включающее в себя три тома: «Исторические песни XVII века»; «Исторические песни XVIII века»; «Исторические песни XIX века» [15–17]. Также анализировался составленный И.А. Степановой на базе указанных изданий словник исторических песен XVII – XIX веков [36].

Рассмотрим заимствования, представляющие в исторических песнях указанного периода только один концепт – «Оружие».

Так, среди иноязычных лексем, номинирующих **холодное оружие**, в текстах, относящихся ко всем трем векам, зафиксированы существительные *сабля*, *шашка*, *штык*, в песнях XVIII и XIX веков – *шпага* (встречается в песне с сюжетом «Курьер сообщает о смерти Александра I»), в текстах только XVII века – *кинжал*, только XIX века – *пика*.

Если *шпага* относится к группе лексики, заимствованной в конце XVI – в первой половине XVII веков [35: 247], то *кинжал* в значении ‘род холодного оружия: обоюдоострый клинок с острым суживающимся концом’ известно в русском языке с начала XVII века, оно широко распространено в тюркских языках (и вообще на Ближнем Востоке) [49: I: 396]. Видимо, этим обстоятельством объясняется тот факт, что *кинжалом* пользуются в текстах исторических песен XVII века татары или «злые люди» [37].

Пика как ‘старинное холодное ручное колющее оружие на древке с острым наконечником’ [30: II: 165] заимствовано из западноевропейских языков в первой половине XVII века [49: II: 31]. В исторических песнях XIX века лексема *пики* употребляется как изофункциональное слову *дротик* и отмечена в абсолютном большинстве случаев в сюжете «Песни об Отечественной войне 1812 г.» при изображении сражения двух армий: «Приложили *вострые пики* ко черным гривам» (текст № 121). В исторических песнях *пики* используют только *казаки*. Действия, производимые с этим видом оружия, – *приклонить* и *приложить* [37].

Только в текстах XVII века отмечен тюркизм *кистенъ* – ‘старинное **ударное холодное ручное оружие** в виде короткой палки с подвешенным на ремне или цепочке металлическим шаром, тяжестью’ [30: II: 166].

Заимствованные лексемы, номинирующие **огнестрельное оружие**, составляют наиболее многочисленную группу. Во всех трех анализируемых корпусах текстов зафиксировано существительное *батарея* – ‘совокупность известного числа артиллерийских орудий’; в текстах XVIII и XIX веков –

артиллерия как ‘огнестрельное оружие относительно крупного калибра’ (слово заимствовано предположительно из итальянского и в русском языке известно с 1695 года [49: I: 54]) и *мортира* – ‘короткоствольное артиллерийское орудие’ (предположительно такое оружие и его название появились на Руси в результате преобразований русской армии Петром I).

В исторических песнях XVII и XVIII веков – употреблено слово, заимствованное из французского языка в Петровское время, – *пистолет*, и только в песнях XVII века – пришедшие в русский язык в конце XVI – начале XVII века из немецкого лексемы *пистоль* [49: II: 36] и *штык* (отмечено в составе композита *штык-ружьё*); лишь в текстах XVIII века встречается заимствованное из западноевропейских языков существительное *мушкет*, только в песнях XIX века – *карабин* (лексема имеет единичное употребление в тексте сюжета «Песни об Отечественной войне 1812 г.» при изображении сборов казаков в поход за границу).

Отметим, что лексема *пистоль* употребляется в исторических песнях о Степане Разине в значении ‘пистолет’ и заменяет это существительное в одном и том же тексте.

Интересно, что в исторических песнях встречаются биномы, включающие в себя в качестве первого компонента исконно русское слово *пушка*, а в качестве второго – иноязычное наименование оружия (*пушка-мортира*, *пушка-манерка* в текстах XVIII века, *пушка-мартелка* – в текстах XIX века) либо этноним (*пушка-галанка*).

И.А. Степанова фиксирует в рассматриваемой тематической группе еще одну лексему – *бомбический* (производную, очевидно, от иноязычного существительного *бомба*). Слово употреблено в песнях о Крымской войне при описании действий русской армии под Севастополем. Огонь, согласно сюжету песни, производят французы: «Стали шуточки с нами шутить, Из *бомбических палить*, Стали шуточки с нами шутить, Из *бомбических стали палить*» (текст № 365) [37].

В тематическую группу «**боеприпасы**» можно отнести заимствования *пуля* (встречается во всех корпусах текстов), *бомба* (в русском языке известно с Петровской эпохи, заимствовано из западноевропейских языков [49: I: 102]),

картечь – ‘артиллерийский снаряд ближнего действия, состоящий из пуль’ (в русском языке также появилось через немецкое и английское посредство из французского языка при Петре I [49: II: 382]). Лексемы *бомба* и *картечь* отмечены в текстах XVIII и XIX веков, а галлицизм *патрон* – ‘гильза (трубка) с воспламенителем, пороховым капсюлем и пулей’, пришедший в русский язык из французского через немецкий в Петровское время [49: II: 13], зафиксирован только в исторических песнях XIX века.

Как отмечают исследователи, последняя из перечисленных в этой группе лексем употребляется в исторических песнях безотносительно сюжетной линии, но всегда *патроны* используются не по их основному назначению, в основном при описании тяжелого положения русской армии: «Вместо соли мы солили Из *патронов* порошком (текст № 325) [37].

Здесь мы тоже должны отметить композиты, имеющие в своем составе один или оба иноязычных компонента – *пуля-картечь* (единично отмечены в тексте сюжета «Песни об Отечественной войне 1812 г.») и *пуля-порох*, употребленный в обобщенном значении ‘боеприпасы’. Последний функционирует исключительно в одном тексте сюжета «Разин под Астраханью» в песнях XVII века, только в цикле «Песни о турецких войнах» – при описании взятия Хотина в текстах двух последующих веков, а также в цикле «Песни об Отечественной войне 1812 г.» при описании того, как русская армия готовится к вступлению в Париж, в исторических песнях XIX века. То есть эти два сложных наименования встречаются в текстах всех трех изучаемых нами временных периодов [37].

Попали в группу «боеприпасы» и лексемы *каркас* – ‘зажигательный, продолговатый артиллерийский снаряд’ [12: II: 92] (оно встретилось только один раз в историческом тексте с сюжетом «Песни о семилетней войне»), *картуз* – ‘пушечный заряд’ / ‘мешок с порохом для артиллерийского заряда’ [18: II: 172] и *мина* – ‘снаряд со взрывчатым веществом, снабженный взрывателем, устанавливаемый под водой, в земле’ [49: I: 532] (отмечена дважды в тексте с сюжетом «Песни о турецких войнах» при описании действий русских солдат под Очаковым) [36]. Все три указанные лексемы пришли в русский язык из

французского и отмечены только в текстах XVIII века. Причем лексемы *каркас* и *картуз*, по наблюдениям И.А. Степановой, используются как заменяющие друг друга в текстах исторических песен с одним и тем же сюжетом. Сравним: «Еще с третьего *картуза / каркаса* Кистрин зажгли» [36].

Отмечено в этой тематической группе и тюркское *чугун* в составе сложной номинации *чугун-ядро*, возникшей, видимо, под влиянием постоянного сочетания *чугунное ядро*. Ср.: «*Чугун-ядрышко* закатывали, Закатали, приговаривали: «Ты лети, лети, *чугун-ядрышко*» (текст № 351, песня о Крымской (Восточной) войне 1853–1856 гг.).

Можно условно отнести в группу «боеприпасы» и прилагательное *пистонный*, образованное от французского слова *piston* (*пистон*), имеющего значение ‘небольшое количество взрывающегося от удара вещества и воспламеняющего порох в патроне’ [7: 834]. Анализируемое слово функционирует в тексте с сюжетом «Песни о Крымской (Восточной) войне 1853–1856 гг.» и определяет существительное *ружьё*: «*Ружья* новые, *пистонны*, Шашки острые иметь (№ 357) [36].

Среди наименований **сопутствующих предметов** иноязычного происхождения отметим тюркизмы *колчан* – ‘кобура для стрел’ [12: I: 143] (встретился дважды в сочетании с эпитетом *золотой* в одной песне XVII века «Разин видит сон») и употребленный только в текстах XIX века *фитиль* – ‘горящий шнур для воспламенений зарядов, для передачи огня на расстоянии при производстве взрывов’ (слово пришло в русский язык в начале XVII века [48: II: 315]; употреблено в цикле «Песен о семилетней войне» при описании осады Кюстрина [36]), а также французское существительное *портуея* – ‘широкий ремень, либо полоса ткани через плечо’; перевязь для флотской сабли’ [12: III: 42] (в том числе в составе композита *перевязь-портуея*) и немецкое *шомпол* (пришло через польский), а также его вариант *шонпур*.

Сравним контексты двух последних из перечисленного списка лексем: «По армии разъезжал, Пушки-ружья снаряжал, Пушки-ружья медные, *Шонпура* железные» (исторические песни XVIII века) и «Пушки, ружья заряжал, Пушки, ружья

медные, *Шомпола* железные» (тексты XIX века). Отметим, что оба слова употреблены в исторических песнях всего по одному разу в значении ‘прямой прут для осадки заряда в ручном стрельном оружии, прибойник’ [12: IV: 642].

Следует отметить, что самым частотным во всех трех корпусах текстов исторических песен является лексема восточного происхождения *сабля*: в текстах XVII века оно употреблено 35 раз, XVIII века – 52 раза, а в песнях XIX века – 55 раз. Оно по частотности конкурирует в рамках рассматриваемого концепта с исконно русскими существительными *пушка* (26 / 69 / 79 словоупотреблений соответственно) и *ружьё* (19 / 50 / 59 словоупотреблений). Реже всего в исторических песнях рассматриваемого периода встречается лексема *шпага* (всего 1–2 словоупотребления в текстах).

Итак, на протяжении всех трех рассматриваемых периодов в исторических песнях встречаются заимствования *батарея*, *кремень*, *пуля*, *пуля-порох*, *сабля* и *штык*. (*Кремень* здесь – ‘самый твердый и жесткий из простых камней, служивших прежде всего для добычи огня’ [12: II: 189]).

Рассмотрим подробнее особенности функционирования в исторических песнях самой частотной из заимствованных лексем – *сабля*. Согласно многочисленным справочникам, сабли пришли к нам с востока в IX веке [8: 216]. Это основное оружие конного кочевника – длинное, тонкое, сильно загнутое к концу оружие, режущее скользящим ударом большую поверхность тела [3: 429]. На Руси на протяжении ряда веков основным оружием был *меч*, хотя наряду с ним применялась и сабля [3: 422].

Постоянными эпитетами лексемы *сабля* в исторической песне выступают прилагательные *острый* / *вострый*, реже – *булатный*: «*Вострой сабелькой булатной подпирается идет*» (Исторические песни XVII века, № 64).

В заключение рассмотрим «темное» существительное *барбича*, встретившееся в тексте исторических песен с сюжетом «Песни о Крымской (Восточной) войне 1853–1856 гг.», где описываются действия солдат под Севастополем: «Распроклятый шельмец англичанин <...> Из *барбичи* он стал в

нас палить» («Песни XIX века», № 361; текст записан в Поволжье в первой половине XX века). Судя по контексту, И.С. Степанова предположила, что данная лексема номинирует огнестрельное оружие, которое используют англичане [37]. Однако мы полагаем, что можно допустить происхождение лексем *барбича* от существительного *барбет* – ‘временное военное укрепление’, пришедшего в русский язык из английского [33: 32]; в словарях встречаем также: *барбет*, *барбетта* – ‘форт; земляная насыпь под орудия в углах бастиона’ (*Палить с барбету*) [32; 18: 699].

Такие фонетические искажения, как *барбет*, *барбета* в *барбича*, фиксируются лингвофольклористами в самых разных жанрах устного народного творчества довольно часто [22; 39]. Отметим, что преимущественно такие деформации претерпевают заимствованные слова. Это происходит, полагаем, вследствие своеобразного «вживания» чужеродных элементов в фольклорный текст.

Подводя итог, отметим, что заимствованные слова, номинирующие концепт «Оружие» в исторических песнях трех веков, весьма многочисленны и разнообразны по тематическим группам, хотя некоторые функционируют только в рамках одного–двух сюжетов или имеют единичное употребление. Было выявлено незначительное количество лексем, называющих старинное вооружение, и в основном это тюркизмы *колчан*, *кистень*, *булатный*, а также заимствование, предположительно, из романо-германских языков *ника*.

Лексика, обозначающая конкретные роды оружия, в исторических песнях отражает определенный этап в истории развития и совершенствования вооружения. В песнях XVIII века наблюдаются многочисленные батальные сцены: выступление в поход и подготовка к бою; битва двух армий с пальбой пушек, мушкетов.

Именно в этот период в песни проникает значительное количество заимствованной лексики. Так, в исторических песнях XVIII века отмечено большое количество заимствованных лексем и их словоупотреблений: в текстах с сюжетом «Песни о семилетней войне»: *каркас*, *картуз*, *мортира*, *фитиль*; с сюжетом «Песни о Северной войне» –

картечь, шонпура; в «Песнях о турецких войнах» – *мина, пушка-манерка*. В песнях, относящихся к XIX веку, в которых речь идет об Отечественной войне 1812 года, встречается немало слов, заимствованных из западноевропейских языков: *бомба, пика, пуля-картечь, шомпол*; в цикле песен о Крымской (Восточной) войне 1853–1856 гг. – *барбича, бомбический, картечь, чугуун-ядро*, в песнях о русско-турецкой войне 1828–1829 гг. – *бомба* [37, 38].

То есть исторические песни XVII–XIX вв. отражают значимые факты межкультурной коммуникации. Мы смогли это пронаблюдать на примере только одного кластера «Оружие».

Еще один аспект рассмотрения процесса отражения в языке фольклора взаимного влияния культур – рассмотрение текстов одного региона бытования или даже одной конфессии, оказавшейся в иноэтническом окружении. «Поляки» Алтая – потомки старообрядцев, в конце XVII – начале XVIII вв. бежавших «от религиозных преследований в Стародубье (северная часть Черниговской губернии – (ныне Стародубский р-н Брянской области), а затем за польский рубеж в Гомельский уезд Могилевской губернии на р. Сож, где находится г. Ветка (ныне Ветковский р-н Гомельской обл. Беларуси)» [8: 20], куда переселялись приверженцы «старой» веры из Белгородской, Воронежской, Калужской, Костромской, Курской, Московской, Нижегородской, Новгородской, Орловской, Рязанской, Смоленской, Тверской, Тульской, Ярославской и других губерний [25; 26].

Примерно в 60-е годы XVIII века, когда начинается освоение Сибири, старообрядческие общины селятся, в частности, на Алтае («поляки») и юго-востоке Байкальского региона, в Бурятии и Читинской области («семейские») [20: 20–22].

Поселившись на Алтае, «поляки» довольно долго вели чрезвычайно консервативный образ жизни, воздерживались от культурных контактов с местным населением, ревностно хранили древние традиции своих предков в том, что касается религии, быта, обычаев, что, безусловно, способствовало сохранению образцов народного творчества в их первоизданном

виде. Однако «новый» рельеф, климат, иноэтническое окружение не могли не оказать определенного влияния на фольклорную картину мира «поляков», актуализировались одни элементы традиции и «погасились» другие.

Мы составили словник и частотный словарь песен «поляков» на основе не только опубликованных корпусов текстов, но и архивных материалов [25–27; 50 и др.].

Если говорить об изменениях в фольклорной картине мира под влиянием иноэтнического окружения, то об этом, на наш взгляд, может свидетельствовать наличие в текстах песен так называемых «темных» слов.

В русских песнях Алтая нами было отмечено несколько таких лексем. Наиболее интересным из них нам показалось прилагательное *сиянский*: «Во мне сердце обмерло, Я, млада, спугалась. Во *сиянской* стороне Колокол раздался...» В русском литературном языке *сиенский* (Сиенская земля) – ‘темно-желтая краска, применяемая в живописи; сиена’ [7, т. XVIII, с. 783]. От итальянского *Terra di Sien(n)a* – по названию провинции и города в Италии. В Словаре русских народных говоров читаем: «*Сиян* – Сиян-город. *Фольк*. Эпитет солнца. *Сиянский* – *Фольк*. 1. В загадке: *Есть поле сиянское, в нем много скота монастырского, один пастух, словно ягодка* (небо, звезды, луна). Даль. 2. [Знач.?]. *Стоит дерево сиянское, лист на нем капранский...*» [33, вып. 37, с. 360]. Возможно, в алтайских песнях большое влияние на выбор этой лексемы оказало созвучие ее с глаголом *сиять*, имеющим в русском языке положительную коннотацию, но вероятнее всего – с названием *Саянских гор* (Западные Саяны, как известно, юго-западной своей частью граничат с Алтаем).

Следует сказать о том, что, находясь в окружении иной традиции, старообрядцы стремятся к сохранению своей фольклорной картины мира и поэтому стараются восполнить утраченное в ходе эволюции текста за счет близких по фонетическому облику слов-окказионализмов, вкладывая в них необходимый смысл, который, возможно, и не отражали слова, изначально присутствовавшие в тексте песни.

Отметим, что лексика песен старообрядцев Алтая в целом отражает как культурные, так и религиозные аспекты

взаимодействия «поляков» с представителями других этнических и конфессиональных групп и при этом сохраняет общефольклорные черты, присущие русским традиционным поэтическим текстам в целом (об этом мы можем судить, сравнивая лексику анализируемых песен со словниками, составленными нами ранее на основе текстов русского поэтического фольклора, записанного на других территориях бывшего СССР и за его пределами [20, 42, 44 и др.]).

Изучение происхождения «темных» [14, 21] слов позволяет нам сделать вывод о том, что они могли появиться под влиянием чужой культуры. Так, рассмотрев целый ряд слов из песен Русского Устья [47, 49 и др.], мы пришли к выводу о том, что все они отражают специфику фольклорной картины мира их исполнителей. Есть среди «локализмов» и заимствования из языка окружения (*сарадочки / сордонки, торбаса и чукучен*), и искаженные под влиянием билингвизма русскоустыинцев как исконные, так и иноязычные лексемы, и «темные» слова, у которых лексическое значение можно установить лишь приблизительно (*кашверец, парута, рата, шеранея / шеранея* и др.) [20].

Нужно отметить, что сохранились в анализируемых песнях и древнерусские формы типа *вспоможенье, испекти* (что свидетельствует об определенной «консервации» устной народной традиции русскоустыинцев), хотя многие вкрапления в лексику новых для традиционного фольклора слов (*канцелярия, квартира, губернатор, майор, пистолет*), чаще историзмов (*гусар, адъютант, турка* (ружье), *енычары, есаул*), топонимов (*Азов-город, Кучум-город, Иркутский, Иструм-город, Киев, Тяхта-городок, Иордан-река, Туречина*), этнонимической лексики (*тунгус, немец, турецкий, француз*) говорят о том, что внешние контакты, связывающие Русское Устье с материковой русской культурой, все-таки происходили довольно регулярно и связаны в основном с военными событиями Российской истории [20].

Небольшой процент заимствований в лексике песен русскоустыинцев объясняется жесткой структурой песни как жанра, с одной стороны, и строгой образной системой русского фольклора – с другой. Несмотря на билингвизм русских

жителей устья Индигирки, о чем свидетельствуют практически все исследователи [20, 47, 49], в своих песнях старожилы Русского Устья продолжают отражать тесную связь с материковой культурой, язык устного народного творчества является для них своеобразным этнокультурным маркером и напрямую отражает фольклорную картину мира.

Таким образом, мы представили разные аспекты изучения лексики традиционного фольклора, позволяющие проследить процессы взаимодействия культур. Как видим, ученым-лингвистам ее предстоит приложить немало усилий к тому, чтобы исследовать каждый из этих аспектов более детально.

Библиографические ссылки

1. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск: Наука, 2000. 772 с.
2. Аракин В.Д. О некоторых тюркизмах в русских былинах киевского цикла // Советская тюркология. 1984. № 1. С. 15–28.
3. Арциховский А. В. Оружие // История культуры Древней Руси. Т. 1. М.: Наука, 1948. С. 417–438.
4. Бахтиярова А.Н. Арабские заимствования в башкирском языке: дис. канд. филол. наук: 10.02.02 / Бахтиярова Альфира Нурисламовна. Уфа, 2009. 170 с.
5. Бобунова М.А. Фольклорная лексикография: становление, теоретические основания, практические результаты и перспективы: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Бобунова Мария Александровна. Курск, 2004. 443 с.
6. Бобунова М.А. Конкорданс русской народной песни: Песни Курской губернии / М.А. Бобунова, А.Т. Хроленко. Курск: Изд-во КГУ, 2007. 258 с.
7. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. Н. Кузнецова. СПб: Рипол-Норинт, 2008. 1536 с.
8. Военная энциклопедия. Т. II–XVIII. Пб.: Т-во И. Д. Сытина, 1911–1915.
9. Воронцова С.В. Концептосфера «религиозная культура» в русском, английском и немецком песенном фольклоре (сопоставительный анализ): дис. ... канд. наук. Курск, 2005. 228 с.
10. Галяутдинов И.Г. Два века башкирского литературного языка. Уфа: Гилем, 2000. 448 с.
11. Гулянков Е.В. Этническое своеобразие русской народно-песенной лексики: в сопоставлении с лексикой французских народных

песен: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01, 10.02.19 / Гулянков Евгений Витальевич. Курск, 2000. 255 с.

12. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Рус.яз.–Медиа, 2006. Т. 1–4.

13. Дашкова М. Ф. Иноязычные заимствования в деловом языке Петровской эпохи (на материале указов и заметок Петра I) // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Вып. 5. Воронеж, 1972. С. 15–19.

14. Добродомов И.Г. О «призрачных» словах // Русская речь. 1999. № 1. С. 101–106.

15. Исторические песни XIX века. Л.: Наука, 1973. 284 с.

16. Исторические песни XVII века. М.-Л.: Наука, 1966. 384 с.

17. Исторические песни XVIII века. Л.: Наука, 1971. 356 с.

18. Исторический словарь галлицизмов русского языка. М.: Словарное издательство «ЭТС», 2010. 699 с.

19. Климас И.С. Фольклорная лексикология: своеобразие объекта, состав единиц, специфика лексикологических категорий: диссертация докт. филол. наук: 10.02.01 / Климас Ирина Сергеевна. Курск, 2005. 408 с.

20. Кляус В.Л., Супряга С.В. Песенный фольклор русскоустыинцев Якутии и семейских Забайкалья: материалы к изучению бытования в иноэтническом окружении. Курск: Изд-во РОСИ, 2006. 213 с.

21. Козлова А.Ю. Загадочные слова «клюще» и «ключ» Толковой палеи // Русская речь. 1994. № 3. С. 75–80.

22. Козлова Р.Б. Заимствованная лексика в языке русского фольклора: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Козлова Римма Борисовна. Казань, 1974. 157 с.

23. Кульсарина Г.Г. Язык и стиль башкирских народных сказок: канд. филол. наук / Кульсарина Гульнур Галинуровна: 10.02.02. Уфа, 2004. 165 с.

24. Лиморенко Ю.В. Заметки о русских заимствованиях в языке эвенкийского фольклора // Сибирский филологический журнал. Новосибирск: НГУ, 2014. № 1. С. 33–38.

25. Махова Л.П. «Ай, мы последний денечек веселимся...» (лирическая песня старообрядцев-«поляков») // Вестник Российского фольклорного союза. М., 2003. № 3 (8). С. 20–29.

26. Махова Л.П. Пять приемов мужской исполнительской традиции «польских старообрядцев» Сибири // Мужской сборник. Вып 2. М.: Лабиринт, 2004. С. 220–236.

27. Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 13, 14. Новосибирск, 1997 (песни поляков).

28. Петренко О.А. Народно-поэтическая лексика в этническом аспекте: На материале русского и английского фольклора: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Петренко Ольга Александровна. Курск, 1996. 158 с.

29. Праведников С.П. Территориальная дифференциация языка русского фольклора: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 / Праведников Сергей Павлович. Курск, 2011. 338 с.
30. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН, Ин-т рус. яз.; под общей ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2000. Т. 2.
31. Савченко В.А. Концептосфера «человек телесный» в русской и немецкой паремиологической картине мира: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01, 10.02.19 / Савченко Вероника Альбертовна. Курск, 2010. 249 с.
32. Словарь русского языка XVIII в. [Электронный ресурс]. – URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/> (дата обращения: 27.01.17).
33. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. Л.: Наука, 1965–2016. Вып. 1–49.
34. Сомов В.П. Словарь редких и забытых слов. М.: ООО «Изд-во Астрель», ООО «Изд-во АСТ», 2001. 605 с.
35. Сороколетов Ф.П. История военной лексики в русском языке. Л.: Наука / Ленингр. отд., 1970. 384 с.
36. Степанова И.А. Исторические песни XVII–XIX веков: Словник и частотный словарь. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2003. 80 с.
37. Степанова И.А. Жанровое своеобразие лексикона русской исторической песни: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / И.А. Степанова. Орел, 2004. 246 с.
38. Супряга С.В. Заимствованная лексика, номинирующая элементы одежды, в русских народных песнях // Лингвофольклористика: Сб. науч. тр. Курск: КГУ, 2015. Вып. 22. С. 49–55.
39. Супряга С.В. Заимствованная лексика, представляющая концепт «ОРУЖИЕ» в исторических песнях XVII–XIX вв. // Основные вопросы лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации: сб. по филологии № 9. Астрахань: Изд.дом «Астраханский университет», 2017. С. 89–99.
40. Супряга С.В. Заимствованные наименования, отражающие кластер "ПИЩА" в русских лирических песнях // Лингвофольклористика. 2018. № 28-2. С. 42–47.
41. Супряга С.В. Латинизмы в русских народных песнях // Проблемы филологического образования: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Л.И. Черемисиновой. Саратов: Саратовский источник, 2016. Вып. 8. С. 269–274.
42. Супряга С.В. Тюркизмы в курских народных песнях // Лингвофольклористика. 2018. № 27. С. 121–127.
43. Супряга С.В. Устойчивость лексики русской народной лирической песни к иноэтническому влиянию. Курск: Изд-во КГПУ, 2001. 226 с.
44. Супряга С.В. Язык фольклора как поле межкультурных контактов // Проблемы филологического образования Саратовский

государственный университет имени Н. Г. Чернышевского; Под ред. Л.И. Черемисиновой. 2014. С. 130–134.

45. Супряга С.В., Березкина Е.С., Головина Р.В. Отражение в языке традиционного фольклора взаимодействия культур: (Категория «свое / чужое»; устойчивость к иноэтническому влиянию). Курск: Изд-во Курск. гос. пед. ун-та, 2002. 392 с.

46. Супряга С.В. «Темные» слова в песнях Русского Устья // Фольклор в контексте современной культуры: Юдинские чтения-2005: материалы всерос. науч.-практич. конф. (Курск, 22 дек. 2005 г.). Курск: Изд-во КГУ, 2006. С. 63–68.

47. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. / М. Фасмер; Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 4-е изд. М.: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Изд-во АСТ», 2004. Т. 1–4.

48. Фольклор Русского Устья / Азбелев С.Н., Мещерский Н.А. (отв. ред.); АН СССР, Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом.), Сибирское отд-ние, Якутский фил., Ин-т яз., лит. и истории. Л.: Наука, 1986. 382 с.

49. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. М.: Русский язык, 2001. Т. I–II.

50. Шуб Т.А. Исторические песни Русского Устья // Русский фольклор: Материалы и исследования. Л., 1958. Т. 3.

Щуров В.М. Русские песни Алтая. Выпуск I. Песни Убинско-Ульбинской долины. М.: Изд. ДОМ «Композитор», 2004. 200 с.

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ И КЛАССОВЫЙ МИФЫ,
АСПЕКТЫ ПРОТИВОБОРСТВА В ОБЩЕСТВЕННОМ
СОЗНАНИИ РОССИЯН (НА ПРИМЕРЕ ДИНАМИКИ
СОЗНАНИЯ ФУТБОЛЬНЫХ БОЛЕЛЬЩИКОВ)**

**NATIONAL AND CLASS MYTHS, ASPECTS OF WARFARE
IN THE PUBLIC CONSCIOUSNESS OF RUSSIANS
(ON THE EXAMPLE OF THE DYNAMICS
OF CONSCIOUSNESS OF FOOTBALL FANS)**

Ю.Г. Тамбиянц

Кубанский государственный аграрный университет,
г. Краснодар

Ш.С. Асланов

Краснодарский кооперативный институт, г. Краснодар

Yu.G. Tambiyants

Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russia

Sh.S. Aslanov

Krasnodar Cooperative Institute, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье анализируется взаимодействие национального и классового мифов, что характерно для динамики сферы общественного сознания. Дается теоретическое рассмотрение национального и классового мифов как мощных детерминант политических процессов. Обосновываются различные типы отношений между классовым и национальным мифами, что находит эмпирическую апробацию в ходе исследования сознания российских футбольных болельщиков. Результаты исследования этого сознания демонстрируют различное соотношение классовой и национальной составляющих до чемпионата мира и после него.

Abstract. The article analyzes the interaction of national and class myths, which is typical for the dynamics of the sphere of public consciousness. The theoretical consideration of national and class myths as powerful determinants of political processes is given. Various types of relations between class and national myths are

substantiated, which is empirically tested in the course of the study of the consciousness of Russian football fans. The results of the study of this consciousness demonstrate a different ratio of class and national components before the world Cup and after it.

Ключевые слова: классовый миф, национальный миф, глобализация, сознание футбольных болельщиков, национальная идентичность.

Keywords: class myth, national myth, globalization, consciousness of football fans, national identity.

В нынешних официальных идеологических текстах неслучайно делается основная ставка на национальное единство, являющееся залогом «национального прорыва». Как отмечает в своем последнем Послании Президент: «сплоченность – самая прочная основа для дальнейшего развития. В предстоящие годы нам надо еще больше укрепить свое единство, чтобы мы работали как одна команда... готовая отдавать свои силы, знания, опыт, талант для достижения общих целей» [6]. Этот подход совершенно справедлив особенно в современную глобальную эпоху, актуализирующую проблематику национальной идентичности и гражданского сознания. Социальные процессы нынешнего даже относительно благополучного западного мира объективно способствуют больше дезинтеграции, а не укреплению единства, на что указывают результаты социологических исследований [2]. Касательно нашей страны данная проблематика также имеет место. Ряд исследователей считает, что развал СССР был предопределен именно мировоззренческим расколом общества (С.Г. Кара-Мурза, А. Хагуров, А. Кольев). В настоящей работе мы затронем сферу культурно-духовной жизни, попытавшись вычленив здесь узловые моменты, работающие как на тенденции консолидации, так и в противоположном направлении.

Мы считаем, что некий узел противоречий несет в себе взаимодействие в рамках социального сознания россиян национальной и классовой мифологий. Сущность понятия «миф» трактуется довольно многообразно [5], а потому

нуждается в уточнении. По мнению К. Хьюбнера, существуют две основные структуры действительности – научная и мифическая. Каждая из них содержательно коренным образом отличается от другой, поскольку здесь имеют место разные формы созерцания. Социальная реальность дается нам «лишь настолько, насколько это позволяют подобные структуры. Они служат для того, чтобы упорядочивать и перерабатывать ее феномены» [10, с. 355]. Вполне естественно, что научный подход опирается на рациональные способы и категории, логически связанные между собой, тогда как в случае мифической действительности в ход идут как рациональные, так и иррациональные категории.

Мы намерены интерпретировать категорию мифа на стыке социально-психологического и социологических подходов. Миф представляет собой отражение социального бытия, рождаемого общественными потребностями и в качестве обратной связи определяющей социальную деятельность; но в то же время миф есть продукт волевого начала, основой которого выступает определенный архетип или комплекс архетипов [5, с. 18-19]. Несколько упрощая, можно сказать, что миф представляет собой своего рода окультуренный архетип, который проходит обработку конкретной традицией, актуализируясь в зависимости от ситуации. А. Кольев не без оснований считает именно миф лежащим в основе идеологических построений, без которого последние превращаются в голое теоретизирование, мало кого стимулирующее на политические действия [3, с. 218].

По нашему мнению, анализ национального и классового мифов во многом поможет уточнить суть процессов политической интеграции и дезинтеграции, что особенно актуально и важно в современную эпоху глобализации.

Заслуга теоретической разработки *национального мифа* принадлежит мыслителям, принимающим в расчет национально-культурный фактор. Последний в эпоху расцвета философии Просвещения ставился под сомнение под влиянием парадигмы универсализма. Тем не менее попытки тотальной рационализации нередко приводили к тому, что иррациональное не только «лезло изо всех щелей», но и попросту взрывало социальную действительность, используя по ходу достижения

прогресса, чему свидетельство – две мировые войны. Представители немецкого романтизма (А. Мюллер, Новалис, В. Гумбольдт и др.) стремились на почве национальных традиционных различий, где мифологическое играло решающую роль, подчеркнуть релятивизм моделей общественного развития.

Еще Н. Бердяев констатировал национальное как бытийственную категорию, без которой «невозможно существование человечества, она заложена в самих глубинах жизни» [1, с. 350]. При этом, как считал Н. Бердяев, имеет значение только естественный национализм, без всякой внешней принудительной регламентации, тем самым явно делая реверанс в сторону примордиалистского подхода.

Российский исследователь Андрей Кольев, во многом опирающийся и развивающий работы В. Полосина, трактует национальную мифологию как своего рода отображение нравственного идеала нации. Им предлагается следующая структура национальной мифологии.

1) Архетип Великой Родины – Матери, символизирующий происхождение и предназначение народа как макросемьи.

2) История, абсолютизированная как стержневой сюжет мироздания, и пространство, абсолютизированное как географический центр Вселенной.

3) Система символов, которые с помощью архетипического ключа-эталона (образ Родины – Матери) раскодируют мифологизированный коллективный опыт («должное») и соотносят с ним «желаемое».

4) Архетип сверхчеловека – Прародителя (родоначальника национальной элиты, покровителя Героя), воплощаемый в образе Героя - сверхчеловека, опирающегося на национальную элиту и народные архетипы. [3, с. 159].

Согласно уже упомянутому К. Хюбнеру, «национальное чувство» современного человека имеет те же психологические корни, что и мифическое понимание принадлежности к роду или племени [11, с. 328]. Дополняющий эту мысль А. Кольев пишет, что формирование национальной мифологии происходит при активном участии элиты и народа. Так, народ выступает источником коллективного бессознательного, запечатленного в

символах опыта предков, тогда как элита обеспечивает «концептуальное видение всей мифологической конструкции и игру образов – политическую рекламу и национальный ритуал» [2, с. 159–160]. Примирение же народной традиции и религиозной догматики обеспечивает органическое единство элиты и народа, а, соответственно, национальное единство [3, с. 163].

Аспекты *классового мифа*, рассматриваются сторонниками марксизма и не только. В работах П. Бергера, И. Шафаревича, Г. Ле Бона предметом анализа служит социалистический миф, который составляет только одну из двух разновидностей классового мифа. Вторая разновидность может быть названа либеральной и, как правило, находится в жестком противоречии с социалистической разновидностью. В качестве одной из важных предпосылок здесь служит постоянное противоречие между коллективизмом и индивидуализмом. Последний делает упор на свободу, представляющую собой постоянную борьбу, в которой могут быть реализованы те или иные индивидуальные преимущества. Однако подобная личная автономия по плечу только очень немногим, уверенным в своей силе индивидам. Большинство же относится к категории слабых, которые предпочитают жертвовать свободой, получая при этом поддержку коллектива.

Однако подобное видение, разумеется, несколько абстрактно, но в рамках данной статьи нам нет смысла глубоко вдаваться в перипетии противостояния либерального и социалистического мировоззрений. В ходе социальной практики образуются более или менее устойчивые группы, занимающие разное положение в общественной иерархии и соответственно, имеющие противоречивые цели и интересы. Картину этого противостояния в свое время описали К. Маркс и его последователи (К. Маннгейм, Г. Лукач и др.) в концептах общественных антагонизмов, классовой борьбы, классового сознания. Здесь лишь подчеркнем, что из подобного подхода следует неизбежность внутренних противоречий и группового противостояния в рамках общественной системы. В рамках обозначенного предмета – противодействия национального и классового мифов, нас будут интересовать прежде всего

стороны социалистического сознания, актуализирующиеся в условиях обострения именно социально-экономических противоречий.

Архетипическая природа социалистического мифа уже столетие назад была отмечена в работах Г. Ле Бона, Ж. Сореля, В. Парето и др., где подчеркивались чаяния равенства, справедливости и т.п. Так, Ж. Сорель полагал идею всеобщей пролетарской забастовки составляющей суть социалистического мифа. Именно здесь «заключается весь социализм; совокупность образов, способных вызвать именно те чувства, которые соответствуют различным проявлениям борьбы против современного общества... Идея всеобщей стачки настолько могущественна, что заражает революционным духом всех, кого только коснется. Благодаря ей социализм остается вечно юным,... распадение общества на два враждебных лагеря выступает особенно ярко» [8, с. 58, 62].

Серьезная полемика между сторонниками национального и классового мифов в политической реальности обычно отражается противостоянием консерваторов и социалистов. Как обычно, в таких случаях можно вести речь об обоюдных «передергиваниях». Например, К. Хюбнер в своей критике К. Маркса явно натянуто заявляет, что рабочий «хотел видеть улучшенным лишь свое положение, а никак не желал уничтожения данной экономической системы как нечто такого, что якобы отчуждает его от своей самости» [11, с. 196]. Похожие рассуждения содержатся у И. Ильина, Л. Тихомирова, А. Кольева. В свою очередь отталкивающиеся от марксистской методологии (А. Бузгалин, А. Колганов, Б. Кагарлицкий и т.д.) обычно настаивают на том, что национальные различия легко преодолеваются посредством классовых интересов, основанными на чаяниях социально обездоленных, на что указывал известный социалистический лозунг «Пролетарии всех стран соединяйтесь».

Исторические факты подтверждают, что на уровне общественного сознания больших социальных групп борьба национального и классовой составляющей проходит с переменным успехом. Например, наличие интернациональных бригад в Испанской гражданской войне 1936–1939 гг.

свидетельствуют о силе классового мифа. А вот крах Второго Интернационала произошел прежде всего из-за несогласия поддерживать утверждающий антинациональную позицию лозунг поражения собственных правительств в начавшейся империалистической мировой войне, тем самым обозначив здесь превосходство национального мифа. Однако, справедливости ради следует отметить, что национальный и классовый мифы не всегда находятся в состоянии противоборства. Между ними вполне могут существовать и союзные отношения часто на почве внешней политики. Так, в годы Великой Отечественной войны антисоветские всплески национального сознания имели фрагментарный характер (Украинская повстанческая армия С. Бендеры, «Кавказские братья» Х. Исраилова), а в целом же этно-национальное сознание оказалась вполне вписано в советскую идентичность. Другой пример, политика продвижения национальных интересов по захвату колоний европейскими индустриализирующимися державами вполне соответствовала интересам как капиталистов, так и рабочих. Следует констатировать, что противостояние классового и национального мифов имеет в целом неоднозначный результат, обусловленный теми или иными конкретными обстоятельствами.

Конкуренция национального и классового сознаний в той или иной степени наличествует всегда, зачастую выступая фактором центростремительных и центробежных тенденций. Для общественной системы логично стимулировать первые и, по возможности, препятствовать вторым. По словам философа и религиоведа В. Полосина, в условиях обыденной жизни, без непосредственных внешних угроз, центростремительные тенденции национального сознания искусственно возбуждаются посредством символического проигрывания ситуаций борьбы с «образом врага». «Ритуальным способом такой борьбы является в мирное время спорт, особенно на международном уровне» [5, с. 229].

Весьма распространенным примером национально-политического ритуала является выступление национальной сборной по футболу, наверное, самой популярной игры в

массах. Тот же К. Хюбнер пишет: «Победа или поражение является... победой или поражением каждого из зрителей. Национальная команда временно персонифицирует собой всю нацию, при этом индивид как бы полностью растворяется в ней. А развевающиеся флаги символизируют некую идеальность, которая придает им как бы ореол святости» [11, с. 418].

Исходя из вышеизложенного, для понимания проблематики форм противоборства национального и классового мифов мы решили сконцентрироваться на тенденциях сознания российских футбольных болельщиков. Для нас представляют интерес объекты пристрастий последних, а точнее – представления о национальной сборной в рамках этих пристрастий. Дело в том, что большой футбол – безусловно, один из самых высокооплачиваемых видов спорта, что объясняется рядом причин, как экономического (законы рынка), так и политэкономического плана (опека команд мастеров госкорпорациями). Это создает предпосылки восприятия российских футболистов не только как представителей России на международной арене, но и еще и как членов весьма в социально-экономическом плане преуспевающей страты. В настоящей статье нас интересует ценностное восприятие футбольной сборной России в глазах поклонников этой игры. Анализ данного предмета, разумеется, не даст полного и четкого представления о состоянии национального сознания, но поможет уловить определенные тенденции стратегического плана. Кроме того, в рамках очерченного исследовательского объекта можно проследить столкновение национального и классового сознаний.

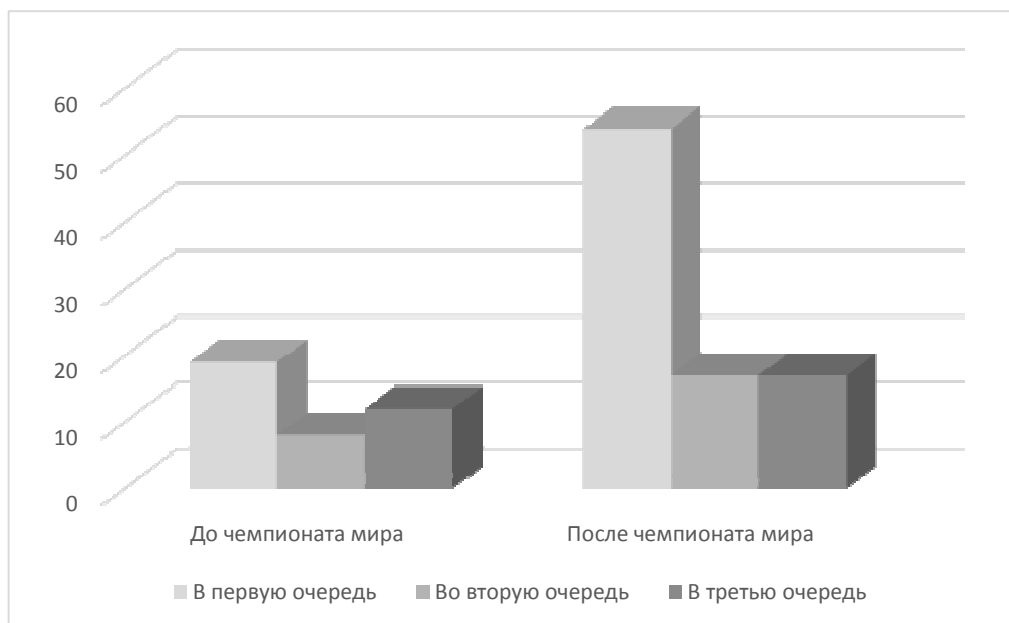
Исследование сознания футбольных болельщиков мы решили провести в два этапа – перед чемпионатом мира и после него. В связи с этим обстоятельством следует обозначить ряд моментов, значимых для нашего предмета исследования. Во-первых, первенство мира по футболу проводится один раз в четыре года и в этом году – впервые в истории в нашей стране. Значимость футбольного чемпионата мира переоценить трудно, и многие публицисты и аналитики не без оснований считают это событие одним из важнейших в современном спорте,

вполне сравнимым с Олимпийскими играми. Во-вторых, российская сборная по футболу на этом чемпионате показала достаточно добротный результат, вполне сопоставимый со своим уровнем – выход в ¼ финала. Субъективное восприятие от такого выступления усиливалось еще и тем, что последние десятилетия национальная сборная являлась источником разочарований. Так, последний выход из группы имел место 32 года назад на чемпионате мира 1986 года. В-третьих, положительное итоговое впечатление было усилено политически. Речь идет об официальном награждении президентом России орденом Александра Невского старшего тренера и орденом Почета двух футболистов национальной футбольной команды.

В качестве основного метода выступил анкетный опрос. Выборка целевая и касалась только индивидов, интересующихся футболом и более или менее разбирающихся в нем. Было опрошено на первом этапе (то есть до чемпионата мира) 312 респондентов, тогда как после – 124. Сразу следует отметить, что результаты исследования обоих этапов имеют существенные различия.

Перед чемпионатом картина общего отношения к национальной сборной не может быть названа иначе, как удручающая. Речь идет о количестве болельщиков, эмоционально переживающих за российскую команду, что существенным образом стимулирует психологические аспекты национальной идентичности (Таблица 1). На первом этапе именно российская сборная выступала первоочередным объектом переживаний у менее пятой части респондентов (19%), тогда как во вторую очередь за национальную команду «болели» – 8%, а в третью – 12%. Тем самым выходит, что до чемпионата мира большая часть опрошенных вовсе не намеревалась переживать за сборную России, что следовало расценивать как тревожный звонок, ввиду снижения одного из важных символов национального единства.

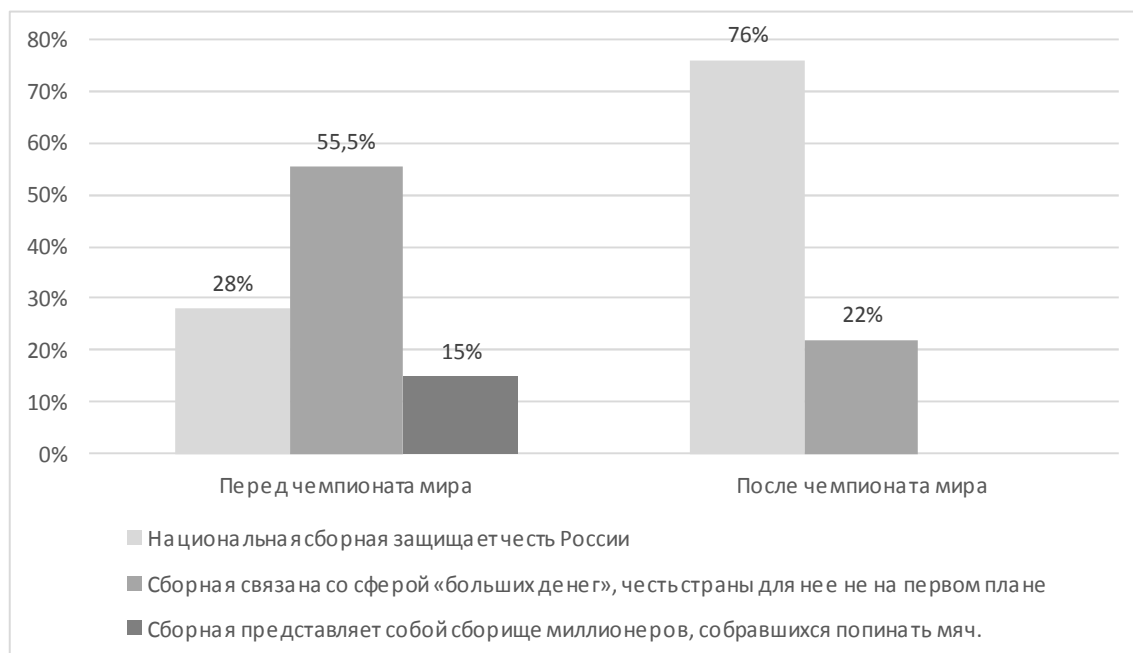
Таблица 1 Какая национальная сборная вызывает у Вас симпатии, положительные переживания (% отметивших российскую сборную)

Принципиально поменялось отношение к национальной футбольной сборной после чемпионата мира, что следует из данных таблицы 1. Как видим, втрое выросло число болельщиков, в первую очередь болеющих за национальную команду, их теперь насчитывается больше половины от всех респондентов, а всего около 88% демонстрируют равнодушие к главной российской команде.

Логически вытекал из предыдущего следующий вопрос, связанный с образом российской футбольной сборной в сознании болельщиков (Таблица 2). Значительные изменения в мнениях респондентов до и после первенства мира демонстрирует, что игрокам главной команды удалось вернуть эмоции болельщиков во многом за счет того, что они теперь воспринимаются в качестве радеющих о чести России. Если до чемпионата только немного более четверти респондентов (28%) были согласны с этим утверждением, то после их число выросло почти в три раза, перевалив за три четверти.

Таблица 2 Образ российской футбольной сборной в социальном сознании

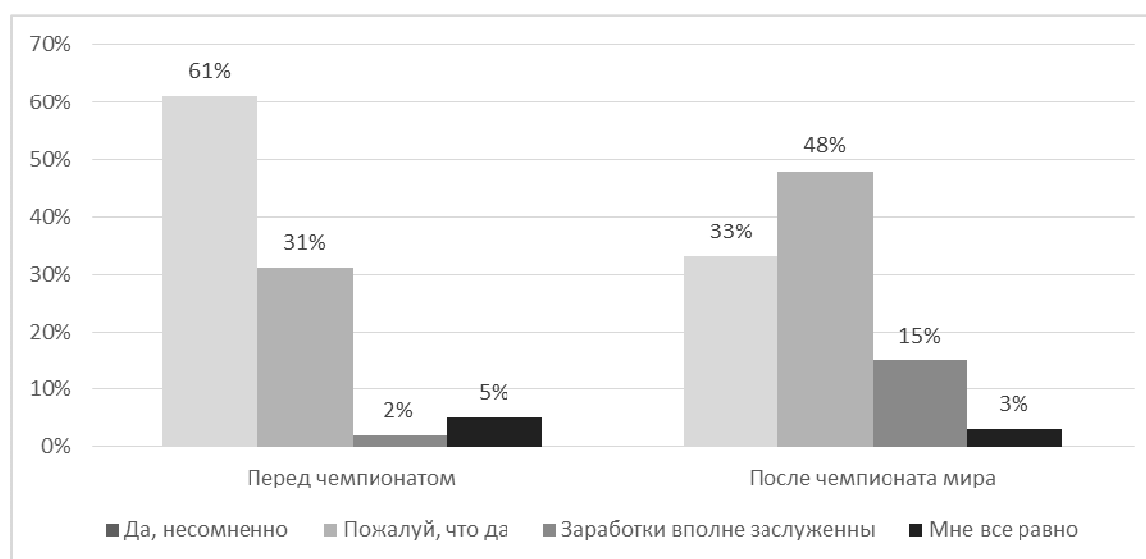

Одновременно резко (в 2,5 раза) сократилось число тех, кто считает, что национальная футбольная сборная связана со сферой «больших денег» и честь страны для нее не на первом месте. И ни один из респондентов после чемпионата мира не выбрал ответ «Национальная футбольная сборная представляет собой сборище миллионеров, собравшихся попинать мяч», в то время как за несколько месяцев до этого таковых было немало – 15%.

Более «приземленные» аспекты сознания футбольных болельщиков выявлял вопрос «Считаете ли Вы завышенными заработки российских футболистов?». Из данных таблицы 3 следует, что и здесь оценки россиян значительно смягчились. Если до чемпионата были склонны отвечать утвердительно по данному поводу 92 % опрошенных, причем заметно большая их часть (61%) в этом была твердо уверена (ответ «да, несомненно»). После же чемпионата мира согласны оценить заработки футболистов как завышенные уже 81%, причем твердость в данном вопросе продемонстрировали только 33%. Одновременно в несколько раз выросло число тех, кто считает заработки отечественных футболистов вполне заслуженными с 2 % до 15%.

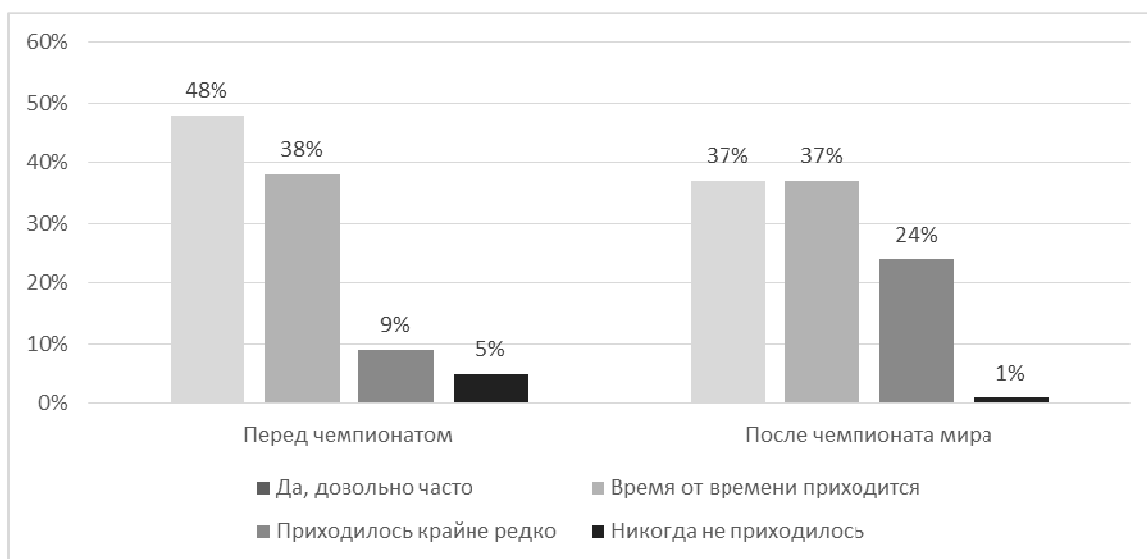
Можно сделать предположение, что мнения многих российских болельщиков сводятся к тому, что российские футболисты зарабатывают намного больше того, что они реально заслужили. И респонденты видят здесь явное проявление социальной несправедливости, что, возможно, является основным источником равнодушия, а порой и очевидной неприязни не только к футбольной национальной сборной, но и к отечественным клубам высшего дивизиона, имеющим широкие возможности привлечения «легионеров», в том числе и топ-уровня.

Таблица 3 Считаете ли Вы завышенными заработки российских футболистов?

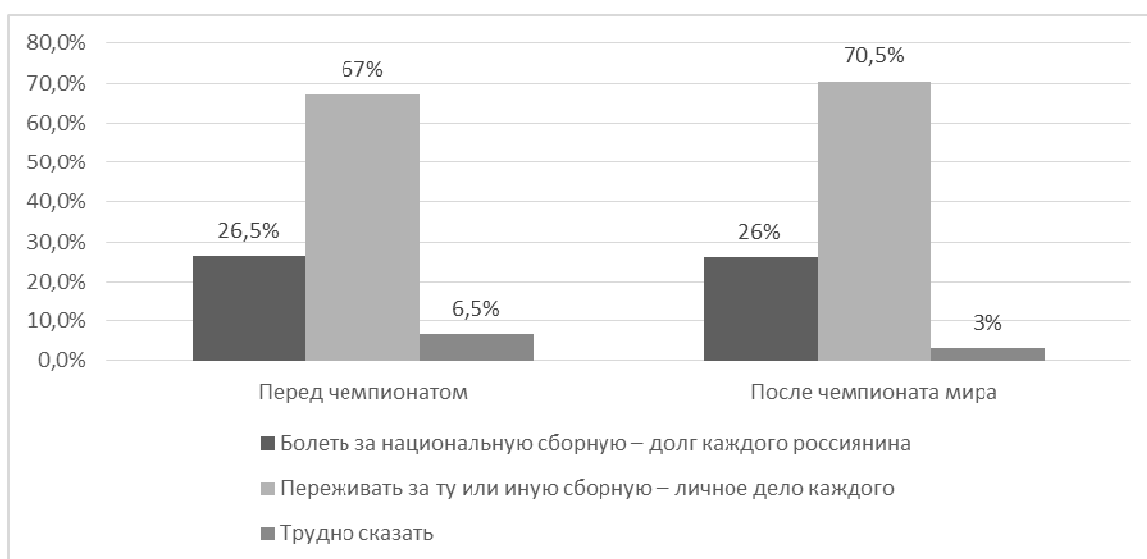
Интересно было установить картину из субъективных мнений респондентов о степени распространенности феномена «неболения» за футбольную сборную России. По данным таблицы 4 видно, что это сейчас весьма распространенное явление, мало кого удивляющее в отечественном футбольном мире.

Таблица 4 Приходилось ли Вам лично встречать болельщиков не переживающих за сборную России по футболу?

Наконец, интересно было выяснить, каким образом феномен эмоционального переживания за российскую футбольную сборную соотносится с национальным гражданским сознанием. С этой целью было предложено сделать выбор из двух позиций, одна из которых тесно связывала эти явления, тогда как другая – разводила их.

Таблица 5 Связь переживания за футбольную сборную с гражданским сознанием

Как видно из данных таблицы 5 здесь мнения респондентов остались фактически без изменения. Чуть более четверти респондентов склонны считать феномен «боления» частью гражданского долга, тогда как подавляющее большинство футбольных болельщиков склонны выносить «за скобки» выбор объекта предпочтения, вполне допуская в этом плане сборную иной страны.

Итак, на основании приведенных рассуждений считаем возможным предложить следующие выводы.

1) Национальный и классовый миф являются неотъемлемыми явлениями общественной жизни, выступают мощными детерминантами политических процессов, зачастую при формировании идеологических построений, а также в ходе социальных практик. Типы отношений между классовым и национальным мифами могут быть различными – от вполне союзнических, до жесткого противостояния. В нынешнюю эпоху глобализации, нарастания постмодернистских тенденций, скорее усиливается их противостояние, поскольку основой глобализирующегося мира выступает неолиберальный проект, предполагающий усиление социально-экономического расслоения, а универсализм космополитической идеологии политкорректности зачастую ставит под вопрос национальную идентичность.

2) Результаты эмпирического исследования сознания российских футбольных болельщиков заставляют предположить, что это область, где национальные и классовые потенциалы зачастую сталкиваются в жестком противостоянии. При этом существенным и во многом решающим фактором являются не только объективные результаты выступления национальной сборной, но и характер их освещения в СМИ, а также в высших политических кругах. Так, исследование сознания болельщиков до чемпионата мира показало, что их национальные чувства существенно ослабляются под воздействием усиливающихся классовых интенций. Игроки футбольной сборной большинством респондентов воспринимаются как получающие незаслуженно высокие заработки, совершенно несоответствующие их функциональному значению. А вот сознание болельщиков

после чемпионата мира изменилось принципиально по ряду аспектов. В нем следует констатировать перевес уже национальных чувств, существенно потеснивших классовые. Это произошло как под впечатлением от относительно успешного выступления национальной команды на чемпионате мира, что наверняка было усилено фактором «приятной неожиданности»; так и активизацией в официальных кругах, постаравшихся посредством национального ритуала героизировать выступление российских сборников.

Библиографические ссылки

1. Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. С. 267–479.
2. Доган М. Падение традиционных ценностей в Западной Европе: религия, государство-нация, власть // Мировая экономика и международные отношения. 1999. № 12. С. 23–30.
3. Кольев А.Н. Политическая мифология. Реализация социального опыта. М.: Логос, 2003. 384 с.
4. Маннгейм К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. С. 7–276.
5. Полосин В. Миф. Религия. Государство. М.: Ладомир, 1999. 440 с.
6. Послание Президента РФ Федеральному Собранию 2018 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru>. (дата обращения 17. 09. 2018).
7. Симончук Е. Классовое сознание: опыт сравнительного эмпирического изучения // Социология: теория, методы, маркетинг. 2010. № 4. С. 65–84.
8. Сорель Ж. Размышления о насилии. М.: КРАСАНД, 2011. 160 с.
9. Тамбиянц Ю. Г. Почему побеждает либерализм: осмысление механизмов взаимодействия идеологии и социальной иерархии. Ростов н/Д: АПСН СКНЦ ВШ, 2006. 395 с.
10. Хюбнер К. Истина мифа. М.: Республика (Мыслители XX века), 1996. 446 с.
11. Хюбнер К. Нация: от забвения к возрождению. М. Канон+, 2001. 400 с.

ОТНОШЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ К МЕЖЭТНИЧЕСКИМ БРАКАМ

ATTITUDE OF MODERN RUSSIAN YOUTH TO ETHNIC MARRIAGE

Д.К. Тлевцерукова

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

D.K. Tlevtserukova

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье рассматриваются особенности межэтнических браков, их влияние на этническую идентичность взаимодействующих сторон. Представлен анализ результатов исследования, направленного на изучение отношения молодежи к межэтническим бракам, их готовности вступления в такой брак. А также выявление проблем, возникающие в межэтнических браках, влияние религии, культурных особенностей, готовность принятия другой культуры.

Abstract. The article deals with peculiar properties of interethnic marriages, their influence on the ethnic identity of the interacting parties. There is presented the analysis of the results of a research aimed at study the attitude of young people to interethnic marriages, their readiness to enter into such a marriage. As well as the identification of problems arising in interethnic marriages, the influence of religion, cultural characteristics, the willingness to adopt another culture.

Ключевые слова: межэтнический брак, брачный выбор, этническая группа, культура

Keywords: interethnic marriage, marriage choice; ethnic group, culture

Российское общество в последние десятилетия переживает ряд глубоких трансформаций во всех сферах жизнедеятельности, связанных с переходом к рыночной экономике, формированием гражданского общества и правовой

системы на новых основах. Масштабность и глубина происходящих в России перемен свидетельствуют о процессах модернизации, затрагивающие интересы всего общества.

Говоря о характере и содержании социальных процессов современности, необходимо в первую очередь учитывать воздействие такого основополагающего фактора как глобализация, проявляющаяся в расширении сети контактов и взаимодействии между изолированными обществами. Следствием чего является взаимопроникновение локальных культурно-мировоззренческих систем и формирование «глобальной культуры».

В полиэтничном обществе при взаимодействии разных культур, этносов могут происходить разные процессы, к примеру, такие как комменсализм, кооперация, аккультурация. Русский этнограф, этнолог и антрополог Широкогоров С.М. описывая процесс комменсализма, отмечает, что это форма связи этносов «когда один и другой этнос могут жить на одной территории, не мешая друг другу и будучи так или иначе друг другу полезны, и когда отсутствие одного нисколько не мешает благополучной жизни другого» [11, с. 116]. Проживая на одной территории связи двух этносов, могут принимать форму кооперации, то есть, отношения, основанные на разделении труда. «Такая форма отношений двух этносов предполагает, что один этнос без другого жить не может и оба одинаково заинтересованы в существовании друг друга» [11, с. 116]. Так же при межэтническом взаимодействии одним из важных процессов является аккультурация – «термин, применяемый для обозначения процесса, в ходе которого группа людей с различными культурами, вступая в непосредственные продолжительные контакты, усваивают элементы другой культуры» [6, с. 12].

Взаимодействующие стороны, воспроизводят свою культуру и при этом принимают культуру других этносов и устанавливают тесные связи. Этот факт является одной из причин возникновения межэтнических браков. «Чем комфортнее межнациональное общение и чем терпимее отношение людей к состоянию межнациональных отношений в

полиэтническом государстве, тем больше в нем людей, одобряющих и заключающих межэтнические браки» [5].

Межэтнические браки представляют собой более сложные союзы по сравнению с браками между представителями одного этноса. Стабильность межэтнического брака зависит от таких факторов как степень принятия другой культуры, языка, обычаев, уровень толерантности. Во многих случаях в частности в традиционных культурах, главным образом на принятие решение о вступлении в межэтнический брак влияет, насколько родители и родственники обоих супругов готовы принять представителя другого этноса, другой культуры.

В настоящее время существует большое количество авторов, которые исследуют межэтнические браки. Такие авторы как З.И. Айгумова [1], А.А. Сусолоков [9], А.В. Верещагина [3], Е.Л. Сороко [8], в своих работах рассматривают сущность, закономерности развития, проблемы, возникающие в межэтнических браках.

Важное значение имеют вопросы, относящиеся к этнической идентичности в межэтнических браках. Так С.В. Колударова в своей работе указывает, что в современных условиях развития общества, с расширением межкультурного взаимодействия «этничность» как критерий брачного выбора становится значимым для индивида [4]. Так же довольно сложным процессом является определение этнической идентичности детей в межэтнических браках. Как правило, дети в таких семьях стараются выбрать одну из идентичностей родителей как доминирующую [2]. О.В. Осипова представляя в своей работе результаты проведенного исследования, указывает что: «В качестве основных факторов оказывающих влияние на этническое самоопределение личности респондентами указывается чаще всего: язык, культура, традиции, внешние данные, мировоззрение, близость взглядов, общение преимущественно с представителями одной из родительских этнических групп» [7].

Межэтнические браки являются средой, где происходят процессы интеграции и ассимиляции. Семьи, которые создаются представителями разных этносов, характеризуются уникальной самобытностью. А.В. Топилин справедливо

отмечает, что межнациональные браки являются первичными ячейками общества, в которых происходит трансформация этнического самосознания, закрепляется и совершенствуется все то положительное, что накоплено народами в области культуры, традиций, обычаев, языка [10].

Процесс брачного выбора в большинстве случаев происходит в молодом возрасте. Вследствие чего, изучение отношения молодежи к межэтническим бракам, осведомленность их об особенностях и степени готовности вступления в данный вид брака является актуальным.

Это обусловило проведение нами социологического исследования, с целью изучения отношения молодежи к межэтническим бракам, готовность создать семью с представителем другой национальности, значения религии при выборе брачного партнера, а также влияние культурных особенностей в межэтнических браках. Исследование носило пилотажный характер, было проведено в г. Краснодаре и Республике Адыгея в сентябре-октябре 2018 г. методом фокус-групповой дискуссии. Респондентами выступили представители учащейся молодежи, возраст 18–23 года, в основном русские и адыги. Все группы межнациональные, но с преобладанием русской молодежи в одной группе и адыгской в другой.

Дискуссия проводилась по разработанному сценарию фокус-группы. Сценарий состоял из вводной части для ознакомления с модератором и информирования в дальнейшем группы о деталях проведения дискуссии, основной части, состоящей из блоков вопросов, требующих обсуждения, и завершающей части, позволяющей подвести итоги обсуждения. Все ответы респондентов по предварительному соглашению записывались на диктофон для дальнейшей обработки результатов. Следует так же отметить, что респонденты достаточно открыто, развернуто отвечали на поставленные вопросы. Атмосфера в группе была комфортной, дружелюбной, спокойной.

В начале дискуссии мы выяснили, что респонденты понимают под «межэтническим браком». В целом понятие «межэтнический брак» было определено как брак между

представителями разных национальностей. Так же, все респонденты отметили, что браки, заключенные между представителями разных национальностей, но выросших в одной культурной среде тоже является межнациональным.

В обеих группах все респонденты отметили, что положительно относятся к межэтническим бракам в обществе, но применительно к себе в межэтнический брак вступить, готовы не все и нация будущего спутника жизни для них имеет важное значение. В адыгской группе только 3 респондента отметили, что возможно могут вступить в межэтнический брак. Причем, обосновать свои отрицательные ответы, многие из них не смогли, мотивируя это тем, что они никогда не задумывались о том, что могут вступить в такой брак. Можно выдвинуть предположение, что у людей, выросших в традиционной культуре формируются такие установки как: вступление в межэтнический брак запрещено «испокон веков»; такой брак может отразиться на культуре в целом; в межэтнической семье происходит взаимовлияние культур, следовательно, каждая из них претерпевает изменения. А в таком случае, какую культуру будут принимать, воспроизводить и транслировать дети? Так же актуальным является и вопрос относительно языка, который будет доминировать в семье, и впоследствии будут изучать дети.

Рассматривая вопрос языка в масштабах общества можно сказать о том, что в условиях полиэтничного социального пространства люди используют язык доминирующего этноса. К примеру, адыги проживают в билингвальной среде, где доминирует русский язык. Этот факт откладывает свой отпечаток, так как люди и в профессиональной и в повседневной сфере жизнедеятельности используют русский язык. В данных условиях, чем меньше практикуется родной язык, тем быстрее он забывается. Национальный язык является одним из главных частей стержня этноса. Полная или частичная утрата национального языка и есть один из частных случаев ассимиляции. Данный процесс может стать отправной точкой растворения малого этноса в доминирующем, и привести к полному исчезновению малого этноса. Поэтому, в целях сохранения этноса, особенностей культуры возникает

«защитный национализм» и люди не рассматривают для себя возможным межэтнические браки.

В русской группе категорично отрицательных ответов не было. Некоторые акцентировали внимание на то, что при выборе брачного партнера другой национальности имеет значение, на сколько, он будет привержен своим национальным традициям и обычаям. *«Но вот знаете как мне кажется, зависит все от того на сколько вот этносы светские. Вот как Лиза говорит за дагестанца да? Вот они реально религиозные вот и допустим русской девочке, если она выходит замуж, это кардинальная смена. То есть образа жизни, образа мыслей, смена веры, ну вот это тяжело...»* (жен., 21 г.).

Основными причинами в обеих группах вступления в межэтнический брак выделяют: любовь, обновление крови, налаживание дипломатических связей, миграция, финансовая обеспеченность партнера, беременность, смена религии.

Важным аспектом в жизни людей является религия. В межэтнических браках этот аспект играет особую роль. На вопрос о том, имеет ли значение вероисповедание будущего брачного партнера из двух групп только три респондента ответили, что не будут обращать внимание на вероисповедание. И при этом было выявлено, что никто не готов менять свою веру.

«Как уже говорили, что да степень религиозности это будет очень важным фактором. Потому что не думаю, что я буду вступать в близкие отношения с человеком слишком религиозным» (жен., 19 л.).

Родители в жизни каждого человека, несомненно, играют очень значительную роль. Принятие важных решений не обходится без участия родителей. В данной дискуссии среди русских по этому вопросу мнения разделились поровну. Одна часть утверждала, что будут учитывать мнение родителей, другая, что это их жизнь и решать будут они сами. В адыгской группе за исключением только одного респондента все ответили, что мнение родителей повлияет на их выбор брачного партнера. *«Да даже не по этому вопросу, а по любому вопросу не повлияет»* (муж., 22 г.). *«Ну конечно мнение*

родителей для меня будет важно. Я конечно часто прислушиваюсь к мнению родителей» (жен., 20 л.).

В каждой семье бывают периоды кризисов, проблемы и конфликты. В межэтнических браках основными проблемами выделили следующие: агрессия, воспитание в различной культурной среде, взаимоотношения с родителями супруга/супруги, несовпадение интересов, самоопределение детей, отношение к ролям мужчины и женщины, еда (национальная кухня), приверженность традициям.

Одним из главных отличий и причиной столкновений в межэтнических браках является культура, традиции и обычаи представителей разных этносов. Относительно принятия культуры, традиции своего предполагаемого брачного партнера выяснилось, что никто не готов полностью погрузиться в культуру своего партнера. Выбирают компромиссный вариант: придерживаться только частично, тех традиции, которые не связаны с верой, которые не навязываются, только те, которые нравятся им и не противоречат их собственной культуре. *«Смотря какие, ну в церковь я не пойду. Нужно будет найти компромисс. Других вариантов нет, чтобы никого не обидеть»* (муж., 19 л.). *«Принять и придерживаться обычаев можно, а вот религию поменять не смогу»* (жен., 22 г.).

Семья – это не только и не столько различие взглядов, как было указано выше, но и позитивные эмоции. Относительно межэтнических браков было отмечено, что большинство ситуаций и проблем в них не отличаются от браков между представителями одной национальности. Но в числе проблем, специфических для межэтнических браков которую озвучил почти каждый респондент – это самоопределение детей, представителем какой национальности он будет. Кроме того, у детей в межэтнических браках как полагает молодежь, могут быть и другие проблемы. К примеру: выбор религии, если родители придерживаются разных конфессии; отношение со стороны общества, то есть принятие/не принятие их обществом и др.

В основном, к положительным сторонам межэтнических браков относят: любовь, поддержка, преданность, налаживание

дипломатических связей, личностное развитие, расширение кругозора, мобильность, переезд в другую страну. Причем это характерно для всех групп, принявших участие в исследовании.

Таким образом, можно заключить, что выбранный метод исследования – фокус-групповая дискуссия, помог достигнуть поставленной цели – выявить отношение к межэтническим бракам у современной молодежи. В ходе анализа результатов нам удалось выяснить, что к межэтническим бракам молодежь в целом относится положительно, но вступать в такой брак готовы не все. На формирование готовности вступления в межэтнический брак, в значительной степени влияет полиэтничная среда. У человека с ранних лет взаимодействующего с представителями разных национальностей этническая толерантность будет высокой. Следовательно, в такой среде более вероятно возникновение межэтнических браков.

Из высказываний респондентов обеих групп становится очевидным, что никто не готов менять свою веру в межнациональном браке. Религия в целом, и степень религиозности партнера в частности, имеет важное значение при заключении брака.

Было выявлено, что одним из важных критериев выбора брачного партнера другой национальности является степень его традиционности. Никто не готов полностью погружаться в культуру своего партнера, поэтому имеет значение, насколько светским является человек. Несмотря на проблемы, которые могут возникать в межэтнических браках, есть и положительные стороны: любовь, поддержка, преданность, налаживание дипломатических связей, личностное развитие.

Принимая решение о вступлении в межэтнический брак, необходимо понимать и быть готовым к культурным особенностям партнера, что требует знаний языка, традиций и обычаев, культуры и нравов другого народа. Вступая в такой брак необходимо попытаться прогнозировать возможные последствия как положительные, так и негативные. И после этого принимать решение создавать семью или нет. Необходимо помнить о том, что семья – это важная жизненная

ценность, и к ней нужно относиться ответственно, уважительно и трепетно.

Библиографические ссылки

1. Айгумова З.И., Айгунов В.Р. Мотивация выбора супруга. М.: «Прометей» МПГУ, 2010. 216 с.
2. Артюхов М.Н. Социальный характер формирования этнической идентичности в межнациональной семье [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2017_8_05.pdf (дата обращения 11.11.18)
3. Верещагина А. В. Межэтническая семья на Северном Кавказе в условиях новой российской цивилизационной реальности // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 3. С. 47–59.
4. Колударова С. В. Влияние этнической идентичности на процесс брачного выбора [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://booksc.org/book/50607628/3ff46c> (дата обращения 30.10.18)
5. Макарова И.А. Межэтнический брак: концептуализация понятия [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhetnicheskiy-brak-kontseptualizatsiya-ponyatiya> (дата обращения 30.10.18)
6. Осипов Г.В. Москвичев Л.Н. Социологический словарь. М.: Норма: Инфра – М, 2010. 608 с.
7. Осипова О.В. Этническая идентификация потомков межнациональных браков: интерпретации и подходы // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 28. С. 46–49.
8. Сороко Е.Л. Этнически смешанные супружеские пары в Российской Федерации // Демографическое обозрение. 2014. № 4. С. 96–123.
9. Сулолоков А.А. Межнациональные браки в СССР. М.: Мысль, 1987. 142 с.
10. Топилин А.В. Межнациональные семьи и миграция: вопросы взаимовлияния [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://net.knigi-x.ru/24ekonomika/344252-1-mezhnacionalnie-semi-rassmatrivayutsya-namii-kak-pervichnie-yacheyki-obschestva-kotorih-proishodit-transformaci.php> (дата обращение: 02.11.18)
11. Широкогоров СМ. Этнографические исследования: Этнос. Исследование принципов изменения этнических и этнографических явлений. Книга вторая. Владивосток: изд-во Дальневост. ун-та, 2002. 148 с.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

THEORY AND PRACTICE OF INTERNATIONAL RELATIONS RESEARCH

Э.Н. Тужба

Кубанский государственный технологический университет,
г. Краснодар

E.N. Tuzhba

Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье рассмотрены основные подходы к исследованию сложившейся системы международных отношений. Биполярный подход, означавший раздел мира во второй половине XX века на две части по культурному и идеологическому признаку (противостояние США и СССР) трансформировался в однополярный мир, который связывается с доминированием США и Запада. Следуя логике циклов, можно предположить, что однополярный мир постепенно переходит в многополярное противостояние и для этого существуют определенные основания. Начало XXI века характеризуется усилением политического самосознания локальных цивилизаций, различия между которыми порождены их многовековой историей, культурой и религией. Само наличие конфликта признает, однако в основе его вместо идей и ценностей выставляются экономические и политические интересы государств.

Abstract. The article discusses the main approaches to the study of the existing system of international relations. The bipolar approach, which meant the division of the world in the second half of the 20th century into two parts according to cultural and ideological grounds (the opposition of the USA and the USSR) was transformed into a unipolar world, which is associated with the dominance of the USA and the West. Following the logic of cycles, it can be assumed that the unipolar world is gradually turning into a multipolar opposition, and there are certain reasons for this. The

beginning of the 21st century is characterized by an increase in the political self-awareness of local civilizations, the differences between which are generated by their centuries-old history, culture and religion. The very existence of the conflict recognizes, however, instead of ideas and values, it is based on the economic and political interests of states.

Ключевые слова: глобализация, геополитика, многополярный мир, конфликт цивилизаций, диалог культур, традиционные ценности.

Keywords: globalization, geopolitics, a multipolar world, the clash of civilizations, a dialogue of cultures, traditional values.

В современной структуре международных отношений просматриваются три четких подхода (однополярность, биполярность и многополярность). Первый подход признает однополярность, означающую конец широкомасштабного конфликта в глобальной политике и возникновение одного относительно гармоничного мира, который связывается с доминированием США и Запада. Это идеология современных лидеров западноевропейской и североамериканской цивилизаций, предполагающих доминирование и господство в длительной перспективе западной цивилизации. Оппоненты однополюсной модели, считают, что США не обладают необходимыми ресурсами и механизмами для реализации функций мирового лидера. С позиции одной идеологии управлять слишком сложным современным миром невозможно.

Второй подход стоит на идее биполярности как наилучшей и более устойчивой структуре международных отношений. Он означает разделение мира на две части по культурно-идеологическому признаку. Биполярный подход так же не лишен недостатков, так как его невозможно разделить в культурном аспекте – на Запад и Восток, а в экономическом на Юг и Север. Третий подход, основан на идеях многополярности, приверженцы которого настаивают на признании США необоснованности своих претензий на мировое лидерство и начале диалога с другими крупными

цивилизациями и центрами силы. Хотя, некоторые противники многополярного мира полагают, что подобная модель не имеет стабильных перспектив в международных отношениях, так как она опирается на видение международных отношений в качестве полигона постоянной конкуренции крупных государств, что неизбежно будет вести к переделам сфер влияния и конфликтам.

Следуя логике циклов, можно предположить, что биполярный мир (вторая половина XX века), трансформировавшийся в однополярный (90-е годы), должен преобразоваться в многополярный, и для этого существуют основания. В конце XX века наблюдается усилением локального политического самосознания. Различия между цивилизациями порождены их многовековой историей, культурой, религией.

С. Хантингтон [1], причину столкновения цивилизаций объясняет экспансией Запада, которая приобрела сегодня беспрецедентный характер. Это вызвало мощную волну антизападных выступлений, при этом основной водораздел протекает между западными и не западными обществами. В основе претензий к США лежат объективные основания, так как после окончания второй мировой войны США более трехстах раз прибегали к силе, в том числе порядка двухстах раз совершали вооруженную агрессию на территориях иных государств.

Экспансию Запада можно признать важным индикатором конфликта, но не его причиной, так как причина лежит в глобализации, сталкивающей в общемировом социокультурном пространстве несовместимые, различные элементы культурно-цивилизационного разнообразия. Противостояние традиции глобальным тенденциям в процессе глобализации, как полагает Хантингтон, есть основное условие конфликта цивилизаций. Хотя этот тезис автора не признается теми, кто в основу конфликта ставит не ценности, а экономические и политические интересы субъектов взаимодействия.

В.М. Межуев в связи с этим пишет: «Сегодняшние конфликты, в том числе и военные, порождены не разностью цивилизаций, а противоречиями мирокапиталистической

системы. Война в Ираке - не столкновение цивилизаций, а борьба центра системы с периферией за обладание мировыми ресурсами. Терроризм тоже не война цивилизаций, а ответная реакция отставшей в своем развитии периферии на гегемонистские притязания центра. Если цивилизации и сталкиваются сегодня между собой, то в качестве неравноправных частей мировой капиталистической системы, позволяющей одним странам обогащаться за счет других» [2, с. 38].

Как полагает В.А. Авксентьев, теория американского мыслителя, действительно неприемлема для анализа прошлого, когда мир еще не был глобальным. Однако для анализа настоящего и будущего данная теория вполне операциональна. Чем интенсивней будут развиваться процессы глобализации, тем более ожесточенные и бескомпромиссные формы будет принимать конфликт цивилизаций, тем острее будет стоять проблема обеспечения региональной безопасности. Что касается оснований конфликта цивилизаций, то на данном этапе его протекания «реалистические» интересы, на самом деле, преобладают над аксиологическими, однако существует тенденция постепенной «аксиологизации» конфликта. Если сегодня «конфликт ценностей» нередко служит по преимуществу риторическим прикрытием для «конфликта интересов», причем в первую очередь это касается западной цивилизации, то завтра ситуация вполне может измениться, и «конфликт ценностей» перестанет быть поводом и превратится в подлинную, глубинную, фундаментальную причину глобального столкновения цивилизаций [3, с. 34].

Таким образом, в современной системе международных отношений, просматривается противостояние двух противоположных моделей: многополярной и однополярного атлантизма. Теоретически глобальный мир можно рассматривать в двух проекциях, диалога культур или доминирования западноевропейских ценностей.

Некоторые авторы утверждают, что призывы к диалогу культур, являются тактикой слабых в политико-экономическом отношении, так как за нее выступают именно те, кто не имеет возможности доминировать. Полицентричность не гарант

бесконфликтного и гармоничного состояния. Многополярность, может быть устойчивой теоретически при балансе и равных возможностях центров силы, что противоречит закону неравномерного развития стран. В действительности, какая-то страна, или страны, выдвинутся на передние позиции. Этот новый центр силы, достигнув военно-экономической мощи, равной или превосходящей потенциал ведущих государств мира, начинает претендовать на соответствующий статус, означающий передел сфер мирового влияния. Все предпринимаемые в истории попытки универсализации мира, включая современные несостоятельны и переходящие.

Помимо перечисленных подходов, существует и утопичная глобальная модель, предполагающая обеспечение международной безопасности, когда все члены мирового сообщества принимают участие в ее создании. Один вариант допускает реализацию данной модели при условии, когда все государства будут разделять минимум общечеловеческих ценностей и возникнет глобальное гражданское сообщество с единой системой управления. В другом раскладе, подобная модель явится результатом постепенной эволюции уже существующей системы международной безопасности и организации при ведущей роли ООН. Противники этой модели подвергают критике ее за отсутствие продуманного механизма создания подобной системы безопасности.

Существуют и другие подходы, например Э.Н. Баталов определяет современный мир как «бесполюсный», понимая под полюсами мощные контрарные мировые подсистемы, образующие крайние точки глобальной оси, на которой держится (вращается) миросистема. Полюса представляют разные цивилизации, социальные, политические и экономические системы; они – воплощение разных, вплоть до взаимоисключающих, идейных и ценностных ориентаций. Полюса симметричны и соизмеримы по силам и оперативному потенциалу, что позволяет им уравнивать друг друга, выступая одновременно в качестве гарантов мирового порядка и законодателей правил политической игры, которых вынуждены придерживаться все или почти все акторы,

выступающие на мировой политической арене. Отношения между полюсами строятся по принципу взаимопритяжения и взаимоотталкивания. Они нуждаются друг в друге для поддержания внутреннего и внешнего статус-кво и стремятся устранить друг друга как соперника. Но с уничтожением одного полюса автоматически исчезает и другой, а вместе с ними и весь старый миропорядок, что случилось в конце 1980-х - начале 1990-х годов [4, с. 4-13].

О том, что уже существует новая биполярная система со сложными полюсами, пишет А.Г. Яковлев, утверждающий, что на смену идеологической биполярной системе пришла новая биполярная система, в которой существуют два полюса: Запад, мыслящий себя и уже фактически являющийся достаточно монолитным; и весь остальной мир – весьма рыхлый, состоящий из автономных компонентов, из самостоятельных, независимых, пока еще не спаянных четким пониманием высшей приоритетности общих интересов и строгими организационными формами центров силы, или полюсов местного значения, хотя некоторые из них (Россия, Китай, Индия) реально и потенциально являются влиятельными факторами в системе международных отношений в целом [5].

Интересны доводы В.Б. Тихомирова против «однополярности». Ученый полагает, что «однополярности» не может быть по определению, поскольку о наличии полюсов принято говорить при условии, если имеются «противоположности». С этих позиций тем более, ни о каком многополярном мире речи быть не может, поскольку даже у Земли всего два полюса. Следовательно, «на глобальном уровне мировая общественная система всегда была и остается в первом приближении биполярной, что проявляется в ее структуре инварианте» [6, с. 212].

Н.А. Косолапов, соглашаясь с идеей биполярности, называет современную систему международных отношений «постсоветской», характеризуя ее как зародышево-авторитарную в политическом отношении при бесспорном доминировании Запада. Проявлением нарастающего авторитаризма он называет усиление роли НАТО и все более откровенное стремление США поставить Североатлантический

альянс выше международного права, ООН и Совета Безопасности [7]. Такая биполярность отношений «центра» и «периферии» будет постепенно трансформироваться в иной, «трехмерный» тип отношений, что будет вызвано развитием процессов глобализации. Критическим, по мнению автора, окажется отрезок с 2012 до 2025 г.

Свой вариант аналитического расчленения общей геополитической ситуации на несколько относительно независимых областей с последующим выявлением распределения сил в рамках каждой из них предлагает В.Л. Цымбурский, акцентирующий внимание на том обстоятельстве, что современный миропорядок существенно отличается от идеала традиционной геополитики. И основное отличие состоит в том, что в Северном полушарии в силу ряда исторических оснований произошло формирование не единого, а «многосоставного» баланса мощи и влияния. Фактически к концу XX в. возникли и оформились два относительно независимых друг от друга расклада мощи и влияния – военно-политического и хозяйственного. «Сейчас можно говорить об оборонных и хозяйственных Больших пространствах, но комплексные гроссраумы пребывают пока только в наметках, навеянных классической геополитикой» [8, с. 147].

Среди различных подходов в вопросах внешней политики России сформировалось несколько направлений. Первое направление, связанное с традицией «западников», исходящих из центрального положения Европы, играло особую роль в начале 90-х годов, когда преобладали идеи о совместной общеевропейской безопасности. Привлекательностью для этого направления выступает активность промышленности и демократичность Запада. Они отдают предпочтение прозападной ориентации, утверждая, что исторически Россия принадлежит западной (христианской) цивилизации и следовательно российская дипломатия должна ориентироваться, главным образом, на Запад.

Второе направление исходит из того, что Россия не связана серьезно с Западом, и никогда не ориентировалась длительное время исключительно на европейскую культуру. Е.М. Примаков, сторонник многополярного мира, полагает, что

России необходимо избегать крайних, опасных для ее будущего концепций русского национализма, неоевразийства и западничества. Ориентироваться на геополитическую самостоятельность страны, реализм и прагматизм внешней политики, и эффективно использовать имеющиеся у нее возможности влияния на глобальную геополитическую ситуацию. Это направление учитывает многочисленные неевропейские народы, народности и культуры, которые проживают на территории современной России, образуя относительное гармоничное равновесие между европейской и азиатской частью. Автор видит стратегическую задачу в том, чтобы стать центром самостоятельного полюса в международном силовом поле, а не ставить в качестве стратегической цели интеграцию в существующие евроатлантические структуры, потому что при этом возникает опасность быть включенными в определяемый Западом однополюсный мир. Политика по отношению Запада и политика по отношению Востока должны находиться в сбалансированном состоянии, чтобы не появлялось односторонней зависимости [9].

Свое видение российских внешнеполитических приоритетов, предлагает К.С. Гаджиев. Автор предлагает переформулировать само понятие геополитического пространства и рассматривать, наряду с территориальным пространством, «пространства экономическое, культурно-цивилизационное, информационное и т.д.» [10, с. 41–42]. Ученый рассматривает Россию в качестве ключевого государства центрально-евразийского местоположения и не связывает культурную идентичность России исключительно с Европой и Западом. К. Гаджиев выступает за понимание Евразии не только как геоэкономического, но и независимого политического и культурного пространства. Роль России состоит не только в создании транспортного или коммерческого «моста» между Европой и Азией – но и в соединении и умиротворении европейской и азиатской цивилизаций, а также в поддержании хрупкого этнического равновесия в регионе. Евразия должна стать пространством взаимообогащающего диалога и экономического и

политического сотрудничества. Иными словами, К. Гаджиев видит Евразию как открытое, но вместе с тем независимое политическое, экономическое и культурное пространство. При этом он указывает на необходимость для России сотрудничать как с Западом, так и с Китаем, Индией, Кореей и другими крупными государствами региона, ставя вопрос о формировании системы коллективной безопасности в Евразии и за ее пределами.

Третье направление, представители которого отказываются соглашаться с распадом советской империи, исходит из необходимости восстановления национального величия России апеллируя к ее духовно-культурной миссии в мире. Сторонники этой концепции склоняются к мысли, что конфигурация системы международных отношений определяется фундаментальным дуализмом, противостоянием отличных друг от друга геополитически детерминированных сил (сухопутных и морских), четко локализуемых географически.

В связи с этим Г.Г. Почепцов отмечает, что основные параметры традиционной геополитики были сформулированы в рамках географического детерминизма. Власть прошлого реализовалась именно по этим параметрам.... Цивилизация Моря строится на внешних индикаторах управления, цивилизация Суши - на внутренних. Отсюда стремление к универсальным требованиям, в первом случае, и тенденция держаться за свое, во втором. В качестве обоснованности этого подхода, автор приводит в пример постепенную трансформацию религиозных систем, которую прошел Запад. В свою очередь Россия, как Восток сохранила в неизменности свою религиозную систему православия [11, с. 155].

Российский геополитик А.Г. Дугина, акцентирует на уникальной исторической территории Российского государства, его цивилизационной миссии и самодостаточности его политической целостности. Потеря территорий и отказ России от политики «Собирания Империи» непременно будет замечен мировым сообществом. Континентальную миссию Heartland начнут брать на себя новые державы или блоки государств. В таком случае просторы России будут основной стратегической целью для тех сил,

которые объявят себя новой «цитаделью Евразии» [12, с. 172]. Статус «региональной державы», навязываемый сегодня России Западом, для русской нации равнозначен самоубийству и отказу от идентичности России, имперской в своей основе. Потеря империи для А. Дугина означает провал участия России в мире, поражение ее духовной и культурной системы ценностей, оживлявшей многие поколения русского народа и дававшей силы и энергию для подвигов, созидания, борьбы, преодоления невзгод [12, с. 193–213]. Взгляды А. Дугина нельзя признать полностью. Однако, как справедливо отмечает А.Д. Богатуров, «сколько бы ни подчеркивались общие и параллельные интересы Москвы и Вашингтона, США принципиально заинтересованы в «геополитическом разукрупнении России» [13, с. 91].

Стратегическая задача США: заставить мир принять однополярную диктатуру. Следовательно, для того, чтобы побудить известную часть человечества принять американскую диктатуру, его необходимо напугать и одновременно пообещать гарантии от этой угрозы. В этом американская однополярная стратегия получает свою конкретизацию.

В идеях А.С. Панарина, «Евразийский проект предполагает решение двух основных задач: восстановление целостности постсоветского пространства и восстановление духовного тонуса нации» [14, с. 66]. Перед Россией, по мнению ученого, встала чрезвычайно жесткая дилемма: восстановить утраченное «большое пространство» причем в новом духовном, моральном и экономико-технологическом качестве или скатиться в «третий мир», окончательно утратив всякие перспективы. Проблемы восстановления Союза видятся единственно возможным рецептом выхода из крайне неблагоприятной внешнеполитической ситуации. Между тем противостояние суши и моря является определяющим и для его концептуальных построений. При этом суша становится средоточием всего «настоящего» (почти в буквальном смысле слова – «земная твердь мира – прибежище всего реального и обеспеченного наличностью, в отличие от океанических хлябей, породивших виртуальную экономику и прочие виртуальные псевдореальности»), в то время как морские

цивилизации и державы определяются не иначе как «глобальные пираты» [15, с. 372–402]. Центральным для А. Панарина становится, трансформация возникшего на руинах биполярного мира однополярного миропорядка в нечто иное – в торжество многополярности, в новую биполярную структуру мира. Принципиальным является восстановление системы сдержек и противовесов в мировом масштабе, недопущение выстраивания откровенно гегемонистской модели мироустройства.... Суть проекта для России состоит в развитии всесторонних контактов с Индией, Китаем, мусульманскими странами. Только в единении и сотрудничестве с ними Россия сможет создать подобие альтернативного полюса притяжения, способна будет противостоять проискам Запада.

Рассуждая о будущем России, С.Н. Бабурин, соглашается с невозможностью возврата к старому порядку, но то, что должно занять его место, «связано с исторической миссией России». Псевдозападные реформы должны быть заменены на «русский путь» хозяйствования, который соответствует российским потребностям: функции управления, как и распределение материальных благ, переходят к государству. Возвращение потерянного положения мировой державы, необходимость реинтеграции страны в объеме Советского Союза (включая Прибалтику) и отказе от западной культуры для него ключевая цель [16, с. 17].

Помимо неоевразийских, достаточно широкое распространение получили, «популистские» интерпретации геополитики. Они оказались наиболее влиятельны в политическом плане и представляли собой весьма эклектическое, ситуативно обусловленное сочетание элементов традиционной геополитики, неоевразийства, этноцентризма, а также предвыборной риторики тех или иных политических лидеров [17, с. 267].

Яркий пример лидер ЛДПР В.В. Жириновский, то отмечавший в качестве основы геополитического процесса позаимствованную у С. Хантингтона идею борьбы основных цивилизаций [18, с. 231–236], то видевший основное направление противостояния на современном этапе развития человечества по линии Север – Юг (и, соответственно,

предлагавший «меридианальную» структуру передела мира) [19, с. 20–21].

Ядро внешнеполитической идеологии этой партии составляет возрождение величия России как империи. Это, в свою очередь, предполагает: восстановление роли России как военной сверхдержавы через щедрое вливание в ВПК и агрессивную внешнюю политику, расширение территории в границах СССР или царской России, демонтаж федерации в пользу унитарного устройства, предпочтение авторитарного правления демократическому.

Существенное внимание геополитическим вопросам уделяется в работах лидера КПРФ Г.А. Зюганова. По мнению Э.Г. Соловьева российские коммунисты, начали с попыток переложить на понятный для их собственного электората язык основные положения предложенной А. Дугиным версии евразийства [20, с. 267].

В центре коммунистической геополитики оказываются понятия «державности», «социализма» и «российской государственности». Лучший и наименее конфликтный сценарий развития ситуации в современных условиях – это многополярный мир с несколькими центрами силы, которые юридически закрепляют существующий баланс сил и принимают общие правила игры, обязательные для всех. Взаимоотношения России и Запада рассматриваются, как изначально конфликтные. Каждый раз, когда Россия пыталась отстаивать собственные национальные интересы, она сталкивалась с враждебной коалицией европейских держав.

В качестве основного приоритета Москвы, коммунисты, видят СНГ и «ближнее зарубежье». Они утверждают, что распад Советского Союза не имел под собой легальной основы, и даже пытались способствовать воссоединению бывших Советских республик. Они отвергают возможность использования силы для восстановления Советского Союза. Восстановление СССР может быть осуществлено только на «добровольной основе».

Они также предлагают восстановить российские связи с «традиционными друзьями и союзниками», такими как Ирак, Ливия, Северная Корея и Куба с целью предотвращения

американского неоспоримого мирового лидерства и обеспечения России дополнительными рынками для ее находящейся в кризисе военной политики [21, с. 86].

Итак, в основе международного политического процесса лежит традиционный геополитический постулат о контроле над пространством. Климат, ландшафт, особенности транспортных коммуникаций, и главное, пространственное местоположение определяет основные цели внешней политики государств и возможности их осуществления. Государство рассматривается, в качестве своего рода географического или пространственно-территориального организма, обладающего особыми физико-географическими, климатическими, ресурсными и иными параметрами и свойствами и руководствующегося собственной волей и интересами. Поэтому любая осуществляемая государством геостратегия понимается, всецело в терминах контроля (военного и политического) над соответствующими территориями. С целью сохранения, укрепления или создания баланса сил, они вступают друг с другом в союзы, направленные на уравнивание силы наиболее могущественного государства. Следовательно, в основе международных отношений лежат национальные интересы государств, а их регулятором выступают сила и баланс сил между большими державами. Малые государства не способны самостоятельно защитить свои национальные интересы и целиком зависят от воли больших держав, от соотношения сил между ними и от их интересов.

С окончания холодной войны мировая политика испытывает влияние новых процессов, которые развиваются в современном мире, прежде всего глобализации, демократизации, научно-технической революции. На смену противостоянию двух мировых систем пришло иное противоборство, в том числе локальных цивилизаций, выдвигающих заведомо взаимоисключающие требования, претензии, доктрины. На всем мировом пространстве произошло массовое вторжение нетрадиционных акторов в сферу мировой политики, возникло новое поколение конфликтов. Значительную роль в мировой политике стали играть цивилизационные, культурные, религиозные факторы.

Наряду с государствами как главными акторами мировой политики приходят цивилизации – культурные сообщества, различающиеся историей, языком, традициями, религией. Взаимоотношения цивилизаций остаются конфликтными, поскольку в основе цивилизационных различий лежат ценности и убеждения, которые примирить гораздо сложнее, чем экономические и политические интересы. Активизация цивилизаций, возможно, связана с тем, что достигнуты определенные пределы их выживаемости, обусловленные не сокращением их территорий, а в результате потери своего места в виртуальном пространстве, что, в конечном счете, может привести к постепенному сокращению их физической реализации в будущем.

Для подобных опасений существуют определенные основания. К примеру, по данным доклада Программы развития ООН, подготовленного в 2002 г. общий совокупный продукт 22 арабских стран меньше, чем валовой внутренний продукт Бельгии. При крайне низких темпах роста экономики (0,5% за год) производительность труда здесь фактически сокращается. Меньше одного процента населения имеет доступ к Интернету. Сегодня население региона составляет около 300 млн. человек, к 2020 г., по прогнозам, оно вырастет до 500 млн. человек. Безработица колеблется на уровне 15%. Регион «лидирует» среди других регионов мира по уровню политической несвободы [22, с. 242]. Касаясь этого же вопроса, А.Н. Данилов пишет: «Если бы любой район мира пожелал сейчас поднять производство, чтобы обеспечить населению такой же уровень потребления, как в странах Европы и США, мир, наверняка погубил бы себя в экологических конвульсиях» [23, с. 41].

Таким образом, стратегии перехода к тем или иным вариантам развития мира работают на множестве полей, их интересуют гораздо большее число факторов, чем только факторы геополитического порядка. Однако геополитические факторы являются важным ресурсом, которые задают определенные стабилизаторы картины мира. Различия в обладании властью и борьба за военные, экономические и институциональные ресурсы, как и прежде, будут основной

движущей силой мировой политики. Именно поэтому характер новой системы международной безопасности в значительной степени будет зависеть от того, насколько успешно ведущие державы мира выстроят военно-политические отношения, насколько им удастся не допустить угроз военного соперничества друг с другом.

Библиографические ссылки

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: Изд. АСТ, 2003. 603 с.
2. Межуев В.М. Диалог между цивилизациями как философская проблема // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. № 1. 2004. С. 34–43
3. Региональные конфликты и проблемы безопасности Северного Кавказа // Отв. ред. акад. Г.Г. Матишков, В.А. Авксентьев. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. 384 с.
4. Баталов Э.Я. Новая эпоха – новый мир // Свободная мысль. № 1. 2001. С. 4–13.
5. Яковлев А.Г. И все же на горизонте двухполюсный мир // Проблемы Дальнего Востока. № 4. 2000. С. 29–41.
6. Арин О.А. Мир без России. М.: Изд-во Эксмо, 2002. 480 с.
7. Косолапов А.Н. Контуры нового миропорядка // Постиндустриальный мир: центр, периферия, Россия. Сб. 1. Общие проблемы постиндустриальной эпохи. М., 1999. С. 213–241.
8. Цимбурский В.Л. Геополитика для евразийства Атлантиды // Pro et Contra. Т. 4. № 4. 1999.
9. Независимая газета. 22.10. 1996.
10. Гаджиев К.С. Введение в геополитику. Учебник. М.: Логос, 2000. 257 с.
11. Почепцов Г.Г. Стратегический анализ. Киев, 2004. 333 с.
12. Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить Пространством. М.: Арктогея-центр, 1999. 928 с.
13. Суверенитет. Сборник // сост.: Н.Гараджа. М.: «Европа», 2006. 304 с.
14. Панарин А.С. Евразийский проект в миросистемном контексте // Восток. № 2. 1995.
15. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2003. 560 с.
16. Россия и Европа: нации в эпоху глобализации // Под ред. В.В. Афанасьева. М.: МГПУ, 2006. 188 с.

17. Российская наука международных отношений: новые направления // Под ред. А.П. Цыганкова, П.А. Цыганкова. М.: ПЕР СЭ, 2005. 415 с.
18. Жириновский В.В. Геополитика // Политическая классика. М., 1996. 320 с.
19. Жириновский В.В. Последний бросок на Юг. М.: ЛДПР, 2007. 48 с.
20. Российская наука международных отношений: новые направления // Под ред. А.П. Цыганкова, П.А. Цыганкова. М.: ПЕР СЭ, 2005. 415 с.
21. Зюганов Г.А. География победы: Основы российской геополитики. М., 1997. 304 с.
22. Международная безопасность: Учебное пособие для студентов вузов // Кулагин В.М. М.: Аспект Пресс, 2006. 319 с.
23. Данилов А.Н. Переходное общество: Проблемы системной трансформации. Мн.: ООО «Харвест», 1998. 432 с.

РОЛЬ ШКОЛЬНЫХ КУРСОВ ИСТОРИИ И ЛИТЕРАТУРЫ В ПРОФИЛАКТИКЕ МОЛОДЕЖНОГО ЭКСТРЕМИЗМА

THE ROLE OF SCHOOL COURSES OF HISTORY AND LITERATURE IN THE PREVENTION OF YOUTH EXTREMISM

Т.А. Хагуров

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

T. Khagurov

Kuban state University, Krasnodar

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы роста экстремизма и других форм девиаций в молодежной среде, которые автор связывает с деформацией культурно-исторической идентичности современной российской молодежи. Анализируется роль отечественной литературы и истории как основных способов конструирования субъектности.

Abstract. The article deals with the problems of the growth of extremism and other forms of deviation in the youth environment, which the author associates with the deformation of the cultural and historical identity of modern Russian youth. The role of Russian literature and history as the main ways of constructing subjectivity is analyzed.

Ключевые слова: молодежный радикализм, социальные болезни, воспитательные практики, причины экстремизма, государственно-патриотическое сознание молодежи, публичная история, субъектность.

Keywords: youth radicalism, social diseases, educational practices, causes of extremism, state-patriotic consciousness of youth, public history, subjectivity.

В середине 1980-х гг., на заре перестройки один из советских академических НИИ при участии американских ученых проводил одно из первых исследований по

сравнительной педагогике. И советским, и американским учителям задавались одни и те же вопросы. Одним из них был такой – «Какие проблемы вас наиболее волнуют в среде старшеклассников?» Советские учителя выделили три главные проблемы, волнующие их в последние годы существования СССР: 1) дети позволяют себе пререкаться с учителями; 2) не всегда ходят в школу в форме; 3) опаздывают на уроки. Американских учителей волновали совсем другие проблемы: подростковый алкоголизм, подростковая наркомания и ранние беременности.

Прошло тридцать лет. И то, о чем говорили западные учителя, перекечовало к нам. При этом Запад ведь тоже не стоял на месте. Он тоже «развивался». 30 лет назад для них не были столь актуальны вопросы однополых «браков», узаконивания легких наркотиков, легализации подростковой эвтаназии, открытия публичных домов для соития с животными.

Тридцать лет назад советское педагогическое профессиональное сообщество не было озабочено проблемами молодежного радикализма, национализма, экстремизма, терроризма, наконец. Но с началом перестройки и последующим распадом СССР ситуация стремительно изменилась. За пять лет только количество убийств в России увеличилось вдвое [1]: с 15,5 тыс. в РСФСР в 1990 г. до 31,7 тыс. в РФ в 1995 г. И до 2001 года эта цифра только росла, достигнув показателя 33,6 тыс. [2]. Рост молодежной преступности был стремительным.

Российская молодежь была быстро охвачена огромным количеством социальных пороков, которые были лишь внешними проявлениями глубокой серьезной внутренней социальной болезни. Очень часто внешнюю симптоматику (прыщи, сыпь) сложной внутренней болезни некавалифицированные врачи пытаются лечить внешними средствами (мази, кремы, зеленка). При этом болезнь загоняется внутрь, резко прогрессирует и потом вырывается в виде страшных фурункулов и язв, ибо никто ведь не искал причину заболевания, а боролись лишь с ее внешними следствиями.

Во многом именно такая тактика «лечения» социальных болезней молодежи была применена в нашей стране. Долгое время бóльшая часть всех усилий, времени и денег тратились на странную профилактику этих социальных пороков в жанре внешне ярких и широко рекламируемых акций типа «Антинарко», «Антитеррор», «АнтиСПИД», «Антикоррупция». Социальная реклама в виде просветительских плакатов и агрессивных видеороликов то ли профилактировала, то ли пропагандировала социальные пороки. При этом основной формой работы с молодежью стали «мероприятия», оценить эффективность которых толком не мог никто, поскольку главными критериями оценки были потраченные деньги и количество участников. Главное – внутреннее состояние этих участников, принятые или отторгнутые ими смыслы и ценности – оставалось вне рамок внимания «воспитателей».

В результате внешние проявления социальных болезней действительно отчасти купировались, что фиксировала статистика, но время от времени мощно прорывались «социальные фурункулы» в виде крови на Манежной площади, массовых побоищ футбольных ультрас или десятков методичных убийств уроженцев Средней Азии нацистами-скинхедами.

В рамках проводимого нами масштабного исследовательского проекта [3] мы попытались с социально-педагогической точки зрения выявить причины и промахи сложившейся в последние десятилетия воспитательной практики. Практики, не умеющей остановить рост радикализма в молодежной среде и испытывающей растерянность перед онлайн-проповедниками радикальных религиозных учений и «твиттерными» революциями. Без серьезного осмысления недостатков этой практики, мы будем беспомощно наблюдать, как политические и религиозные авантюристы и фанатики, подобно злому крысолову из Гамельна, заставляют наших детей плясать под свою дудку, уводя их прочь из родного дома. Именно такие ассоциации навевают видеокadres участия российских школьников в протестных выступлениях в марте 2017 года, синхронно скачущих на площадях и скандирующих «Кто не скачет, тот...».

Нами была предпринята попытка научного анализа существующих в последние десятилетия социально-педагогических и воспитательных практик, направленных на профилактику проявлений радикализма и экстремизма (как и иных форм девиантного поведения) в школьной и молодежной среде.

События политической жизни последних лет свидетельствуют о том, что проблема экстремизма, особенно молодежного, приобретает глобальный характер и превращается в одну из главных угроз социальной стабильности. Молодежный экстремизм проявил свой разрушительный потенциал во всех крупных социальных потрясениях последних лет: в событиях «арабской весны» в Северной Африке и на Ближнем Востоке, в этнических столкновениях в Москве (Манежная площадь, Бирюлево), в деятельности исламистского подполья на Северном Кавказе и, конечно, во всех украинских майданах, включая последний – самый кровавый из всех «бархатных революций» на постсоветском пространстве.

У ученых и практиков закономерно возникают вопросы относительно форм, факторов и причин молодежного экстремизма, ответы на которые насущно необходимы для формирования *профилактических*, а не *реактивных* (типа полицейских операций) стратегий противодействия этой угрозе.

Нам представляется, что то, что обычно называется в качестве *причин* экстремистских выступлений молодежи – социальная и политическая неудовлетворенность – на самом деле является скорее *поводами*. Причины же лежат глубже и связаны они, в первую очередь, с образовательной политикой государства, формирующей национальное и государственно-патриотическое сознание молодежи. Или, проще говоря, в плоскости понимания таких школьных предметов, как история и литература.

Россия всегда была интересна миру только тогда, когда она предлагала свое непохожее *вселенское, всеединое, соборное, общее Дело и мировоззрение*, на которых выстраивала свою воспитательную стратегию, основанную на *мессианстве*,

жертвенности и справедливости. А затем предлагала ее миру. Тогда она была мировым лидером. Как только она занимала подражательную позицию, она становилась скучным аутсайдером. В докладе на XX-м Всемирном русском народном соборе Святейший Патриарх заметил, что «следует помнить и о том, что слепое перенесение на русскую почву чуждых мировоззренческих моделей и политических образцов, без учета национальной специфики и духовно-культурного контекста, нередко, а лучше сказать, почти всегда приводило к масштабным потрясениям и трагедиям, как это случилось в нашей стране в начале и в конце минувшего столетия» [4].

Названная воспитательная стратегия осуществлялась, в первую очередь, через преподавание таких школьных предметов, как история, литература и русский язык. Но в последние десятилетия вся страна и школа в особенности пережила колоссальную идеологическую войну с историей, литературой и языком. Для современной России серьезное осмысление проблем истории и литературы в полном смысле вопрос национальной безопасности, вопрос более важный, нежели вопросы укрепления экономики и силовых структур. Ниже мы постараемся привести некоторые аргументы в защиту этой точки зрения.

Для чего нам нужна история? Классический и самый полный ответ на этот вопрос дали два великих мастера слова – Цицерон и А.С. Пушкин. Первый сформулировал кредо исторической прагматики: «История –учительница жизни». Человек, не знающий истории, обречен повторять ошибки прошлых поколений». Второй раскрыл основы исторической метафизики.

Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века,
По воле Бога Самого,
Самостоянье человека,
Залог величия его.

Пушкинское «самостоянье» в терминах политической и социальной теории переводится как «субъектность», т.е. способность *сохранять себя* (свое «Я», свои корни, свои ценности) в жизни и действии. Человек, не знающий истории, легко теряет субъектность, свои корни, свое «Я».

Сегодня на примере братской страдающей Украины мы наглядно видим к чему может привести неверно понятая и неверно интерпретированная история: она становится тараном, разрушающим общество и государство. (прежде всего, в лице *молодежи*, воспитанной на исторических мифах). Молодежи, повторяющей ошибки и утратившей субъектность. Разумеется, за спинами наивно озверевшей молодежи, бросающей «коктейли Молотова» во имя «восстановления исторической справедливости» всегда стоят совсем другие люди – взрослые, умные, холодные и злые. Но о них разговор особый, требующий другой аналитики и другого формата обсуждения.

Сейчас же нам бы хотелось поговорить скорее об ошибках понимания истории, нежели о злом умысле.

Проблемы истории тесно связаны с проблемами языка и литературы, и в жизни – еще сильнее, чем в школьной программе. Об этих проблемах тоже необходимо будет сказать несколько слов.

Начнем с нескольких принципиальных вопросов. Вопрос **первый**: с каких позиций, в каком ключе, и, главное, для чего вообще нужно вспоминать исторические события *нашего* прошлого сегодня? Ключевое слово в этом вопросе – «нашего», точнее *нашего общего* прошлого. Это замечание выводит нас на еще более общий и более глубокий вопрос: а что вообще создает из разных этносов с их собственной историей и культурой единый великий имперский народ? Народ, способный из разрушенной вдрызг страны построить за два десятка лет великую индустриальную супердержаву. Способный выигрывать мировые войны и (единственный!) останавливать коричневую изуверскую чуму фашизма. Способный в кратчайшие сроки после страшной войны, унесшей миллионы жизней и разрушившей страну, построить лучшие в мире образование и науку, послать человека в космос, выиграть ядерную гонку не на жизнь, а на смерть с самой

мощной экономикой мира, ничуть не пострадавшей в войне. Что создает такие народы? Ответ прост. Любой народ вообще, а имперский, объединяющий в себе много этносов и культур, в особенности, создают, прежде всего, **две важнейшие скрепы: общий язык и общая история.** Это историософская аксиома. И когда исторические соперники народа пытаются его уничтожить (принизить, поработить и т.п.), они всегда ведут *главную* войну не против солдат и пушек, но против языка и истории. В этой войне выигрывают и побеждают не солдаты и генералы, а учителя истории, и литературы, а также министры образования. Начнем с истории. История сама по себе – всегда вещь сложная и неоднозначная. Исторический процесс в каждый свой момент преисполнен великого и смешного, высокого и низкого, прозрений и заблуждений, предательства и героизма как отдельных людей, так и целых государств. Проще говоря, в шкафах истории любой страны таится множество как «скелетов», так и «жемчужин». Учитывая это, во всех без исключения странах, претендующих хоть на какую-то политико-историческую самостоятельность, существуют **две версии истории – публичная и архивная.** Первая преподается в школах и широко представлена в публичном пространстве, вторая – объект интереса профессиональных историков. Вторая в публичное пространство почти никогда не попадает. Цель истории публичной (школьной) – научить, прежде всего, будущих граждан гордиться своей страной, ценить ее «жемчужины». Это формирует единую историческую память (ту самую «любовь к отеческим гробам»), объединяющую разных людей и разные национальности в единый народ. Это не значит, что школьная история не должна вообще упоминать о «скелетах» – исторических трагедиях и ошибках. Она это делает, но делает всегда очень деликатно, по-особому расставляя акценты. Например, в английских школах, когда вспоминают королеву Елизавету, современницу Иоанна Грозного, акцентируют внимание не на политике огораживаний (имевшей, по правде, форму социального геноцида) и не на поощрении государственного пиратства (самый известный пример чему – Ф. Дрейк), а на геополитических успехах королевы, ее роли, как устроительницы мирового могущества

Великобритании. Аналогичным образом, вспоминая итоги британской колонизации, английские школьные учебники акцент делают на просветительской «миссии белого человека», воспетой Р. Киплингом, а не на фактах беззастенчивого грабежа и угнетения колоний.

Точно так в американских школьных учебниках, говоря о XIX веке, вспоминают войну Севера и Юга как войну за независимость рабов (не акцентируя внимания на экономико-политической подноготной этой сложной и трагичной войны) и почти ничего не говорят о геноциде индейцев, принявшем в этом веке поистине массовые формы, приведшие почти к полному уничтожению коренного населения. Исследования «скелетов» – удел истории архивной, очень редко выходящей в публичное пространство, что чаще всего сопровождается скандалами и общественным резонансом.

Трагедия России заключается в том, что наша страна – единственная в новейшей истории, которая пережила беспрецедентную по масштабу и накаленности *войну с собственной историей*, развязанную во второй половине 1980-х – первой половине 1990-х гг. Обсуждение субъектов и режиссеров этой войны уведет нас далеко в сторону, поэтому остановимся на главном – ее сути. Суть этой войны, говоря образно, заключалась в широкомасштабной кампании по вытаскиванию из исторических шкафов «скелетов» и сокрытию «жемчужин». Причем «скелеты» вытаскивались не только собственные, действительно лежавшие в «шкафах», но и заботливо подброшенные туда западными «доброжелателями» или «подкрашенные» собственным истерически-интеллигентским диссидентским сообществом. Все сложные и противоречивые, трагичные и неоднозначные моменты истории (в первую очередь, советской) трактовались в обвинительном и обличительном духе. Но ведь на разрушении Священных Камней СССР дело не закончилось. Начав с обличения «исторических преступлений» И.В. Сталина и Л.П. Берии, перешли к глумлению над народными героями – Зоей Космодемьянской (объявленной шизофреничкой), Александром Матросовым, (объявленным человеком с суицидальными наклонностями), Алексеем Стахановым

(объявленным пропойцей и дебоширом) и т.д. Добрались потом и до российской истории вообще. Пока одни обсуждали вопрос канонизации царской семьи, другие, вождельно подхихикивая, обсуждали (публично!) «интригу» императрицы с Григорием Распутиным. Потом в поле такого же, низкоподхихикивающего и истерично-злобного обсуждения оказывались и Екатерина II, и Иоанн Грозный, и другие персонажи российской истории. Потом в новодворско-старовойтовском духе оказалась **проблематизирована русская история вообще**. Вдруг оказалось, что мы как великий имперский народ, подаривший человечеству величайшие сокровища культуры (чего только стоят русская живопись, русская музыка, русский балет, во главе с великой русской литературой, русская наука и инженерия), народ, жертвенно остановивший фашизм – это какие-то исторические выродки, заслуживающие лишь одного – учиться у «цивилизованного» (западного) мира. В результате этой войны с историей у всего великого русского народа (как в его целом, так и в отдельных национальностях) сформировались и проявились все симптомы *культурно-исторической шизофрении*. Сгущаем краски? Но откуда тогда взялась страшная, глупая и пошлая фраза, гулявшая по нашей стране в 1990-е. Фраза, пугающая своей низостью и скотством, фраза, которую почти невозможно было бы представить в стране, положившей на алтарь Победы миллионы жизней, если бы ее действительно не произносили тогда часто. Фраза «Да лучше бы нас в 1945-м году немцы завоевали: мы бы сейчас все баночное баварское пиво пили!». Ее повторяли часто и многократно, причем не с экранов телевизоров, а в транспорте и на кухнях. Произошло самое страшное, что могло произойти. Народ, утративший благоговение к «отеческим гробам», начал на этих гробах плясать. Плясать безумно и жалко, на радость своим историческим и геополитическим противникам.

При этом как-то из публичной истории ушло понимание того, что эти противники всегда существовали и продолжают существовать, что Россия всегда, с трудом преодолевая их яростное сопротивление, несла свою весть миру, что война с Россией велась всегда и на фронте собственно военном, и на

фронте гуманитарном, что с этими (вполне реальными, а не выдуманнами!) противниками очень по-разному, но в одном ключе боролись русские государи, полководцы, общественные деятели и святые: и благоверные Александр Невский и Дмитрий Донской, и преподобный Сергей Радонежский, и Иоанн Грозный, и старец Филофей, и Петр I, и Екатерина II, и А.С. Пушкин, и Николай I, и С.С. Уваров, и Ф.М. Достоевский, и Максим Горький, и Н.А. Островский, и И.В. Сталин, и многие-многие другие великие политики и гуманитарии Государства Российского. Вопрос **«Какую именно весть несла миру Россия, преодолевая сопротивление и нападки?»** требует отдельного серьезного разговора. В самой же поверхностной и общей форме можно ответить на него так: **русская весть миру всегда была вестью о смысле и милосердии**, напоминанием о том, что **«не хлебом единым жив человек»** (Мф., 4: 4) и о том, что **не может человек быть счастливым, если ближнему плохо.**

Именно об этом буквально кричала вся русская классическая литература, к вопросу о которой мы еще вернемся.

Не имея возможности погружаться в дебри вопросов об исторических и современных политических противниках России, скажем лишь, что они всегда были и никуда не делись. Здесь сразу же определенная категория читателей задаст возмущенный вопрос: «О каких противниках идет речь, опять эта риторика холодной войны? Неужели вы не видите, что мир идет к единой цивилизации, провозвестниками которой становятся глобальные рынки и глобальная культура? Давайте нормально жить как все, и все будет хорошо». К сожалению, это не просто не так. Все совсем наоборот. Никакого единства в современном мире нет. В мире идет острая **борьба за ресурсы** (что немаловажно) и **борьба за смыслы** (что главное!). Идет грызня между глобальными мировыми центрами силы не просто за раздел сфер влияния, но за будущий миропорядок. Эти процессы имеют столько же общего с разговорами о «глобальных рынках», «единой цивилизации» и «мирном сосуществовании», сколько фашистская пропаганда об «освобождении народов России от коммунистического ига» имела с реальной практикой действий нацистов на территории

СССР во время войны. Нельзя не понимать очевидного: *иракский, ливийский, сирийский и украинский колокола звонят по нам.*

Однако вернемся к Истории. Сегодня мы видим, как историческое безумство страшных лет Перестройки и 1990-х проходит. Страна, презревшая свои святыни, хочет к ним вернуться. Мы опять хотим гордиться своим прошлым и настоящим. Это значит, что нам сообща нужно сегодня *изживать последствия войны с Историей* и вызванной ею историко-культурной шизофрении. Или, говоря иначе, ***нам нужно восстановить нормальную публичную историю.***

Здесь есть определенные технические и организационные сложности. В период войны с нашей общей большой историей во всех без исключения регионах России произошел один и тот же процесс: региональные власти, пытаясь хоть как-то сохранить «чувство корней» у молодежи, историческую идентичность, сделали ставку на краеведение. Во всех школах всех регионов стали повышенное внимание уделять истории местной, региональной, справедливо полагая, что это позволит сохранить чувство Родины для детей и юношества. И это действительно во многом помогло. Честь и хвала тем педагогам, ученым и управленцам, которые создавали соответствующие учебники, читали курсы, внедряли программы.

Эта *краеведческая модель* истории помогла нам пережить лихолетье и не утратить своих корней. Однако в этой модели есть и свои риски – риски забывания большой Родины ради Родины малой. Напомним еще раз, большая Россия складывалась не сразу и непросто. История каждого региона наряду с жемчужинами общей великой истории хранит и «скелеты» своей региональной боли и противоречий. И на этой боли и этих противоречиях (малых, в сравнении с великой общей Историей, но тем не менее болезненных) можно играть. Как, например, играют иногда, кто-то по глупости, а кто-то и не без злого умысла, на боли Кавказской войны.

Сегодня становится очевидным, если мы хотим вернуться к корням, вновь обрести утраченное «самостоянье» как историческую идентичность, нам нужна *иная модель публичной*

(школьной) истории. Модель с акцентом не на краеведении, а на общей истории Великой страны, истории, примиряющей киевский, московский, петербургский, советский и постсоветский периоды нашей истории. Истории, основанной на бесценных жемчужинах, а не на «скелетах», истории, воспитывающей любящих и гордящихся своей страной граждан, а не цивилизационных выродков, страдающих комплексом исторической неполноценности. Именно об это говорили в своих выступлениях в последние годы и наш Президент, и наш Патриарх. В свете сказанного встает вопрос о роли структур образовательной политики в решении задач восстановления культурного (литературного) и исторического самосознания молодежи. Конкретные формы такой работы должны уточняться отдельно. Скажем лишь о некоторых самоочевидных общих принципах.

Во-первых, нужно перестать «говорить с молодежью на ее языке», что часто принимает формы заигрывания с молодежными субкультурами (использование сленговых словечек и выражений, соответствующих смыслов), с молодежью нужно разговаривать на языке серьезном, искреннем и по возможности классическом.

Во-вторых, по возможности превращать проводимые с молодежью *мероприятия* в *со-бытия* – в совместное переживание важных вещей и смыслов, требующее серьезности, искренности и глубокого погружения.

В-третьих, максимально пропагандировать интерес к истории и литературе, в том числе в условиях лагерей, летнего и каникулярного отдыха. Подобная работа, если ее вести всерьез, потребует нестандартных ходов и педагогических решений, разработки специальных акций и форм привлечения молодежи (конкурсы, игры и другие формы).

В-четвертых, наряду с учащейся молодежью, выходить на молодежь рабочую, из вузов идти к учащимся ПТУ и профессиональных лицеев. И последнее. **Главным принципом в работе с молодежью должна быть искренность, умноженная на любовь.**

Библиографические ссылки

1. Российский статистический ежегодник. 2007. Стат. сб. М.: Росстат, 2007. С. 307.
2. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2007: Стат.сб. М.: Росстат, 2007. С. 445
3. Проект «Экстремизм и этносоциальные конфликты в молодежной среде полиэтничного региона: прогнозирование и профилактика», грант РФФИ № 15-18-00038
4. Кирилл, патриарх. Россия и Запад: диалог народов в поисках ответов на цивилизационные вызовы. Доклад на XX-м Всемирном русском народном соборе 1 ноября 2016 г.// <http://www.patriarchia.ru/db/text/4656175.html>__

**МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ
ПО ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ
ПО ПРОФИЛАКТИКЕ ЭКСТРЕМИЗМА
И НАЦИОНАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ**

**METHODICAL RECOMMENDATIONS
ON ORGANIZATION OF THE WORK
ON THE PROPHYLAXIS OF EXTREMISM
AND NATIONAL CONFLICTS
IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS**

Н.Е. Хагурова

Кубанский государственный технологический университет
г. Краснодар

N.E. Khagurova

Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье описывается практический опыт организации работы по профилактике экстремизма и национальных конфликтов в образовательной среде. Дается описание курса занятий образовательно-тренинговой площадки «Школа социальной психологии», работающей в дополнении традиционных методов профилактики.

Abstract. The article describes practical experience in organizing work on the prevention of extremism and national conflicts in the educational environment. A description of the class of educational training ground “School of Social Psychology”, which works in addition to traditional methods of prevention, is given.

Ключевые слова: молодежная среда, группы риска, национальный экстремизм, деструктивное влияние, приемы манипуляции, стратегии влияния, социальные установки, конфликт поколений, программа профилактики.

Keywords: youth environment, risk groups, national extremism, destructive influence, manipulation techniques,

influence strategies, social attitudes, conflict of generations, prevention program.

Молодежная среда имеет ряд особенностей, создающих риски распространения различных форм девиантного поведения. С одной стороны – это особенное физиологическое состояние, психологическая и мировоззренческая незрелость. Этому возрасту свойственно стремление обрести свободу от опеки тех людей, которые ранее были самыми близкими, и обрести независимость. Молодые люди испытывают кризис идентичности и отчуждения, являющиеся, согласно концепции В.П. Мухиной, базовыми механизмами формирования личности. Детская идентичность подростка устаревает, и он вынужден остаться один на один с миром, который, к тому же настойчиво напоминает ему о необходимости выбора жизненного пути. Родительский опыт, и шире, опыт современных ему взрослых не кажется молодому человеку подходящим для его ситуации. Он испытывает отчуждение от привычных авторитетов и приобретает так называемый «мессианский комплекс», т.е. стремление критиковать и отвергать существующие нормы, правила, общественное устройство в полной уверенности в том, что они устарели и нуждаются в реконструкции. Еще одной значимой особенностью возраста можно назвать появившееся чувство собственной исключительности и ощущение постоянного внимания к своей персоне. Подросток постоянно находится в воображаемом зрительном зале, ему кажется, что все взгляды устремлены на него [1, с. 180]. Отсюда и соответствующие реакции: от крайней застенчивости до эпатажных и даже преступных выходок. Нарастающий темп развития технологий и медиа-политика активизирует эту особенность. Интернет - трансляции, блоги, форумы, реалити-шоу подогревают желание стать новостью. Эффекты виртуализации жизненного пространства неоднозначны и сейчас активно изучаются отечественными и зарубежными специалистами.

С другой стороны – перечисленные особенности подкрепляются современной системой воспитания с опорой на ювенальную юстицию, распространением ценностей общества потребления в условиях непростой экономической ситуации, средствами массовой информации и массового искусства, пропагандирующими эти ценности. Преодоление кризиса идентичности усложняется деформацией детско-взрослых отношений, в которых нормальная иерархия серьезно травмирована целым рядом причин. В их числе нестабильность ценностно-нормативной сферы, деформации повседневных педагогических практик, распространение «культы молодости», ценностей и требований потребительского общества. Исходя из опыта работы с молодежью, можно сказать, что наиболее частым и тревожащим высказыванием молодых стало: «Мы никому не нужны». Сегодня подростки испытывают трудности идентичности, неуверенность в завтрашнем дне. Одновременно с этим, они имеют широкий доступ к информации, дающей пищу для критики и возможность самоорганизации с помощью социальных сетей. Демократичный, если не сказать попустительский стиль воспитания предполагает относительную свободу подростков и молодежи и, как правило, санкции со стороны взрослых сводятся к воспитательным беседам.

В совокупности, все перечисленные явления и процессы, делают молодежь и подростков группой риска для распространения различных форм девиантного поведения. В частности, недоверие к «значимым взрослым», и одновременная потребность в поддержке, смысловых ориентирах делают молодежь уязвимыми для распространения идеологии социально-политического, националистического и религиозного экстремизма. Молодежь естественным образом всегда находилась в авангарде революционных движений. Но молодость не была основным принципом социальных изменений. С утратой обществом четкой классовой структуры, ставки делаются уже не на классы, а на наиболее мобильную и

возбудимую возрастную группу. С помощью определенных технологий молодежь можно спровоцировать на уличные беспорядки, свержение власти, рекрутировать из нее экстремистскую организацию любого направления, организовать поддержку неформального лидера. При этом политическое сознание молодежи может оставаться на низком уровне. События последних лет показали, как развязываются конфликты и войны, пользуясь маской демократии. Социально-политическая обстановка в мире, и, в частности, внешнеполитическая ситуация в России, усиливают необходимость работы по профилактике экстремизма, терроризма и социальных конфликтов в образовательных учреждениях. При этом традиционные формы воспитательной работы в форме лекций представителей правоохранительных органов, круглых столов и т.п. часто оказываются недостаточными. Воспитательная работа по гармонизации межнациональных отношений и исключению национальных конфликтов, в целом, ведется в направлении знакомства с другими культурами и созданию условий для межкультурного диалога. Традиционные формы воспитательной работы могут быть дополнены курсом регулярных занятий, в рамках которых молодежь будет учиться основам самоанализа, принципам действия механизмов убеждения и манипуляции, навыкам эффективной психологической защиты.

Формой таких занятий в Кубанском государственном технологическом университете стала «Школа социальной психологии» (далее – «Школа»), занятия которой рассчитаны на студенческий актив – старост учебных групп 1 курса, а также всех желающих. В качестве преподавателей выступают специалисты отдела по воспитательной работе – социолог и психолог. Занятия проводятся регулярно один раз в неделю по составленному графику с разбивкой слушателей на группы, численность которых не превышает 25 человек. Каждое занятие имеет свою тематическую цель. Форма проведения занятий построена на основе совмещения интерактивной лекции и

психологического тренинга. Их основная цель – обратить внимание молодежного актива на проблему противодействия идеологии экстремизма, национализма и социальных конфликтов.

В названии «Школы» мы намеренно ушли от риторики противодействия экстремизму. Молодые люди с недоверием относятся к воспитательным практикам. Собрать молодежь «для профилактики экстремизма» означает подозрение в готовности к такой деятельности и косвенно – обвинение. Поэтому название для серии занятий было выбрано нейтральное.

Кроме того, содержание занятий основано на раскрытии особенностей человеческого поведения, его ситуационных детерминантах, общих стратегиях манипуляции и деструктивного влияния.

Занятие состоит из четырех компонентов: процедура знакомства (впоследствии – вместе со студентами вспоминаем, что было на прошлом занятии); информативная часть – описание изучаемого явления как социальной проблемы; работа психолога с группой; коллективная рефлексия. В задачи проекта кроме информативной работы со старостами и заинтересованными ребятами входит формирование актива не только для работы «Школы социальной психологии», но и для вовлечения студентов в активную внеучебную деятельность, различные молодежные объединения позитивной направленности, что служит лучшей профилактикой девиантного поведения.

Программа состоит из пяти занятий. Первое из них – «Человек и ситуация». Его цель: профилактика экстремизма и различных видов насилия. В начале студентов мотивируют на прохождение курса. Положение будущих специалистов и старост учебных групп накладывает на них ответственность за группу, а в будущем, как у представителей научно-технической интеллигенции, и за страну. Затем преподаватели и студенты в диалоговой форме обсуждают факторы, влияющие на поведение человека: личностные диспозиции,

ситуационные и системные детерминанты. В информативной части рассматривается влияние ситуационных сил, иллюстрируемых примерами из социально-психологических экспериментов. Эксперимент А. Бандуры на «отключение внутреннего контроля» показывает, какой эффект дает дегуманизация жертвы [2, 3]. На примере экспериментов С. Милграма доказывается, что большинство людей готовы подчиниться бессмысленным приказам деструктивного авторитета. Подчиняясь авторитету экспериментатора, испытуемые согласны были совершать действия, приводившие к смерти невинного человека. Стенфордский тюремный эксперимент Ф. Зимбардо показывает, как статусы и роли изменяют поведение людей. Символическое сопровождение, инструкции и правила импровизированной тюрьмы оказались способны за шесть дней превратить обычных людей в жестоких охранников и подавленных заключенных [2]. На примере социально психологический экспериментов освещаются такие факторы, влияющие на поведение, как авторитет, суггестивность, мнение группы, освобождение от ответственности, деиндивидуализация, символическая реальность, статусы и роли. После информационного блока, студенты закрепляют материал, моделируя влияние ситуации на индивида и сопротивление этому влиянию. Затем слушатели разбиваются на группы, работая в тренингах на противодействие деструктивному влиянию. В конце занятия подводим итоги. Ребята делятся впечатлениями и собственными наблюдениями.

Внимание слушателей привлечено к проблемам деструктивного влияния на социальные установки и поведение людей. Объяснена необходимость сопротивления такому влиянию. Обоснована необходимость критического восприятия незнакомых ситуаций, социальных групп и информации.

Второе занятие посвящено стратегиям группового влияния и эффектам толпы. У слушателей формируются представления о психологических эффектах ситуации массового скопления людей, манипуляции, стратегиях

влияния на групповом и индивидуальном уровне. Студенты вспоминают о содержании прошлого занятия – влиянии ситуационных факторов на поведение. Одной из самых опасных ситуаций является ситуация толпы, привлекающая внимание ученых с XIX столетия. При погружении в активную толпу возникает ряд эффектов: ограничение сознательной составляющей, акцентуация бессознательного, освобождение от ответственности, эйфория, ложное ощущение всемогущества, повышенная внушаемость, готовность к немедленным действиям, подчас разрушительным и противоправным. Такие действия могут не согласовываться с моралью и ценностями отдельных индивидов, составляющих толпу. Манипуляция качественно отличается от агитации и пропаганды, т.к. преследует выгоду для манипулятора или группы таковых. Манипуляции скоплением людей опираются на ряд приемов и стратегий [5]. Важно отключить критическое мышление людей, свести к нулю их индивидуальные различия и найти общую черту. Это может быть национальность, территориальная принадлежность, возраст, недовольство социальным положением и т.д. Среди стратегий влияния – представление (управление пространством), церемония (управление временем), убеждение (управление словом) [5, с. 136–140]. Для приведения толпы в состояние готовности к внушению используют символическую реальность, поклонение символам или их ниспровержение. Могут быть использованы знакомые всем позитивные символы для прикрытия сущности. Например, сравнение украинского Майдана со Святым Крещением, использование сектами икон и т.д. [6, с. 393]. Значение имеет звуковое сопровождение и особые движения, хореография. Шествия, ритмические движения, сопровождаемые возгласами, издревле использовались человечеством в ритуалах. Они приводят толпу в особое состояние. Применение этих стратегий влияния рассматриваются на примере выступлений Гитлера и украинских националистов [6, с. 630]. Подготовленная масса становится восприимчивой к

внушению. Приемы эффективного внушения: повторение, образность, поражающие воображение факты, быстрый переход от посылки к выводу, простые решения сложных проблем, уверенный тон, повелительный голос. Все перечисленное эффективно используется деструктивными лидерами и «на выходе» людей побуждают к действиям, выгодным манипулятору. Студентам предлагается проанализировать конкретные примеры из фильмов, истории и современности. Усвоение информационной части проверяется упражнением «Сундуки – форварды». Преподаватель говорит студентам, что современные люди делятся на две группы: тех, кто стоит «у руля», обладает интеллектом, ясным взглядом на мир, умеет жить и думать по-новому и тех, кто стоит на пути у прогресса, кто не способен к творчеству, враждебен к инновациям. Это «форварды» и «сундуки». За «форвардами» будущее, а «сундуки» обречены на прозябание. Если студенты усвоили материал занятия, они отнесутся к такому делению критически и начнут спорить. У них выработался навык анализа информации. Преподаватель объясняет, что такого деления не существует, оно античеловечно, и следует всегда осторожно относиться к тем, кто предлагает любые вариации деления людей. Затем слушатели узнают, по каким признакам можно узнать об индивидуальной внушаемости человека и каковы самые простые приемы манипулирования на индивидуальном уровне. Ребята работают в парах, пытаясь повлиять на поведение другого и сопротивляться влиянию. Затем подводят итоги, обсуждают тему. Преподаватели обращают внимание на работу старост со своей учебной группой, внимательного отношения к товарищам, недопущение попадания в группу риска.

Слушатели получили представление о психологических эффектах погружения в толпу, стратегиях влияния на групповом и индивидуальном уровне. Освещена разница между агитацией и манипуляцией. Слушатели узнали о приемах избегания манипуляций.

Следующее занятие посвящено рассмотрению социального влияния и социальных установок. Его цель – формирование навыков критического осмысления информации. Занятие начинается с высказывания слушателей своего мнения о какой-либо проблеме или факте. Например, отношение к ЕГЭ или электронным сигаретам. Затем предлагается проанализировать составляющие мнения – компоненты установочной системы. Установка – это ценностная диспозиция, предрасположенность к определенной оценке. Установочная система состоит из ряда компонентов, являющихся реакциями на социально значимые стимулы: поведения, поведенческих интенций (намерений), аффективных реакций (эмоций, чувств), когний (наших познаний) и установок. Установки представляют собой комплексные, суммарные оценочные реакции. Компоненты системы взаимосвязаны. Познания в сочетании с установкой составляют отображение объекта в сознании – ментальную репрезентацию объекта [7, с. 16–17]. Студентам предлагается предложить свои установочные системы и попытаться проанализировать составляющие. На основании полученной информации и самостоятельных упражнений можно сделать вывод, что установки могут быть неверными из-за недостаточных или ложных сведений, подкрепления эмоциями. С помощью вброса сведений, вызывающих эмоциональные реакции (восторг, гнев, паника) заинтересованные лица или группы могут менять социальные установки. Изменение отношения к стимулу, чувств или поведения относительно стимула и есть цель социального влияния. Рассматриваются понятия: агент влияния, объект влияния и стимул и их соотношения. Разновидности среды влияния: межличностная среда, специально создаваемая среда, СМИ. Приемы влияния в разных средах. На примере фашистской Германии иллюстрируется изменение установок. В итоге студентам предлагается задание: подумать, к чему следовало бы изменить отношение общества и как это можно сделать. Внимание слушателей обращено к проблеме формирования

социальных установок. Рассмотрены принципы, механизмы и среда социального влияния. Приведены примеры использования этих механизмов в деструктивных целях. Показана перспектива использования знания социальной психологии для позитивных изменений, направления которых студенты определяют самостоятельно.

На следующем, четвертом занятии, рассматривается протестный потенциал молодежной среды. Совместно с преподавателями ребятам предлагается проанализировать особенности молодежи и подростков, причины конфликта поколений, условия его эскалации. Оцениваются и сравниваются источники информации молодежной среды и взрослых людей. Беседа касается доверия молодежи и подростков взрослым – родителям, преподавателям и взрослым в целом. Обсуждается, к кому прислушается подросток – к мнению и требованиям родителей или группы сверстников, референтной группы. Слушателям предлагается самостоятельно порассуждать об особенностях молодежи и подростков, их жизненном мире, конфликтах с собой и окружающими, отличиях между ними и взрослыми людьми, возможных причинах непонимания между поколениями. Звучит легенда о Гамельнском крысолове, который увел всех детей за собой с помощью звуков волшебной дудочки. Подростково-молодежная среда имеет ряд специфических особенностей. Среди них эмоциональная возбудимость, незрелость суждений, жажда свободы и признания, ощущение повышенного внимания со стороны окружающих. Реакция на ложное ощущение сцены может колебаться от крайней застенчивости до стремления «стать новостью». Отсюда и выкладывание в интернет роликов с избиениями сверстников. Молодежи свойственен «мессианский комплекс». Его хорошо проиллюстрировал М. Горький в короткой сказке «Воробышко». Состояние души подростка мастерски описано в стихотворении М. Цветаевой «В 15 лет». В обычной, повседневной среде образовательного учреждения или дома с родителями

подростки и молодежь не всегда имеют возможность реализовать эти стремления. Привычное взрослое окружение теряет для них авторитет. В то же время молодому человеку необходима поддержка. Случается, что эту поддержку они обретают в группах, где нормой и доказательством включенности, принятия группой становятся разные формы девиантного поведения. Молодежь сегодня имеет возможность включения и самоорганизации в различные деструктивные группы в том числе и через интернет сообщества. В подобных организациях возникают психологические эффекты, схожие с эффектами толпы: избавление от одиночества, чувство сплоченности и всемогущества, утрата ответственности. Вместе с тем, подобные организации (например, футбольные фанаты, ультра-правые, «фа» и «антифа») могут быть использованы в деструктивных политических целях. При этом интересы и надежды молодежи, как социальной группы не интересуют «дудочника». Лучшее время для эскалации конфликта поколений – это время перемен [7, с. 379]. И молодежная среда должна научиться распознавать фальшивые призывы современных «дудочников», обещающих им простое и быстрое решение сложных проблем. Ребятам предлагается ролевой тренинг, где они берут на себя роли родителей и подростков. Родители должны убедить подростка в необходимости соблюдения общественных норм. Таким образом, ребята попытаются поставить себя на место взрослых.

Слушатели критически осмыслили особенности восприятия подростково-молодежной возрастной группы. Рассмотрели особенности конфликта поколений. Студенты получили возможность открыто обсудить отношения со старшими и попробовали принять на себя роли взрослых.

На пятом занятии слушателям предлагается программа «Как сопротивляться опасному влиянию» на основе программы Филипа Зимбардо. Вместе со слушателями вспоминается пройденный материал. Студенты предлагают свои практические выводы, как сопротивляться деструктивному влиянию. Затем предлагается и

обсуждается программа. Каждая стратегия написана на карточке, которые раздаются студентам. Они зачитывают содержание и комментируют его.

Стратегия 1: «Я совершил ошибку». Необходимо спокойно и рационально взглянуть на ситуацию, свое окружение. Если вы вступили на неверный путь, откажитесь от него. Найдите силы не участвовать в безнравственных действиях.

Стратегия 2: «Выключи автопилот» Будьте разумными и осторожными потребителями информации. Обращайте внимание на особенности речи и действий своего нового окружения и, в особенности, на лидера. Будьте особенно внимательны в новой, незнакомой ситуации. Попробуйте определить, не скрываются ли за риторикой деструктивные цели. Не давайте втянуть себя в противоправные или аморальные действия.

Стратегия 3: «Я несу ответственность за свои поступки». Помните, что в толпе и деструктивной группе исчезает чувство личной ответственности. Подумайте о своем будущем. Представьте, что вы рассказываете о своих действиях привычному близкому человеку. Не позволяйте втянуть себя в действие, потому что так делают все.

Стратегия 4: «Я утверждаю свою уникальность». Помните: анонимность помогает скрывать аморальные поступки. Подумайте, можете ли вы в данной ситуации смело назвать себя, кто вы и чем занимаетесь? Потребуйте от других действовать открыто. Если этого сделать нельзя, стоит насторожиться.

Стратегия 5: «Я ценю собственную независимость». Принадлежность к группе необходима человеку. Мы готовы идти на уступки, чтобы приобрести и сохранить социальные связи. Но стоит обратить внимание, не противоречат ли эти уступки вашим ценностям и общечеловеческим нормам.

Стратегия 6: «Я буду бдителен к символическим знакам». Помните, что символы, звуки, лозунги влияют на нас, даже если мы этого не хотим.

Стратегия 8: «Я помню о времени». Помните о том, что вы усвоили в прошлом и о своих планах на будущее. Не позволяйте себе жить «этим моментом». Подумайте о последствиях и о своей ответственности [2. Переработано на основе программы Ф.Зимбардо].

В завершении студентам предлагается стать помощниками преподавателей для занятий со следующим первым курсом, участниками научно-практических конференций, круглых столов, кураторских часов и других мероприятий по профилактике распространения идеологии экстремизма, терроризма и социальных конфликтов.

Представлена итоговая программа стратегии сопротивления нежелательному влиянию. Получили представление о возможности активной общественно значимой деятельности. Студенты, прослушавшие курс, могут принимать компетентное участие в научно-практических конференциях, круглых столах, тематических встречах и организации других форм профилактической работы.

В одном из наших занятий со студенческим активом, посвященном особенностям молодежной среды и конфликту поколений мы использовали известную легенду о гамельнском крысолове. В отместку за неуплату долга магистратом города Гамельна крысолов с помощью волшебной дудочки увел из города всех детей. Сегодня возможности «волшебной дудочки» очень велики. Ее мелодии отработаны до состояния технологии и могут звучать издалека. Особенности подростково-молодежной аудитории и современные условия взросления делают эту возрастную группу особенно восприимчивой к этой мелодии. Молодежи приходится жить и действовать в мире, перегруженном информацией. Это создает и дополнительные преимущества и дополнительные, еще не полностью изученные трудности. Необходимо помочь молодому поколению ориентироваться в этом мире и найти свою, правильную дорогу. Несмотря на свое стремление к независимости, они нуждаются в поддержке. Если мы хотим сообща строить будущее нашей великой страны,

нужно использовать все доступные возможности для формирования у детей и молодежи духовно-нравственных ценностей и ориентиров, чувства патриотизма, неприятия чуждой нам идеологии. И это должно стать задачей и семьи, и образовательных учреждений разного уровня, и специалистов по работе с молодежью, и средств массовой информации и массового искусства.

Библиографические ссылки

1. Райс Филип. Психология подросткового и юношеского возраста. СПб.: Издательство «Питер», 2000.
2. Зимбардо Ф. Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев. М.: Альпина нон-фикшн, 2013. 740 с.
3. Стаут М. Социопат по соседству: люди без совести против нас: как распознать и противостоять. М.: изд-во «Э», 2018. 352 с.
4. Милграм С. Эксперимент в социальной психологии. СПб.: Издательство «Питер», 2000. 336 с.
5. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Академический проект, 2011. 396 с.
6. Украинство – кем и зачем оно сконструировано: коллективная монография/ под редакцией С.Е. Кургиняна. М.: МОФ ЭТЦ, 2017. 627 с.
7. Зимбардо Ф., Ляйпе М. Социальное влияние. СПб.: издательство «Питер», 2011. 448 с.

ЭТНИЧЕСКИЕ СТЕРЕОТИПЫ РУССКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

ETHNIC STEREOTYPES OF RUSSIAN ENTREPRENEURS

Е.В. Харитонова, А.А. Харитонов

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

E.V. Kharitonova, A.A. Kharitonov

Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье представлены результаты исследования этнических стереотипов предпринимателей русской национальности. Показан не высокий уровень самооценки исследованных русских предпринимателей и увеличение дифференциации между образом «Я» и «Мы» – образом русских (характеристика типичного представителя русской национальности).

Abstract. The article presents the results of study of ethnic stereotypes of entrepreneurs of Russian nationality. Not high level of self-esteem of the studied Russian entrepreneurs and an increase in the differentiation between the image of «I» and «We» – the image of Russians (characteristic of a typical representative of Russian nationality) is shown.

Ключевые слова: этническое самосознание, этнические стереотипы, предприниматель.

Keywords: ethnic identity, ethnic stereotypes, entrepreneur.

Этнические проблемы в настоящее время приобретают политическую, экономическую и социальную остроту. Актуальность исследования особенностей этнического самосознания в условиях рыночного предпринимательства обусловлена многими причинами.

Во-первых, тем, что Краснодарский край относится к полиэтничным регионам нашей страны, где вместе проживает огромное количество национальностей, а в последнее время наблюдается, к тому же, большой приток мигрантов. Первая попытка исследования социально-психологических факторов

толерантности межэтнического взаимодействия в поликультурных регионах России была осуществлена в коллективной монографии «Толерантность в межкультурном диалоге» [3]. В основном, данная проблема исследовалась, в основном, в районах усиления межэтнической напряженности [1; 2].

Во-вторых, кризисные явления, произошедшие в сфере занятости за последние десятилетия, привели не только к усложнению адаптации, но и в целом к разрушению социальных связей и норм, регулировавших всю социальную действительность раньше. Наиболее остро эти проблемы ощутимы на рынках города, где, в связи с невозможностью найти работу по специальности, большинство рыночных предпринимателей переживают профессиональную невостребованность (до 55%). В результате отсутствия достойной работы, как у коренного населения, так и у вынужденных мигрантов, появляется материальная, социальная и психологическая депривация личности. Потеряв работу, человек утрачивает возможность удовлетворять свои высшие потребности в самореализации, социальных связях и контактах. Активизируется потребность в безопасности. Постепенно, по мере продолжения периода безработицы нарушается целостность иерархии мотивов. Неудовлетворенность потребностей, нарушение их привычной иерархии вызывают у безработного недовольство, беспокойство и другие отрицательные эмоции, вплоть до открытой агрессии.

Поиск путей преодоления агрессии и насилия в обществе напрямую связан с ответами на вопросы о происхождении интолерантности: где истоки предрассудков и предубеждений, каковы причины проявления жестокости и насилия в отношениях между людьми. Все выше изложенное и определяет актуальность данного исследования. В качестве гипотезы исследования выступило предположение о том, что для этнического самосознания рыночных предпринимателей русской национальности характерно негативное восприятие представителей своей и других национальностей по сравнению с восприятием себя и «идеала» своей национальности.

Сбор эмпирических данных проводился на вещевом рынке, который расположен в городе Краснодаре на углу улиц Вишняковой и Ставропольской. Выборка составила 60 человек, работающих на данном рынке: 34 женщины и 26 мужчин в возрасте от 20 до 61 года. Средний возраст – 35 лет.

В качестве методики использовался диагностический тест отношений. Методы математической обработки: параметрический метод сравнения двух выборок с использованием t-критерия Стьюдента для независимых выборок.

Согласно полученным нами данным, русские предприниматели по позитивным качествам оценивают себя выше, чем типичного представителя русской национальности по семи из 12 качеств – дипломатичности, активности, аккуратности, темпераментности, настойчивости, гордости и осторожности. По негативным качествам баллы выше у «типичного представителя» русской национальности по 4 из 12 качеств – лицемерности, жадности, навязчивости и бесхарактерности, и ниже по упрямству.

«Идеал» русские предприниматели оценили выше, чем себя, по 6 позитивным качествам – дипломатичности, активности, экономности, аккуратности, остроумию и находчивости; и 8 негативным качествам ниже, чем себя, – лицемерии, агрессивности, жадности, вспыльчивости, навязчивости, бесхарактерности, ехидству и трусости.

Оценивая типичного представителя русской национальности и «Идеал», русские предприниматели поставили баллы ниже типичному представителю по 11 из 12 позитивных качеств – дипломатичности, активности, экономности, темпераментности, общительности, настойчивости, аккуратности, гордости, остроумию, находчивости и осторожности. По негативным качествам баллы ниже у «Идеала» - лицемерие, агрессивность, жадность, вспыльчивость, навязчивость, бесхарактерность, упрямство, высокомерие, ехидство, трусость – 10 качеств из 12.

В ответах русских респондентов наиболее часто встречались характеристики типичных представителей таких национальностей, как армяне (их охарактеризовали 78,72%

опрошенных), адыги (47,73% опрошенных), украинцы (31,19% опрошенных), евреи (25,53% опрошенных), грузины (14,89%) и немцы, езиды, азербайджанцы, чеченцы (по 10,64%).

Описывая портреты различных национальностей глазами русских предпринимателей, мы хотели бы остановиться на выраженных позитивных и негативных качествах (3 балла и выше).

Итак, в глазах русских респондентов типичный представитель армянской национальности выглядит как: активный, агрессивный, экономный, темпераментный и даже вспыльчивый, общительный, навязчивый, не бесхарактерный, настойчивый, гордый и высокомерный, находчивый и хитрый.

По сравнению с тем, как русские предприниматели оценили себя, типичный представитель армянской национальности по позитивным качествам – менее дипломатичный, покладистый, аккуратный, остроумный, более экономный и темпераментный. А по негативным качествам – более лицемерный, агрессивный, жадный, вспыльчивый, навязчивый, бесхарактерный, высокомерный, ехидный, хитрый и трусливый.

По сравнению с тем, как русские респонденты оценили «Идеал» своей национальности, типичный представитель армянской национальности по позитивным качествам – менее активный, покладистый, настойчивый, остроумный, более экономный, темпераментный и гордый. По негативным качествам – более лицемерный, агрессивный, жадный, вспыльчивый, навязчивый, бесхарактерный, упрямый, высокомерный, ехидный, хитрый и трусливый.

При сравнении оценок, данных русскими предпринимателями типичным представителям своей и армянской национальности, типичный представитель армянской национальности по позитивным качествам – более темпераментный, настойчивый, гордый, осторожный, менее дипломатичный, покладистый, аккуратный, остроумный и находчивый. По негативным качествам – более лицемерный, агрессивный, жадный, вспыльчивый, навязчивый, упрямый, высокомерный, ехидный, хитрый и трусливый, но, при этом, менее бесхарактерный.

Т.е. восприятие типичного представителя армянской национальности русскими респондентами, по сравнению с восприятием ими себя и «Идеала» своей нации, получается негативным. По сравнению же с типичным представителем русской национальности – более позитивным, но, в общем, тоже негативным. При этом следует отметить, что направленность или диагностический коэффициент стереотипа восприятия общей эмоциональной ориентации субъекта по отношению к объекту (в данном случае русских респондентов по отношению к типичному представителю армянской национальности) в 20 случаях из 34 – отрицательная (58,82 %). Что так же указывает на негативное восприятие типичного представителя армянской национальности русскими предпринимателями.

Типичный представитель адыгской национальности, по оценкам русских респондентов, предстает активным, агрессивным, темпераментным и даже вспыльчивым, общительным, не бесхарактерным и не покладистым, настойчивым и упрямым, гордым, даже высокомерным.

При сравнении оценок, данных русскими предпринимателями себе и типичному представителю адыгской национальности, последний предстает как более гордый, общительный, покладистый, аккуратный, остроумный, находчивый, осторожный, менее дипломатичный. По негативным качествам – более лицемерный, агрессивный, жадный, вспыльчивый, навязчивый, упрямый, высокомерный, ехидный, хитрый и трусливый.

При сравнении с «Идеалом» респондентов русской национальности, типичный представитель адыгской национальности получается: по позитивным качествам – менее дипломатичный, активный, покладистый, настойчивый, аккуратный, остроумный, находчивый и осторожный, более темпераментный и гордый; по негативным качествам – более лицемерный, агрессивный, жадный, вспыльчивый, навязчивый, бесхарактерный, упрямый, высокомерный, ехидный, хитрый и трусливый.

При сравнении оценок, данных русскими предпринимателями типичным представителям своей и

адыгской национальности, последний получается по позитивным качествам – более активный, темпераментный, настойчивый и гордый, менее дипломатичный, покладистый, остроумный, осторожный и находчивый. По негативным качествам – более агрессивный, лицемерный, вспыльчивый, навязчивый, упрямый, высокомерный, хитрый и трусливый.

Таким образом, восприятие типичного представителя адыгской национальности русскими предпринимателями, по сравнению с восприятием ими себя, а тем более «Идеала», – негативное. По сравнению же с типичным представителем своей национальности, несколько позитивнее. При этом направленность (диагностический коэффициент) стереотипа восприятия по эмоциональной ориентации русских респондентов к типичному представителю адыгской национальности составляет 10 отрицательных случаев из 21 (47,62%), что несколько ниже, чем при восприятии типичного представителя армянской национальности.

Украинцев русские респонденты характеризовали как активных, экономных, жадных, общительных, настойчивых и навязчивых.

При сравнении оценок, данных русскими предпринимателями себе и типичному представителю украинской национальности, последний предстает по позитивным качествам как менее дипломатичный, темпераментный, аккуратный и более экономный, по негативным качествам – более лицемерный, жадный, навязчивый, высокомерный, ехидный, хитрый и трусливый.

При сравнении с «Идеалом» русской национальности типичный представитель украинской национальности получается: по позитивным качествам – менее дипломатичный, активный, темпераментный, аккуратный, остроумный и находчивый. По негативным качествам – более лицемерный, агрессивный, жадный, вспыльчивый, навязчивый, бесхарактерный, упрямый, высокомерный, ехидный, хитрый и трусливый.

Типичный представитель украинской национальности, по сравнению с типичным представителем русской национальности, более активный и экономный, и менее

темпераментный, но в то же время более жадный, навязчивый и трусливый.

Направленность (диагностический коэффициент) стереотипа восприятия по эмоциональной ориентации русских респондентов к типичному представителю украинской национальности при этом лишь в 3 случаях из 15 – отрицательный (20%).

Типичного представителя евреев предприниматели русской национальности охарактеризовали как дипломатичного, активного, экономного и даже жадного, общительного, не бесхарактерного, аккуратного, даже педантичного, остроумного, находчивого и хитрого, осторожного.

Из 13 человек других национальностей трое характеризовали евреев как: дипломатичных, активных, агрессивных, экономных, даже жадных, темпераментных, общительных, не бесхарактерных, настойчивых и даже упрямых, аккуратных, гордых, находчивых, хитрых, но осторожных. По 10 параметрам из 17 эта характеристика схожа с характеристикой евреев, данной русскими респондентами, что явно указывает на схожесть сформированных этнических стереотипов как у русских, так и у людей других национальностей.

По сравнению с тем, как русские предприниматели оценили себя, типичный представитель еврейской национальности по позитивным качествам – более дипломатичный и экономный, менее темпераментный, по негативным качествам – более лицемерный, жадный, навязчивый, педантичный, высокомерный, хитрый и трусливый.

По сравнению с тем, как русские респонденты описали свой «Идеал», типичный представитель еврейской национальности по позитивным качествам – менее темпераментный, по негативным качествам – более лицемерный, агрессивный, жадный, вспыльчивый, навязчивый, упрямый, педантичный, высокомерный, ехидный, хитрый и трусливый.

При сравнении оценок, данных русскими предпринимателями типичным представителям своей и

еврейской национальности, последний по позитивным качествам более дипломатичный, активный, экономный и аккуратный; по негативным качествам – более жадный, педантичный и хитрый.

Таким образом, также, как и в предыдущих случаях при оценке русскими респондентами типичных представителей армянской, адыгской и украинской национальности, в этом случае восприятие типичного представителя еврейской национальности по сравнению с восприятием русскими предпринимателями себя и тем более «Идеала» своей нации негативное. По сравнению же с типичным представителем русской национальности – позитивное. При этом следует так же отметить, что направленность этнического стереотипа восприятия респондентами русской национальности типичного представителя еврейской национальности лишь в 2 случаях из 12 – отрицательная (16,67%).

Типичного представителя грузинской национальности предприниматели русской национальности охарактеризовали как активного, темпераментного, вспыльчивого, общительного, упрямого, настойчивого, гордого, находчивого, хитрого и осторожного.

При этом по сравнению с тем, как русские респонденты оценили себя, грузины предстают по позитивным качествам как более темпераментные, по негативным качествам как более жадные, навязчивые, упрямые и высокомерные.

В сравнении с тем, как русские оценили идеал своей национальности, представители грузинской национальности по позитивным качествам более темпераментные и менее активные; по негативным качествам более лицемерные, агрессивные, жадные, вспыльчивые, навязчивые, упрямые, высокомерные и ехидные.

При сравнении же оценки, данной русскими типичным представителям своей и грузинской национальности, последний выглядит как более темпераментный и гордый, менее бесхарактерный и более упрямый. Т.е. оценка грузинской национальности, в сравнении с типичным представителем русской национальности, представляется более позитивной, чем при сравнении с оценкой русскими себя и тем

более идеала своей национальности. При этом направленность этнического стереотипа восприятия людей грузинской национальности русскими отрицательная в двух случаях из 7 (28,57%).

По данным исследования, **типичный представитель езид** предстает активным, агрессивным, экономным, жадным, темпераментным, вспыльчивым, не бесхарактерным, не покладистым, упрямым, навязчивым, общительным, настойчивым, аккуратным и даже педантичным, гордым, остроумным, находчивым, хитрым, но при этом осторожным. Следует отметить, что эта этническая группа мало известна на Кубани, но довольно широко представлена на данном вещевом рынке.

При сравнении оценок, данных русскими предпринимателями себе и типичному представителю езид, последний предстает по позитивным качествам как более экономный и настойчивый. По негативным качествам езиды более агрессивные, жадные, вспыльчивые, навязчивые, упрямые, педантичные и хитрые.

При сравнении с «Идеалом» русской национальности типичный представитель езид получается: по позитивным качествам более экономный, темпераментный, а также менее дипломатичный и покладистый. По негативным качествам езиды – более агрессивные, жадные, вспыльчивые, навязчивые, упрямые, хитрые и педантичные.

При сравнении оценок, данных русскими респондентами типичным представителям своей национальности и езидам, последние выглядят по позитивным качествам более активными, экономными, темпераментными и аккуратными. По негативным качествам езиды более агрессивные, жадные, вспыльчивые, навязчивые, упрямые, педантичные и хитрые.

Таким образом, восприятие типичного представителя езид, по сравнению с восприятием русскими респондентами себя и «Идеала» своей национальности, является негативным (в обоих случаях отрицательных оценок больше, чем положительных). По сравнению же с восприятием типичного представителя своей национальности восприятие русскими предпринимателями езид более положительное –

отрицательных оценок меньше, чем положительных. Но процент отрицательной направленности этнического стереотипа восприятия типичного представителя национальности езид довольно высок (40,0%). Возможно, это объясняется тем, что по данным нашего исследования типичного представителя езид охарактеризовали лишь 10,64 % из 47 человек русской национальности.

По мнению русских предпринимателей, типичный представитель азербайджанской национальности характеризуется как активный, агрессивный, лицемерный, экономный и даже жадный, темпераментный, вспыльчивый, навязчивый, общительный, настойчивый, аккуратный, высокомерный, ехидный, находчивый, хитрый, но при этом осторожный.

При этом в сравнении, оценки типичного представителя азербайджанской национальности русскими предпринимателями и образа себя, первый представляется более экономным и осторожным, а также более лицемерным, агрессивным, жадным, вспыльчивым, навязчивым, высокомерным, ехидным и хитрым.

По сравнению с идеалом русской национальности типичный представитель азербайджанской национальности по позитивным качествам более экономный и осторожный и менее дипломатичный, а по негативным качествам более жадный, вспыльчивый, навязчивый, лицемерный, хитрый и высокомерный.

При сравнении оценок, данных русскими респондентами типичным представителям своей и азербайджанской национальностям, последний выглядит как более лицемерный, жадный, вспыльчивый, высокомерный, навязчивый и хитрый, но при этом более экономный, темпераментный и осторожный.

В целом, отрицательная направленность этнического стереотипа восприятия азербайджанской национальности русскими проявляется в двух случаях из 5 (40%).

Портрет типичного представителя чеченской национальности глазами русских предпринимателей представляется таким: они активны, темпераментны,

лицемерны, агрессивны, вспыльчивы, навязчивы, упрямы, настойчивы, горды, высокомерны и хитры.

При этом в сравнении оценки, данные русскими респондентами типичному представителю чеченской национальности и себе, значительно отличаются. Чеченцы, по мнению русских, по позитивным качествам более экономны и горды, но при этом менее дипломатичные, общительные, покладистые, осторожные и находчивые. По негативным качествам более агрессивные, лицемерные, жадные, вспыльчивые, навязчивые, высокомерные и хитрые.

В сравнении с идеалом русских предпринимателей типичный представитель чеченской национальности представляется как более экономный, активный, гордый, менее дипломатичный, темпераментный, общительный, покладистый, остроумный и находчивый. При этом более лицемерный, агрессивный, жадный, вспыльчивый, навязчивый, высокомерный, ехидный и хитрый.

Оценка русскими респондентами типичного представителя чеченской национальности. по сравнению с оценкой типичного представителя русских, представляется так: по позитивным качествам они более экономные и гордые, но менее дипломатичные, общительные, покладистые, остроумные и находчивые. По негативным качествам – более агрессивные, вспыльчивые, навязчивые, высокомерные и хитрые.

Следует отметить, что направленность (диагностический коэффициент) стереотипа восприятия по эмоциональной ориентации русских респондентов к типичному представителю чеченской национальности во всех пяти случаях отрицательная. При этом двое из оценивавших участвовали в военных действиях в Чеченской республике.

Типичный немец, по мнению русских предпринимателей, выглядит как дипломатичный, экономный, общительный, упрямый, аккуратный и даже педантичный, гордый и осторожный. Т.е. характеристика довольно положительная. Но если сравнить оценку типичного представителя немцев с оценкой русскими себя, получается, что немцы более жадные, педантичные, высокомерные, менее темпераментные и несколько более экономные и аккуратные. При сравнении с

оценкой идеала русской национальности типичный представитель немцев еще и более лицемерный, бесхарактерный, упрямый, а также менее активный.

Однако если сравнивать оценку русскими предпринимателями типичного представителя немцев с типичным представителем русской национальности, первый представляется более дипломатичным, экономным, аккуратным, гордым, педантичным, менее навязчивым и ехидным. А направленность стереотипа восприятия немцев во всех пяти случаях положительная.

Также следует отметить характеристику типичного представителя русской национальности, данную респондентами армянской национальности. По их мнению, русские: дипломатичные, активные, экономные, темпераментные, не высокомерные, общительные, покладистые, не трусливые, настойчивые, аккуратные, остроумные, не агрессивные, находчивые и осторожные.

Итак, оценка армянами типичного представителя русских более приближена к характеристике идеала русской национальности, чем к характеристике русскими себя или своего типичного представителя.

На основании выше изложенного, а также из таблицы 3 видно, что сами русские предприниматели ни одну национальность (включая и свою собственную) по сравнению с идеалом не характеризуют положительно.

В целом, анализ особенностей этнических стереотипов показал, что для исследованных русских предпринимателей характерен не высокий уровень самооценки. Увеличение дифференциации между образом «Я» и «Мы» – образом русских (характеристика типичного представителя русской национальности), возможно, может свидетельствовать о желании несколько дистанцироваться от своего народа.

Анализ результатов сопоставления образа «Я» с характеристиками различных национальностей позволяет предположить, что для исследованных русских предпринимателей наиболее предпочтительными являются грузины и немцы, менее предпочитаемыми – армяне и украинцы (а именно они являются основными конкурентами на

исследуемом рынке).

На основе анализа результатов сопоставления образа «Идеала» с характеристиками различных национальностей можно предположить, что наименее предпочитаемыми являются адыги, украинцы, армяне, евреи и чеченцы.

Сопоставление образа типичного представителя русской национальности с характеристиками различных национальностей позволяет предположить, что более близкими по характеристикам к типичному русскому являются украинцы, евреи, грузины.

Характеристика типичного представителя русских, данная предпринимателями армянской национальности, приближена к оценкам идеала русской национальности, чем к характеристике русскими себя или тем более своего типичного представителя.

Таким образом, гипотеза, что для этнического самосознания русских предпринимателей характерно негативное восприятие представителей своей и других национальностей по сравнению с восприятием себя и «идеала» своей национальности, полностью подтвердилась.

Библиографический список

1. Александренков Э.Г. «Этническое самосознание» или «этническая идентичность» // Этнографическое обозрение. 1996. № 3. С. 13–23.
2. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998.
3. Толерантность в межкультурном диалоге / отв. ред.: Н.М. Лебедева., А.Н. Татарко. М., 2005. 372 с.

КАВКАЗСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: МИФ VS РЕАЛЬНОСТЬ?

CAUCASIAN IDENTITY: MYTH VS REALITY?

А.Ю. Шадже

Адыгейский государственный университет, г. Майкоп

A.Y. Shadzhe

Adyghe State University, Maikop, Russia

Аннотация. В статье представлены результаты исследования кавказской идентичности, которая рассматривается как часть сложной системы – российской идентичности. Автор показывает реальное существование и ценностное содержание рассматриваемого феномена. Делает вывод о важности и необходимости использования интеграционного потенциала кавказской идентичности в гармоничном взаимодействии этнической, региональной и российской гражданской идентичности, особенно в условиях современных глобальных вызовов.

Abstract. This article sheds some light on the problem of the Caucasian identity. Results of this research suggest that the Caucasian identity is a part of complex system – the Russian identity. The author shows real existence and the value characteristics of the phenomenon under study, as well as draws a conclusion that it is important and demandable to use integration potential of the Caucasian identity for harmonious interaction of ethnic, regional and Russian civil identity, especially in the conditions of contemporary global challenges.

Ключевые слова: Россия, культура, сложная система, кавказская идентичность, целое, часть, миф, реальность.

Keywords: Russia, culture, complex system, Caucasian identity, whole, part, myth, reality.

В условиях активизирующихся глобальных вызовов и их воздействия на все сферы человеческого бытия вновь актуализирована проблема идентичности. Она стала глобальной проблемой современности. Заметно воздействие новых ценностей глобализации и мировоззренческих норм на национальные культуры и исторически формировавшиеся разные виды идентичности. С вопросами идентичности сталкиваются люди, народы и целые государства.

Глобализационные изменения ощущаются в полиэтничной России и ее регионах, создавая альтернативу сложносоставной и многоуровневой идентичности и т.д. В целях сохранения и укрепления общероссийской гражданской идентичности и гармонизации межэтнических отношений проводится политика сохранения множества этнических идентичностей. В этом контексте актуализируется научный и политический интерес к Кавказу, кавказской культуре / кавказской идентичности.

Кавказская идентичность представляет собой сложный феномен. С конца XX века изменились исследовательские методы к этому социокультурному явлению в рамках современной науки: от описательного метода через герменевтический и феноменологический анализы к междисциплинарному подходу [1]. Рассмотрение и понимание механизма саморазвития разных видов идентичности, воздействие на них социально-политических изменений, происходящих в мире, требуют выявления интеграционного потенциала этнокультурных, региональных, российской гражданской идентичностей в полиэтничном государстве.

Цель данной статьи можно определить гносеологической цепочкой: познание, понимание и использование интеграционного ресурса кавказской идентичности в условиях трансформационных изменений глобализирующегося мира.

Наш исследовательский коллектив впервые обратился к изучению идентичности, в частности феномена кавказской идентичности, контекстуально [2] и в явном виде [3] в конце XX века.

Базовой основой рассматриваемого феномена является то, что Северный Кавказ, как и весь Кавказ, является горной территорией. Генезис кавказской культуры / кавказской

идентичности, безусловно, связан с географическим положением кавказских этносов, то есть с их территориальной обособленностью, благодаря которой происходило взаимодействие с окружающей природой. Как показывает обширный эмпирический материал, можно отметить культурно-экологическую особенность горного образа жизни кавказских народов – диалогическое взаимодействие природы и человека, пиететное отношение к ней. Эта историческая особенность формировала экологическое мировоззрение, менталитет человека, в целом кавказских народов.

Здесь важно подчеркнуть взаимосвязь биоразнообразия и этнокультурного разнообразия. Северокавказский регион отличается от внешнего мира высокой степенью концентрации как природного, так и социокультурного разнообразия [4]. В свою очередь природное разнообразие повлияло на структуру социальной системы и этносоциокультурное разнообразие, которое сложилось в горных и предгорных территориях Кавказа.

В то же время, это не значит, что формирование кавказской общности и кавказской культуры можно свести только к своеобразию природных особенностей. Историческую основу генезиса кавказской идентичности, как нам представляется, составляют «этнические структурные повседневности» (Бороноев А.О., Скворцов Н.Г.), т.е. уровень обыденности, который формировал глубинные основы национального самосознания, национальную самобытность человека и составили сущность социологической категории «образ жизни». Именно образ жизни кавказца определял его мироощущение, миропонимание и традиционный миропорядок. На этой основе формировался механизм взаимопонимания в процессе взаимодействия кавказских этносов. Более того, на территории единого социокультурного пространства, единой кавказской культуры каждый этнос сохранил себя и свою культурную модель существования, свою мировоззренческую картину, которая обуславливает этническую и региональную самоидентификацию.

Кавказская идентичность является духовной формой бытия кавказских этносов и представляет собой системообразующее

целое, органическое образование, обладающее своим самосознанием «мы» – это народы кавказского сообщества, «они» – живущие за его пределами.

Безусловно, не следует идеализировать жизнь в этом сообществе. Речь не об искусственном создании кавказскому фактору. И вряд ли стоит воспринимать «кавказскость» как мифологизированное явление, обязательно ведущее к этнонационализму или сепаратизму.

Важно отметить, что сущность рассматриваемого феномена составляют культура (этнические культуры) и ее фундаментальные ценности и смыслы. Руководствуясь методологией В.С. Степина отметим, что в каждой культуре как сложной саморазвивающейся системы формируются особые информационные структуры-коды, фиксирующие важные для целостности системы особенности ее взаимодействия со средой («опыт» предшествующих взаимодействий). Эти информационные структуры-коды определяют способы воспроизводимости системы как целого. Такими информационными структурами в культуре являются ее базисные ценности и смыслы, которые формируют человека [5].

Современная глобальная культура, в частности и кавказская / северокавказская культура не может формировать человека – носителя фундаментальных ценностей. Наш ценностный мир сегодня изменился: кавказская культура переживает кризис. Следует отметить, что рациональное осмысление происходящих трансформационных изменений в условиях глобализации возможно только через культуру. Поэтому к рассматриваемому феномену следует подходить только с учетом возможности выявления нового социокультурного смысла и ценностей в условиях современного общества.

Заметим, что существование кавказской региональной идентичности не отвергает общероссийскую идентичность. Для кавказца ощущать себя россиянином совсем не означает потери этнического чувства, равно как самоидентификация со своей этнической культурой вовсе не отрицает включенности в российское общество, российскую культуру. Это естественное

состояние человека как гражданина Российской Федерации, отождествляемого со своим народом. В России существует реальная историческая, социальная и культурная общность, не исключаяющая, а предполагающая этническую принадлежность, в том числе и кавказскую.

В последние годы в современной России осуществляется переосмысление и «переоткрытие» Кавказа и кавказцев в связи с формированием общероссийской идентичности. Многие ученые признают сегодня, что кавказская идентичность представляет собой реально существующий феномен. Она, как и этническая идентичность, иллюстрирует многообразие мира культуры. В культурной жизни региона все еще значима кавказская идентичность, ценностное отношение к ней сохраняется у многих представителей кавказских этносов. Наше обращение к исследованию кавказской идентичности обусловлено необходимостью совмещения ее с различными видами идентичности.

В рамках междисциплинарных проектов наш исследовательский коллектив разработал концепцию идентичности, развивая понимание социальной идентичности Э. Эриксона: социальная идентичность трактуется с точки зрения полипарадигмальности как многоуровневая идентичность, как структура – процесс; выделяемые уровни: этническая, региональная, российская национальная, цивилизационная, геополитическая и религиозная идентичности не составляют альтернативу, наоборот, взаимопроникают и взаимодополняют друг друга [6]. Обоснованы возможности синергетического подхода к социокультурным/этносоциальным процессам, построена синергетическая модель укрепления российской идентичности на Северном Кавказе [7].

Рассматривая регион как сложную систему, установили, что необходимым условием успешного функционирования такой сложно-эволюционирующей системы как Северный Кавказ, является оптимальное взаимодействие этнокультурной, региональной, российской идентичностей, «стягивание» в одну точку различных ветвящихся структур. Наличие общей цели

связано с сохранением и укреплением российской гражданской идентичности.

Этническая и региональная идентичности представляют собой *части целого* – российской идентичности, являющейся сложной системой. Часть и целое могут существовать только во взаимосвязи. Целое без частей немислимо, а часть вне целого будет представлять собой не часть, а другой объект. Части являются элементами данного целого, а взаимосвязь частей носит нелинейный характер.

Проведенные исследования по этнической, региональной / кавказской, российской идентичности позволяют сделать некоторые выводы.

Кавказ/Северный Кавказ сегодня становится более открытым, диалогичным. Его будущую новую социокультурную идентичность предсказать трудно. Конфигурация идентичностей в кавказском/северокавказском обществе, безусловно, изменится в будущем, и будет формироваться новая шкала ценностей, соответствующая открытости и диалогу культур. Однако хочется надеяться, что интеллектуальный потенциал региона с учетом социокультурных процессов, происходящих сегодня на Кавказе / Северном Кавказе, может способствовать сохранению ядра кавказской культуры. Из этого не следует, что кавказская культура должна жить только благодаря традициям или прошлому опыту. Наоборот, это означает, что в процессе саморазвития она будет усваивать новые формы культурных ценностей в рамках транснациональной культуры. Более того, стать гражданином мира можно и нужно, оставаясь носителем разных культурных традиций и социокультурных практик.

Перспективы Российского государства в условиях сложной современности связаны с укреплением единства и целостности нашей страны, что означает поиск общей социокультурной основы совмещения этнической, региональной и российской идентичностей, а также выявление интегративных возможностей.

Библиографический список

1. Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семенов / ИМЭМО РАН. М.: Издательство «Весь мир», 2017. 992 с.
2. Дамениа О.Н. К проблеме идентификации кавказской культуры // Вестник АГУ. Майкоп: Изд-во АГУ. 1998. № 1. С. 55–60.
3. Шадже А.Ю. Кавказская идентичность в современной России // Социология и общество. Тезисы Первого Всероссийского социологического конгресса «Общество и социология: новые реалии и новые идеи». СПб.: Изд-во «Скифия», 2000. С. 324–325.
4. Темботов А.К. Как сохранить биоразнообразие горного Кавказа? // Вестник РАН. 1998. Т. 68. № 8. С. 741–745.
5. См.: Степин В.С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // Вопросы философии. 2003. № 8. С. 12.
6. Российская идентичность на Северном Кавказ / З.А. Жаде, Е.С. Куква, С.А. Ляшева, А.Ю. Шадже. М.: Социально-гуманитарные знания; Майкоп: ООО «Качество», 2010.
7. Делокаров К.Х., Шадже А.Ю., Чефранов С.Г., Куква Е.С. Российская национальная идентичность на Северном Кавказе: опыт нелинейного моделирования // Гуманитарий Юга России. 2012. № 4. С. 127–138.

**АКТУАЛИЗАЦИЯ БАЗОВЫХ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ
ЦЕННОСТЕЙ В ОБУЧЕНИИ
В ЦЕЛЯХ ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ
ОТНОШЕНИЙ**

**ACTUALIZATION OF THE BASIC HUMAN VALUES
IN EDUCATION IN ORDER TO HARMONIZE
INTERETHNIC RELATIONS**

Т.Л. Шапошникова, О.Р. Тучина, О.А. Гордиенко
Кубанский государственный технологический университет,
г. Краснодар

T.L. Shaposhnikova, O.R. Tuchina, O.A. Gordienko
Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia

Аннотация. Представлена модель гармонизации межнациональных отношений с использованием электронных образовательных ресурсов и на основе выделенных базовых общечеловеческих ценностей: доброты, дружбы, сохранения человеческого достоинства, неприятия войны, зла и жестокости.

Abstract. The model of harmonization of interethnic relations with the use of electronic educational resources and on the basis of the allocated basic human values: kindness, friendship, preservation of human dignity, rejection of war, evil and cruelty is presented.

Ключевые слова: гармонизация межнациональных отношений, толерантность, аксиология, культура, иностранные студенты, информационно-коммуникационные технологии, русский язык, художественная литература, Кубань, Северный Кавказ.

Keywords: harmonization of interethnic relations, tolerance, axiology, culture, foreign students, information and communication technologies, Russian language, fiction, Kuban, North Caucasus.

Вопрос гармонизации межнациональных отношений среди народов, населяющих Кубань и Северный Кавказ, на протяжении долгого времени не теряет своей важности. В конце XX – начале XXI века не меньшую значимость получила и проблема установления дружественных отношений между россиянами, проживающими в Южном регионе России, и представителями разных народов мира, проходящих обучение в вузах Кубани. Сейчас эта проблема рассматривается в ракурсе становления толерантности и непосредственно соотносится с целями преподавания русского языка иностранным студентам.

В Постановлении Правительства РФ «О федеральной целевой программе «Русский язык» на 2016-2020 годы» [1] акцентируется внимание на «обострении межэтнической напряженности, снижении уровня толерантности в российском обществе», а это требует «формирования и развития базы данных, структурированной по ключевым позициям, отражающим потребности и возможности в сфере функционирования, изучения и преподавания русского языка».

Такой подход, как можно видеть, демонстрирует приоритетность направления изучения с выходцами из других стран русского языка как иностранного, рассматриваемого в качестве элемента национальной культурной жизни России, а также изучение русской культуры для формирования толерантности и с использованием информационно-коммуникационных технологий.

Толерантность относится к области гармонизации межнациональных отношений, но в самом значении термина содержится также и указание на направление, механизм становления гармоничных межнациональных отношений. Читаем: толерантность – «терпимость к представителям других национальных (этнических) групп с учетом их менталитета, своеобразия выражения» [2, с. 310], т.е. формирование толерантности предполагает осмысление обучающимися особенностей национальных культур, их сравнение, нахождение общих базовых ценностей.

Толерантность следует целенаправленно воспитывать, формировать, поэтому становление межнациональной толерантности заложено в российской системе образования

(Национальная доктрина образования [3]) и предполагает специальное знакомство в курсе русского языка как иностранного с русской культурой, а также с «исторической судьбой народов, проживающих на общей территории» [2, с. 310–311].

При таком историко-культурном по своей сути подходе к социализации в новом этническом окружении формируется у иностранного студента информационно-логический уровень знаний, на основе которого должен сформироваться следующий уровень познания и социализации – эмоционально-ценностный. То есть должно произойти становление ценностных (аксиологических) критериев, чувственного, эмоционально-личностного отношения к фактам изучаемой чужой культуры посредством сравнения ее с культурой своего народа.

Аксиологический подход к гармонизации межнациональных отношений – это формирование глубинного уровня социализации, познание и оценивание общечеловеческих этико-смысловых категорий, лежащих в основе культуры другого народа, понимание наднациональных смыслов, которые позволяют различать базовые общечеловеческие ценности: добро и зло, приемлемое и неприемлемое. Аксиологический подход также позволяет сформировать чувство «мы», включить себя в новый социум. Этот глубинный уровень дает возможность личности выстраивать единую с новым социумом систему культурно-нравственной ориентации, на основе которой избирается стиль поведения, направленность суждений и реализация их в любой жизненной ситуации.

Чтобы реализовать в обучении историко-культурный и ценностный пути гармонизации межнациональных отношений, для иностранных студентов Кубанского технологического университета была создана серия электронных учебных пособий (электронных образовательных ресурсов – ЭОРов) [4, 5, 6, 7], выложенная в открытом доступе на сайте университета – «Служба русского языка» [8].

В ЭОРах сначала предлагается знакомство с природой и историей Кубани [4], затем с народными легендами и

сказаниями [5] и далее с художественной литературой, созданной на территории Кубани [6, 7] (русской, адыгейской и казачьей), а также с произведениями, посвященными событиям Великой Отечественной войны, которая не миновала Кубань.

Такой подход позволяет сопоставить сначала природу своей исконной родины с новой малой родиной, где проходит обучение иностранный студент, затем историю стран, во многом схожие народные бедствия.

Представление учащимся средствами мультимедиа богатого растительного и животного мира Кубани, тенистых парков и пышных цветников позволяет вызвать чувства восхищения, сопричастности.

История заселения Кубани, кровавые нашествия, разрушение древних культур, ассимиляция народов в процессе борьбы с захватчиками – все эти драматические факты истории вызывают чувство сострадания, понимание того, какими ценностными ориентирами руководствовалось местное население, вступая в неравную борьбу с врагами. Приходит понимание истоков национальной гордости, а вместе с ним – чувство сопричастности, равнодушия по отношению к судьбе новой малой родины.

Знакомство с преданиями земли кубанской, которых собрано краеведами великое множество, позволяет погрузиться в этническое и историко-этическое сознание народов, населяющих Кубань. Каждое предание – это красочный, взволнованный рассказ о героическом подвиге или о несправедливости, которая осуждается этносом. Читатель, оценивая ситуацию с позиций социальной справедливости, разделяет мнение автора – и в очередной раз возникает чувство сопричастности.

Само существование художественной литературы в человеческом обществе обусловлено ее общекультурным, надэтническим характером, высоким воспитательным значением. Она позволяет читателю прожить жизнь литературных героев, «соучаствовать» в их судьбе, «примерить» их поступки, «побывать» членом определенного этноса. То есть опять-таки на уровне базовых общечеловеческих ценностей художественная литература

создает ситуацию сопричастности с жизнью социума новой малой родины.

Сказанное выше можно представить в таблице.

Таблица 1 – Модель гармонизации межнациональных отношений

<i>Направления формирования толерантности и гармонизации межнациональных отношений</i>	<i>Создание электронной базы данных, ЭОРов как способ формирования толерантности</i>	<i>Психолого-педагогическая основа воздействия при формировании толерантности и гармонизации межнациональных отношений</i>
<p>1. <i>Социокультурное и страноведческое направления:</i> знакомство с природными особенностями новой малой родины иностранного студента, с Южным регионом России</p>	<p>Создание электронного образовательного ресурса «<i>Люблю тебя, России южный край!</i>» в целях формирования чувства любви к новой малой родине за счет знакомства с реалиями, несущими позитивное наполнение: богатым растительным и животным миром Кубани и Северного Кавказа, курортами, заповедниками, парками.</p>	<p>Учет того, что в основе сближения контактируемых культур лежит позитивная оценка предлагаемых реалий, общечеловеческое чувство прекрасного; положительные эмоции; сопереживание чувства восторга сближает людей разных национальных культур – и в результате формируется толерантность как общий ценностный ориентир личности;</p>
<p>2. <i>Этносоциологическое направление:</i> знакомство с уникальной культурой древних народов Северного Кавказа, со сложностями этнокультурных отношений (набегами, войнами, освободительной</p>	<p>Создание электронного образовательного ресурса «<i>Народы юга России: история, традиции и культура</i>», в котором представлена дольменная культура, скифская, зеленчукская, а также разрушительные результаты походов Тамерлана, Золотой Орды и пр.), легенды народов Кавказа о романтических героях</p>	<p>Формирование условий для проявления общечеловеческих эмоций восхищения древней культурой, романтическими легендами народов, а также вызвать эмоции сожаления, сочувствия, соучастия по отношению к тяжелой исторической судьбе народов, сформировать чувство солидарности, обеспечить действие механизма социализации, т.е.</p>

<p>борьбой народов, живущих на Северном Кавказе), с легендами народов Кавказа, в которых отразились высокие душевные качества, общие для любой национальной культуры.</p>	<p>легенд, совершавших бескорыстные подвиг, что позволит «размыть» этнокультурные различия и «присвоить опыт ощущения себя» жителем Кубани и Северного Кавказа.</p>	<p>«присвоения» личностью героического опыта человека другой национальности, формировать эмпатию, что в результате позволит создать условия для толерантного межкультурного диалога, целью которого является сопоставление исторического пути своего народа и народов Северного Кавказа на позициях взаимопонимания.</p>
<p>3. <i>Литературно-художественное направление:</i> использование нравственного потенциала русской и национальной литератур в целях этико-эстетического воздействия для формирования толерантности иностранных учащихся и профилактики культурного шока при встрече с инокультурными проявлениями в поведении жителей Северного Кавказа</p>	<p>Создание ЭОРа «Литература юга России», в котором представлена литература первой трети XX века, времени расцвета литературы народов Кавказа и русской литературы, освещающей жизнь южного региона. Данный ресурс является продолжением разработанной в КубГТУ серии электронных образовательных ресурсов по литературе для иностранных студентов, обучающихся на Северном Кавказе [9], например: «Кубань и Северный Кавказ в художественной литературе X – первой половины XIX веков»,</p>	<p>Становление очередного шага социализации – знакомства с мироощущением народов, проявленным в различных жизненных ситуациях и отраженным в художественной литературе за счет учета в преподавании эстетических потребностей человека: потребности к переживанию состояния проявления мужества и благородства, сочувствия и защиты, радости от успешного содействия. Функция «заразительности эмоции», реализуемая в художественной литературе, позволяет читателю увидеть социальную реальность глазами литературных героев, в преломлении их чувств, позволяет соучаствовать в их переживаниях, сострадать их невзгодам, т. е. понять, что глубинные ценности (такие как стремление к любви, миру, взаимопониманию) едины в этическом самосознании всех народов.</p>

ЭОРы позволили представить следующие общечеловеческие ценности: доброту [4, 6], дружбу [5, 6], сохранение человеческого достоинства [6], неприятие войны, зла и жестокости [7].

В ЭОРе «Люблю тебя, России южный край!» [4], предлагаемом студентам первым, представлена доброта как ценность. В ортогенезе ее формирование происходит на интуитивном уровне: ребенок любит окружающим миром, наслаждается любовью родителей и близких. Поэтому материалы ЭОРа подобраны так, чтобы вызвать теплые чувства к новому месту жительства (и это чувство родины, в данном случае малой родины). Именно «интуитивной ценностью» называл любовь к природе, к культуре своей страны, к окружающей среде известный философ И.А Ильин [10, с. 218].

В ЭОРе «Народы юга России: история, традиции и культура» [5], предлагаемом студентам вторым, представлена в качестве социальной ценности дружба народов. Формирование этой ценности также происходит в ортогенезе, заложено в глубинных пластах народной памяти, передается как традиция, завет, обычай предков. Эта ценность коррелируется с понятиями: «справедливость», «защищенность», «уважение к другому как к личности».

Чтобы эта ценность была актуализирована, учащимся предлагается подготовить выступления о своей национальной культуре, сравнить ее с этнокультурами региона, выделить среди национальных ценностей всеобщие нормы нравственности (любовь и уважение к ближнему, честность, милосердие, мудрость, стремление к красоте), а также утвердить их единство. Высказанное студентами на занятии, логически и эмоционально закрепленное в сознании гуманистическое суждение об уважении к культурам разных народов позволит сформировать толерантность, которая, в свою очередь, даст возможность учащемуся уйти от выработанного историей национального противостояния народов, от навязываемых негативных этнических стереотипов.

Сохранение человеческого достоинства как ценность и неприятие войны, зла и жестокости как ценность представлены в ЭОРах «Литература юга России. Первая треть XX века» [6]и

«Художественная литература о Великой Отечественной войне» [7]. В них на литературных примерах также представлена доброта и дружба как базовые общечеловеческие ценности.

Художественная литература напрямую не навязывает ни следования мирному разрешению межнациональных конфликтов, ни отрицание войн как их решение, она задает гуманистическую ценность и тем самым определяет выбор человека. Художники слова не ставят задачей опору на разум читателя, а рассказывают о конфликтных ситуациях эмоционально, изнутри, от имени героя, с чувством глубочайшего сожаления. И в этом проявляется ценностный по своей сути принцип воспитывающего обучения, основанный на аксиологической (ценностной) составляющей литературы.

Осмысленная, прочувствованная и принятая ценность становится для героя литературного произведения руководством к действию и одновременно с этим берет на себя роль заразительного (ненасильственного) положительного примера для читателя.

Вопросы для обсуждения прочитанных литературно-художественных текстов корректны, не навязывают мнения, которое должно быть озвучено студентом. В них обязательно содержатся элементы, которые позволяют связать отдельные этапы истории Кубани и Северного Кавказа с событиями истории стран, из которых прибыли студенты. Удивителен отклик иностранных студентов на этот материал. Кто-то уже успел принять участие в гражданских войнах на территории Африки и рассказывает о своих чувствах, созвучных чувствам героев, о которых он прочитал. Кого-то любимые родители отправили учиться в Россию из захваченных пламенем борьбы арабских стран, чтобы он не погиб в уличных стычках, и он хорошо знает, что такое бой и что такое погибший друг. Кто-то рассказывает о своей семье, о ее участии в героической истории страны. В результате уважение к этапам истории своей страны, свой собственный опыт эмоционально связывается с уважением к региону, ставшему малой родиной, к людям, населяющим этот регион.

Здесь мы видим пример воспитания через идеал, позитивное отношение, доверие, пример, уважение, равенство,

правду, ощущение единства общечеловеческой истории, то есть через те реалии, на которые, как на основополагающие, указывает Ю.Г. Фокин [11, с. 137]. Но главной воспитательной воздействующей силой является пример сохранения человеческого достоинства, эмоционально представленный в художественной литературе и вызвавший яркий эмоциональный отклик-ответ у иностранного студента.

Таким образом, преподавание любого иностранного языка всегда имеет этносоциальную направленность, так как язык является частью культуры определенной страны. Успешность обучения русскому языку как иностранному на современном этапе зависит и от умения педагога аксиологически верно использовать возможности компьютеризированного обучения [12]. Электронный учебник позволяет за счет опосредованной мотивации, заданной в ЭОРе, создать учебную ситуацию присвоения культурного жизненного опыта иного этноса, опосредованно предъявляемого в учебном пособии, а также подвести учащегося к мысли о необходимости толерантного отношения к другим народам, создать позитивное отношение к стране изучаемого языка.

Библиографические ссылки

1. Постановление Правительства РФ «О федеральной целевой программе «Русский язык» на 2016-2020 годы». Приложение № 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.apkpro.ru/doc/%D0%A4%D0%A6%D0%9F%20%D0%A0%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D1%8F%D0%B7%D1%8B%D0%BA%20%D0%BD%D0%B0%202016%20-%202020%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D1%8B.pdf> (дата обращения: 10.09.2018).

2. Глебов А.А. Воспитание культуры межнационального общения // Российский патриотизм: истоки, содержание, воспитание в современных условиях / под общ. ред. А.К. Быкова и В.И. Лутовинова. М.: Планета, 2010. 336 с.

3. Национальная доктрина образования в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – <https://rg.ru/2000/10/11/doktrina-dok.html> (дата обращения: 10.09.2018).

4. Люблю тебя, России южный край! (географическое положение, климат, животный и растительный мир, полезные ископаемые): Электронный образовательный ресурс: Учебные материалы по лингвострановедению и лингворегионоведению для бакалавров 1 курса,

изучающих русский язык как иностранный (первый сертификационный уровень владения русским языком) / под. ред. Т.Л. Шапошниковой. КубГТУ. Краснодар, 2017. 126,8 Мб. [Электронный ресурс]. – <http://rls.kubstu.ru/lit4/> (дата обращения: 10.09.2018).

5. Народы юга России: история, традиции и культура: Электронный образовательный ресурс: Учебные материалы по лингвострановедению и лингворегионоведению, этнокультуре для бакалавров 1 курса, изучающих русский язык как иностранный (первый сертификационный уровень владения русским языком) / Под. ред. Т.Л. Шапошниковой. КубГТУ, кафедра русского языка. Краснодар, 2017. 36,3 Мб. [Электронный ресурс]. – <http://rls.kubstu.ru/lit5/> (дата обращения: 10.09.2018).

6. Литература юга России. Первая треть XX века: Электронный образовательный ресурс: Учебные материалы по лингвострановедению и лингворегионоведению для иностранных студентов 1 курса из ближнего зарубежья / под. ред. Т.Л. Шапошниковой. КубГТУ, кафедра русского языка. Краснодар, 2017. 93,7 Мб. [Электронный ресурс]. – <http://rls.kubstu.ru/lit6/> (дата обращения: 10.03.2018).

7. Художественная литература о Великой Отечественной войне: Электронный образовательный ресурс: Учебные материалы по лингвострановедению для иностранных студентов 1 курса из ближнего зарубежья, обучающихся на юге России / под ред. Т.Л. Шапошниковой. КубГТУ, кафедра русского языка. Краснодар, 2017. 7.8 Мб. [Электронный ресурс]. – <http://rls.kubstu.ru/lit7/index.html> (дата обращения: 10.09.2018).

8. Служба русского языка: сайт. [Электронный ресурс]. – <https://rls.kubstu.ru/?a=inostr-studentam> (дата обращения: 10.09.2018).

9. Кубань и Северный Кавказ в художественной литературе X – первой половины XIX веков: Лингвострановедческое пособие для иностранных студентов, изучающих русский язык на юге России. Электронный образовательный ресурс / сост.: О.А. Гордиенко, Т.А. Парина, Ю.С. Рыхальский. Краснодар, 2017. [Электронный ресурс]. – <http://kubaninost.ru/course/view.php?id=6> (дата обращения: 10.09.2018).

10. Ильин И.А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. 431 с.

11. Фокин Ю.Г. Преподавание и воспитание в высшей школе: Методология, цели и содержание, творчество: учеб. пособ. для студентов высших учебных заведений. М.: Академия, 2002. 224 с.

12. Цифровая гуманитаристика в условиях образовательной среды юга России на службе толерантности (аксиологическая составляющая в преподавании русского языка иностранным учащимся): коллективная монография / Т.Л. Шапошникова, О.Р. Тучина, О.А. Гордиенко и др.; под ред. М.Л. Романовой, Е.В. Рыковой. Краснодар: Изд-во ФГБОУ ВО «КубГТУ», 2018. 204 с.

МОЛОДЕЖЬ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ РЕСПУБЛИКИ КАК СУБЪЕКТ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

YOUTH OF KARACHAY-CHERKESS REPUBLIC AS A SUBJECT OF ETHNIC RELATIONS

Е.А. Щербина

Институт гуманитарных исследований при Правительстве
Карачаево-Черкесской Республики, г. Черкесск

E.A. Shcherbina

Institute of Humanitarian Studies under the Government of the
Karachay-Cherkess Republic, Cherkessk, Russia

Аннотация. В статье рассмотрены особенности этнополитических и этноконфессиональных процессов в Карачаево-Черкесской Республике в 2017–2018 гг. Особый акцент делается на изучении мнений, мотиваций, оценок студенческой молодежи республики, характеризующих эту часть общества как субъект межэтнических отношений.

Abstract. The article discusses the features of ethno-political and ethno-confessional processes in the Karachay-Cherkess Republic in 2017-2018. Particular emphasis is placed on the study of opinions, motivations, assessments of the student youth of the republic, which characterize this part of society as a subject of interethnic relations.

Ключевые слова: этнополитические и этноконфессиональные процессы, общественные риски, молодежь, толерантность, родные языки, стабильность, конфликты.

Keywords: ethno-political and ethno-confessional processes, public risks, youth, tolerance, native languages, stability, conflicts.

Современные этнополитические процессы в Карачаево-Черкесской Республике являются составной частью общероссийских политических процессов, которые в последние

годы (2014–2018 гг.) испытывают серьезное влияние со стороны внешнеполитических факторов, определены внутренней социально - экономической политикой, связаны с прошедшими выборными кампаниями.

В Карачаево-Черкесской Республике наблюдается стабильность в социально-политической сфере, обеспеченная спокойной межэтнической и этноконфессиональной ситуацией, налаженным государственно-общественным партнерством в этих сферах. На наш взгляд, для этнополитической и этноконфессиональной ситуации в Карачаево-Черкесской Республике в 2017–2018 гг. были характерны:

- в целом, стабильность и позитивность, подтверждаемая результатами мониторингов, экспертными и массовыми опросами, оценками публичных политиков и представителей федеральных органов власти;

- эффективность реализации государственной национальной политики, направленной на сохранение и развитие этнокультуры, соблюдения интересов этносов в языковой сфере;

- реполитизация деятельности некоторых национальных общественных организаций, вектор которой направлен на решение вопросов политического, а не этнокультурного содержания;

- активизация проблем и вопросов в этнополитике, которые являются спорными и конфликтогенными на протяжении ряда лет;

- наличие рисков, способных дестабилизировать этнополитическую ситуацию;

- активность масс-медиа, в частности, определенных порталов и сайтов в интернете, размещающих непроверенную и одностороннюю информацию о каких-либо событиях и ситуациях, направленную, в первую очередь, на целевую аудиторию – молодежь [1];

- стабильность в этноконфессиональных отношениях;

- активная работа православного и мусульманского духовенства в реализации государственной программы «Реализация государственной национальной, конфессиональной, информационной политики в Карачаево-

Черкесской Республике на 2014–2019 гг.» (Постановление Правительства КЧР от 31 октября 2013 г. N 363 с изменениями на 20.06.2017);

– конструктивные отношения между религиозными институтами, органами власти регионального и муниципального уровня, общественными организациями, научным и педагогическим сообществом;

– наличие рисков в этноконфессиональной сфере, в частности, связанных с проблемой принадлежности и статуса древних Аланских храмов, находящихся на территории республики;

– информационная война, развернувшаяся в интернете и региональных мессенджерах против Главы КЧР Р.Б. Темрезова, выражающаяся в негативизации его образа в глазах жителей республики и федерального центра.

При всех существующих потенциальных и ситуационно актуализирующихся рисках, в Карачаево-Черкесской Республике сохраняется спокойная этнополитическая и этноконфессиональная ситуация. В значительной степени обеспеченная взаимодействием органов власти с институтами гражданского общества, в первую очередь, национальными и национально - культурными общественными объединениями и движениями.

Наиболее радикально настроенной частью современного общества является молодежь. На Северном Кавказе она составляет более трети населения. В Карачаево-Черкесской республике проживает около 138,9 тысяч молодых людей, что составляет 29,4% во всей структуре населения. Молодежь выступает субъектом и объектом реализуемой государственной национальной политики. Большинство мероприятий, проводящихся в Карачаево-Черкесской Республике, направленных на профилактику экстремизма и терроризма, ксенофобии, духовно - нравственное воспитание, ориентированы на молодежную среду.

Вследствие этого, представляется чрезвычайно важным акцентировать исследовательское внимание на изучении не только реально существующих проблем молодежи, но и на их внутренние поведенческие установки, уровень межэтнической

толерантности, интеграционный и конфликтогенный потенциал, существующий в молодежной среде.

В статье будут представлены выводы по результатам опросов учащейся молодежи, проведенных в КЧР в 2013–2018 гг. Опросы проводились в рамках реализации проектов РГНФ (РФФИ) и выполнения заданий Распределенного научного центра при Министерстве науки и высшего образования РФ (до 15 мая 2018 г. Министерство образования и науки РФ) в 2013–2018 гг.

В октябре 2013 г. в Карачаево-Черкесии изучалось мнение вузовского студенчества о гражданской, этнической и религиозной идентичности, межэтнических отношениях, ценностных и профессиональных ориентациях [2]. Опрос проводился в Северо-Кавказской государственной гуманитарно-технологической академии (СКГГА) в г. Черкеске, Карачаево-Черкесском государственном университете им. У. Алиева (КЧГУ) в г. Карачаевске, филиалах государственных вузов в г. Черкеске. Среди опрошенных 86,8% – студенты очного отделения, 13,2% – заочного. В выборке представлено 50% мужчин и 50% женщин. Этнический состав: 58,3% карачаевцев, 11,1% русских, 9,7% абазин, 7,6% черкесов, 1,4% ногайцев, 11,9% – представителей других национальностей. В соответствии с выборкой опрашивались студенты всех курсов, с учетом профиля профессиональной подготовки – технической, гуманитарной, медицинской.

Основные выводы, полученные по результатам опроса: для абсолютного большинства респондентов, независимо от их этнической принадлежности, характерно чувство патриотизма к своей стране и своему региону. Понятие Родины ассоциировалось у студентов с регионом, Россией, городом или селом: вариант ответа «Родина – это мой регион» выбрало 69,4% респондентов, вариант ответа «Родина – это Россия» – 64,6% и «Родина – это родной город или село» – 36,1%. Значимыми для студентов были семейно-родственные, дружеские, гражданские, поселенческие идентичности. Из всех проявлений групповой идентичности самыми значимыми в

жизни молодежи были семейно-родственные отношения. Именно они определяли самоидентификацию молодых людей.

В 2013 г. опрошенные студенты отмечали, что им приходилось испытывать ущемление прав по национальной принадлежности – 12,5% респондентов, по вероисповеданию – 9,7% и половозрастным признакам. Часть студентов на момент опроса допускали возможность дискриминации в отношении «других», имел место ксенофобский менталитет и конфликтные формы поведения. Большинство опрошенных студентов были уверены, что в ближайшие годы им придется столкнуться со многими трудностями, прежде всего, с проблемой получения престижной работы, организацией собственного бизнеса, карьеры. Почти половина опрошенных студентов из-за отсутствия социальных перспектив планировали покинуть республику.

Важнейшим индикатором этнической принадлежности является родной язык. Исследование 2013 г. показало, что языком повседневного общения для большинства студентов республиканских вузов являлся родной язык, при этом русский язык сохранял позиции языка официального дискурса и межнационального общения (97,2% респондентов общаются на нем в учебном заведении).

В 2015 г. и 2017 г. в Карачаево-Черкесской Республике проводились опросы учащейся и студенческой молодежи по вопросам этнокультурного образования и межнациональным отношениям по методике, предложенной сотрудниками ИЭА РАН⁶. Были опрошены студенты двух республиканских вузов:

---

⁶ Опросы проводились в рамках выполнения государственных заданий на 2015 г. проект № 3434: *«Мониторинг межнациональных отношений и религиозной ситуации; исследование проблем зарубежных северокавказских диаспор в т. ч. черкесской в аспекте обеспечения стабильности и безопасности России в Ставропольском крае и в Северо-Кавказском федеральном округе; анализ проблем этнокультурного и исторического образования; анализ языковой политики в регионах Северо-Кавказского федерального округа»* и на 2017 г. проект 8.4504.2017/РНЦ по Государственному заданию Министерства образования и науки РФ *«Мониторинг этноконфессиональной ситуации в полиэтничных регионах Российской Федерации на основе модели Распределенного научного центра*

Северо-Кавказской государственной гуманитарно-технологической академии (СКГГА) – технические специальности и Карачаево-Черкесского государственного университета им. У.Д. Алиева (КЧГУ) – гуманитарное направление. Выборка по вузам составляла по 75 человек. Среди 150 студентов 35,3% мужчин и 64,7% женщин. Возраст студентов 18–19 лет – 27,7% и 20–24 года – 27%, незначительное число студентов (около 2%) старше 25 лет. Основной акцент в этих опросах делался на этнокультурный компонент: уровень владения родными языками, потребность в их изучении, определение уровня этнической идентичности.

В 2015 г. при ответе на вопрос о потребностях в изучении родных языков, большинство, 40% выступило за его стандартное изучение, 22% – за углубленное изучение родного языка, 3% – за изучение предметов на народном языке. Почти пятая часть опрошенных учащихся (18%) считала, что родной язык им не нужен, чуть менее, 14% считали, что им необходимо лишь общее знакомство с языком. В 2017 г. значительное большинство опрошенных студентов, изучая русский и иностранный языки, были ориентированы на его стандартное и углубленное изучение. Родной язык, являющийся обязательным в программе обучения на ступени начальной и средней школы, и выбранный в качестве предмета изучения в вузе, более 40% хотели бы изучать по стандартной программе, а четверть вообще не проявили заинтересованности в его изучении. Большинство опрошенных молодых людей в семье и при общении с друзьями и знакомыми используют другой язык, кроме русского, таких оказалось 86,7%.

Углубленное и дополнительное изучение родного языка предпочитали студенты специальных профильных направлений – будущие преподаватели родных языков. Следовательно,

---

межнациональных и религиозных проблем, анализ гуманитарного предметно-дисциплинарного цикла в школах и вузах в аспекте формирования российской идентичности, воспитания гражданской ответственности и солидарности в регионах в регионах Северо-Кавказского федерального округа (Ставропольский край, Республика Северная Осетия – Алания, Кабардино-Балкарская Республика и Карачаево-Черкесская Республика)».

результаты опросов 2015–2017 гг. показали увеличение числа учащихся школ и вузов КЧР, заинтересованных в изучении родного языка. В опросах 2015–2017 гг. студенты показали заинтересованность в изучении этнокультурного компонента в образовании, отметив, что им интересны история родного края, национальные традиции и праздники, история народа/народов региона, национальная кухня и национальные танцы.

Большинство молодых людей в опросах 2015 и 2017 гг. отметили, что не испытывали к себе никакого негативного отношения (из-за языка, из-за национальности, из-за религии). В 2015 г. 92% опрошенных ответили, что за последний год не наблюдали негативного к себе отношения из-за национальности, религии; 3% отметили, что испытывали негативное к себе отношение из-за языка, 3% из-за национальности, 3% из-за религии. В 2017 г. почти все опрошенные молодые люди (91,3%) не испытывали к себе никакого негативного отношения (из-за языка, из-за национальности, из-за религии), незначительная часть от 2% до 5% отметили, что испытывали такое негативное отношение. Следовательно, по результатам двух опросов можно сделать выводы о закономерностях в ответах молодых людей, связанных с тем, что в республике нет выраженного национализма, традиции добрососедства устанавливались веками. В сравнении с результатами опроса 2013 г. снизилось число молодых людей, когда-либо испытывающих дискриминацию по этническому, религиозному или другому признакам.

Являясь жителями многонационального и поликонфессионального региона, молодежь КЧР демонстрирует разные виды идентичности. При этом, значительное большинство (более 80% по результатам опроса 2017 г.) считает себя в первую очередь гражданами страны, четверть – представителями отдельной национальности (приоритетна этническая идентичность), около 15% определяют себя как жителя определенного региона (региональная идентичность). В 2015 г. были получены аналогичные ответы: 83% опрошенных отметили, что хотели бы, чтобы их воспринимали как граждан России, пятая часть

(19%) как представителей отдельной национальности, 13% как жителей региона. Таким образом, по сравнению с результатами опроса 2013 г., произошел рост числа молодых людей, у которых приоритетна общероссийская гражданская идентичность.

Эти ответы также коррелируют с результатами других проводимых в Карачаево-Черкесии опросов и показывают высокий уровень общероссийской гражданской идентичности, характерный для жителей региона.

В опросах 2015 и 2017 гг. также делался акцент на восприятии культурных отличий людей, что позволяет дать оценку уровню восприятия другого, чужого, которому характерны иные культурные, в том числе, этнические и религиозные маркеры. Результаты опросов показали, что для учащейся молодежи отличия по языку и по месту проживания больше позитивные, нежели нейтральные или негативные. Отличия по религии, национальности, традициям и нормам поведения больше нейтральные, чем позитивные и негативные. В целом, учащиеся республики достаточно позитивно относятся к людям другой культуры. Они относятся к культурным отличиям в большей степени либо позитивно, либо нейтрально. Более настороженно, нежели к другим культурным отличиям, студенты относятся к религиозным отличиям.

Целью исследования **2018** г. явилось изучение конфликтного и интеграционного потенциала студентов вузов в сфере миграционных отношений.⁷ При этом, отношение к

---

⁷ Опрос проводился в рамках выполнения государственного задания РНЦ при Минобрнауки РФ. Проект на 2018 г. «Мониторинг этноконфессиональной ситуации в полиэтничных регионах Российской Федерации на основе модели Распределенного научного центра межнациональных и религиозных проблем в регионах Северо-Кавказского федерального округа (Ставропольский край, Республика Северная Осетия – Алания, Кабардино-Балкарская Республика и Карачаево-Черкесская Республика); анализ конфликтного и интеграционного потенциала межэтнических и миграционных отношений в регионах Северо-Кавказского федерального округа (Ставропольский край, Республика Северная Осетия – Алания, Кабардино-Балкарская Республика и Карачаево-Черкесская Республика)». 30. 12883.2018/12.3

миграции как к феномену и мигрантам как части общества, рассматривалось в общем этнополитическом контексте. Опросом была охвачена студенческая молодежь Карачаево-Черкесской Республики, обучающаяся не только в государственных образовательных учреждениях, но и в региональных филиалах других российских вузов. Были опрошены студенты Северо-Кавказской государственной гуманитарно-технологической академии (СКГГТА), Московского финансово-промышленного университета «Синергия», Карачаево-Черкесский филиал, Московского социального открытого университета, филиал в городе Черкесске. Объем выборки составил 200 студентов разных курсов, обучающихся по нескольким направлениям профессиональной подготовки. Было опрошено 43,5% мужчин и 56,5% женщин в возрасте от 18 до 27 лет. Среди студентов в возрасте 18–22 года – 84%.

Преобладающее число респондентов (98%) живут в республике с рождения, то есть выросли в многонациональной и поликонфессиональной среде, имеют навыки общения с представителями другой культуры и другой религии. Что, по нашему мнению, должно сказываться на отношении к мигрантам. Присущую молодежи КЧР толерантность отражают мнения по вопросу о том, чаще ли трудовые мигранты совершают преступления, чем местные жители. Большинство – 62% студентов считают, что нет особых различий между мигрантами и местными по уровню преступности, треть затруднились при ответе. Только 7% студентов считают, что мигранты чаще совершают преступления. Ответы студентов отражают реальную картину в республике. По официальным данным, преступления, совершаемые мигрантами, в масштабах общей преступности по Карачаево-Черкесии незначительны.

Толерантность отражается и в ответах на вопросы об отношении к совместному обучению детей (будущих детей) с детьми мигрантов. Так, большинство студентов не против обучения своих детей (чаще всего будущих детей) с мигрантами. Из них более трети (35%) относится к совместному обучению положительно, 54% нейтрально.

Только 8% от общего числа ответивших относятся к этому отрицательно. На наш взгляд, ответы являются типичными для студентов – местных жителей, которые с рождения живут в полиэтничной и многоконфессиональной среде. Все этапы социализации в образовательных учреждениях так же проходят в среде разных народов, культур, религий. Поэтому студентам КЧР легче воспринимать и принимать мигрантов с чужой культурой и религией, чем жителям моноэтничных регионов России. Студенты вузов республики дают объективные оценки присутствию мигрантов в республике, не списывая на них ответственность за правонарушения, позитивно оценивая факт совместного обучения детей разных национальностей, культур, религий.

Уровень владения родным языком, на наш взгляд, показывает, насколько человек интегрирован в культуру своего народа. Так, значительное большинство студентов – 66% в семье и со знакомыми использует другой язык, кроме русского, то есть владеют родными языками.

Значительное большинство студентов – 81% в последний год не испытывали к себе никакого негативного отношения из-за языка, на котором говорят, из-за своей национальности и религии. Что подтверждает высокий уровень межэтнической и этноконфессиональной стабильности в регионе. Так как молодежь – это самая активная и непримиримая к несправедливости социально-демографическая группа, то их ответы наиболее ценны с точки зрения оценок социально-политической стабильности, частью которой является состояние межэтнических отношений.

Вместе с тем, 7% респондентов ответили, что испытывали к себе негативное отношение из-за национальности, 6% – из-за языка, на котором говорят и 6% – из-за религии, к которой относятся. В целом, анализ субъективной оценки личной подверженности дискриминации из-за культурных отличий показал, что полагают, что подверглись дискриминации 12% респондентов, 81% не подвергались, 7% затруднились ответить. То есть, показатель уровня дискриминации по этническим и религиозным маркерам, по сравнению с предыдущими годами, незначительно, но вырос.

В «портфеле идентичностей» студенческой молодежи республики преобладает гражданская идентичность: 77% считают, что их должны воспринимать, в первую очередь, как граждан своей страны. Второе место, традиционно в КЧР, занимает этническая идентичность: 21% считают, что их должны воспринимать в первую очередь как представителя отдельной национальности. Региональная идентичность преобладает у 14% молодых людей, уверенных, что их, в первую очередь, должны воспринимать как жителей определенного региона. Полученная структура идентичностей соответствует результатам других опросов, проводимых в регионе, что позволяет говорить об уже сформированной множественной идентичности жителей КЧР, в которой преобладающей является общегражданская идентичность - россиянин.

Некоторые выводы. Учащаяся молодежь республики является наиболее активными субъектами межэтнического взаимодействия вследствие полиэтничности и поликонфессиональности социальной среды, в которой находятся. Ответы студентов при изучении их мнений, оценок, установок в обозначенных сферах в динамике позволяют говорить:

- о высоком уровне межэтнической и этнокультурной, в том числе религиозной толерантности;
- о приоритетности общероссийской гражданской идентичности, рост которой отмечается со второго десятилетия 2000-ых гг.;
- о высоком уровне владения родным языком, который является языком общения не только в семье, но среди близкого социального окружения;
- о сохранении роли русского языка как языка межнационального общения;
- о существовании части молодежи, испытывающей дискриминацию по национальности, вероисповеданию, языку;
- в целом, о позитивном отношении к мигрантам как части республиканского социума.

Библиографические ссылки

1. Этноконфессиональная ситуация в Карачаево-Черкесской Республике // Этноконфессиональная ситуация в субъектах Российской Федерации Северо-Кавказского федерального округа. Первое полугодие 2018 г. / Экспертный доклад. Научное издание. Ставрополь: СКФУ, 2018. С. 105–129

2. Карачаево-Черкесская Республика // Молодежь в полиэтничных регионах Северо-Кавказского федерального округа. Экспертный доклад / Ред. В.А. Тишков, М.А. Аствацатурова, В.В. Степанов. Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2014. С.31–39.

**ПРОФИЛАКТИКА МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ
КОНФЛИКТОВ НА ЮГЕ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ⁸**

**PREVENTION OF INTERNATIONAL CONFLICTS
IN THE SOUTH OF RUSSIA IN THE CONTEXT
OF ENSURING NATIONAL AND REGIONAL SECURITY**

В.М. Юрченко

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

V.M. Yurchenko

Kuban State University, Krasnodar, Russia

И.В. Юрченко

Южный научный центр Российской академии наук,
г. Ростов-на-Дону;

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

I.V. Yurchenko

Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Kuban State University, Krasnodar, Russia

Аннотация. В статье анализируются проблемы сложносоставного полиэтничного социума в контексте угроз и рисков национальной и региональной безопасности на юге России. Авторы приводят отдельные направления исследований базовой кафедры ЮНЦ РАН – кафедры политологии и политического управления по вопросам теории и управленческих механизмов профилактики и урегулирования межнациональных конфликтов в условиях роста геополитической напряженности.

Abstract. The article analyzes the problems of a complex polyethnic society in the context of threats and risks of national and regional security in the South of Russia. The authors cite separate areas of research of the basic department of the Center for Scientific Research and Education of the Russian Academy of Sciences - the

---

⁸ Публикация подготовлена в рамках реализации ГЗ ЮНЦ РАН на 2018 г. № госрегистрации проекта АААА-А16-116012610051-6

Department of Political Science and Political Administration on theory and management mechanisms for the prevention and resolution of ethnic conflicts in the context of growing geopolitical tension.

Ключевые слова: этнополитические факторы, межнациональные конфликты, Юг России, национальная и региональная безопасность, конфликтогенное пространство, пограничные регионы, межгосударственные взаимоотношения, конфликтологическая диагностика, противодействие экстремизму, ситуационный анализ.

Keywords: ethnopolitical factors, interethnic conflicts, South of Russia, national and regional security, conflict space, border regions, interstate relations, conflict diagnostics, countering extremism, situational analysis.

Этническая, религиозная, лингвистическая и социокультурная мозаичность, проявляющиеся в сложносоставном и конфликтогенном пространстве юга России требуют систематического комплексного ситуационного анализа этнокультурных и этнополитических факторов, оказывающих непосредственное влияние на процесс обеспечения национальной безопасности Российской Федерации на региональном уровне. В своем Послании Федеральному собранию Президент России В.В. Путин отметил, что граждане нашей страны, объединившись вокруг патриотических ценностей, концентрируют внимание на нерешенных трудностях и проблемах, задачах успешного развития России и ее регионов. Он подчеркнул, что эти задачи решать в раздробленном обществе невозможно. В мире даже в самых благополучных странах возникает все больше «новых разломов и конфликтов на политической, национальной, религиозной, социальной почве» [1]. Поэтому, работая над этой повесткой дня необходимо: с одной стороны, выявить причины конфликтов в обществе, с другой – сосредотачивать ресурсы на их разрешение и предупреждение. Нельзя также не учитывать тот факт, что Россия и ее регионы (в первую очередь Юг России) находятся в центре повышенного внимания

режиссеров «цветных революций» и информационных войн, имеющих стандартный англо-саксонский сценарий.

По мнению специалистов, изучающих проблемы безопасности в современном информационном обществе, стандартная англо-саксонская операция информационной войны представляет собой последовательность информационных вбросов, главная задача которых разделить и поляризовать общество, сломить его волю к сопротивлению, подчинить сознание противника своей воле и навязать свои ценности [2]. С точки зрения обеспечения конструктивного содержания социальных коммуникаций в полиэтническом социальном пространстве и консолидированного решения задач по проведению тех или иных преобразований и урегулирования возникающих конфликтов необходимо «укрепление российской гражданской идентичности на основе духовно-нравственных и культурных ценностей народов Российской Федерации»[3]. Это особенно важно подчеркнуть, учитывая этнические аспекты формирования социального доверия в многосоставном поликультурном обществе.

Будучи базовой кафедрой ЮНЦ РАН с 2006 г., кафедра политологии и политического управления КубГУ продолжает исследовать тему «Разработка теории и механизмов обеспечения национальной и региональной безопасности в полиэтничном социуме». И уже с этого времени, в частности в ходе участия в проекте «Безопасность Краснодарского края в контексте современных политических процессов в Черноморском регионе», на кафедре создается база данных по социально-политическим проблемам, угрозам и рискам развития субъектов Федерации юга России [4]. Проведение периодических социологических исследований, экспертных опросов, контент анализа в рамках реализации ряда научных проектов [5], приводят к выводам о том, что для российского общества актуальной остается задача противодействия сепаратистским угрозам и идеологии терроризма, а также поиска путей оптимального урегулирования этнотерриториальных споров и формирования общегражданской российской идентичности. Немаловажное значение имеют и аспекты социального межэтнического

доверия, связанные с проблемой взаимодействия разнообразных языковых сообществ. В этом случае полиэтничное сообщество на юге России необходимо рассматривать в виде сложносоставного логико-содержательного социального пространства, в условиях трансграничного информационного общения. Своими составными частями этноконфессиональных и культурно-лингвистических образований выходящего за рамки общегосударственной общности, южный регион России имеет особенности, создающие дополнительные сложности, связанные с появлением феномена «двойной периферии», образно говоря «разрывающим» ментально-культурные границы и делая общество в этом регионе еще более открытым и неустойчивым. Под влиянием внешних воздействий обостряются внутренние противоречия и усиливается активность субъектов, пытающихся расколоть полиэтничную субрегиональную общность, используя информационные и политические технологии «мягкой силы», «применения сетевого оружия» и т.н. «гибридной войны» с целью ослабления единой государственности в ментальном плане и эскалации всех возможных конфликтов для дестабилизации и дезорганизации этой геополитически значимой территории. По мнению Р.В. Асриева проблема снижения конфликтности в полиэтничных регионах сопряжена с трудностями, непосредственно связанными с непростыми межгосударственными взаимоотношениями [6]. Он отмечает низкую эффективность механизмов регулирования конфликтов, существующих в настоящее время, как на уровне государств, так и на уровне межгосударственных отношений. Поэтому крайне актуальной является задача гармонизации этнических отношений как внутри государств, так и в межгосударственных отношениях, особенно когда этнические сообщества в приграничных территориях имеют общие корни. Основная часть опрошенных экспертов (81,2%) присвоили югу России первое место в конфликтологическом рейтинге и определили его как регион с наибольшей концентрацией угроз и рисков для национальной безопасности Российской Федерации. Эксперты-управленцы выстроили определенную иерархию конфликтогенных факторов,

влияющих на эскалацию этнополитической напряженности в регионе. На первом месте – низкий уровень развития промышленности – 29,5%, затем – зависимость от дотаций федерального бюджета – 15,4%; высокий уровень безработицы – 14,8%; масштабы коррупции – 13,8%, зарубежный экстремизм – 12,5%; этноклановость – 11,1%. Затем последовательно – преступная деятельность банд подполья – 8,0%; крайне низкая эффективность региональных властных органов – 5,6%, относительная бедность населения – 3,2% и отставание качества жизни от среднероссийского – 1,0%. В то же время, научное сообщество на первые три места поставило: коррупцию – 25,3%, этноклановость – 16,9% и высокий уровень безработицы – 13,4% [7]. При этом многие факторы региональной конфликтности формируются в контексте модели «воронки причинности», где одни причины порождают другие, вызывают эскалацию конфликтов и многовекторное усиление кризисной ситуации. Углубление экономических противоречий в постперестроечный период реформ на основе «залоговых аукционов» и приватизации вызвали появление феномена этноэкономических конфликтов, которые наряду с этнополитическими и этноконфессиональными проблемами стали глубинными причинами затяжного регионального кризиса. В совокупности все эти проблемы являются основным препятствием ускоренного и относительно равномерного развития всех территорий региона, поскольку инвестирование капитала не направляется туда, где остается высокой концентрация рисков обострения и эскалации этнических конфликтов.

В монографии «Проблемы противодействия экстремизму в информационном пространстве полиэтничного социума» [8], авторы отмечают, что в межгрупповом, в том числе и межэтническом конфликте, структурно встраиваются микроконфликты как проявления персонификации межэтнических, в том числе и этнотерриториальных конфликтов, которые по формам протекания занимают всю совокупность действий: от словесного воздействия – до войны. Например, Р. Фишер, говоря о существовании силового конфликта, когда каждая участвующая сторона стремится максимально усилить свое влияние на другую, обращает

внимание и на такой тип конфликта как экономический, который базируется на соревнующихся мотивах обладания ограниченными ресурсами, включая *территорию*, и является одной из очевидных форм реального конфликта [9]. То есть, все межэтнические и этнотерриториальные конфликты, имманентно сводятся им к борьбе за ограниченные ресурсы.

В основе концепции устойчивого развития заложен принцип равенства трех измерений – экономического, социального и экологического. В этом случае мы имеем дело с технологией управления глобальными, а также региональными рисками, которая может быть более или менее эффективной [10]. Поэтому в «Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года», утвержденной Президентом РФ 28.11.2014 (пр.-2753), предусмотрено проведение мониторинга межрасовых, межнациональных, (межэтнических) и межконфессиональных отношений, социально-политической ситуации в РФ в целях предотвращения возникновения конфликтов либо их обострения, а также выявления причин и условий экстремистских проявлений и минимизации их последствий. Обращено внимание на недопущение использования этнического фактора в избирательном процессе и в партийных программах, важность проведения социологических исследований по вопросам противодействия экстремизму, а также оценка эффективности действия органов государственной власти и органов местного самоуправления по профилактике экстремизма [11].

В.А. Ачкасов отмечает, что национальная идентичность выступает мощным фактором формирования и консолидации групп и укрепления их социальных связей. Следовательно, идентификация с национальной общностью может стать мощным катализатором массового поведения и политического действия. Национальная идентичность является, прежде всего важнейшим фактором легитимации и делегитимации политической власти и ее институтов в переходном обществе. Он приводит мнение В.А. Тишкова, который определяет национальную идентичность как общеразделяемое представление граждан о своей стране, ее народе, как чувство

принадлежности к ним. По его мнению, к сожалению, сегодня трудно найти в мире страну, в которой бы, как в России, отсутствовал консенсус по столь широкому кругу базовых проблем, и в которых граждане столь серьезно расходились бы в понимании геополитической, социально-экономической, культурной специфики и роли своей Родины, в оценке знаковых исторических событий. Кризис национальной идентичности, по его мнению, определяет и неспособность элит четко сформулировать, а отсюда и отстаивать национальные интересы страны [12]. По нашему мнению, научное сообщество должно разработать (или продолжать разрабатывать) адекватные формулировки, понятия, по общепринятым представлениям о национальной идентичности, а значит и по обеспечению национальной безопасности, профилактике терроризма и экстремизма. На наш взгляд, необходимо говорить и о других угрозах и вызовах внутреннего и внешнего характера для национальной безопасности современного Российского государства на юге России, что актуализирует системный и ситуационный политико-конфликтологический анализ всех сфер жизни исследуемых регионов.

Как уже отмечалось в статье «Этнокультурные факторы национальной безопасности современной России в условиях новых геополитических вызовов в Черноморском регионе» [13], социокультурные процессы в приграничных регионах традиционно отражающие русскую культуру, и оказавшиеся в постсоветский период в условиях конфликтогенного пространства геополитического противостояния в ситуации кардинальной трансформации мирового порядка и углубления мирового системного кризиса. Этнополитические вызовы и риски в «русских» регионах юга России рассматривались, прежде всего, в контексте конфликтов миграции. Как известно, отдельные территории ЮФО и СКФО в настоящее время являются ареалами концентрации миграционных потоков не только из российских регионов, но и из стран ближнего и дальнего зарубежья. Результаты конфликтологической экспертизы в Ставропольском, Краснодарском краях и Ростовской области позволили сделать вывод, что из-за низкой

информированности населения о состоянии рынка труда и под воздействием отдельных конфликтов, возникающих на этнической почве как бытовые, карьерно-статусные, на основе трудовой и социальной конкуренции. Исходя из того, что политическая стратегия национальной безопасности понимается как долговременная программа защиты национальных интересов и осуществления проектов социально-культурного и политико-экономического развития Российского общества, ее концептуализация включает в себя совокупность региональных моделей безопасности, определяющих проблематику, связанную с последствиями глобализации и информатизации общества, миграционными и этнополитическими процессами, неоднородностью и неравномерностью социально-экономического развития территорий, поиском путей устранения источников и предпосылок экстремизма, деградации государственности и внешних угроз и рисков дестабилизации полиэтничного общества. Наиболее опасным конфликтогенным фактором является наличие в пограничных регионах с Северным Кавказом крупных очагов межэтнических столкновений, в том числе и вооруженных, сопровождающихся потоками беженцев и мигрантов. Необходимо отметить, что миграция из Закавказья на территории Юга России, как правило, обусловлена этническими причинами и сохраняющимися очагами этноконфессиональной напряженности и этнотерриториальными конфликтами. Миграция охватывает представителей различных этносов и конфессий. Совокупность разнообразных очагов вооруженных и замороженных конфликтов превратило Северный Кавказ, в опасную зону напряженности.

В такой стране, как Россия, обеспечить безопасное и инновационное развитие всех сфер жизни общества возможно только при условии учета региональной специфики. С одной стороны – универсальные принципы эффективного управления межэтническими отношениями, а с другой – дифференцированный подход к управлению каждой территорией на основе теоретических подходов социальной экологии и концепции устойчивого развития. Современная

политическая нестабильность в мировом пространстве – результат демонтажа Советского Союза – важнейшей основы сложившейся после Второй мировой войны сбалансированной системы международной безопасности, одного из полюсов послевоенного мирового порядка в XX веке. Исторический опыт показывает, что невозможно обеспечить политическую устойчивость в многонациональном государстве без эффективной политики в области этноконфессиональных отношений. Хорошо известно, что в Российской империи в процессе ее многострадальной истории не исчез ни один из населявших ее народов, однако «эпоху Российской империи, особенно на поздних этапах, называют эпохой насильственной русификации», а после победы большевистской революции «происходил процесс узаконенной территориализации этничности» под лозунгами борьбы с «великодержавным русским шовинизмом», который якобы угнетал национальные окраины страны [14]. На самом деле в Советском Союзе проводилась политика так называемой «позитивной дискриминации» национальных окраин и национальных меньшинств, во многом в ущерб самому русскому народу. К началу XXI века в официальных документах [15], определяющих современную Стратегию государственной национальной политики актуализировалась тема о позитивной роли русской культуры и русского языка как объединяющих многочисленные народы России и подчеркивалась государствообразующая роль русского народа, с одновременной поддержкой и других языков, и культур коренных народов России. Таким образом, диалектика общероссийской гражданской и этнической идентичности должна в отдельных аспектах отражать сущностное содержание идеологии патриотизма полиэтничного государства и идеологически профилактировать межнациональные конфликты, противодействовать экстремистским националистическим настроениям, а на этой основе обеспечивать и укреплять национальную и региональную безопасность.

Библиографические ссылки

1. Путин В.В. Послание Президента РФ Федеральному собранию 2016 г // Послание Президента Федеральному Собранию / Президент России URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53379>
2. Манойло А.В. Операции и технологии информационной войны // Стратегия устойчивого развития в контексте политических процессов XXI столетия. Коллективная монография под ред. А.Н. Костина. М.: Издательство Московского университета, 2018. С. 259–261.
3. Указ Президента РФ № 204, от 7 мая 2018 г. «О национальных ценностях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 (2018) Retrieved from: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71837200/#ixzz5VemovGxp>
4. Юрченко В.М. Проблемы обеспечения национальной безопасности России в условиях существования угроз ее суверенитету // Государственная политика развития на современном этапе: содержание, направление и перспективы: Материалы международной научной конференции (Москва, 27 октября 2016 года) / Под общей ред. В.И. Якунина. М.: Издательство Московского университета, 2017. 248 с. (Библиотека факультета политологии МГУ). С. 144–145.
5. «Линии этнотерриториального противодействия на Кавказе и межнациональные конфликты» (№ 02-12-02) в рамках программы Президиума РАН «Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного макрорегиона в условиях роста напряженности»; «Технологии противодействия идеологии экстремизма в политико-информационном пространстве (на материалах Юга России)», выполненного в 2012–2013 гг. в рамках Программы Министерства образования и науки РФ «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России (2009–2013 гг.)» № 8561 и др.
6. Асриев Р.В. Этнотерриториальные конфликты в современном мире: Международный аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Политология. 2010. № 1. С. 105–110.
7. Юг России в зеркале конфликтологической экспертизы / В.А. Авксентьев, Б.В. Аксюмов и др. Монография под ред. Г.Г. Матишова. Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2011. С. 13–16.
8. Проблемы противодействия экстремизму в информационном пространстве полиэтничного социума (на материалах Юга России) / И.В. Юрченко, Д.Г. Котеленко, Н.Н. Юрченко, М.В. Донцова. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. С. 128–129.
9. Fisher R.J. The Social Psychology of Intergroup and International Conflict Resolution. N.Y.: SpringerVelar, 1990. P. 33, 34. Цит. по: Проблемы противодействия экстремизму в информационном пространстве полиэтничного социума (на материалах Юга России) / И.В.

Юрченко, Д.Г. Котеленко, Н.Н. Юрченко, М.В. Донцова. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2015. С. 128–129.

10. Черешнев В.А., Расторгуев В.Н. Дилемма Н.Н. Моисеева: концепция устойчивого развития: утопия или стратегия? // Стратегия устойчивого развития в контексте политических процессов XXI столетия. Коллективная монография // под ред. А.И. Костина. М.: изд-во Московского университета, 2018. С. 53.

11. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года // "Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года" (утв. Президентом РФ 28.11.2014 N Пр-2753) / КонсультантПлюс URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_194160/

12. Ачкасов В.А. Кризис национальной идентичности и проблемы безопасности России // Безопасность человека в контексте международной политики: вопросы теории и практики. Материалы научного семинара / под ред. П.А. Цыганкова. М.: Изд-во Московского университета, 2011. С. 158, 160, 167.

13. Yurchenko I. Ethnocultural factors of national security in modern Russia in terms of new geopolitical challenges in the Black Sea region // Network edition "Science almanac of Black Sea region countries". 2016. No. 3. Pp. 42–47. Available at: <http://science-almanac.ru/documents/94/2016-03-01-Yurchenko.pdf>. ISSN 2414-1143. (In English)

14. Бышок С.О. Национальная политика и политическая устойчивость России // Проблема устойчивости политических систем современного мира: Материалы Международной научной конференции. М.: Издательство Московского университета, 2018. С. 117–118.

15. Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 г. «О стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года // Указ Президента РФ от 19.12.2012 N 1666 "О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года" / КонсультантПлюс URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139350/; Указ Президента Российской Федерации от 31.12. 2015 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Указ Президента РФ от 31.12.2015 N 683 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации" / КонсультантПлюс URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/

СВЕДЕНИЯ ОБ УЧАСТНИКАХ КОНФЕРЕНЦИИ

Аполлонов Иван Александрович	Кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии Кубанского государственного технологического университета
Асланов Шахмурад Султанович	Кандидат социологических наук, доцент кафедры административного, частного и финансового права Краснодарского кооперативного института
Багова Зарема Вячеславовна	Магистр социологии, преподаватель историко-культурологических дисциплин Краснодарского педагогического колледжа
Баранов Андрей Владимирович	Доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета
Белопольская Татьяна Николаевна	Кандидат социологических наук, доцент кафедры информационных образовательных технологий Кубанского государственного университета
Бериван Доган Чагла	Аспирант кафедры социологии Кубанского государственного университета
Богунова Екатерина Сергеевна	Аспирант кафедры социологии Кубанского государственного университета

Верстов Вадим Викторович	Кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики и правовой информатики Кубанского государственного университета
Верстова Марина Викторовна	Кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной работы, психологии и педагогики высшего образования Кубанского государственного университета
Гадицкая Марина Александровна	Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Сочинского института (филиал) Российского университета дружбы народов
Гаевская Инна Ивановна	Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Кубанского государственного технологического университета
Гордиенко Ольга Антоновна	Кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка Института фундаментальных наук Кубанского государственного технологического университета
Джопуа Тимур Валикоевич	Студент-магистрант (3 курс) Кубанского государственного технологического университета
Донцова Мария Владимировна	Кандидат социологических, доцент кафедры социологии Кубанского государственного университета, старший научный сотрудник ФИЦ ЮНЦ РАН

Жаде Зуриет Анзауровна	Доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой теории государства и права и политологии Адыгейского государственного университета
Камара Ишака	Кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии и социальной антропологии, главный секретарь факультета гуманитарных наук и наук об образовании Университета литературы и гуманитарных наук, Бамако (Республика Мали)
Каратаева Кристина Анатольевна	Студент-магистрант (1 курс) факультета истории, социологии и международных отношений, кафедры социологии Кубанского государственного университета
Кольба Алексей Иванович	Доктор политических наук, профессор кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета
Куква Елена Сергеевна	Кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета
Кумпан Екатерина Николаевна	Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета
Лаврентьева Марина Андреевна	Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Кубанского государственного технологического университета

Ланская Дарья Владимировна	Кандидат экономических наук, доцент Кубанского технологического университета
Любин Сергей Юрьевич	Начальник ОВИГО УИ и ОС Главного управления МВД России по Краснодарскому краю
Ляу Маржанат Мухамедовна	Кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник отдела социологических исследований Института гуманитарных исследований при Правительстве Карачаево- Черкесской Республики
Муха Виктория Николаевна	Кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, правоведения и работы с персоналом, заведующая Центром социологических исследований Кубанского государственного технологического университета
Петров Владимир Николаевич	Доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Кубанского государственного университета
Ракачев Вадим Николаевич	Кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии Кубанского государственного университета
Ракачев Дмитрий Николаевич	Кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и дипломатии Кубанского государственного университета

Ракачева Александра Вадимовна	Студентка Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета
Ракачева Ярослава Владимировна	Кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии Кубанского государственного университета
Рогочая Галина Петровна	Кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета
Савва Елена Владимировна	Кандидат философских наук доцент кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета
Скорик Александр Павлович	Доктор исторических наук, доктор философских наук, профессор. Заведующий кафедрой теории государства и права и отечественной истории Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М.И. Платова
Супряга Светлана Васильевна	Кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики дошкольного и начального образования Курского государственного университета
Тамбиянц Юлиан Григорьевич	Доктор философских наук, профессор кафедры социологии и культурологии Кубанского государственного аграрного университета

Тлевцерукова Дарина Кадыровна	Студент-магистрант (2 курс) факультета истории, социологии и международных отношений, кафедры социологии Кубанского государственного университета
Тужба Эмир Нодариевич	Доктор социологических наук, доцент Кубанского государственного технологического университета
Тучина Оксана Роальдовна	Доктор психологических наук, доцент. Заведующая кафедрой истории и философии Кубанского государственного технологического университета
Хагуров Темыр Айтеевич	Доктор социологических наук, проректор по учебной работе, качеству образования – первый проректор Кубанский государственного университета
Хагурова Наталья Евгеньевна	Кандидат социологических наук, ведущий инженер по воспитательной работе Кубанского государственного технологического университета
Харитоновна Евгения Владимировна	Доктор психологических наук, профессор кафедры социальной работы, психологии и педагогики высшего образования Кубанского государственного университета
Харитонов Андрей Андреевич	Студент факультета управления и психологии Кубанского государственного университета

Шадже Асиет Юсуфовна	Доктор философских наук, профессор Адыгейского государственного университета
Шапошникова Татьяна Леонидовна	Доктор педагогических наук, профессор Директор Института фундаментальных наук Кубанского государственного технологического университета
Щербина Елена Анатольевна	Кандидат политических наук, доцент. Ведущий научный сотрудник отдела социологических исследований Института гуманитарных исследований при Правительстве Карачаево- Черкесской Республики
Юрченко Виктор Михайлович	Доктор философских наук, профессор. Заведующий кафедрой политологии и политического управления Кубанского государственного университета
Юрченко Инна Вадимовна	Доктор политических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Кубанского государственного университета, главный научный сотрудник ФИЦ ЮНЦ РАН
Яковленко Анастасия Егоровна	Студент-магистрант (2 курс) Кубанского государственного университета